Ген. А. МОСОЛОВЪ
б. Начальникъ Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора

ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФИЛИНЪ" РИГА

„Портретъ императора Николая II“ В. А. Сѣровъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Мемуары, составившіе настоящую книгу, были напечатаны въ рядѣ фельетоновъ подъ заглавіемъ «Мои воспоминанія» и «Николай II и его Семья», сперва въ газетѣ «Послѣднія Новости» въ 1934 году, а въ послѣдствіи такъ же и въ другихъ період. изданіяхъ (газетахъ), въ томъ числѣ и въ Рижскомъ иллюстрированномъ журналѣ «Для Васъ». Англійскій переводъ «Моихъ воспоминаній», снабженный многочисленными портретами, изданъ у Метуена въ Лондонѣ.

Государь Николай II, Его семья и Его окруженіе являлись чуть ли не единственнымъ объектомъ обвиненія для многихъ круговъ, представлявшихъ русское общественное мнѣніе дореволюціонной эпохи. Послѣ катастрофическаго развала нашего отечества, обвиненія сосредоточились почти исключительно на Государѣ.

Первое время послѣ революціи это было понятно: — должны же были ея не только прямые, но и косвенные участники чѣмъ-либо оправдать себя. Большинство тогда и слушать бы не стало какой-либо безпристрастный разборъ причинъ и опредѣленіе степени виновности лицъ, причастныхъ къ царскому управленію страной.

Прошло много лѣтъ большевицкаго хозяйничанья въ Россіи, за это время народъ изстрадался отъ невиданнаго доселѣ террора, голода и разныхъ коммунистическихъ опытовъ.

Наступила пора, когда начало вырабатываться новое общественное мнѣніе. Въ этотъ періодъ мои друзья стали настаивать, чтобы я написалъ мои воспоминанія, увѣряя меня, что 15-ти лѣтняя давность достаточна, дабы дать свидѣтелю происшествій право о нихъ высказывать свое сужденіе.

Хотя я нахожу этотъ срокъ слишкомъ короткимъ, но, принимая во вниманіе мой возрастъ, я рѣшился издать мои воспоминанія, считая малодушіемъ оставить ихъ для опубликованія послѣ моей кончины.

Хотя господствующія воззрѣнія на дореволюціонныя событія подверглись за послѣдніе годы глубокимъ измѣненіямъ, все же и въ зарубежьи, еще въ нѣкоторыхъ кругахъ, по привычкѣ твердятъ о «кровавомъ царизмѣ», безсмысленно повторяя старые лозунги.

Печатая мои мемуары, я пытался по мѣрѣ силъ способствовать разсѣянію накопившейся лжи и фальши; единственнымъ средствомъ противъ лжи является правда. Я и старался не скрывать ничего, писать голую правду, не стѣсняясь упоминать и о человѣческихъ слабостяхъ самыхъ лучшихъ и почтенныхъ людей.

Думаю, что мнѣ удалось быть широко объективнымъ, и, хотя нѣкоторые мои друзья и бранили меня за слишкомъ смѣлое обнаженіе характеровъ упоминаемыхъ мною лицъ, я продолжаю думать, что раскрытіе всей правды является лучшимъ опроверженіемъ обвиненій, бросаемыхъ противъ тѣхъ, кого я описываю.

Не находя въ то время русскаго издателя для выпуска книги, я обратился къ П. Н. Милюкову, прося дать мѣсто моимъ мемуарамъ въ его столь широко распространенной газетѣ.

П. Н. заинтересовался историческимъ матеріаломъ, содержавшимся въ моихъ воспоминаніяхъ и, несмотря на то, что ихъ общій духъ оказался далеко не всюду подходящимъ политическому направленію «Послѣднихъ Новостей», — все же ихъ полностью напечаталъ.

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ возникъ текстъ этихъ мемуаровъ, и въ чемъ именно заключалось въ нихъ сотрудничество со мной А. А. Пиленко.

По совѣту моего еще довоеннаго друга А. А. Пиленко, я хотѣлъ для начала издать книгу по французски. Пиленко, одинъ изъ редакторовъ «Ентрансижанъ», опытный публицистъ, взялся привести въ порядокъ мой матеріалъ, состоявшій изъ описаній отдѣльныхъ эпизодовъ, переработавъ и переведя его на французскій языкъ.

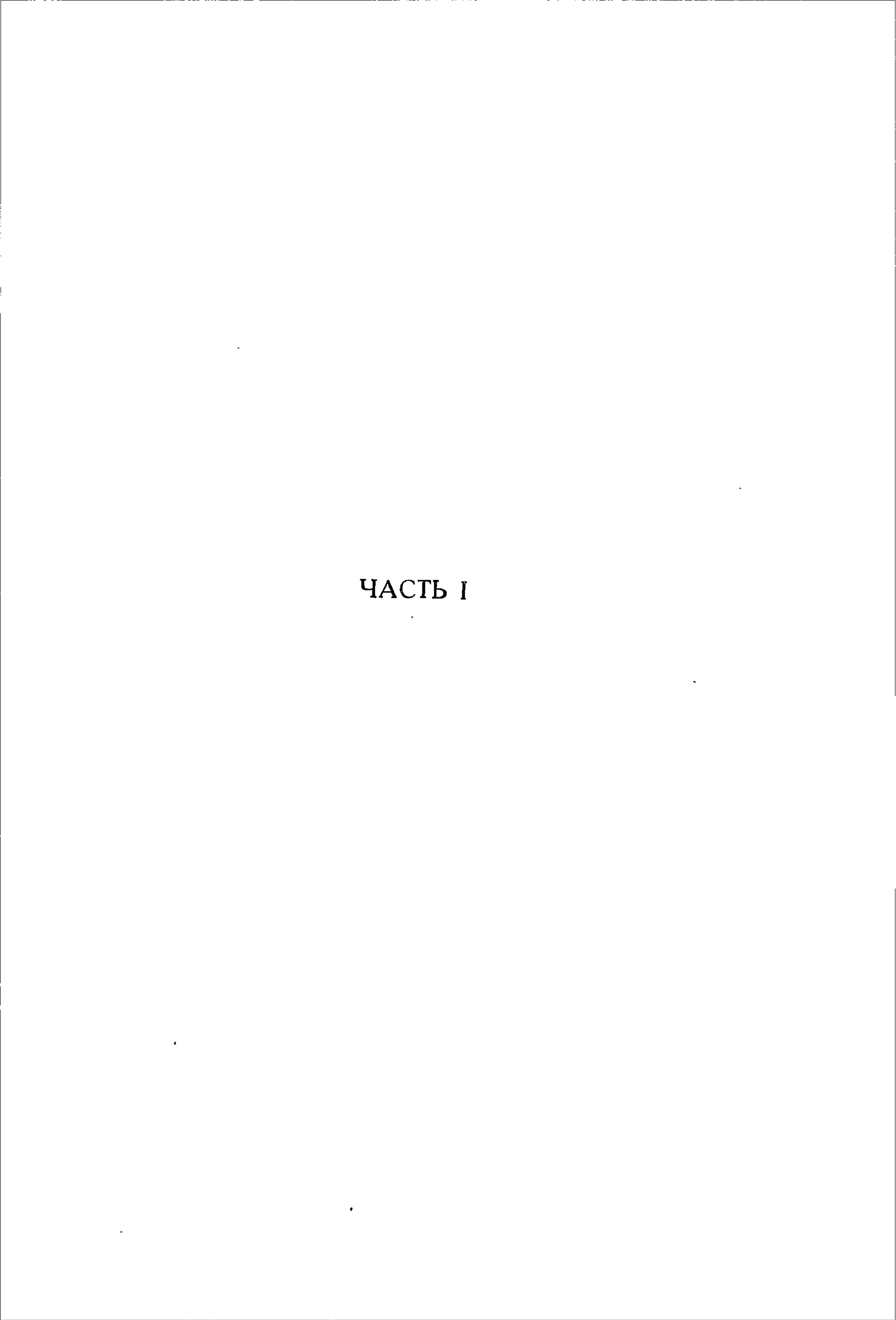
Наше сотрудничество съ профессоромъ Пиленко затруднялось тѣмъ, что онъ находился въ Парижѣ, а я въ Софіи. Поэтому для окончательнаго рѣшенія выработаннаго въ Парижѣ порядка распредѣленія моихъ матеріаловъ и составленія къ нимъ нѣкоторыхъ комментарій, пришлось обмѣняться болѣе чѣмъ сотней писемъ. Несмотря на нашу, до конца дружную, работу, все же, въ текстѣ внимательный читатель замѣтитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разность личныхъ взглядовъ и политическихъ воззрѣній автора и редактора. Это, если и уменьшило силу общаго впечатлѣнія, то зато на много увеличило безпристрастность отношеній къ описываемымъ фактамъ и характерамъ.

Въ настоящее время, при печатаніи моихъ воспоминаній въ журналѣ «Для Васъ», а затѣмъ въ формѣ книги, я не считалъ возможнымъ измѣнять текстъ, который былъ выработанъ мной съ моимъ сотрудникомъ.

Настоящее изданіе, печатаясь въ Ригѣ, такъ же далеко отъ меня, какъ былъ Парижъ, не позволило мнѣ по техническимъ условіямъ сдѣлать какія либо измѣненія въ текстѣ печатавшихся фельетоновъ, а кромѣ того, разстояніе затруднило бы корректуру.

Прося снисхожденія читателя къ этимъ мелкимъ недочетамъ, прошу видѣть въ этой книгѣ лишь стремленіе къ правдѣ, всегда всплывающей на поверхность и вызывающей въ концѣ концовъ справедливую оцѣнку фактовъ и людей, чего никогда не достигнутъ ни лесть, ни клевета, ни всякія между ними компромиссы.

АВТОРЪ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I.

Императоръ Николай II и Его семья

А. Государь Императоръ

I. ОТЕЦЪ И МАТЬ.

Нѣсколько словъ насчетъ родителей Николая II.

Александръ III, сынъ Александра II и императрицы Маріи Александровны, принцессы Гессенъ - Дармштадтской, получилъ воспитаніе домашнее, какъ это тогда водилось. Отъ отца и дѣда онъ пріялъ чувство громаднаго могущества русскихъ императоровъ, которое вызывало, какъ логическое послѣдствіе, необходимость всячески поддерживать престижъ царской власти. Въ этомъ отношеніи, традиція, восходившая къ цѣлому ряду весьма властныхъ государей, оставалась неприкосновенною и грандіозною. Будущему императору не переставали повторять, что русскіе цари поставлены самимъ Богомъ, что русскіе цари, какъ защитники и носители національнаго духа страны, должны являться для народа послѣднимъ оплотомъ отеческой доброты и безконечной справедливости.

Отъ матери Александръ III получилъ завѣты семейнаго, строгаго уклада жизни. Само собою разумѣется, что ему были внушены всѣ тонкости свѣтскаго воспитанія; онъ зналъ, что царь долженъ быть неизбывнымъ рабомъ этикета и церемоніальной части.

Личныя симпатіи Александра III сближали его не съ отцомъ, Александромъ II, а съ дѣдомъ, Николаемъ I. Съ раннихъ лѣтъ Александръ III считалъ, что быстрая эволюція политическихъ учрежденій можетъ быть опасною для страны. Онъ полагалъ, что поспѣшное проведеніе политическихъ реформъ можетъ вызвать взрывъ того безсознательно - анархическаго духа, который искони свойственъ былъ русскому народу и всѣмъ славянскимъ племенамъ вообще. Онъ боялся, что проведеніе политическихъ реформъ вызоветъ кровавые безпорядки.

Мы всѣ знаемъ, съ какимъ чувствомъ князь Трубецкой изобразилъ всѣ эти особенности душевнаго склада Александра III въ томъ монументѣ, который и по сіе время украшаетъ Знаменскую площадь. Желѣзной рукою массивный и колоссальный Александръ III затягиваетъ поводья своей лошади, не менѣе тяжелой и внушительной, чѣмъ самъ царь. Сколько разъ я проходилъ мимо этого замѣчательнаго произведенія искусства, повторяя каждый разъ:

— Надо отпустить поводья: если слишкомъ затягивать удила, лошадь сначала безсмысленно потопчется на мѣстѣ, а потомъ потеряетъ голову, встанетъ на дыбы и опрокинется.

Второю особенностью Александра III было его несомнѣнное пристрастіе ко всему тому, что является типично - русскимъ. Императоръ Вильгельмъ I германскій и нѣкоторые мелкіе нѣмецкіе князья пользовались при дворѣ Александра II слишкомъ большимъ и совершенно незаслуженнымъ вліяніемъ. Реакція въ душѣ Александра III оказалась чрезвычайно энергичною: онъ буквально ненавидѣлъ все нѣмецкое. Онъ стремился быть русскимъ и проводить это во всемъ, что касалось его личной жизни; отчасти вслѣдствіе этого, манеры его казались менѣе аристократичны, чѣмъ манеры его братьевъ. Онъ, можетъ быть, этого самъ не сознавалъ, но во всемъ томъ, что дѣлалъ, ясно виднѣлась мысль: чтобы быть русскимъ, не надо быть черезчуръ лощенымъ. Онъ, конечно, склонялся предъ придворнымъ этикетомъ, но не надолго; достаточно было ему оказаться въ тѣсномъ кругу семьи или любимыхъ приближенныхъ, чтобы всѣ искусственныя формулы церемоніальной части летѣли на вѣтеръ; и неоднократно онъ говорилъ, что подобнаго рода пустяками могутъ заниматься только умирающія нѣмецкія династіи, коимъ нечѣмъ болѣе оправдать свое существованіе.

Мать Николая Александровича, принцесса Датская, воспитана была при одномъ изъ самыхъ патріархальныхъ дворовъ Европы; отъ нея Николай II унаслѣдовалъ безконечное уваженіе къ принципу семьи; она же дала ему тотъ личный «шармъ», котораго у нея самой было такъ много. Всѣ дѣти принцессы Дагмары Датской были менѣе высоки ростомъ, чѣмъ предшествующія поколѣнія Романовыхъ. Поколѣніе Николая II не имѣло той величественной осанки, которою славилось поколѣніе Александра II. Можетъ быть поэтому графъ Фредериксъ, министръ двора, всегда настаивалъ, чтобы Николай II показывался толпѣ преимущественно на лошади. Несмотря на свой небольшой ростъ, Николай Александровичъ былъ замѣчательнымъ кавалеристомъ, и верхомъ производилъ, дѣйствительно, болѣе величественное впечатлѣніе, нежели пѣшкомъ. Однажды Николай II, смѣясь, сказалъ при мнѣ:

— Графъ Фредериксъ самъ любитъ гарцовать на лошади; навѣрное, онъ руководится эгоистическими соображеніями, когда зачастую меня уговариваетъ показываться верхомъ даже тамъ, гдѣ можно бы ѣхать въ коляскѣ.

2. ВОСПИТАНІЕ.

Два лица, близкихъ мнѣ, хотя много меня старшихъ, разсказывали мнѣ подробно о воспитаніи дѣтей Александра III. Я имѣю въ виду покойнаго генералъ - адъютанта Васильковскаго и мистера Хиса, впослѣдствіи учителя англійскаго языка наслѣдника - цесаревича. По словамъ этихъ лицъ, дѣти Александра III росли почти безъ надзора. Манеры ихъ не отличались тѣмъ изяществомъ, которое обращаетъ на себя вниманіе

у дѣтей, за которыми постоянно слѣдятъ. Даже въ присутствіи своихъ родителей дѣти перебрасывались за столомъ шариками хлѣба, если знали, что имъ удастся остаться непойманными. Въ физическомъ отношеніи дѣти были крѣпкаго, здороваго сложенія; одинъ только Георгій Александровичъ, второй сынъ, страдалъ туберкулезомъ и умеръ въ раннемъ возрастѣ.

Дѣтей учили, особенно усиленно, иностраннымъ языкамъ; учителя старались, главнымъ образомъ, добиться правильнаго и чистаго произношенія. Надо сказать, что всѣ дѣти обладали очень хорошей памятью, въ особенности на лица и имена. Отчасти вслѣдствіе этого, Николай II пріобрѣлъ очень большія историческія познанія.

Когда я ближе узналъ государя, его нельзя было не считать очень культурнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Что же касается его братьевъ и сестеръ, то на ихъ образованіе обращали мало вниманія.

Воспитателемъ будущаго императора былъ генералъ - адъютантъ Даниловичъ. Мой пріятель Васильковскій никогда иначе не обозначалъ его, какъ словомъ «іезуитъ». Говорятъ, что Даниловичъ, когда еще былъ директоромъ корпуса, имѣлъ то же самое почтенное прозвище. Даниловичу императоръ Николай II обязанъ всѣмъ своимъ моральнымъ обликомъ; та необычайная сдержанность, которая была основнымъ отличительнымъ признакомъ характера Николая II, несомнѣнно, имѣетъ своимъ источникомъ вліяніе Даниловича. Надо сказать, что Александръ III былъ суровъ даже по отношенію къ своимъ дѣтямъ: рѣшительно ни въ чемъ не сносилъ ни малѣйшаго противорѣчія. Вслѣдствіе этого, не только дѣти, но и сама императрица часто оказывались въ такомъ положеніи, что надо было отъ отца скрывать то, что произошло, или то, что было содѣяно. Благодаря этому, въ семьѣ Александра III образовался духъ скрытности. Все это оставалось живымъ и послѣ смерти отца. Сколько разъ мнѣ приходилось слышать, какъ Николай II отзывался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ про тѣхъ лицъ, которыя не сумѣли сдержать даннаго ими обѣщанія и разболтали какой - нибудь ввѣренный имъ секретъ.

Николай II былъ по природѣ своей весьма застѣнчивъ, не любилъ спорить, отчасти вслѣдствіе болѣзненно развитаго самолюбія, отчасти изъ опасенія, что ему могутъ доказать неправоту его взглядовъ или убѣдить другихъ въ этомъ, а онъ, сознавая свое неумѣніе защитить свой взглядъ, считалъ это для себя обиднымъ. Этотъ недостатокъ натуры Николая II и вызывалъ дѣйствія, считавшіяся многими фальшью, а въ дѣйствительности бывшими лишь проявленіями недостатка гражданскаго мужества. Даниловичъ, вмѣсто того, чтобы учить своего воспитанника бороться, научилъ его этотъ недостатокъ обходить. Онъ же, при наличіи и безъ того скрытной натуры большинства членовъ семьи, пріучилъ будущаго государя къ той сдержанности, которая зачастую производила впечатлѣніе безчувственности. Положительнымъ достиженіемъ этого воспитанія была удивительная ровность характера, привлекавшая сердца окружающихъ.

Царь не сердился даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлъ бы право и, быть можетъ, былъ обязанъ выказать свое недовольство. Если онъ замѣчалъ, что кто нибудь провинился, онъ освѣдомлялъ объ этомъ непосредственнаго начальника виновнаго лица; формулировалъ при этомъ свои замѣчанія къ высокой степени мягко, никогда не теряя самообладанія и не проявляя рѣзкости.

Школа «іезуита» Даниловича дала свои плоды, несомнѣнно, помогавшіе государю въ обращеніи, но затруднявшіе ему задачу управленія.

Царь былъ не только вѣжливъ, но даже предупредителенъ и ласковъ со всѣми тѣми, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Онъ никогда не обращалъ вниманія на возрастъ, должность или соціальное положеніе того лица, съ которымъ говорилъ. Какъ для министра, такъ и для послѣдняго камердинера у царя было всегда ровное и вѣжливое обращеніе.

Онъ увольнялъ лицъ, даже долго при немъ служившихъ, съ необычайною легкостью. Достаточно было, чтобы начали разсказывать про когонибудь сплетни, чтобы начали клеветать, даже не приводя никакихъ фактическихъ данныхъ, чтобы онъ согласился на отчисленіе такого лица. Царь никогда не старался самъ установить, кто правъ, кто виноватъ, гдѣ истина, а гдѣ — навѣтъ. По его мнѣнію, такими вопросами должны были заниматься подлежащіе начальники или, въ крайнемъ случаѣ, установленныя судебныя учрежденія. Менѣе всего склоненъ былъ царь защищать кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ или устанавливать вслѣдствіе какихъ мотивовъ клевета была доведена до его, царя, свѣдѣнія. Какъ всѣ слабыя натуры, онъ былъ недовѣрчивъ.

Былъ ли онъ добръ по натурѣ?

Трудно познать чужую душу, въ особенности, если эта чужая душа — душа всероссійскаго императора. Посѣщая военные госпитали, царь интересовался участью раненыхъ съ такою искренностью, которая не могла быть дѣланною. На кладбищахъ, у братскихъ могилъ, онъ молился истово, такъ, какъ можетъ молиться только искренне вѣрующій человѣкъ.

Сердце царя было полно любви, такъ сказать, коллективной любви, объектомъ коей была вся его обширная родина — и никто въ частности. Такая коллективная любовь, конечно, много чѣмъ отличается отъ любви обыкновенной, какъ ее понимаютъ простые смертные.

Царь любилъ искренно и горячо жену и дѣтей. Объ этомъ я буду говорить ниже.

Любилъ ли онъ своихъ болѣе отдаленныхъ родственниковъ? Сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Чрезъ руки Фредерикса проходили всѣ ходатайства и просьбы, съ которыми обращались къ царю, какъ къ главѣ семьи, всѣ члены императорской фамиліи. Царь отказывалъ рѣдко. Но Фредериксъ всегда отмѣчалъ, что царь раздавалъ почести, деньги и недвижимыя имущества, не проявляя при этомъ ни малѣйшаго личнаго удовлетворенія. Это, такъ сказать, входило въ его ремесло. Казалось, подчасъ это было скучно, надоѣдливо для государя, подчасъ несовмѣстимо съ истинными ин-

тересами государства, но предъ этимъ приходилось преклоняться, такъ какъ нельзя было обидѣть дядю или племянниковъ. Къ тому же, — это тоже чувствовалось въ разговорахъ царя — облагодѣтельствованные поконфузятся, чрезъ недѣлю вернутся съ новой, и, можетъ быть, еще болѣе непріятной, просьбой.

Николай II относился хорошо къ своимъ сестрамъ и брату Михаилу Александровичу. Онъ чувствовалъ искреннюю нѣжность къ великому князю Димитрію Павловичу, который выросъ на его глазахъ и который ему былъ весьма симпатиченъ.

По отношенію къ остальнымъ членамъ императорской фамиліи Николай II проявлялъ ровно столько любви, сколько нужно было для того, чтобы оставаться въ предѣлахъ корректности, чтобы не вызывать какихъ либо ненужныхъ осложненій.

3. МОНАРХЪ, ПРЕИСПОЛНЕННЫЙ ЧУВСТВА ДОЛГА.

Царь вдумчиво относился къ своему сану помазанника Божія. Надо было видѣть, съ какимъ вниманіемъ онъ разсматривалъ просьбы о помилованіи осужденныхъ на смертную казнь. Право милости не приближало ли его всего болѣе къ Всемилостивому.

Какъ только помилованіе было подписано, царь не забывалъ никогда, передавая разолюцію, требовать немедленной отправки депеши, чтобы она не запоздала. Помню случай, когда въ одну изъ поѣздокъ телеграмма съ просьбою о помилованіи была получена поздно вечеромъ. Фредериксъ уже спалъ, государь же еще занимался въ своемъ купе. Я приказалъ камердинеру доложить обо мнѣ. Царь принялъ меня, видимо, удивленный моимъ вторженіемъ въ такой часъ.

— Я позволилъ себѣ утрудить ваше величество въ виду полученія телеграммы о помилованіи; графъ же, послѣ утомительнаго дня, спитъ.

— Конечно, вы, правильно поступили. Вѣдь дѣло идетъ о жизни человѣка. Но какъ же теперь быть? Можете ли вы подписать за Фредерикса? (По закону, отвѣтная телеграмма должна была носить подпись министра двора).

— Конечно, ваше величество. Я передамъ телеграмму за моею подписью, а графъ ее замѣнитъ своею завтра.

— Хорошо. Такъ и сдѣлайте.

На другой день государь вернулся къ разговору.

— Убѣждены ли вы, что телеграмма была немедленно отправлена?

— Да, немедленно, въ такомъ-то часу.

— Вѣдь эти телеграммы, съ моими повелѣніями, идутъ внѣ очереди, какъ мои личныя?

— Точно такъ, ваше величество.

Царь, видимо, почувствовалъ облегченіе, такъ какъ исполненіе приговора было назначено на утро.

4. НЕИСКРЕНІЙ ИЛИ ЗАСТѢНЧИВЫЙ.

Говорятъ, будто царь былъ фальшивъ. Называютъ случаи внезапныхъ, невзначай вызванныхъ, отставокъ министровъ, до того мнившихъ себя въ полной милости.

Отставки эти, дѣйствительно, происходили въ особыхъ условіяхъ; однако-жъ, объясненіе дѣйствій и мотивовъ царя не слѣдуетъ искать въ недостаткѣ прямоты.

Для царя министръ былъ чиновникомъ, подобно всякому другому. Царь любилъ ихъ, поскольку они были ему нужны, столько же, какъ всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ, и такъ же къ нимъ относился. Если же съ кѣмъ либо изъ нихъ приключалось несчастіе, то жалѣлъ ихъ искренне, какъ всякій чувствительный человѣкъ жалѣетъ страдающаго. Одинъ графъ Фредериксъ пользовался въ этомъ отношеніи привилегированнымъ положеніемъ.

Бывалъ ли министръ въ несогласіи съ царемъ, общественность или враги начинали ли его клеймить, — или же переставалъ онъ внушать довѣріе по какому либо поводу, — царь выслушивалъ его, какъ обычно, благосклонно, благодарилъ за сотрудничество, тѣмъ не менѣе, нѣсколько часовъ спустя, министръ получалъ собственноручное письмо его величества, увѣдомлявшее его объ увольненіи отъ должности.

Тутъ чувствовалась тренировка въ молодости генераломъ Даниловичемъ. Министры не принимали во вниманіе отсутствіе боеспособности, лежавшее въ основѣ характера царя.

Отношенія царя съ министрами завязывались и оканчивались слѣдующимъ образомъ: царь проявлялъ сначала къ вновь назначенному министру чувства полнаго довѣрія, радовался сходству во взглядахъ. Это былъ медовый мѣсяцъ, порою долгій. Затѣмъ, на горизонтѣ появлялись облака. Они возникали тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе министръ настаивалъ на принципахъ, былъ человѣкомъ съ опредѣленною программою. Государственные люди, подобно Витте, Столыпину, Самарину, Трепову, почитали, что ихъ программа, одобренная царемъ, представляла достаточно крѣпкую основу, чтобы предоставлять имъ свободу въ проведеніи деталей намѣченнаго плана. Однако-жъ, государь смотрѣлъ на дѣло иначе. Зачастую онъ желалъ проводить въ дѣйствіе подробности, даже не касавшіяся самого дѣла, а извѣстной его частности или даже личнаго назначенія.

Встрѣчаясь съ подобнымъ отношеніемъ, министры реагировали согласно своему индивидуальному темпераменту. Одни, какъ Ламсдорфъ, Кривошеинъ, Сухомлиновъ — мирились и соглашались. Другіе, менѣе податливые, либо стремились дѣйствовать по-своему, ведя дѣло помимо царя, либо же пускались переубѣждать его. Первый изъ этихъ способовъ вызывалъ живѣйшее недовольство государя, но и второй таилъ въ себѣ немалыя опасности для министра.

Царь схватывалъ налету главную суть доклада; понималъ, иногда съ полуслова, нарочито недосказанное; оцѣнивалъ всѣ оттѣнки изложе-

нія. Но наружный его обликъ оставался таковымъ, будто онъ все сказанное принималъ за чистую монету. Онъ никогда не оспаривалъ утвержденій своего собесѣдника; никогда не занималъ опредѣленной позиціи, достаточно рѣшительной, чтобы сломить сопротивленіе министра, подчинить его своимъ желаніямъ и сохранить на посту, гдѣ онъ освоился и успѣлъ себя проявить. Не реагируя на доводы докладчика, онъ не могъ и вызвать со стороны министра той энергіи, которая дала бы тому возможность переубѣдить монарха

Царь былъ внимателенъ, выслушивалъ, не прерывая, возражалъ мягко, не подымая голоса. Министръ, увлеченный правильностью своихъ доводовъ и не получивъ отъ царя твердаго отпора, предполагалъ, что его величество не настаиваетъ на своихъ мысляхъ. Царь же убѣждался, что министръ будетъ проводить въ жизнь свои начинанія, несмотря на его, императора, несогласіе. Министръ уѣзжалъ, очарованный, что могъ убѣдить государя въ своей точкѣ зрѣнія Въ этомъ и таилась ошибка... Гдѣ министръ видѣлъ слабость, скрывалась сдержанность. По недостатку гражданскаго мужества, царю претило принимать окончательныя рѣшенія въ присутствіи заинтересованнаго лица. Но участь министра была уже рѣшена, только письменное ея исполненіе откладывалось.

Повторяю: спорить было противно самой природѣ царя. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что онъ воспринялъ отъ отца, котораго почиталъ и которому старался подражать даже въ житейскихъ мелочахъ, незыблемую вѣру въ судьбоносность своей власти. Его призваніе исходило отъ Бога. Онъ отвѣтствовалъ за свои дѣйствія только предъ совѣстью и Всевышнимъ. Императрица поддерживала въ немъ всѣми силами эти взгляды.

Царь отвѣчалъ предъ совѣстью и руководился интуиціею, инстинктомъ, тѣмъ непонятнымъ, которое нынѣ зовутъ подсознаніемъ (и о которомъ не имѣли понятія въ XVI вѣкѣ, когда московскіе цари ковали свое самодержавіе). Онъ склонялся лишь предъ стихійнымъ, ирраціональнымъ, а иногда и противнымъ разуму, предъ невѣсомымъ, предъ своимъ, все возрастающимъ мистицизмомъ.

Министры же основывались на однихъ доводахъ разсудка. Ихъ заключенія взывали къ разуму. Они говорили о цифрахъ, прецедентахъ, смѣтахъ, исчисленіяхъ, докладахъ съ мѣстъ, примѣрахъ другихъ странъ и т. д. Царь и не желалъ, и не могъ оспаривать такихъ основаній. Онъ предпочиталъ увольнять въ отставку лицъ, переставшихъ преслѣдовать одну съ нимъ цѣль.

Впрочемъ, царь, какъ многіе другіе русскіе, считалъ, что судьбы не обойдешь.

5. ЦАРЬ НИКОГДА НЕ ИМѢЛЪ СЕКРЕТАРЯ.

Помазанникъ Божій, царь держался сознательно и систематически высотъ, куда не могъ проникнуть простой смертный.

Многимъ ли извѣстенъ слѣдующій значительный фактъ: всероссійскій

императоръ никогда не имѣлъ частнаго секретаря. Онъ былъ до такой степени педантиченъ въ исполненіи своихъ обязанностей, что самъ ставилъ печати на свои письма. Только при большой спѣшкѣ бывало, что государь поручалъ эту второстепенную обязанность своему камердинеру. Послѣдній, впрочемъ, долженъ былъ представлять свою работу, чтобы царь могъ самолично убѣдиться въ ея исполненіи.

Онъ не имѣлъ секретарей. Впрочемъ, официіальные документы, письма не строго частнаго характера писались канцеляріями. Танѣевъ составлялъ «рескрипты» сановникамъ. Министръ двора — официіальныя письма членамъ царской семьи. Министръ иностранныхъ дѣлъ, по должности, вѣдалъ корреспонденціею съ иностранными монархами и такъ далѣе.

Секретарь государя могъ бы имѣть и другія задачи: классифицировать корреспонденцію, наблюдать за ходомъ дѣлъ, принимать входящія и такъ далѣе. Достаточно работы для двухъ - трехъ довѣренныхъ приближенныхъ.

Но тутъ-то и заключалась трудность. Надо было бы довѣриться кому либо. А царь не долюбливалъ довѣрять своихъ мыслей постороннимъ.

Вдобавокъ, была и другая опасность: секретарь сталъ бы расти въ значеніи, сдѣлался бы необходимымъ, вліялъ на монарха. Вліять на того, кто желалъ слушаться лишь своей совѣсти. Одна эта возможность должна была, сама по себѣ, встревожить Николая II.

Министръ двора поддерживалъ царя въ этомъ рѣшеніи, не желая вторженія посторонняго лица между государемъ и его первымъ слугою.

Императрица имѣла частнаго секретаря, графа Ростовцева. Царь — никого.

Онъ желалъ быть однимъ.

Однимъ предъ своею совѣстью.

Помнится мнѣ возвращеніе изъ Компьенъ, гдѣ мы присутствовали на памятномъ смотру французской арміи. Разговоры шли между военными, и, естественно, во время долгихъ часовъ путешествія, мы разбирали насъ волнующій вопросъ: «Можетъ ли французская армія выдержать напоръ войскъ кайзера?».

Все будущее русской политики зависѣло отъ отвѣта на этотъ вопросъ. Нѣкоторые наши спеціалисты находили, что французскія войска менѣе дисциплинированы и устойчивы, нежели германскія. Другіе утверждали, что французскій мужикъ защищается на собственной землѣ, какъ левъ. Будущее подтвердило послѣднее мнѣніе. Мы воодушевились, мы спорили.

Государь слушалъ внимательно, но не сказалъ ни слова.

6. СДЕРЖАННОСТЬ ЦАРЯ.

Въ Ливадіи, въ моменты отдыха, который Николай II иногда себѣ давалъ, я часто имѣлъ честь сопровождать его величество въ поѣздкахъ вер-

хомъ. Вначалѣ, еще мало зная государя, я пытался во время прогулокъ разговаривать на злобы дня: о послѣднихъ политическихъ событіяхъ, газетныхъ новостяхъ. Царь отвѣчалъ чрезвычайно неохотно и сейчасъ же переводилъ бесѣды на другія, безобидныя темы: о лошадяхъ, о теннисѣ и т. п. При этомъ, когда кѣмъ либо затрагивался вопросъ, на который Николай II не желалъ отвѣчать, онъ мѣнялъ аллюръ шага на рысь, при которой разговаривать было трудно.

Я вскорѣ понялъ причину: только съ министрами, на докладахъ, царь говорилъ серьезно о дѣлахъ, ихъ касающихся. Со всѣми другими, съ членами ли императорской фамиліи, съ приближенными, — государь тщательно старался избѣгать отвѣтственныхъ разговоровъ, которые могли бы его вынудить высказать свое отношеніе по тому или иному предмету.

Это было ему тѣмъ легче, что Николай II обо всемъ говорилъ безстрастно. Помню моментъ полученія извѣстія о гибели русскаго флота подъ Цусимою. Телеграмма была принята въ пути въ императорскомъ поѣздѣ. Царь послалъ ее Фредериксу, для передачи военному министру, Сахарову, и свитѣ. Прочитавъ ее, мой министръ пошелъ къ государю въ купэ и долго тамъ оставался

Пришелъ скороходъ оповѣстить насъ, что его величество въ столовой, за вечернимъ чаемъ. Вошли по одиночкѣ, сѣли молча. Никто не рѣшался заговорить о зловѣщей телеграммѣ. Молчаніе было прервано царемъ. Онъ заговорилъ о бывшихъ въ тотъ день смотрахъ войскъ и другихъ незначительныхъ событіяхъ. Въ теченіе часа ни одного слова о Цусимѣ не было упомянуто.

Вся свита была ошеломлена безучастіемъ императора къ такому несчастію. Когда царь ушелъ, Фредериксъ разсказалъ о своей бесѣдѣ съ государемъ въ купэ. Николай II былъ въ отчаяніи: рухнула послѣдняя надежда на благополучный исходъ войны. Онъ былъ подавленъ потерею своего любимаго дѣтища — флота, не говоря о гибели многихъ офицеровъ, столь любимыхъ и благодѣтельствованныхъ имъ....

— Его величество проситъ къ себѣ военнаго министра.

Генералъ Сахаровъ долго совѣщался съ царемъ. По окончаніи разговора, онъ подтвердилъ намъ, сколь обезпокоенъ государь извѣстіемъ.

— Царь обсуждалъ со мною событія, проявляя полное сознаніе будущихъ трудностей. Онъ мнѣ начерталъ мѣропріятія, вызванныя новымъ положеніемъ.

Позже я могъ убѣдиться, насколько катастрофа при Цусимѣ глубоко потрясла государя, вызвавъ серьезную перемѣну въ его характерѣ.

7. ОТЕЦЪ.

Отеческая любовь Николая II была исключительной нѣжности. Онъ жилъ своими дѣтьми и гордился ими. Никогда не забуду того, какъ царь впервые показалъ мнѣ своего наслѣдника: цесаревичу было тогда всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Ихъ величества плавали въ финскихъ шхерахъ. Дверь каюты наслѣдника выходила прямо на палубу. Я шелъ мимо въ тотъ моментъ, когда выходилъ государь.

— Вы, кажется, еще не видали цесаревича во всей его красѣ? Пойдемте, я вамъ его покажу.

Мы вошли. Наслѣдникъ полоскался въ ванночкѣ. Государь замѣтилъ:

— Пора ему кончать ванну. Увидимъ, оскандалится ли онъ, или нѣтъ. Пожалуй, при васъ кричать не будетъ.

Мальчика вынули изъ ванны и, безъ особыхъ затрудненій, обтерли. Тогда царь снялъ съ него простынку, поставилъ ножками на руку, другою — держа его подмышками, и показалъ мнѣ его во весь ростъ. Дѣйствительно, это былъ чудно сложенный ребенокъ. Затѣмъ, государь накинулъ на него простыню и отдалъ нянѣ.

Мы вышли. Царь говорилъ со мною еще нѣсколько минутъ о своемъ красавцѣ-сынѣ, спрашивая, замѣтилъ ли я пропорціональность ногъ и туловища и такъ называемые браслетки, то есть какъ бы ниткою обвязанныя конечности, признакъ хорошаго питанія.

На слѣдующій день, государь сказалъ императрицѣ, въ моемъ присутствіи:

— А мы вчера съ Мосоловымъ дѣлали смотрины цесаревичу.

Александра Федоровна ничего не отвѣтила, но я видѣлъ, что она осталась недовольна этою экспансивностью мужа.

8. СУПРУГЪ.

Николай II не только любилъ жену; онъ былъ въ нее положительно влюбленъ, даже съ легкимъ оттѣнкомъ скрытой ревности къ вещамъ, къ занятіямъ и людямъ, отвлекающимъ ея вниманіе отъ него.

Во всякомъ бракѣ, даже самомъ совершенномъ, одинъ любитъ, другой — позволяетъ себя любить. Въ царской четѣ государь былъ любящимъ всею силою души. Царица отвѣчала горячею нѣжностью, счастливая быть любимою человѣкомъ, котораго она глубоко цѣнила.

Впрочемъ, именно ея величество скорѣе проявляла ревность ко всему, что могло отдѣлять ее отъ мужа. Добросовѣстная, какъ только можетъ быть нѣмка, она понимала, что государю нужно работать, и не только не мѣшала ему, а, напротивъ, скорѣе подталкивала мужа. Но все, что за работу не считала, напримѣръ: пріемъ, разговоръ съ посторонними людьми и т. д., недолюбливала, какъ отнимающее у государя время, которое они могли проводить вдвоемъ. Она понимала одиночество утреннихъ прогулокъ царя, во время которыхъ тотъ обдумывалъ свои рѣшенія, лишь бы онѣ не превышали времени, на нихъ ассигнованнаго. Она не признавала отклоненій, увлеченія какою либо творческою мыслью, заставляющею думать внѣ законнаго времени.

Особенно соблюдались часы вечерняго чтенія. Трудно себѣ предста-

бить что либо, что бы могло заставить государыню согласиться отказаться, хотя бы на одинъ вечеръ, отъ этихъ чтеній, съ глазу на глазъ у камина.

Царь читалъ мастерски и на многихъ языкахъ: по-русски, по-англійски (на немъ разговаривали и переписывались ихъ величества), по-французски, по-датски и даже по-нѣмецки (послѣдній языкъ былъ государю менѣе извѣстенъ) Завѣдывающій собственною его величества библіотекою Щегловъ представлялъ царю каждый мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ, двадцать интересныхъ книгъ, вышедшихъ за этотъ періодъ. Въ Царскомъ Селѣ книги эти были разложены въ комнатѣ, близъ покоевъ императрицы. Меня какъ-то заинтересовалъ столъ, гдѣ лежали уже выбранныя Николаемъ II книги для чтенія, однако, камердинеръ меня къ нимъ не подпустилъ.

— Его величество складываетъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ и не любитъ, ежели не находитъ ихъ точно въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ самъ разложилъ. И дѣтей не приказано допускать въ эту комнату, безъ императрицы или кого либо изъ фрейлинъ.

Среди этихъ книгъ государь избиралъ себѣ ту, которую читалъ супругѣ, обыкновенно историческое сочиненіе или русскій бытовой романъ.

Однажды царь сознался мнѣ:

— Прямо боишься, въ Царскомъ Селѣ, войти въ комнату, гдѣ эти книги разложены. Не знаешь, которую выбрать, чтобы взять съ собою въ кабинетъ. Смотришь, и часъ времени потерянъ. Только въ Ливадіи успѣваю почитать, но и то половину взятыхъ съ собою книгъ приходится сдать неразрѣзанными.

И добавилъ, съ сожалѣніемъ:

— Нѣкоторые мемуары больше года, какъ не отдаю Щеглову, такъ уже хочется съ ними познакомиться, да, видно, не придется.

Чтеніе вдвоемъ было главнымъ удовольствіемъ царской четы, искавшей духовной близости и семейнаго уюта.

9. «ВАШЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ».

Сознаюсь, что за всѣ 16 лѣтъ службы при дворѣ, мнѣ всего лишь дважды довелось говорить съ государемъ о политикѣ.

Впервые это было по случаю двухсотлѣтія основанія Петербурга. Столбцы газетъ были переполнены воспоминаніями о побѣдахъ и преобразованіяхъ великаго Петра Я заговорилъ о немъ восторженно, но замѣтилъ, что царь не поддерживаетъ моей темы. Зная сдержанность государя, я все же дерзнулъ спросить его, сочувствуетъ ли онъ тому, что я выражалъ

Николай II, помолчавъ немного, отвѣтилъ:

— Конечно, я признаю много заслугъ, за моимъ знаменитымъ предкомъ, но сознаюсь, что былъ бы неискрененъ, ежели бы вторилъ вашимъ восторгамъ. Это предокъ, котораго менѣе другихъ люблю за его увлеченія западною культурою и попираніе всѣхъ чисто русскихъ обычаевъ. Нельзя

насаждать чужое сразу, безъ переработки. Быть можетъ, это время, какъ переходный перiодъ, и было необходимо, но мнѣ оно не симпатично.

Изъ дальнѣйшаго разговора мнѣ показалось, что и, кромѣ сказаннаго, государь ставилъ въ укоръ Петру и нѣкоторую показную сторону его дѣйствiй и долю въ нихъ авантюризма.

Царь долго помнилъ мои чувства симпатiи къ великому Романову.

Однажды, возвращаясь верхомъ по тропинкѣ, высоко надъ шоссе изъ Учанъ-Су, съ дивнымъ видомъ на Ялту и ея окрестности, государь высказалъ, какъ онъ привязанъ къ южному берегу Крыма.

— Я бы хотѣлъ никогда не выѣзжать отсюда.

— Что бы вашему величеству перенести сюда столицу?

— Эта мысль не разъ мелькала у меня въ головѣ.

Вмѣшалась въ разговоръ свита. Кто-то возразилъ, что было бы тѣсно для столицы, — горы слишкомъ близки къ морю. Другой не согласился:

— Гдѣ же будетъ Дума?

— На Ай-Петри.

— Да зимою туда и проѣзда нѣтъ, изъ за снѣжныхъ заносовъ.

— Тѣмъ лучше, — замѣтилъ дежурный флигель-адъютантъ.

Мы двинулись дальше, государь и я съ нимъ рядомъ, по узкой дорожкѣ. Императоръ, полушутя, сказалъ мнѣ:

— Конечно, это невозможно. Да и будь здѣсь столица, я, вѣроятно, разлюбилъ бы это мѣсто. Однѣ мечты...

Потомъ, помолчавъ, добавилъ, смѣясь:

— А вашъ Петръ Великiй, возымѣвъ такую фантазiю, неминуемо провелъ бы ее въ жизнь, не взирая на всѣ политическiя и финансовыя трудности. Было бы для Россiи хорошо или нѣтъ, — это другой вопросъ.

Болѣе мы къ этому никогда не возвращались.

Впрочемъ, эта антипатiя къ великому реформатору гнѣздилась въ природѣ царя. Извѣстно, какъ въ самомъ началѣ царствованiя, депутацiя всероссiйскаго дворянства получила памятный выговоръ. Въ отвѣтъ на привѣтствiе по случаю вступленiя на престолъ (съ надеждою о призывѣ къ сотрудничеству), императоръ сказалъ краткое слово, заключавшее знаменитую фразу: «оставьте безсмысленныя мечтанiя».

Эта первая публичная рѣчь молодого монарха произвела несказанный эффектъ на широкiе круги, возлагавшiе надежду, что Николай II возобновитъ традицiю реформъ, ознаменовавшихъ эпоху его дѣда, Александра II, и столь круто прерванную его отцомъ, Александромъ III.

10. «НЕЛЬЗЯ БЫТЬ ДОСТАТОЧНО ОСТОРОЖНЫМЪ».

Помню свой разговоръ съ царемъ о Болгарiи: это было въ 1912 году. Болгарская армiя начинала выдыхаться послѣ непомѣрныхъ усилiй.

Генералъ Радко - Димитрiевъ написалъ мнѣ, съ просьбою доложить государю, что появленiе русскаго флота вблизи Константинополя и у мало-

азіатскаго побережья могло бы повернуть весь ходъ кампаніи въ пользу Болгаріи. Я рѣшился доложить объ этомъ письмѣ.

Царь сперва объяснилъ мнѣ общее политическое положеніе, а затѣмъ добавилъ:

— Я жалѣю Болгарію. Но не могу же я, для увѣнчанія ея лаврами, рисковать достояніемъ Россіи — жизнью своихъ солдатъ.

И подумавъ, продолжалъ:

— Нѣтъ. Не отвѣчайте вовсе Дмитріеву, чтобы онъ не палъ духомъ. Я съ большимъ сочувствіемъ отношусь къ Болгаріи и въ особенности къ ея храброй арміи. Но малѣйшій намекъ на вмѣшательство можетъ вызвать европейскую войну. Нельзя быть въ такихъ случаяхъ достаточно осторожнымъ.

Сказавъ это, государь разобралъ поводья, и чудный его вороной пошелъ крупною рысью. Ѣхали мы долго молча. Затѣмъ царь повторилъ:

— Да. Жаль что вашимъ болгарамъ не могу помочь. Армія ихъ славная.

И перешелъ на другую тему.

11. НАЦІОНАЛИЗМЪ ЦАРЯ.

Подобно отцу, Николай II придерживался всего специфически русскаго. Помню фразу, сказанную имъ знаменитой исполнительницѣ русской народной пѣсни Плевицкой, послѣ ея концерта въ Ливадіи:

— Мнѣ думалось, что невозможно быть болѣе русскимъ, нежели я. Ваше пѣніе доказало мнѣ обратное; признателенъ вамъ отъ всего сердца за это ощущеніе.

Царь былъ большимъ знатокомъ родного языка, замѣчалъ малѣйшія ошибки въ правописаніи, а, главное, не терпѣлъ употребленія иностранныхъ словъ.

Помню одинъ разговоръ съ нимъ по этому поводу. Какъ-то, за чаемъ, бесѣдовали о русскомъ правописаніи. Принималъ участіе и князь Путятинъ. По желанію государя, Путятинъ принесъ составленный имъ списокъ названій родни по - русски, даже весьма отдаленной, по которому тутъ же царь экзаменовалъ и насъ. Никто не зналъ весьма многихъ, въ свѣтѣ мало употребляемыхъ терминовъ, что очень радовало дѣтей.

— Русскій языкъ такъ богатъ, — сказалъ царь, — что позволяетъ во всѣхъ случаяхъ замѣнять иностранныя выраженія русскими. Ни одно слово не славянскаго происхожденія не должно было бы уродовать нашего языка.

Я тогда же сказалъ его величеству, что онъ вѣроятно замѣтилъ, какъ я ихъ избѣгаю во всеподданнѣйшихъ докладахъ.

— Вѣрится мнѣ, — отвѣтилъ царь, — что и другимъ вѣдомствамъ удалось внушить эту привычку. Я подчеркиваю краснымъ карандашомъ всѣ иностранныя слова въ докладахъ. Только министерство иностранныхъ

дѣлъ совершенно не поддается воздѣйствію и продолжаетъ быть неисправимымъ.

Тутъ я назвалъ слово, не имѣющее русскаго эквивалента:

— Какъ же передать «принципіально»?

—Дѣйствительно, — сказалъ царь подумавъ, — не нахожу подходящаго слова.

— Случайно, ваше величество, я знаю слово по-сербски, которое его замѣняетъ, а именно «зачельно», что означаетъ мысль за челомъ.

Государя это очень заинтересовало и онъ замѣтилъ, что при первой возможности учредитъ при академіи наукъ комиссію для постоянной разработки русскаго словаря, на подобіе французскаго академическаго, являющагося авторитетнымъ руководствомъ какъ для правописанія, такъ и для произношенія.

Только въ одной области царь (и этого нельзя ставить ему въ вину) допускалъ послабленіе своего націонализма: большой знатокъ музыки, онъ одинаково цѣнилъ какъ Чайковскаго, такъ и Вагнера. «Кольцо Нибелунговъ» было поставлено на императорской сценѣ по его личному почину и возобновлялось регулярно въ каждомъ сезонѣ.

Добавлю, что націонализмъ Николая II не носилъ того крайняго, почти монолитнаго характера, какъ у Александра III. Сынъ былъ гораздо тоньше и культурнѣе отца, да и не располагалъ энергіею, чтобы приводить въ дѣйствіе крайности, въ которыя иногда впадалъ Александръ Александровичъ. Николай II, правда, надѣвалъ дома красныя крестьянскія рубахи и даже далъ ихъ, подъ мундиръ, стрѣлкамъ императорской фамиліи. Носились также съ грандіозной мыслью объ уничтоженіи современныхъ придворныхъ мундировъ, съ замѣною ихъ боярскими костюмами московской эпохи. Даже поручили одному художнику изготовить нужные рисунки. Въ концѣ концовъ пришлось отступить предъ чрезмѣрными затратами, которыя были бы вызваны подобнымъ планомъ. Когда подумаешь объ одной парчѣ, да мѣхахъ, не говоря о самоцвѣтныхъ камняхъ и жемчугахъ...

Время было уже не то (или еще не то), чтобы проявленія воинственнаго націонализма могли успѣшно вызрѣвать при дворѣ Николая II.

12. «ДО ГРОБОВОЙ ДОСКИ».

Въ одной лишь средѣ царь чувствовалъ себя по-товарищески: среди военныхъ.

Во время обсужденія въ военномъ министерствѣ вопроса о перемѣнѣ снаряженія пѣхоты, государь рѣшилъ провѣрить предложенную систему самому и убѣдиться въ ея пригодности при маршѣ въ сорокъ верстъ. Онъ никому, кромѣ министра двора и дворцоваго коменданта, объ этомъ не сказалъ. Какъ то утромъ потребовалъ себѣ комплектъ новаго обмундированія, даннаго для испробованія находившемуся близъ Ливадіи полку. Надѣвъ его, вышелъ изъ дворца совершенно одинъ, прошелъ двадцать верстъ и, вернувшись по другой дорогѣ, сдѣлалъ всего болѣе сорока, неся ранецъ

съ полною укладкою на спинѣ и ружье на плечѣ, взявъ съ собою хлѣба и воды, сколько полагается имѣть при себѣ солдату.

Вернулся царь уже по заходѣ солнца, пройдя это разстояніе въ восемь или восемь съ половиною часовъ, считая въ томъ числѣ и время отдыха въ пути. Онъ нигдѣ не чувствовалъ набивки плечей или спины; и, признавъ новое снаряженіе подходящимъ, впослѣдствіи его утвердилъ.

Командиръ полка, форму коего носилъ въ этотъ день императоръ, испросилъ, въ видѣ милости, зачислить Николая II въ первую роту и на перекличкѣ вызывать его, какъ рядового. Государь на это согласился и потребовалъ себѣ послужную книгу нижняго чина, которую собственноручно заполнилъ. Въ графѣ для имени, написалъ — «Николай Романовъ», о срокѣ же службы — «до гробовой доски».

Конечно, впослѣдствіи, объ этомъ узнали военныя газеты, а затѣмъ и широкая публика. Не всѣ, однако, знаютъ, что императоръ Вильгельмъ, въ письмѣ къ государю, поздравлялъ его съ этою мыслью и ея исполненіемъ, но, говорятъ, въ нѣсколько кислыхъ выраженіяхъ. А нашъ военный агентъ въ Берлинѣ сообщилъ, что кайзеръ потребовалъ перевода всѣхъ статей по этому предмету изъ русскихъ газетъ и досадовалъ, что не ему, германскому императору, пришла эта мысль.

Послѣ доклада этихъ свѣдѣній военнымъ министромъ, царь пожалѣлъ, что разрѣшилъ предать гласности испробованную имъ перемѣну снаряженія.

13. ЛУЧШЕ САМОМУ ПРОВОДИТЬ ИХЪ НА ФРОНТЪ.

Царь считалъ себя военнымъ, первымъ профессіональнымъ военнымъ своей имперіи, не допуская въ этомъ отношеніи никакого компромисса. Долгъ его былъ долгомъ всякаго военно-служащаго.

Поясню примѣромъ, восходящимъ еще ко времени русско-японской войны.

Всѣмъ извѣстна эта несчастная кампанія: части слѣдовали за частями; астрономическія разстоянія, отдѣлявшія Европейскую Россію отъ театра военныхъ дѣйствій (при незавершенной Круго-Байкальской желѣзной дорогѣ) пожирали наши войска безслѣдно. Жертвы все нарастали. Главнокомандующій Куропаткинъ повторялъ: «Терпѣнія, терпѣнія». Мѣсяцы текли; успѣховъ все не было. Мало утѣшительнаго слышалось и писалось съ фронта: доходили слухи о недоразумѣніяхъ среди высшаго начальства, признакъ нехорошій.

Государь началъ объѣзжать войска и благословлять ихъ предъ выступленіемъ въ походъ. Рѣчи царя къ частямъ были весьма удачны и, особенно говорившіяся экспромтомъ, производили сильное впечатлѣніе. Заканчивались проводы войсковой части врученіемъ ей иконы, благословеніемъ отъ императрицы и государя.

Николай II становился все молчаливѣе. Чувствовалось, подъ наруж-

ною сдержанностью, безусловная тревога. Наконецъ и у него прорвались слова:

— Пожалуй, было бы лучше, чѣмъ провожать войска, самому проводить ихъ на фронтъ.

Немногіе изъ присутствовавшихъ обратили вниманіе на это восклицаніе. Впослѣдствіи оно было для меня настоящимъ откровеніемъ: въ интересахъ почти что колоніальной войны, ради сраженій, протекающихъ гдѣ-то въ Китаѣ, въ двадцати дняхъ желѣзнодорожной ѣзды отъ столицы, царь стремился отбыть на фронтъ. Его долгъ, думалъ онъ, было стать посреди своихъ воиновъ, раздѣливъ ихъ тяготы.

14. ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНІЕ.

Великая война.

Зимній дворецъ, какъ и въ японскую войну, превратился въ громадную мастерскую для изготовленій бѣлья и санитарныхъ принадлежностей, а затѣмъ сталъ огромнѣйшимъ госпиталемъ, обставленнымъ по послѣднему слову науки, благодаря необыкновеннымъ заботамъ императрицы.

Первые успѣхи.

Всѣ ликовали. Лично я былъ въ особо радостномъ настроеніи, что мой родной конный полкъ отличился подъ Коушинымъ, заставивъ отступить 2-ую ландверную бригаду, причемъ взятіе батареи эскадрономъ барона Врангеля (впослѣдствіи командующимъ Добровольческой арміи) значительно способствовало этому успѣху нашей кавалеріи. Равно меня радовали письма сына, говорившія о славныхъ дѣлахъ Лейбъ-Казачьяго полка, въ которомъ онъ служилъ.

Однако, мало по малу, потери на войнѣ увеличивались... Наступленіе остановилось... затѣмъ, неудачное сраженіе подъ Танненбергомъ... уничтоженіе самсоновской арміи... общее отступленіе... безславныя сдачи крѣпостей... массовыя эвакуаціи гражданскаго населенія цѣлыхъ областей, въ особенности еврейскаго, подъ угрозою вражеской оккупаціи... огульныя подозрѣнія въ шпіонствѣ.

Общественное мнѣніе становилось тревожнымъ.

Ставка выставила въ свое оправданіе двѣ причины неудачъ: недостатокъ въ снарядахъ и германскій шпіонажъ. Козломъ отпущенія явился военный министръ Сухомлиновъ. Для поддержанія этихъ тезисовъ, по требованію великаго князя Николая Николаевича, смѣнили военнаго министра и отдали его подъ судъ, а для подтвержденія версіи о шпіонажѣ былъ повѣшенъ жандармскій полковникъ Мясоѣдовъ и начались ссылки лицъ, носившихъ нѣмецкія фамиліи. Въ послѣднемъ особенно усердствовалъ начальникъ контръ - развѣдки генералъ Бончъ - Бруевичъ.

Общественность, получивъ возможность кого-либо обвинять, съ радостью набросилась на указываемыхъ виновниковъ.

Что касается такъ называемыхъ сферъ, то мнѣнія тамъ расходились: одни поддерживали указываемые ставкою слухи, другіе, не высказываясь

во всеуслышаніе, видѣли главнаго виновника военныхъ неудачъ въ Николаѣ Николаевичѣ. Великому князю ставили въ вину нерѣшительность и, съ другой стороны, такую строгость съ начальствующими лицами, которая отнимала у тѣхъ всякую инициативу. Бывали случаи самоубійства изъ страха обидно - грубыхъ нареканій.

Военныя неудачи мало отражались на популярности Николая Николаевича; скорѣе порождали мысль въ обществѣ и въ высшихъ кругахъ, что, при условіи неограниченности его полномочій, успѣховъ было бы больше.

Государь хорошо сознавалъ положеніе дѣлъ на фронтѣ. Не обѣляя полностью дѣйствій военнаго министра, онъ считалъ, что нападки на Сухомлинова должны были скрывать неудачныя распоряженія верховнаго командованія. Страхъ же шпіонажа былъ лишь обычнымъ средствомъ сокрытія настоящихъ причинъ нашихъ пораженій. Царь, по своей натурѣ, не высказывалъ недовольства, которое безусловно накоплялось въ немъ.

Несмотря на правильное пониманіе этого періода войны, царь не сдѣлалъ ни одного шага, могущего дискредитировать Верховнаго, до дня отрѣшенія его отъ должности; вотъ почему оно и явилось для всѣхъ такою неожиданностью. Скажу больше, я чувствовалъ въ царѣ такой наплывъ любви къ родинѣ и жажды ея величія, что даже въ случаѣ большихъ удачъ, онъ не возымѣлъ бы приписываемой ему часто ревности къ популярности великаго князя. Въ данномъ случаѣ, подобное чувство отходило на задній планъ предъ искреннимъ, глубокимъ патріотизмомъ. Возвышенность и сила этого чувства выявились особенно во время заточенія государя и не покидали его вплоть до кончины.

Но одновременно онъ отлично сознавалъ и всѣ послѣдствія смѣны командованія. Нѣтъ ничего опаснѣе во время военныхъ дѣйствій, какъ такая смѣна начальника, окруженнаго людьми, ему уже извѣстными и оцѣненными по достоинству, и передача его обязанностей другому лицу.

Приходится коснуться вопроса о возложеніи царемъ на себя званія главнокомандующаго, одного изъ самыхъ загадочныхъ и трагическихъ обстоятельствъ этой эпохи. Прямолинейное и безкомпромиссное чувство военнаго долга косвенно пагубно отразилось на судьбахъ имперіи.

Продвиженіе противника вглубь Россіи дѣйствовало удручающе на армію и народъ. Царь считалъ, что своимъ вступленіемъ въ командованіе, онъ подниметъ духъ войскъ и дастъ толчокъ, могущій остановить движеніе нѣмцевъ. Конечно, въ случаѣ неудачи, онъ рисковалъ своимъ трономъ, но у него было убѣжденіе въ конечной побѣдѣ. Успѣхъ все бы покрылъ, и Россія стала бы всесильною. Могъ ли онъ предвидѣть крушеніе имперіи и народныя судороги, послѣдовавшія за этою катастрофою, когда вокругъ него никто ясно этого ему не высказывалъ?

Государь полагалъ, что онъ одинъ могъ смѣнить великаго князя, благодаря своему знанію команднаго состава арміи. Этимъ избѣгалась обыч-

ная ломка ея организаціи. Замѣною же Янушкевича Алексѣевымъ царь надѣялся придать иной ходъ военнымъ дѣйствіямъ.

Съ политической точки зрѣнія, государь считалъ удаленіе Николая Николаевича на Кавказъ желательнымъ. Оппозиціонные элементы, памятуя ту роль, которую великій князь сыгралъ предъ 17 октября, поддерживая Витте, старались использовать его имя для своихъ цѣлей, хотя съ тѣхъ поръ его высочество давно перешелъ въ лагерь самыхъ ярыхъ реакціонеровъ.

Итакъ, постепенно создалось расхожденіе между ставкою и монархомъ. При замкнутости характера царя, мало кто это замѣчалъ. Проявилось оно, когда царь высказалъ, сперва Фредериксу, а затѣмъ и другимъ своимъ близкимъ, созрѣвающее у него рѣшеніе принять на себя верховное командованіе. Графъ сразу высказался противъ этого намѣренія, по причинамъ политическимъ. Но не все окруженіе царя послѣдовало примѣру министра двора. Главною же сторонницею этого рѣшенія была императрица. Она уже дѣлила людей на черныхъ и бѣлыхъ душою, а вокругъ Николая Николаевича ей чудились черные.

Несмотря на единодушный совѣтъ всѣхъ членовъ правительства, перемѣна состоялась.

Рѣшеніе стоило царю дорого, сочувствія и пониманія онъ нашелъ мало, но велѣніе долга, какъ онъ его понималъ, Николай II исполнилъ.

15. МНИМЫЙ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЙ «ЗАГОВОРЪ».

Послѣ отъѣзда царя въ ставку, столица, со всею своею политическою жизнью, очутилась въ какомъ то нелѣпомъ, какъ бы нелегальномъ положеніи.

Рѣшеніе государя сильно отозвалось на внутреннемъ управленіи страною. Не было настоящаго кабинета, а лишь совѣтъ министровъ. Предсѣдатель его, престарѣлый Горемыкинъ, никакъ не могъ достигнуть единомыслія со своими министрами, и результатомъ этого было полное отсутствіе единства въ управленіи. Работа шла, но ею не руководили. Одни министры ѣздили въ ставку, другіе — въ Царское Село, но какъ здѣсь, такъ и тамъ чувствовалось вліяніе императрицы, вдохновлявшейся совѣтами «нашего друга». Наступило время, которому дали кличку «министерской чехарды».

Отношенія правительства къ думѣ становились все болѣе натянутыми, неурядица же въ управленіи заставляла народное представительство все настойчивѣе добиваться парламентскаго кабинета. Исполненіе этого требованія представлялось государю, во время войны, прямо невозможнымъ. Вдобавокъ, онъ предвидѣлъ въ такомъ случаѣ усиленіе нападокъ въ думѣ на царицу. Попытка императора составить, помимо думы, единомышленный кабинетъ (подъ премьерствомъ Трепова, о которомъ говорю ниже, въ главѣ о Распутинѣ), изъ лицъ пользующихся общественнымъ довѣріемъ, была обречена на неуспѣхъ.

Не помогли положенію и постоянныя тревоги англійскаго посла, который, въ надеждѣ, что парламентское правительство дастъ бо́льшія гарантіи успѣшнаго продолженія войны, поддерживалъ требованія министерства довѣрія.

При всякомъ свиданіи государя съ императрицею пускались слухи о какихъ то семейныхъ раздорахъ.

Болѣе освѣдомленные увѣряли: — Царь соглашается отправить Александру Федоровну въ Ливадію.

Иные говорили: — Да нѣтъ же, въ монастырь.

Третьи же шептали: — Если онъ воспротивится — неизбѣженъ дворцовый переворотъ.

Думали, что переворотъ приведетъ къ диктатурѣ Николая Николаевича, а при успѣшномъ переломѣ въ военныхъ дѣйствіяхъ, и къ его восшествію на престолъ. Переворотъ считался еще возможнымъ въ виду распрей въ императорской фамиліи, и, главное, въ виду популярности великаго князя въ арміи.

Объ этихъ настроеніяхъ знала полиція и контръ-развѣдка. Не знать о нихъ, конечно, не могъ и государь. Попали ли тогда въ его руки какія-либо конкретныя доказательства, положительно не знаю, но въ перепискѣ императрицы все время звучитъ нотка опасенія предъ вліяніемъ великаго князя на фронтѣ, въ польскихъ кругахъ и такъ далѣе.

Слухи о переворотѣ упорно держались въ высшемъ обществѣ: о нихъ, чѣмъ дальше, тѣмъ откровеннѣе говорили. Имѣлъ ли къ такимъ слухамъ какое-либо отношеніе Николай Николаевичъ? Не думаю. Со времени отъѣзда великаго князя на Кавказъ, это просто стало невѣроятнымъ. Въ Петроградѣ тогда находились лишь дворы Маріи Павловны и Николая Михайловича. Но изъ нихъ, каждый въ отдѣльности, или даже оба вмѣстѣ взятые, были совершенно неспособны къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Думаю, что «заговоръ» великихъ князей существовалъ лишь въ воображеніи «свѣта».

Николай Николаевичъ послалъ царю извѣстную телеграмму съ «колѣнопреклоненною» просьбою объ отреченіи. Полагаю, что этимъ жестомъ ограничивается его активное вмѣшательство въ судьбы Россіи.

16. НЕДОВѢРЧИВОСТЬ ЦАРЯ.

Моральное одиночество, наложенное на себя царемъ съ юнаго возраста, было тѣмъ болѣе опаснымъ, что Николай II относился недовѣрчиво даже къ лицамъ ближайшаго окруженія. Одинъ графъ Фредериксъ являлся исключеніемъ.

Государь вступилъ на престолъ 26 лѣтъ, когда характеръ его еще не сложился окончательно и когда онъ, по недостатку опыта, еще не пріобрѣлъ навыка понимать людей.

Всѣ общенія его съ міромъ сводились въ то время къ недолгой службѣ въ трехъ разныхъ воинскихъ частяхъ. Безъ сомнѣнія, жизнь представля-

лась ему въ традиціонныхъ рамкахъ: «Въ такомъ-то полку, ротѣ или эскадронѣ все обстоитъ благополучно». Эта формула ежедневныхъ рапортовъ послужила лейтмотивомъ жизненной школы будущаго императора. Самъ онъ, однако, вскорѣ убѣдился въ лживости этого напѣва, и результатомъ разочарованія явилась глубокая недовѣрчивость. Царь прекрасно разбирался во лжи, но не легко довѣрялся правдѣ. Эта-то недовѣрчивость и дѣлала столь трудной задачу непосредственнаго окруженія.

Царь боролся, сколько могъ, съ нежелательными теченіями въ управленіи. Потомъ, уступая необходимости отъѣзда въ ставку, предоставилъ продолженіе этой роковой борьбы императрицѣ. Съ изумительной энергіей принялась она исполнять эту задачу, однако, безъ законныхъ полномочій. Силы государыни расточались безплодно, по указаніямъ Распутина, помимо, а часто и наперекоръ, директивамъ царя.

Я допускаю, что отреченіе было проявленіемъ моральнаго утомленія; разочарованный въ собственной нерѣшительности, царь думалъ, что его оставятъ въ покоѣ; онъ вѣрилъ тому, что, вмѣстѣ съ сыномъ, его отпустятъ «работать въ саду» Ливадіи.

Главный же, доминирующій, доводъ было нежеланіе пролитія крови при подавленіи революціи и надежда на дальнѣйшее, безпрепятственное продолженіе войны.

Б. Императрица Александра Федоровна

1. ПРИЧИНЫ НЕПОПУЛЯРНОСТИ.

Императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ не удалось стать популярною въ своемъ новомъ отечествѣ. Рядъ несчастныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ соединеніи съ болѣзненною застѣнчивостью, помѣшали этому.

Принцесса Алиса - Викторія - Елена - Луиза - Беатриса, младшая дочь принца Людвига Гессенъ - Дармштадтскаго и принцессы Алисы, дочери англійской королевы Викторіи, родилась 6-го іюня 1872 года. Въ 1886 году, 14 лѣтъ отроду, она пріѣхала въ гости къ своей сестрѣ великой княгинѣ Елисаветѣ Федоровнѣ, супругѣ великаго князя Сергѣя Александровича. Здѣсь она познакомилась съ наслѣдникомъ, Николаемъ Александровичемъ, и молодые люди влюбились другъ въ друга. Два года спустя, она вновь пріѣхала въ Петербургъ, уже какъ бы на смотрины. Но Александръ III былъ противъ брака, считая, что цесаревичъ еще слишкомъ юнъ (ему было тогда 20 лѣтъ), а императрица Марія Федоровна была принципіально противъ брака съ германскою принцессою. Какъ истая датчанка, государыня ненавидѣла нѣмцевъ, не прощая имъ аннексіи Шлезвига и Гольштиніи въ 1864 году.

Непріязнь императрицы къ молодой принцессѣ сейчасъ же отразилась на отношеніи къ ней всего русскаго двора. Съ ея высочествомъ обращались съ нескрываемымъ пренебреженіемъ и, даже, съ насмѣшкою и ироніею. Только великая княгиня Марія Павловна отнеслась къ своей

соотечественницѣ сердечно и взяла ее подъ свое покровительство. Изъ придворныхъ только князь Н. Д. Оболенскій, видя принцессу Алису оставленной, по-рыцарски пожалѣлъ ее и былъ къ ней подчеркнуто любезенъ.

Когда Александръ III заболѣлъ нефритомъ и болѣзнь приняла опасный оборотъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ, какъ старѣйшій членъ семьи, имѣлъ разговоръ съ государемъ. Онъ указывалъ, что болѣзнь можетъ кончиться трагически, а такъ какъ наслѣдникъ еще не женатъ, то могутъ создаться нежелательныя осложненія. Государь выразилъ согласіе на бракъ цесаревича и поручилъ Михаилу Николаевичу съ нимъ объ этомъ переговорить. Николай Александровичъ категорически заявилъ, что онъ любитъ принцессу Алису и ни на комъ другомъ жениться не желаетъ. При посредничествѣ великаго князя, было получено согласіе императора на этотъ бракъ. Время до бракосочетанія и сама церемонія прошли въ атмосферѣ послѣднихъ дней жизни и кончины Александра III.

Съ первыхъ же шаговъ при дворѣ, Александра Федоровна держала себя съ большимъ достоинствомъ, а врожденную ея застѣнчивость приняли за отчужденность. Вдовствующая императрица, ранѣе противившаяся этому браку, примирилась съ совершившимся фактомъ. Государь, съ своей стороны, оставилъ Маріи Федоровнѣ всѣ прерогативы супруги царствующаго императора, какъ-то: единоличное назначеніе статсъ-дамъ и фрейлинъ, завѣдываніе вѣдомствомъ Императрицы Маріи и Краснымъ Крестомъ и давалъ ей во всѣхъ церемоніяхъ мѣсто впереди своей супруги. Этимъ смягчалось то обстоятельство, что, съ бракомъ сына, вдовствующая царица отходила на второй планъ. Первоначальное предубѣжденіе къ невѣсткѣ стало ослабѣвать.

Однако, предоставленныя Маріи Федоровнѣ прерогативы скоро начали казаться обидными молодой императрицѣ, тѣмъ болѣе, что старый дворъ царицы-матери лишь съ трудомъ мирился со своимъ новымъ положеніемъ.

Конечно, при этихъ условіяхъ, да при замкнутости характера Александры Федоровны, трудно было ожидать внутренняго сближенія обѣихъ царицъ. Отсутствіе настоящей близости между матерью и женою тяготило государя во все его царствованіе.

Великая княгиня Марія Павловна, женщина очень умная и властолюбивая, пожелала стать наперстницею и опекуншею государыни, но сразу получила холодный и рѣшительный отпоръ, благодаря чему и стала неприязненно относиться къ императрицѣ. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ, царица имѣла противъ себя дворъ вдовствующей государыни и могущественный дворъ Маріи Павловны, къ которому примыкало все петербургское общество.

Перемѣщеніе графа Воронцова-Дашкова, долголѣтняго министра двора, намѣстникомъ на Кавказъ, происшедшее не безъ вліянія Александры Федоровны, оттолкнуло отъ нея многочисленныхъ родственниковъ и все «окруженіе» этой, въ высокой степени великосвѣтской, семьи.

Къ тому же, молодая императрица не имѣла способности поддерживать салонные разговоры и къ нимъ относилась скорѣе съ пренебреженіемъ. Когда, по необходимости, она все же принимала пожилыхъ свѣтскихъ дамъ, и тѣ пытались давать ей непрошенные совѣты, на нихъ слѣдовали, обыкновенно, мѣткіе и рѣзкіе отвѣты. Все это пережевывалось въ столичныхъ гостиныхъ и, въ концѣ концовъ, возвращалось къ императрицѣ въ весьма искаженномъ видѣ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ дамъ императрица перестала принимать.

Такъ постепенно возникла та рознь между обществомъ и дворомъ, которая, въ послѣдніе годы царствованія, настолько обострились, что и общество, вмѣсто того, чтобы, по укоренившимся своимъ монархическимъ взглядамъ, поддерживать тронъ, отъ него отвернулось и съ настоящимъ злорадствомъ смотрѣло на его крушеніе.

2. НЕИСПОЛНЕННЫЙ ПРИКАЗЪ.

О первомъ проявленіи у государыни императрицы твердости характера и ея вліянія на государственныя дѣла я писалъ, разсказывая о тифозномъ заболѣваніи Николая II..*) Привожу здѣсь два другихъ вывода, какъ примѣръ упорной настойчивости государыни, и объясняющіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, непопулярность Александры Федоровны.

Дворъ ѣхалъ въ Крымъ.

Императрица была въ ожиданіи ребенка и предъ отъѣздомъ просила графа Фредерикса оповѣстить, чтобы на пути не устраивалось никакихъ встрѣчъ. Объ этомъ графъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ. Однако, на одной изъ станцій, на перронѣ и вокругъ вокзала, собралась громадная толпа народа всѣхъ сословій. Александра Федоровна, увидѣвъ это, закрыла занавѣсками окна своего вагона.

Я доложилъ министру, что губернаторъ умоляетъ государя показаться, хотя бы на минуту, въ окнѣ вагона, такъ какъ администрація не могла силою удалить толпу, уже нѣсколько часовъ стоявшую у станціи. Народъ полонъ преданности и любви къ государю и ни за что не желаетъ разойтись.

Фредериксъ вошелъ въ купэ императрицы, гдѣ былъ и царь, и доложилъ о происходящемъ. Николай II уже всталъ, чтобы подойти къ окну, когда Александра Федоровна запротестовала, сказавъ, что его величество не имѣетъ права поощрять неисполненіе своихъ приказаній. Министру все же удалось убѣдить императора, который появился въ дверяхъ вагона.

Восторгъ собравшихся былъ стихійный. Но государыня не подняла ни одной занавѣски, и даже дѣти смотрѣли лишь сквозь щелки. Имъ запрещено было подымать занавѣски.

Марія Федоровна какъ-то узнала объ этомъ инцидентѣ и, уже въ Петербургѣ, хвалила Фредерикса за его настойчивость:

---

*) См. главу 5-ю.

— Безъ нея Ники былъ бы вдвое популярнѣе. Она не отдаетъ себѣ отчета, какъ нужна популярность. У нея нѣмецкій взглядъ, будто высочайшія особы должны быть выше этого. Выше чего?... Любви своего народа?... Я согласна, что не слѣдуетъ заискивать въ популярности, но надо стремиться къ ней и не упускать ни одного случая для этого. У Ники врожденное умѣніе нравиться. Я ей говорила это, но она или не понимаетъ, или не хочетъ понять; а потомъ жалуется, что ея не любятъ.

Министръ передалъ мнѣ этотъ разговоръ непосредственно послѣ аудіенціи у Маріи Федоровны. Я его запомнилъ, какъ въ высшей степени характерный.

2. ИСТОРІЯ РАЗМѢЩЕНІЯ ВЪ КОЛЯСКАХЪ.

Вліяніе узкихъ взглядовъ маленькаго гессенскаго двора на воззрѣнія императрицы сказывалось зачастую въ вопросахъ этикета и протокола, столь дорогихъ германскимъ княжествамъ, но по русскому масштабу, великодержавному русскому, производило впечатлѣніе мелочности.

При посѣщеніи императорскою четою президента французской республики Эмиля Лубэ въ замкѣ Компіень, возникъ инцидентъ, надѣлавшій графу Фредериксу немало хлопотъ.

Въ день прибытія ихъ величествъ, Лубэ помѣщался вмѣстѣ съ царемъ въ одномъ экипажѣ, за которымъ слѣдовалъ второй съ императрицею и гофмейстериною Е. А. Нарышкиною.

На слѣдующій день государь долженъ былъ присутствовать на маневрахъ. Президенту, по конституціи, не полагается появлятсья передъ войсками на лошади, и въ первый же вечеръ шефъ протокола, Крозье, сообщая программу слѣдующаго дня, высказалъ весьма основательное предположеніе, что президентъ Лубэ поѣдетъ въ коляскѣ съ императрицею.

Государыня не согласилась, указавъ, что это будетъ похоже, словно царь эскортируетъ президента. Никакіе уговоры не дѣйствовали, и пришлось прибѣгнуть къ хитрости, чтобы переубѣдить французовъ.

Фредериксъ началъ убѣждать Крозье:

— Царь и президентъ выѣдутъ на маневры вмѣстѣ. Мыслимо ли, когда его величество сядетъ верхомъ, просить гофмейстерину выйти изъ второй коляски, чтобы уступить мѣсто президенту. Неужели онъ согласится нанести такой афронтъ одной изъ самыхъ видныхъ нашихъ придворныхъ дамъ?

Какъ всегда, галантные французы, послѣ долгихъ переговоровъ, поддались на наши аргументы, и Лубэ, сидя одинъ въ своей коляскѣ, пропустилъ впередъ экипажъ императрицы, направившейся къ палаткѣ для высочайшихъ гостей.

На парадѣ, въ день отъѣзда, уладить дѣло было труднѣе. До самаго послѣдняго момента французы настаивали, чтобы президентъ ѣхалъ въ коляскѣ съ государынею. Лубэ твердилъ, что ему неудобно не сопровождать императрицу. Вопросъ этикета разбирался до послѣдней минуты, но упор-

ство ея величества взяло верхъ: — на парадѣ она ѣхала въ первой коляскѣ со своею гофмейстериною, а президенту пришлось быть во второмъ ландо, куда онъ помѣстилъ премьера, Вальдекъ-Руссо, и еще двухъ министровъ.

Годъ спустя, состоялся отвѣтный визитъ Лубэ въ Россію. Повторились тѣ же трудности, да еще съ осложненіями: — нельзя же отказывать гостю, главѣ союзнаго государства, въ правѣ помѣститься рядомъ съ императрицею.

Остановились на слѣдующемъ компромиссѣ: царь выѣдетъ верхомъ. Президентъ будетъ сидѣть съ императрицею, но для объѣзда лагеря выбрали шарабанообразный экипажъ, съ двумя рядами сидѣній, заднимъ — для государыни и Лубэ, и переднимъ — лицомъ къ лошадямъ, для царицы-матери и великой княгини Елисаветы Федоровны. Запряженъ былъ шарабанъ а-ла-Домонъ, т. е. безъ козелъ, съ жокеями на лошадяхъ. Экипажъ не понравился вдовствующей императрицѣ, которая считала, что переднее сидѣніе напоминаетъ козлы, тѣмъ болѣе, что оно, вдобавокъ, было сдѣлано выше задняго. Марія Федоровна долго не соглашалась сѣсть въ этотъ экипажъ, но упорство ея золовки взяло верхъ, и вся церемонія прошла согласно желаніямъ Александры Федоровны.

3. НѢМЕЦКАЯ БЕРЕЖЛИВОСТЬ.

Благодаря нѣмецкому происхожденію, императрица имѣла склонность къ экономіи во многихъ жизненныхъ мелочахъ. Примѣромъ можетъ послужить инцидентъ съ пенсіею, предполагавшейся для выдачи А. А. Вырубовой.

Послѣдняя занимала при дворѣ Александры Федоровны исключичительное положеніе, хотя не имѣла никакого офиціальнаго званія и не искала его. Каждый день государыня приглашала Анну Александровну во дворецъ. Онѣ вмѣстѣ играли въ четыре руки, вышивали и рукодѣльничали, бесѣдуя долгими часами. Царица называла Вырубову своимъ «личнымъ другомъ».

Эта дружба восходила къ началу нынѣшняго столѣтія.

Въ первый же годъ послѣ моего назначенія, моя семья проводила лѣто въ Петергофѣ, гдѣ мы жили на казенной дачѣ. Сосѣдями нашими была семья Александра Сергѣевича Танѣева, главноуправляющаго канцеляріею его величества. Двѣ его дочери, Анна и Александра, ходили къ намъ играть въ теннисъ и очень скоро подружились съ моими дочерьми.

Широко образованный, выдающійся музыкантъ, очень умный и ловкій, А. С. выросъ при дворѣ и достигъ высшей ступени іерархической лѣстницы, наслѣдовавъ должность главноуправляющаго отъ своего отца. Очень близкій къ ихъ величествамъ, онъ, однако, тщательно скрывалъ свое вліяніе на нихъ. Былъ онъ, какъ истый царедворецъ, человѣкомъ весьма льстивымъ.

Стремясь создать своимъ дочерямъ положеніе при дворѣ, А. С. гово-

рилъ государынѣ о музыкальныхъ способностяхъ Анны, и императрица, сама любившая музыку и охотно игравшая на роялѣ, особенно въ четыре руки, пригласила ее къ себѣ. Анна Танѣева стала бывать у царицы, и между ними завязалась личная дружба, въ основаніи которой, надо полагать, легло экспансивное обожаніе Танѣевой ихъ величествъ.

Сближеніе государыни съ Танѣевой всѣхъ очень удивило. Анна Александровна, при заурядной внѣшности, не выдѣлялась особымъ умомъ; это была просто свѣтская барышня весьма веселаго нрава.

Исторія брака и развода А. А. Танѣевой съ лейтенантомъ Вырубовымъ общеизвѣстна, и потому я не буду на ней останавливаться. Александра Федоровна принимала большое участіе въ этой личной драмѣ Вырубовой, и послѣ развода онѣ еще болѣе сблизились. А. А. всюду сопутствовала царской семьѣ. Графъ Фредериксъ, котораго коробило ея постоянное присутствіе, неоправдываемое никакимъ официіальнымъ положеніемъ, говорилъ съ императрицею о необходимости создать для Вырубовой придворную должность, чтобы оправдать присутствіе А. А. въ свитѣ. Государыня отнеслась къ этому вопросу равнодушно, заявивъ, что можетъ имѣть пріятельницу безъ официіальнаго званія.

Въ виду ограниченности средствъ семьи Танѣевыхъ и того, что Вырубова расходовалась на туалеты, сопровождая повсюду государыню, Фредериксъ поднялъ вопросъ о необходимости выдать ей вспомоществованіе. Ея величество сама назначила сумму въ 2.000 рублей въ годъ и не пожелала ее увеличить, когда графъ выразилъ предположеніе, что это будетъ мало.

Вскорѣ представился случай денежной выдачи, при чемъ инииіатива исходила отъ самой Вырубовой. Дворъ переѣхалъ въ Царское Село и, по желанію царицы, туда переселилась А. А. Она сообщила объ этомъ Фредериксу, прибавивъ, что съ радостью переѣдетъ, но что ей тяжело содержать дачу въ Царскомъ. Тогда Фредериксъ принялъ за счетъ высочайшаго двора и аренду и содержаніе.

Послѣ своего появленія при дворѣ, Распутинъ подружился съ Вырубовой и очень ее полюбилъ. Она была связующимъ звеномъ между нимъ и государынею.

Отмѣчу также, какъ примѣръ бережливости императрицы, распоряженіе, данное ею кабинету его величества, пріобрѣтать для великихъ княженъ ко дню ихъ рожденія и именинъ по три жемчужины, дабы къ ихъ совершеннолѣтію у каждой было жемчужное колье. Князь Оболенскій, въ бытность его управляющимъ кабинетомъ, неоднократно докладывалъ, что это не практично. Лучше, выждавъ случай, купить цѣлыя ожерелья и дарить великимъ княжнамъ по три жемчужины. Ея величество признала, что это будетъ слишкомъ большой единовременный расходъ.

Въ концѣ концовъ, Оболенскій, съ разрѣшенія графа Фредерикса, обошелъ приказаніе государыни и пріобрѣлъ четыре хорошо подобранныхъ

колье. Отъ нихъ, въ указанные дни, присылались императрицѣ по три жемчужины въ особомъ футлярѣ.

Наиболѣе типичный примѣръ бережливости императрицы относится ко времени офиціальнаго визита короля Эдуарда Англійскаго, на Ревельскій рейдъ, въ 1908 году.

Какъ всегда у англичанъ, число жалуемыхъ орденовъ было крайне ограничено. Почти всѣмъ, даже старшимъ лицамъ нашей свиты, были розданы, вмѣсто звѣздъ и лентъ, прекрасные и выбранные съ большимъ вкусомъ подарки, — по предварительно составленному списку. Болѣе значительные подарки раздавались лично королемъ. Такъ, я получилъ изъ его рукъ, еще задолго до отъѣзда, удивительно красивый портсигаръ, сплошь покрытый черной эмалью, съ ажурнымъ бриллiантовымъ вензелемъ его величества. Получивъ подарокъ и видя, что и другимъ членамъ свиты король раздаетъ подарки лично, я отправился къ государю съ тѣми вещами, которыя я приготовилъ для англійской свиты, и спросилъ, не раздастъ ли государь ихъ лично. Императоръ сначала отказался, но въ это время подошла Александра Федоровна и сразу его уговорила. Но, начавъ разсматривать подарки, она захотѣла измѣнить ихъ назначеніе. Мнѣ пришлось пояснять почему это было бы не совсѣмъ удобно.

Время шло, и государь сказалъ:

— Если ты хочешь, чтобы я самъ ихъ раздавалъ, то некогда теперь дѣлать перемѣны, — и спряталъ вещи къ себѣ въ карманъ.

Императрица мнѣ замѣтила:

— Въ другой разъ представляйте мнѣ предварительно подарки на выборъ. Я нахожу, что вы подобрали слишкомъ дорогіе.

Тутъ я показалъ только что полученный портсигаръ, и ея величество созналась, что онъ никакъ не дешевле мною выбранныхъ. Государь въ это время вернулся въ отличномъ настреніи. Видимо, всѣмъ его подарки понравились, да это было и неудивительно. Понсонби, одинъ изъ старшихъ адъютантовъ Эдуарда VII, выбиралъ со мною подходящій для каждаго, по его вкусу и положенію, подарокъ.

4. ИСТОРІЯ СЪ ГОТСКИМЪ АЛЬМАНАХОМЪ.

Государыня больше самого царя была убѣждена во всемогуществѣ императорской власти. Мнѣ вспоминается инцидентъ съ Готскимъ Альманахомъ Александра Федоровна не сомнѣвалась въ томъ, что наша цензура можетъ съ успѣхомъ запретить печатаніе тѣхъ или иныхъ данныхъ въ иностранной прессѣ. Она отказывалась вѣрить, что я, въ качествѣ завѣдующаго придворной цензурой, не могу наложить запретъ на ежегодникъ, публикующійся за-границею.

Какъ-то разъ Фредериксъ, по возвращеніи изъ Царскаго Села, сказалъ мнѣ, что императрица весьма недовольна тѣмъ, что въ Готскомъ Альманахѣ подъ рубрикою «Россія» значится — «династія Гольштейнъ - Гот-

торпъ - Романовыхъ». Она требуетъ, чтобы упразднили первыя два имени, подъ угрозой запрещенія ввоза Альманаха въ Россію.

Я давно зналъ этотъ вопросъ. Готскій Альманахъ ежегодно присылалъ намъ корректурные листы, касающіеся Россіи. Мы вносили всѣ перемѣны, случившіяся за годъ. При этомъ случаѣ, я неизмѣнно лично вычеркивалъ слова «Гольштейнъ-Готторпъ». Всѣ исправленія редакція аккуратно вносила въ новое изданіе, а на вычеркнутое наименованіе династіи вниманія не обращала.

Какъ-то я сдѣлалъ по этому поводу письменный запросъ. Мнѣ отвѣтили, что, по мнѣнію редакціи Альманаха, наименованіе династіи исторически точно, — (императоръ Павелъ — сынъ герцога Петра Гольштейнъ-Готторпскаго), — и измѣнено быть не можетъ. Министръ, которому я доложилъ объ этомъ, приказалъ запретить ввозъ Готскаго Альманаха въ Россію.

Такая мѣра мнѣ показалась прямо чудовищной. Я умолялъ графа доложить дѣло государю и добиться отмѣны рѣшенія царицы. Министръ взялъ мою всеподданнѣйшую записку, но доложилъ ее не императору, а Александрѣ Федоровнѣ, которая приказала явиться мнѣ съ этимъ докладомъ. Разговоръ па аудіенціи былъ такой:

— Неужели вы не можете найти способа заставить эту упрямую редакцію вычеркнуть два слова? — спросила меня государыня.

— Я имъ писалъ и письменно получилъ отказъ.

— А если я вамъ разрѣшу увѣдомить ихъ, что вы обращаетесь къ нимъ по моему приказанію.

— Это значило бы, ваше величество, рисковать полученіемъ въ отвѣтъ цитатъ изъ историческихъ актовъ, подтверждающихъ правильность ихъ наименованія династіи. И пожалуй, они предадутъ гласности всю переписку.

— Тогда запретите ввозъ этого изданія въ Россію.

— Это тѣмъ болѣе невозможно, такъ какъ вызоветъ обще-европейскій скандалъ. Самый аристократическій, легитимистическій Альманахъ запрещенъ для ввоза въ Россію. Конечно, доищутся этихъ двухъ словъ, вызвавшихъ запрещеніе; пойдутъ пересуды по всей столицѣ и за-границею, — Альманахъ будетъ тайно ввозиться въ Россію дипломатами и дастъ пищу для обсужденія деликатнаго династическаго вопроса, совершенно широкой публикѣ нашей неизвѣстнаго. Повѣрьте, ваше величество, годами печатаютъ этотъ заголовокъ, и никто на него не обращаетъ вниманія. Лучше его игнорировать, чѣмъ подымать шумъ. Но, быть можетъ, великая княгиня Викторія Федоровна, какъ принцесса Саксенъ-Кобургъ-Готская, найдетъ ходъ въ редакцію и уговоритъ снять эти слова?

Тутъ мой докладъ оборвался, и императрица не возобновляла разговора на эту тему и съ Фредериксомъ.

5. «НЕЛЬЗЯ БРАТЬ КО ДВОРУ ТОЛЬКО ДУРНУШЕКЪ».

Послѣ этихъ примѣровъ упорнаго характера императрицы, не могу не привести хотя бы одного изъ многихъ случаевъ удивительной доброты и деликатности императрицы даже къ мало ей знакомымъ людямъ, если они возбудили ея симпатію и произвели на нее благопріятное впечатлѣніе.

Въ іюлѣ 1902 года ихъ величества посѣтили Ревель, и пожаловали, по этому случаю, въ фрейлины дочерей трехъ мѣстныхъ бароновъ и дочь вице-губернатора, Келеповскую.

На пожалованіе первыхъ трехъ Александра Федоровна заблаговременно испросила согласія императрицы-матери. Всѣ онѣ были ранѣе неизвѣстны государынѣ и оказались далеко не красивыми. Дѣвица Келеповская, барышня лѣтъ 18-ти и удивительной красоты, показалась Александрѣ Федоровнѣ очень симпатичною. Послѣ пріема городскихъ дамъ, государыня, переговоривъ съ царемъ, позвала меня и спросила, нѣтъ ли у меня въ запасѣ еще одного фрейлинскаго шифра. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Принесите мнѣ шифръ, — сказала царица. — Я желаю дать его дѣвицѣ Келеповской. Нельзя же брать ко двору только некрасивыхъ барышень. Нужно сдобрить ихъ хотя одной красавицей.

Я принесъ шифръ и спросилъ, заготовить ли письмо отъ министра двора съ указаніемъ, что Келеповская жалуется фрейлиною ихъ величествъ императрицъ.

Государыня задумалась и отвѣтила:

— Погодите съ письмомъ. Я еще протелеграфирую императрицѣ Маріи Федоровнѣ.

Тутъ подошелъ царь.

— Конечно, телеграфируй. Но шифръ можешь дать ей сейчасъ. Мама, конечно, согласится.

Съ самаго начала царствованія, прерогатива придворныхъ пожалованій была предоставлена царицѣ-матери. Александра Федоровна приказала дать пока шифръ только тремъ баронессамъ. Келеповская такъ и уѣхала ни съ чѣмъ, очень грустная, особенно потому, что, кромѣ этихъ четырехъ, другихъ представлявшихся барышень не было.

Уже поздно вечеромъ, гуляя по палубѣ «Штандарта», на которомъ дворъ прибылъ въ Ревель, государыня подозвала меня и сказала, что полученъ утвердительный отвѣтъ отъ Маріи Федоровны.

— Вамъ нетрудно будетъ, — прибавила государыня, — теперь же съѣздить въ городъ и отвезти Келеповской шифръ. Кто-то изъ моихъ дѣвицъ, повидимому, проболтался, что она получитъ шифръ, бѣдная дѣвочка, навѣрное, всю ночь проплачетъ. Я хотѣла бы, чтобы она еще съ вечера получила шифръ.

Я, конечно, тотчасъ же исполнилъ порученіе. Бѣдную барышню я, дѣйствительно, засталъ въ слезахъ. Радость ея была безмѣрная, и на дру-

гой день Келеповская провожала ихъ величества, уже съ шифромъ на плечѣ, къ великому удивленію ревельской знати.

6. ОТВѢТЪ ВЕЛ. КН. МАРІИ ПАВЛОВНѢ.

Характерный инцидентъ врѣзался мнѣ въ память. Великая война продолжалась все кровопролитнѣе. Государь уговорилъ графа Фредерикса, совсѣмъ больного, поѣхать отдохнуть въ Ливадію. Тамъ же находились графиня съ дочерью, которымъ его величество предоставилъ помѣщеніе въ свитскомъ домѣ. Я разсчитывалъ лишь проводить графа и вернуться либо въ Петербургъ, либо въ Могилевъ, смотря по обстоятельствамъ или, правильнѣе сказать, по желанію моего министра.

Вскорѣ по пріѣздѣ, Фредериксъ получилъ телеграмму отъ великой княгини Маріи Павловны о томъ, что она ѣдетъ въ Крымъ и что государь разрѣшилъ ей остановиться въ Ливадіи. Возникъ вопросъ куда помѣстить ея высочество. Во дворцѣ, кромѣ комнатъ, занимаемыхъ членами августѣйшей семьи, другихъ, приспособленныхъ для жилья, не было. Помѣстить же великую княгиню въ царскихъ покояхъ графъ не рѣшался, зная, что это императрица, навѣрное, не одобритъ. Къ тому же, во дворцѣ шелъ обычный лѣтній ремонтъ.

Кромѣ того, возникъ вопросъ и о продовольствіи. Фредериксъ приказалъ мнѣ телеграфировать гофмаршалу, чтобы онъ выслалъ въ Ливадію поваровъ и лакеевъ съ необходимою посудою и прочимъ. На это графъ Бенкендорфъ отвѣтилъ, что прислуга и все необходимое не прибудетъ во время, почему онъ и поручаетъ мнѣ устроить пропитаніе мѣстными средствами. Министръ остался очень недоволенъ этою телеграммою и удивлялся неисполнительности Бенкендорфа, всегда столь корректнаго. Для меня, однако, было ясно, что эта депеша была послана съ вѣдома, если не по приказанію, императрицы. Это еще болѣе взволновало графа, а волненія были ему весьма вредны. Поэтому я рѣшилъ дѣйствовать на свой страхъ и отвѣтственность.

Къ дворцу я приказалъ поставить еще больше лѣстницъ и лѣсовъ и прислать еще рабочихъ. .Графиня Фредериксъ велѣла своему повару позаботиться о продовольствіи. Помѣщеніе приспособили въ свитскомъ домѣ вполнѣ удобно. Я встрѣтилъ великую княгиню въ Севастополѣ и дорогой объяснилъ, что, по случаю ремонта, ее пришлось устроить въ свитскомъ домѣ. Марія Павловна осталась вполнѣ довольна своимъ помѣщеніемъ, особенно, когда я показалъ дворецъ, гдѣ рабочіе усердствовали во всю.

На слѣдующій день, съ утра, великая княгиня дѣлала объѣздъ госпиталей и осталась ими отмѣнно довольна. Послѣ обѣда у ея высочества собралось нѣсколько дамъ, которыхъ она очаровала своею любезностью. Все шло хорошо, и я предложилъ ей поѣхать на слѣдующій день на Ай-Петри, а послѣ завтрака у княгини Юсуповой, на ея новой виллѣ въ горахъ, поѣздку въ Гурзуфъ.

Часовъ въ 8 утра были поданы автомобили. Меня поразило то, что

Марія Павловна приказала своей фрейлинѣ Оливъ сѣсть во вторую машину, а сама помѣстилась, вдвоемъ со мною, въ первую. Только что мы выѣхали изъ Ливадіи, какъ она, дрожащею отъ волненія рукою, вынула изъ своего радикюля телеграмму и передала мнѣ. Это былъ англійскій отвѣтъ императрицы на телеграмму великой княгини, гласившій, приблизительно, такъ:

— Удивляюсь, что вы, не предваривъ хозяйку, остановились въ Ливадіи. Что мои госпитали въ порядкѣ, мнѣ извѣстно.

Надо пояснить, что, послѣ постройки новаго дворца, Ливадія была подарена государемъ императрицѣ, что и значилось при въѣздѣ и выѣздѣ на особыхъ столбахъ.

— Какъ вамъ нравится эта дерзкая телеграмма? А вотъ мой отвѣтъ.

Я прочелъ длиннѣйшую депешу и сказалъ:

— Надѣюсь, что ваше высочество еще не отправили ея.

— Нѣтъ, я хотѣла прежде съ вами посовѣтоваться.

До самой вершины Ай-Петри мы обсуждали, слово за словомъ, отвѣтъ. Я вздохнулъ, когда Марія Павловна, наконецъ, сказала:

— Да. Вы правы. Лучше будетъ, если я просто не отвѣчу. Мое достоинство и мои годы не позволяютъ мнѣ отвѣчать на подобное обращеніе той молодой принцессы, которую я учила, какъ держать себя въ обществѣ...

Это было за полгода до того, какъ убійство Распутина дало послѣдній толчокъ къ расхожденію императорской четы съ большинствомъ членовъ династіи.

7. ПРІЯТЕЛЬНИЦЫ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что государыня была вполнѣ удовлетворена и счастлива своею семейною жизнью. Чувствовалось, что ихъ величества жили душа въ душу. Для заполненія тѣхъ часовъ, когда Александра Федоровна не видѣла мужа, у царицы была нѣжная дружба съ княжною Орбеліани. Восторженность фрейлины была, видимо, пріятна государынѣ. Къ тому же, княжна была не только умна, но и весьма остроумна, время съ ней проходило незамѣтно и пріятно. Она была всею душою предана императрицѣ и пользовалась полнымъ ея расположеніемъ.

Когда мы, однажды, въ Спалѣ собрались у лѣстницы, ожидая выхода ихъ величествъ къ обѣду, княжна, вдругъ, на ровномъ мѣстѣ оступилась и упала на полъ. Лейбъ-медикъ Гиршъ мнѣ объяснилъ, что это плохая примѣта: — первое проявленіе наслѣдственной болѣзни, отъ которой умерла и ея мать, — прогрессивный параличъ.

Княжна прекрасно знала свою участь и мужественно переносила несчастіе. Когда я, однажды, зашелъ къ ней въ комнату во дворцѣ, она мнѣ показала четыре палки, — костыли различныхъ образцовъ —, стоявшія въ углу, и объяснила чрезъ какіе промежутки времени ей придется пользоваться каждою слѣдующей, пока она еще будетъ въ состояніи двигаться. Такъ было съ ея матерью, за которою она ухаживала до ея кончины.

Хотя болѣзнь прогрессировала, и княжна потеряла возможность двигаться, она, прикованная къ креслу, все же всюду сопутствовала государынѣ: въ поѣздѣ, на «Штандартѣ», въ лѣтнія резиденціи. Царица каждый день навѣщала княжну и разсказывала ей о всѣхъ новостяхъ. Императрица скрывала отъ больной, что она приблизила къ себѣ другихъ, боясь сценъ ревности, но избѣжать ихъ не могла, и часто свиданія ихъ сопровождались упреками и слезами, которые царица кротко прощала больной. Орбеліани пролежала восемь лѣтъ, и императрица неизмѣнно за нею ухаживала.

Дружба съ княжною, со времени ея паралича, была, если не замѣнена, то, во всякомъ случаѣ, дополнена приближеніемъ къ себѣ А. А. Танѣевой (Вырубовой). Въ послѣдней, полагаю, нравились императрицѣ помимо восторженности, безпомощность и стремленіе видѣть въ ея величествѣ покровительницу, что у Орбеліани совершенно отсутствовало. У Александры Федоровны, по отношенію къ Вырубовой, чувствовалось желаніе защитить и помочь ей.

Кромѣ этихъ двухъ женскихъ фигуръ, игравшихъ значительную роль въ умственной и душевной жизни императрицы, часто заполняла часы досуга царицы ея камерфрау — Герингеръ. Отношенія къ ней Александры Федоровны скорѣе походили на тѣ, которыя она проявляла къ фрейлинамъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что Герингеръ не позволяла себѣ ревновать императрицу. Въ постоянной близости къ государынѣ находилась и Е. А. Шнейдеръ, но кругъ ея интересовъ ограничивался исключительно августѣйшими дѣтьми и самыми разнообразными порученіями.

Близость княжны Орбеліани длилась до самой смерти послѣдней. Дружба съ Вырубовой прекратилась лишь ссылкою ихъ величествъ въ Сибирь и заключеніемъ А. А. въ крѣпость. Дружеская привязанность дѣвицы Шнейдеръ, камерфрау Герингеръ и камеръ юнгферъ Занотти, были неизмѣнны. То же можно сказать и о фрейлинахъ послѣднихъ лѣтъ, баронессѣ Буксгевденъ и графинѣ Гендриковой. (Гендрикова и Шнейдеръ были убиты большевиками, не покинувъ службы при царицѣ). Больше друзей, женщинъ, не было, за исключеніемъ кратковременнаго пріятельства съ черногорскими княгинями.

Я не помню ни одного случая, когда бы императрица приглашала лицъ, не принадлежащихъ къ тѣсному кругу двора и ближайшаго окруженія. Даже великія княгини дѣлали лишь рѣдкіе визиты, и то, скорѣе, по случаю какого-либо семейнаго торжества, или когда приглашались къ завтраку и дневному чаю.

8. СПИРИТЫ.

Меня очень удивляла интимность императрицы съ обѣими черногорками, великою княгинею Милицею и княгинею Анастасіею Николаевными. Онѣ жили въ Дюльберѣ, роскошной виллѣ, построенной у моря великимъ княземъ Петромъ Николаевичемъ, супругомъ Милицы. Анастасія, въ то вре-

мя жена князя Юрія М. Романовскаго, гостила тутъ же у сестры. Дюльберъ расположенъ въ 2—3 верстахъ отъ Ливадіи, и черногорки проводили ежедневно по нѣсколько часовъ въ обществѣ императрицы, — то у ея величества, то она у нихъ. Долго причины этой дружбы мнѣ были непонятны. Говорили, что она основана на общемъ мистицизмѣ и опытахъ спиритизма. Я этому вѣрю, не зная другихъ причинъ.

Хотя, по характеру и воспитанію, императрица совершенно не походила на княгинь, получившихъ чисто русское воспитаніе въ Смольномъ институтѣ, дружба эта длилась, на удивленіе всѣхъ, кто о ней зналъ, вплоть до внезапнаго конца, и прежніе друзья видались съ тѣхъ поръ лишь на официіальныхъ выходахъ. Отмѣчу, что, не взирая на этотъ разрывъ, государь продолжалъ дружить съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и послѣ его брака съ Анастасіею Николаевною.

Причины размолвки ихъ величествъ съ княгинями такъ и остались для меня тайною. Предполагаю, что даже Фредериксъ не зналъ хорошо о нихъ.

Мнѣ стало потомъ извѣстно, что Папюсъ, одинъ изъ медіумовъ, былъ высланъ по повелѣнію государя; съ другимъ же, Филиппомъ, долго возились. Но и онъ впослѣдствіи уѣхалъ, послѣ того, какъ нашъ агентъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ, Рачковскій, собралъ о немъ исчерпывающія свѣдѣнія. Хотя они были безусловно достовѣрны, по Рачковскій, меньше, чѣмъ черезъ годъ, лишился мѣста. Позже, сколько я слыхалъ, государю угодно было вернуть ему свое довѣріе.

Имя Филиппа, въ отличіе отъ Папюса, часто упоминается въ перепискѣ императрицы, въ связи съ предсказаніями, которымъ Александра Федоровна, видимо, придавала большое значеніе.

Слыхалъ и о попыткахъ примиренія со стороны черногорокъ, но, повидимому, изъ этого ничего не вышло.

Еще нѣсколько словъ о невѣроятномъ окруженіи Распутина, въ бытность государя въ Могилевѣ, въ ставкѣ. Уѣзжая въ Румынію, я уже зналъ, что у старца есть штатъ поклонницъ, всюду за нимъ слѣдовавшій и его прославляющій. Кромѣ Вырубовой, тамъ состояли «Муня» Головина, племянница О. В. Карновичъ, впослѣдствіи княгини Палѣй, и нѣсколько другихъ. Появилась тогда въ печати фотографическая группа изъ 10—12 поклонницъ Распутина. Я всѣхъ ихъ могъ бы назвать.

Въ послѣдній мой пріѣздъ изъ Яссъ я заинтересовался этимъ штабомъ, который, по получаемымъ мною письмамъ, имѣлъ такое огромное вліяніе.

Одни мнѣ говорили: — Чтобы быть милостиво принятымъ ея величествомъ, нужно обратиться къ Мунѣ.

Другіе, наоборотъ, совѣтовали:

— Нѣтъ, серьезнѣе будетъ переговорить съ княжною Гедройцъ, главнымъ врачомъ (хирургомъ) госпиталя ея величества.

Третьи увѣряли: — Неужели вы не знаете такой-то, старшей сестры? Она подсказываетъ императрицѣ назначенія на высшія должности.

Я зашелъ на полчаса на вечеръ, гдѣ присутствовали всѣ эти дамы, и мнѣ показалось, что нахожусь въ сумасшедшемъ домѣ, гдѣ и хозяева, и гости одинаково страдаютъ маніей величія. Я немедленно сбѣжалъ. Черезъ день, въ бытность мою въ Царскомъ Селѣ, я слыхалъ отъ людей, знавшихъ всю эту компанію, хотя къ ней и не принадлежащихъ, что всѣ дамы, которыхъ я видѣлъ, императрицѣ, дѣйствительно, извѣстны, но, конечно, ни о какомъ серьезномъ ихъ вліяніи говорить нельзя. Въ большинствѣ, это были сестры, съ приличнымъ именемъ.

Этотъ уродливый во всѣхъ отношеніяхъ кошмаръ, если и не вокругъ, то все же въ соприкосновеніи къ императрицѣ, заставилъ меня благодарить Бога, что болѣе не нахожусь въ Петербургѣ.

9. НАБОЖНОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ.

Скажу нѣсколько словъ и о религіозныхъ настроеніяхъ Александры Ѳедоровны.

Православная обрядность очень понравилась ей еще когда она была совсѣмъ юной принцессой. Ее стали постепенно подготовлять къ переходу въ нашу вѣру, и она, дѣйствительно, къ ней обратилась. Ее величество шокировала необходимость троекратнаго отреченія отъ прежнихъ заблужденій, и наше духовенство нашло возможнымъ выпустить этотъ обрядъ изъ чина миропомазанія.

Я часто имѣлъ случай видѣть императрицу на церковныхъ службахъ. Она обычно стояла, какъ вкопанная, но, по выраженію ея лица, видно было, что она молилась. Когда отецъ Александръ (Васильевъ) сталъ ея духовникомъ, онъ громко читалъ всѣ молитвы, даже обычно читаемыя вполголоса въ алтарѣ. Царица очень любила его службу и выстаивала ее всю. Заболѣвъ, она слушала службу изъ своей молельни, въ Ливадіи, откуда, открывъ двери, можно было хорошо видѣть и слышать. Тутъ стояла и кушетка, на случай недомоганія. Въ Царскомъ Селѣ Александра Ѳедоровна любила ходить молиться въ темные придѣлы Ѳедоровскаго собора, ею же простроеннаго. Мистическое настроеніе императрицы съ годами прогрессировало; ко времени появленія Распутина, она уже была подготовлена къ тому, чтобы подпасть подъ любое вліяніе.

В. *Августѣйшія Дѣти.*

1. ДѢТИ.

Дѣти были главною радостью царской четы. Работа мало давала мнѣ досуга слѣдить за наслѣдникомъ и великими княжнами: они какъ-то незамѣтно для меня выростали. Такъ какъ императрица спеціально не поручала фрейлинамъ присматривать за дѣтьми, тѣ избѣгали вмѣшиваться въ ихъ воспитаніе. Благодаря этому, я могу о раннихъ годахъ молодого поколѣнія царской семьи судить лишь по отрывистымъ, случайнымъ впечатлѣніямъ.

Цесаревичъ былъ, вначалѣ, здоровымъ и жизнерадостнымъ ребенкомъ. Его страшная наслѣдственная болѣзнь, гемофилія, появилась лишь впослѣдствіи. Мнѣ хорошо помнится какъ онъ, трехъ-четырехъ лѣтъ, приходилъ къ столу, когда подавали десертъ; поболтавъ около родителей, подбѣгалъ къ гостямъ и непринужденно съ ними разговаривалъ, не проявляя застѣнчивости. Бывало, часто залѣзая подъ столъ, цесаревичъ хваталъ сидящихъ за ноги и былъ въ восторгѣ, когда эти лица пугались. Разъ даже онъ стащилъ у одной изъ фрейлинъ башмакъ, съ которымъ явился около отца. Государь его выбранилъ и приказалъ точасъ же вернуть обувь, что цесаревичъ исполнилъ, но опять таки подъ столомъ.

Вдругъ фрейлина вскрикнула... Оказалось, что ребенокъ положилъ ей въ башмакъ землянику. Конечно, холодное и мокрое прикосновеніе къ ногѣ ее испугало.

Наслѣдника отправили въ свои апартаменты, и долгое время, когда бывали гости, не пускали въ столовую, на что онъ очень жаловался. Больше подъ столъ онъ не подлѣзалъ.

Послѣ появленія тяжелаго недуга цесаревичъ продолжалъ быть веселымъ, внѣ приступовъ, но въ глазахъ его уже замѣчался грустный оттѣнокъ, а временами его милое, красивое лицо казалось безжизненнымъ.

Дѣлались опыты нахожденія товарищей для игръ съ наслѣдникомъ. Брали дѣтей матросовъ, потомъ дѣтей или племянниковъ дядьки цесаревича — Деревенько; потомъ рѣшили никого не брать.

Въ гувернеры цесаревичу, предъ самою войною, взяли швейцарца Жильяра, человѣка умнаго и образованнаго, притомъ выдающагося педагога. Жильяръ мнѣ пояснилъ трудность воспитанія цесаревича: только что наладится дѣло его ученія и воспитанія, какъ мальчикъ заболѣваетъ. Гемофилія вызываетъ ужасныя страданія, при внутреннихъ кровоизліяніяхъ. Конечно, ребенокъ, послѣ многихъ безсонныхъ ночей съ нестерпимыми муками, совершенно изнервничается, а затѣмъ вновь, исподволь, приходилось гувернеру доводить ученика до прежняго уровня знаній и поведенія.

2. СЕРЕБРЯНЫЯ САЛАЗКИ.

Великія княжны довольствовались, въ дѣтствѣ, самыми незатѣйливыми развлеченіями. Приведу два примѣра.

Ихъ величества присутствовали, вмѣстѣ съ семьею, на пятидневныхъ маневрахъ войскъ Московскаго округа, живя въ императорскомъ поѣздѣ, передвигавшемся отъ одной стоянки до другой и возвращавшемся на ночь на открытую мѣстность близъ станціи Рошково, чтобы не мѣшать желѣзнодорожному движенію. Это было въ августѣ 1902 года.

Въ поѣздѣ находилась, кромѣ обычной свиты, великая княгиня Ольга Александровна. Дѣти были въ восторгѣ отъ этой поѣздки, дѣлая большія прогулки въ незнакомыхъ имъ мѣстахъ. Особенно ихъ радовала игра, выдуманная Ольгою Александровною. Поѣздъ стоялъ на высокой насыпи. Дѣти садились на большіе серебряные подносы и, пользуясь ими на по-

добіе салазокъ, спускались по откосу. Затѣмъ, съ трудомъ, поднимались по крутой насыпи съ подносомъ на спинѣ. Эту игру повторяли и вечеромъ, послѣ обѣда, въ присутствіи ихъ величествъ. Помню, какъ члены французской депутаціи, приглашенные къ столу, обратились ко мнѣ съ нѣкоторымъ страхомъ, нужно ли будетъ и гостямъ участвовать въ этомъ развлеченіи. Я ихъ успокоилъ.

Дѣвочки держали пари, кто изъ нихъ первая прибудетъ внизъ. Кто то изъ фрейлинъ должна была, первая, скатиться, чтобы присутствовать на финишѣ. Генералъ-адъютантъ Струковъ объявилъ дѣтямъ, что онъ первый очутится внизу. Дѣти не вѣрили. Когда состязавшимся скомандовали спуститься, Струковъ, въ парадной формѣ, съ Александро-Невскою лентой, держа свою почетную саблю съ бриллiантами (за взятіе Адріанополя) въ рукахъ, прыгнулъ съ высоты болѣе трехъ саженей съ насыпи, рискуя сломать себѣ ноги, и, конечно, опередилъ дѣтей. Императрица очень его журила за эту выходку удали, но французы были въ восторгѣ.

3. ПОДАРОКЪ СИБИРЯКА.

Другой случай дѣтской радости касается ручного соболя.

Я сидѣлъ у себя въ канцеляріи, изготовляя спѣшный докладъ о придворныхъ пожалованіяхъ, и приказалъ никого не принимать. Входитъ старый курьеръ и докладываетъ:

— Осмѣлюсь доложить вашему превосходительству, что тутъ пришли старичокъ со старушкою, прямо изъ Сибири. Принесли въ видѣ подношенія государю живого ручного соболя. Очень ужъ просятъ доложить, говорятъ, что не на что будетъ переночевать.

— А тебѣ жаль ихъ стало?

— Точно такъ.

— Ну, давай ихъ сюда.

Вошелъ весьма симпатичный на видъ старичокъ со старушкой, и говоритъ мнѣ:

— По ремеслу я охотникъ, и удалось мнѣ взять живымъ молодого соболя, приручивъ его, со старушкою мы рѣшили поднести его царю. Соболь то вышелъ рѣдкостный. Собрали все, что было, денегъ: говорили мнѣ, что хватитъ до Питера и обратно. Вотъ и поѣхали.

Показываетъ мнѣ соболя, который тутъ же вскочилъ на мой письменный столъ и сталъ обнюхивать представленія къ придворнымъ чинамъ. Старикъ какъ то свистнулъ, соболь — прыгъ прямо ему на руки, залѣзъ за пазуху и оттуда выглядываетъ. Я спросилъ какъ они ко мнѣ попали.

— Денегъ у насъ хватило только до Москвы. Оттуда рѣшили идти пѣшкомъ, да какой то добрый баринъ, дай Богъ ему здоровья, купилъ намъ билеты до Петербурга. Утромъ пріѣхали и прямо пошли въ Зимній дворецъ. Внутрь меня не пустили, а отправили къ начальнику охраны. Тотъ велѣлъ отвести къ вамъ. Ни копейки не осталось, а видѣть царя — вотъ какъ хочется.

Я рѣшилъ, что живой соболь можетъ доставить большое удовольствіе малымъ еще тогда княжнамъ. Старику далъ немного денегъ и поручилъ парочку добросердечному курьеру.

Предъ тѣмъ я спросилъ старика, кто его въ Сибири знаетъ.

— Ходилъ къ губернатору передъ отъѣздомъ, да онъ говоритъ: «Иди, врядъ ли тебя допустятъ. А писать мнѣ о тебѣ не приходится».

Я послалъ телеграмму губернатору, чтобы провѣрить слова старика и узнать, надежный ли онъ. Въ тѣ времена нужно было быть весьма осторожнымъ. Чрезъ день получился удовлетворительный отвѣтъ, и я телефонировалъ княжнѣ Орбеліани, разсказавъ ей о соболѣ. Часъ спустя, узнаю, что императрица приказала прислать обоихъ стариковъ въ Зимній дворецъ, и поскорѣе, такъ какъ дѣти съ нетерпѣніемъ ждутъ соболя. Все съ тѣмъ же курьеромъ я приказалъ ихъ отвести, а послѣ представленія вернуться ко мнѣ.

Ждалъ я ихъ долго. Оказывается, что они болѣе часа оставались у дѣтей, и все время была при этомъ государыня. Долго разсказывали старикъ и старуха, какъ милостива была къ нимъ царица.

Старикъ предложилъ было взять соболя съ собою, пока для него не устроятъ клѣточку, но дѣти отпускать звѣря не хотѣли, и, наконецъ, императрица приказала его оставить. Старикъ мечталъ видѣть царя, безъ чего, сказалъ онъ, не можетъ вернуться въ Сибирь. Отвѣтили, что дадутъ знать, когда онъ можетъ видѣть государя.

— Боюсь только, какъ бы соболекъ мой не нашкодилъ во дворцѣ — онъ вѣдь къ хоромамъ не привыкъ.

На другой день, съ утра, я получилъ приказаніе прислать во дворецъ сибиряковъ къ шести часамъ вечера. Вернулись они съ соболемъ послѣ восьми. Вотъ разсказъ старика.

— Такъ и было. Соболекъ мой много нашкодилъ, поломалъ и погрызъ. Когда я пришелъ, такъ онъ сразу ко мнѣ за пазуху спрятался. Вошелъ царь. Я со старухою ему въ ноги бросились. Соболекъ-то вылѣзъ, и тоже видно понялъ, что предъ государемъ. Притаился и смотритъ. Пошли мы съ царями въ дѣтскую, гдѣ приказали мнѣ выпустить соболька. Дѣти стали съ нимъ играть, при насъ онъ не дичится. Царь приказалъ намъ со старухою сѣсть на стулья и говоритъ:

— Ну теперь, разскажи все: какъ задумалъ сюда ѣхать, какъ ѣхалъ, и какъ, наконецъ, къ царицѣ попалъ?

Я разсказалъ, а царь все спрашиваетъ о Сибири, объ охотѣ тамъ, о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Затѣмъ царица сказала, что дѣтямъ пора обѣдать. Тогда царь спрашиваетъ, какъ обходиться съ соболемъ. Когда я указалъ, онъ порѣшилъ, что въ комнатахъ у дѣтей его оставить нельзя. Надо будетъ отдать его въ охотничью слободку, въ Гатчинѣ.

— Царь-батюшка, вѣдь его, кормилецъ мой, жаль отдавать на руки незнакомому охотнику. Позарится на шкурку, да еще зарѣжетъ, а ска-

жетъ, что околѣлъ. Знаю я охотниковъ. Мало у нихъ любви къ звѣрю. Лишь бы шкурку получить.

— Нѣтъ, братъ, я бы выбралъ хорошаго. Но, пожалуй, лучше будетъ тебѣ его отдать. Вези его домой, ходи за нимъ, пока живъ будетъ, а считай, что исполняешь мое повелѣніе. Смотри за нимъ, такъ какъ это уже мой соболь. Теперь иди, скажи Мосолову, чтобы министръ далъ приказаніе какъ тебя наградить за подарокъ. Смотри же, хорошо смотри за моимъ соболемъ. Съ Богомъ, и добраго пути!

На другой день былъ у Фредерикса всеподданнѣйшій докладъ, и государь, не ожидая вопроса, сказалъ министру, что провелъ два часа въ бесѣдѣ со стариками и что это было для него праздникомъ; такъ интересно было ему узнать бытъ сибирскихъ охотниковъ и сибирскаго крестьянства вообще. Приказалъ дать старику часы съ императорскимъ гербомъ, а старухѣ брошку, нѣсколько сотъ рублей за соболя, и широко оплатить дорогу назадъ въ Сибирь.

Старики уѣхали счастливыми, увозя съ собою соболя. Однѣ княжны очень жалѣли, но «папа сказалъ, что это такъ нужно».

Дѣти учились англійской грамотѣ отъ самой императрицы; по-французски и нѣкоторыми предметами обще-образовательнаго характера съ ними занимался г. Жильяръ; по-нѣмецки — гофъ-лектриса Шнейдеръ; а русскую словесность и общіе предметы преподавалъ Петровъ, учитель гимназіи. Жильяръ и Петровъ были весьма опытными преподавателями, въ особенности — первый. Цѣлью родителей было не давать дѣтямъ слишкомъ многочисленнаго штата незнакомыхъ учителей.

Когда я началъ службу при дворѣ, дѣти росли безъ надзора воспитательницы. Въ дѣтскихъ комнатахъ были няньки, но какъ только княжны выходили изъ этихъ апартаментовъ, надзора за ними, въ сущности, кромѣ материнскаго, не было. Александра же Феодоровна была вообще на людяхъ не очень подвижна, и, кромѣ того, не дѣлала дѣтямъ замѣчаній при постороннихъ.

Императрица много страдала въ жизни отъ своей застѣнчивости, и рѣшила пріучить дочерей съ дѣтства къ общенію съ посторонними людьми. Поэтому, когда Ольгѣ Николаевнѣ минуло 10 лѣтъ, то она, равно, какъ и Татьяна и Марія Николаевны, 8 и 6 лѣтъ, завтракали за общимъ столомъ. Къ завтракамъ государыня часто не выходила. Конечно, дѣти были тутъ подъ надзоромъ царя и фрейлинъ. Хотя и очень живыя, за столомъ они держали себя натурально и мило, вели себя безукоризненно. Серьезнѣе и сдержаннѣе всѣхъ была Татьяна.

Постепенно главный надзоръ за дѣтьми перешелъ къ Е. А. Шнейдеръ. Послѣдняя приходилась племянницей лейбъ - хирургу Гиршу. Она состояла учительницей великой княгини Елисаветы Феодоровны съ прибытія ея высочества въ Россію.

Долгое время Шнейдеръ жила при дворѣ безъ всякаго офиціальнаго положенія. Затѣмъ графъ Фредериксъ создалъ для нея должность гофъ-

лектрисы, считая неудобнымъ сопровожденіе ею всюду великихъ княженъ безъ какого-либо придворнаго званія.

Екатерина Адольфовна была удивительно предана какъ государынѣ, такъ и дѣтямъ, что и доказала мученическимъ своимъ концомъ, вызвавшись сопровождать царскую семью въ Сибирь. Она была очень культурна, исключительно скромна и очень работоспособна. Императрицѣ она служила и секретаремъ и гардеробмейстершею. Все покупалось и заказывалось черезъ ея посредство. Была она и учительницею самой государыни по русскому языку, а дѣтей, пока они были маленькими, — по всѣмъ предметамъ. Если кого изъ княженъ надо было куда-нибудь сопровождать, — дѣлала это всегда Екатерина Адольфовна. При этомъ фрейленъ Шнейдеръ отличалась очень ровнымъ характеромъ и удивительной добротой.

Какъ эта худенькая, кажущаяся слабенькою, барышня, могла поспѣвать дѣлать все то, что ей поручали, да еще со всегдашней готовностью, — было прямо поразительно

4. ИХЪ РАЗВЛЕЧЕНІЯ.

Я уже говорилъ, какъ окончилась единственная попытка дать княжнамъ воспитательницу въ полномъ смыслѣ этого слова.

Ни у одной изъ великихъ княженъ никогда не было и настоящей подруги, сверстницы. Кромѣ свиты, въ соприкосновеніе съ дѣтьми приходили только ближайшіе родственники — дѣти великой княгини Ксеніи Александровны. Они жили въ Ай-Тодорѣ, всего въ двухъ верстахъ отъ Ливадіи. Обычно, ихъ звали къ дневному чаю и къ теннису во время пребыванія большого двора въ Крыму. По сосѣдству были и другіе родные — дѣти Георгія Михайловича, Константина Константиновича, Анастасіи и Милицы Николаевенъ, но запросто приглашались только дѣти Александра Михайловича, и то не всѣ семеро заразъ. Къ теннису приглашались еще одинъ или два офицера со «Штандарта», фрейлины великокняжескихъ дворовъ и дочь графа Фредерикса, графиня Эмма, но все это не были однолѣтки княженъ.

И все же въ Ливадіи дѣтямъ, по ихъ словамъ, было весело, послѣ «Штандарта» — веселѣе всего.

Въ періодъ между 1911 и 1913 г. г., если не ошибаюсь, императрица устроила балъ для двухъ старшихъ княженъ. Кавалерами были все тѣ же штандартскіе моряки, да нѣсколько офицеровъ Крымскаго коннаго дивизіона. Гофмаршалъ Бенкендорфъ былъ въ ту пору въ Ливадіи и лично взялся за устройство бала. Дѣти были въ неописуемомъ возбужденіи, какъ въ ожиданіи бала, такъ и на самомъ балу.

Изъ другихъ развлеченій помяну, что ежегодно разыгрывалась большая летерея - аллегри, организованная самой императрицей, продававшею на ней билеты совмѣстно съ дѣтьми. Александра Феодоровна, конечно, безумно утомлялась, а дѣти очень веселились.

Думаю, съ полной откровенностью, что княжнамъ и въ голову не приходило, что можно жить иначе. Онѣ были не требовательны. Одно кино-представленіе по субботамъ давало пищу разговорамъ на недѣлю.

Представленія происходили въ ливадійскомъ манежѣ. Мнѣ былъ порученъ выборъ лентъ. Императрица указала такую программу: сначала актюалитэ, фильмы, снятые за недѣлю придворнымъ фотографомъ Ягельскимъ, затѣмъ — научный, либо красивый видовой, въ концѣ же — веселую ленту, для дѣтей. Выборъ былъ трудный, и мнѣ не разъ приходилось просить гофмейстерину Нарышкину просматривать предложенные фильмы, чтобы остановиться на подходящемъ для княженъ. Елисавета Алексѣевна была весьма строгій цензоръ, и часто требовала, чтобы изъ ленты вырѣзали самыя веселыя мѣста.

Однажды, выбирая подходящій фильмъ, послѣ долгихъ обсужденій съ Е. А. Нарышкиною, мы остановились на картинѣ «Бой быковъ». Въ началѣ сеанса долженъ былъ идти фильмъ парада въ Ливадіи. Этой ленты, сознаюсь, я не успѣлъ предварительно просмотрѣть, думая, что въ парадѣ не можетъ найтись чего-либо неподходящаго, и на этомъ успокоился, полагаясь на Ягельскаго, опытнаго фотографа.

Началось представленіе.

Вижу государя со свитою, вижу графа Мусинъ-Пушкина (командующаго одесскимъ военнымъ округомъ); все хорошо. Идутъ войска, и графъ стоитъ, какъ вкопанный.

Части начинаютъ отходить отъ линіи жалнеровъ. Пушкинъ, лѣвою рукою, указываетъ проходящимъ держаться ближе къ жалнерамъ, но они этого не исполняютъ. Лицо графа дѣлается свирѣпымъ, и онъ грозитъ кулакомъ.

Тишина въ манежѣ нарушается дѣтскимъ хохотомъ. Я вижу, въ полумракѣ, какъ императоръ кусаетъ себѣ губы, чтобы не разсмѣяться. Я въ отчаяніи отъ своей оплошности, но и самъ не могу удержаться отъ улыбки.

Представленіе кончилось. Ни царь, ни царица ни словомъ о происшедшемъ не обмолвились, мнѣ же хотѣлось провалиться сквозь землю. Проводивъ ихъ величества до коляски, я рѣшилъ возможно скорѣе бѣжать домой, когда почувствовалъ, что кто-то беретъ меня подъ руку.

Это былъ графъ Александръ Ивановичъ Мусинъ - Пушкинъ, мой бывшій начальникъ дивизіи, когда я служилъ молодымъ офицеромъ въ конномъ полку, нынѣ же — командующій войсками округа.

— Милый другъ, да что это такое?! Посади твоего Гана*) подъ арестъ! Что это за манера! Во-первыхъ, онъ вретъ. Никогда я кулакомъ не грозилъ... Непремѣнно посади его на недѣлю подъ арестъ. Нельзя же показывать командующаго войсками, да еще государю, въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ никогда не бывалъ!..

*) Ганъ придворный фотографъ.

Я успокоилъ графа, обѣщавъ лично разобрать дѣло и вырѣзать изъ ленты этотъ пассажъ. Что и сдѣлалъ, выбранивъ при этомъ сконфуженнаго Ягельскаго.

5. ФИЗИЧЕСКІЙ И ДУХОВНЫЙ ОБЛИКЪ КНЯЖЕНЪ.

Опишу княженъ, когда имъ было отъ 18 до 12 лѣтъ.

Ольга Николаевна была въ это время по возрасту совсѣмъ барышня, хотя и держала себя еще подросткомъ. У нея были красивые свѣтлые волосы, лицо съ широкимъ оваломъ, чисто русское, не особенно правильное, но ея замѣчательно нѣжный цвѣтъ лица и удивительно выразительные и добрые глаза, при миловидной улыбкѣ, придавали ей много свѣжести и прелести.

Татьяна была выше, тоньше и стройнѣе сестры, лицо — болѣе продолговатое, и вся фигура — породистѣе и аристократичнѣе; волосы — немного темнѣе, чѣмъ у старшей. На мой взглядъ, Татьяна Николаевна была самою красивою изъ четырехъ сестеръ.

Марія Николаевна была, въ то время, весьма крѣпко сложеннымъ подросткомъ, съ веселымъ русскимъ лицомъ и необычайною силою.

Анастасія, совсѣмъ маленькою, обѣщала стать красавицею, но не оправдала ожиданій У нея было менѣе правильное, чѣмъ у сестеръ, лицо, зато весьма оживленное. Она была смѣлѣе другихъ сестеръ и очень остроумна.

По словамъ фрейленъ Шнейдеръ, характеръ Ольги Николаевны былъ ровный, хорошій; напротивъ, Татьяна имѣла характеръ трудный, скорѣе скрытный, но, быть можетъ, съ болѣе глубокими, чѣмъ у сестеръ, душевными качествами. Марія Николаевна была добра, не безъ нѣкотораго упрямства, и по способностямъ ниже двухъ старшихъ. Анастасія, съ пока еще не установившимся характеромъ, обѣщала быть весьма способною.

Во время войны, сдавъ сестринскіе экзамены, старшія княжны работали въ царско-сельскомъ госпиталѣ, выказывая полную самоотверженность въ дѣлѣ. Младшія сестры тоже посѣщали госпиталь, и своею живою болтовнею помогали раненымъ минутами забывать свои страданія.

У всѣхъ четырехъ было замѣтно, что съ ранняго дѣтства имъ было внушено чувство долга. Все, что онѣ дѣлали, было проникнуто основательностью въ исполненіи. Особенно это выражалось у двухъ старшихъ Онѣ не только несли, въ полномъ смыслѣ слова, обязанности заурядныхъ сестеръ милосердія, но и съ большимъ умѣніемъ ассистировали при операціяхъ. Это много комментировалось въ обществѣ и ставилось въ вину императрицѣ. Я же нахожу, что, при кристалльной чистотѣ царскихъ дочерей, это безусловно не могло дурно повліять на нихъ и было послѣдовательнымъ шагомъ императрицы, какъ воспитательницы. Кромѣ госпиталя, Ольга и Татьяна Николаевны очень разумно и толково работали и предсѣдательствовали въ комитетахъ ихъ имени.

ГЛАВА II.

А. Императорская фамилія въ царствованіе Николая II.

ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА.

Императрица-мать, послѣ кончины Александра III, продолжала занимать тотъ же Аничковъ дворецъ, въ которомъ она жила со дня своего замужества, будучи еще цесаревною, а затѣмъ и во время всего царствованія своего супруга, не пожелавшаго переѣхать въ Зимній дворецъ.

По закону, вдовѣ императора полагалась лишь выдача по цивильному листу 100.000 руб. въ годъ. Тотчасъ послѣ кончины государя, Николай II объявилъ своей матери, что она, со своимъ дворомъ, попрежнему можетъ жить въ Аничковомъ дворцѣ, и что всѣ расходы на ея содержаніе, равно какъ и содержаніе двора, онъ принимаетъ на свой счетъ. Это весьма понятное рѣшеніе сына по отношенію къ матери стоило, однако, министерству двора немало денегъ, весьма существенно увеличивъ расходы на дворъ государя. Я неоднократно слышалъ со стороны управляющихъ кабинетомъ его величества жалобы, что дворъ вдовствующей императрицы обходится не меньше двора государя. Къ тому же, тамъ расходы ускользали отъ контроля, и всякія мѣры для законнаго отчета расходовъ вызывали жалобы служащихъ и недовольство императрицы. Частыя поѣздки Маріи Федоровны за-границу, въ Данію и Англію, въ императорскихъ поѣздахъ и на яхтѣ «Полярная звѣзда», всегда находившейся въ ея распоряженіи, все болѣе и болѣе длительное пребываніе внѣ Россіи, сопряженное съ широкими выдачами подарковъ во время путешествій, падали тяжелымъ расходомъ на кабинетъ.

Фредериксъ, зная о тратахъ вдовствующей царицы, конечно, поднималъ объ этомъ вопросъ старался ввести расходованіе суммъ при дворѣ Маріи Федоровны въ нормальный порядокъ.

Главною причиною этихъ крупныхъ тратъ была безграничная доброта императрицы. Всѣ, приходящіе въ соприкосновеніе съ нею, были очарованы ея улыбкой и привѣтливостью. Отличалась она большою снисходительностью къ людямъ. Вотъ, какъ примѣръ, разсказъ графа Фредерикса изъ того періода, когда онъ еще завѣдывалъ придворно-конюшенною частью:

Одинъ изъ кучеровъ ея величества, подавъ ей сани, былъ настолько нетрезвъ, что, во время ѣзды, заснулъ на козлахъ, облокотившись на передокъ саней. Казакъ, стоявшій на запяткахъ, къ счастію, успѣлъ соскочить, выхватилъ изъ рукъ кучера вожжи и, ставъ опять на запятки, пра-

вилъ лошадьми и благополучно довезъ императрицу во дворецъ. Государыня вызвала Фредерикса и запретила не только докладывать объ этомъ его величеству, но и наказывать провинившагося. Съ трудомъ ему удалось лишить кучера права впредь возить императрицу.

Зная неуклонную строгость своего супруга, Марія Федоровна постоянно скрывала отъ царя проступки мелкихъ служащихъ, искренне вѣря что они «хорошіе люди», душевно преданные ей и государю.

Министръ, желая доказать ея величеству ненадежность прислуги, какъ то упросилъ императрицу, при возвращеніи ея изъ заграницы, разрѣшить таможеннымъ властямъ осмотрѣть багажъ сопутствующихъ ее лицъ. Сначала Марія Федоровна отказывалась. Но Фредериксъ вспомнилъ, какъ однажды, тоже при возвращеніи изъ заграницы, Александръ III приказалъ осмотрѣть въ Вержболовѣ багажъ не только сопровождающихъ, но и собственный ихъ величествъ. Затѣмъ онъ самъ уплатилъ за вещи, царицы, купленныя за-границею, и приказалъ прислугѣ тоже уплатить пошлину, да еще со штрафомъ за утаенные предметы. Выслушавъ графа, императрица согласилась на осмотръ. Мало кому извѣстно, что, па основаніи русскихъ законовъ, монархъ не освобождается отъ таможенныхъ пошлинъ, какъ то дѣлается за-границей.

На этотъ разъ Марія Федоровна вернулась на «Полярной звѣздѣ», и осмотръ производился въ Кронштадтѣ. Было обнаружено, что прислуга везла много сигаръ, игральныя карты и разныя матеріи для продажи. Пошлинъ оказалось на большую сумму. Императрица не только не уволила ни одного «контрабандиста», но уплатила за большинство пошлину изъ своихъ средствъ.

Дворъ царицы-матери мало измѣнился съ прошлаго царствованія. Такъ какъ состоялъ онъ изъ людей пожилыхъ, то его роль свѣтскаго центра уменьшилась и онъ не имѣлъ того значенія, которое пріобрѣли дворы меньшіе, но болѣе дѣятельные.

Въ штатѣ императрицы-матери занимала совершенно особое положеніе ея долголѣтняя камеръ-фрау — Марія Петровна фонъ Флотова. Несмотря на скромную должность, безъ всякаго придворнаго ранга, дававшагося обыкновенно вдовамъ чиновниковъ, она была весьма вліятельною особою при Аничковомъ дворцѣ. Камеръ-фрау завѣдывали гардеробомъ и драгоцѣнностями. Всѣ заказы по этой части проходили черезъ ихъ руки, и эта должность требовала и довѣрія и отвѣтственности.

Относительно кандидатовъ на придворные чины и званія — протежэ Флотовой, я всегда былъ увѣренъ, что они получатъ просимое. Если даже, при представленіи списка, государь ихъ не отмѣчалъ, то я, умудренный опытомъ, составлялъ для нихъ второй приказъ, такъ какъ въ послѣднюю минуту Николай II всегда присылалъ министру записку о включеніи ихъ въ приказъ, очевидно, по просьбѣ императрицы матери. Вообще, камеръфрау Флотова вліяла на назначеніи и въ другихъ вѣдомствахъ и добивалась для многихъ лицъ должностей, ихъ положенію не соотвѣтствующихъ.

Нужно отмѣтить, какъ постоянныхъ посѣтителей Аничкова дворца.

кромѣ лицъ, близкихъ Александру III, командира и офицеровъ кавалергардскаго имени императрицы Маріи Федоровны полка, начальства вѣдомства императрицы Маріи, равно какъ и всѣхъ почетныхъ опекуновъ. Всѣ эти лица старались чрезъ государыню проводить своихъ родственниковъ и фаворитовъ на болѣе или менѣе значительныя должности, и, благодаря этому, изъ года въ годъ увеличивалось число придворныхъ пожалованій. Не могу припомнить случая, когда царь отказалъ бы своей матери, если она за кого-нибудь просила.

Во внѣшней политикѣ императрица имѣла, конечно, вліяніе въ Даніи. Французскіе послы и высокопоставленные ихъ соотечественники обязательно представлялись ей, какъ вдовѣ государя, положившаго начало союзу съ ихъ страною. Истая патріотка-датчанка, она не любила германское посольство, какъ, вообще, все нѣмецкое. Съ англійскимъ дворомъ у ея величества, сестры королевы Александры, жены Эдуарда VII, были серьезныя связи. Что касается внутренней политики, то у царицы-матери, я думаю, не было ясно обрисованнаго взгляда на положеніе въ Россіи.

Б. Великіе Князья и Князья Крови Императорской.

1. ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ.

Взявъ за отправную точку 1900 годъ, время моего вступленія въ должность начальника канцеляріи, скажу, что императорская фамилія была и многочисленна, и полна силъ: у царя тогда имѣлись въ живыхъ — одинъ братъ его дѣда, четверо дядей, десять двоюродныхъ дядей, одинъ братъ, четверо двоюродныхъ братьевъ и девять троюродныхъ. Всего двадцать девять, — достаточно, чтобы стать, въ случаѣ нужды, въ защиту главы семьи. Всѣ они, казалось, были заинтересованы въ борьбѣ за свои привилегіи, за свое положеніе.

Я сознательно не перечисляю особъ женскаго пола. Мнѣ хочется, въ этой главѣ, указать политическую роль, сыгранную членами царской семьи. Государь не долюбливалъ политическихъ разговоровъ, а тѣмъ болѣе съ родственницами. Исключеніемъ являлась лишь великая княгиня Марія Павловна, — (о ней я говорю ниже), — которая, какъ онъ зналъ, была хорошо освѣдомлена въ германской политикѣ, благодаря своимъ нѣмецкимъ родственникамъ, а также двѣ черногорскія княгини, Милица и Стана Николаевны, всегда готовыя давать политическіе совѣты. Ихъ дворы были центрами обмѣна мнѣній по международнымъ вопросамъ. Онѣ съ успѣхомъ замѣняли не назначаемаго въ столицу нашу черногорскаго посланника и всемѣрно защищали интересы своего отца. Но вліяніе у государя не было пропорціонально ихъ рвенію. Это, впрочемъ, не помѣшало Черногоріи играть въ русской политикѣ гораздо большую роль, чѣмъ она имѣла на то объективныхъ данныхъ.

Обѣ сестры его величества держались совершенно въ сторонѣ отъ государственной жизни. Большинство же другихъ женскихъ членовъ династіи вступили въ иностранные браки, жили за-границею и лишь изрѣдка гостили при дворѣ.

Сколько изъ вышеупомянутыхъ членовъ императорской фамиліи, солидарныхъ съ монархомъ какъ по династическому принципу, такъ и по своимъ интересамъ, оказалось рядомъ съ царемъ въ трагическія минуты отреченія?

2. НИ ОДНОГО.

Въ Псковѣ вблизи государя не было никого изъ его семьи. Великіе князья узнали о совершившемся фактѣ, и ихъ мнѣнія никто не спрашивалъ ни до, ни послѣ. Семья была безсильна что либо измѣнить. И Николай Александровичъ, и Михаилъ Александровичъ приняли свои рѣшенія одни, безо всякой попытки снестись съ родными, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ изъ нихъ, ни даже между собою. Революціонная волна была для нихъ столь неожиданна, что отрѣзала всякую возможность совѣщаній.

Однако, государь, въ роковой день, не могъ внять совѣту семьи, не только по матеріальнымъ условіямъ, но и вслѣдствіе постепенно сложившихся отношеній. Этотъ росчеркъ пера во Псковѣ стоилъ жизни 17-ти членамъ династіи, меньше чѣмъ за два года. Большинство этихъ погибшихъ не покинуло Россіи исключительно изъ преданности своему монарху, не желая побѣгомъ усугублять его положенія.

Какъ создались такія отношенія и какую форму они приняли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — это я постараюсь выяснить дальше. Пока же изложу положеніе членовъ императорской фамиліи въ самый моментъ отреченія.

Великій князь Дмитрій Павловичъ, за нѣсколько недѣль до того былъ отправленъ на персидскій фронтъ за причастность къ убійству Распутина, актъ, которымъ онъ надѣялся спасти царя и династію.

Великій князь Кириллъ Владиміровичъ, во главѣ командуемаго имъ гвардейскаго экипажа, отправился въ думу, надѣясь этимъ способствовать установленію порядка въ столицѣ и спасти династію въ критическій моментъ. Попытка эта не нашла поддержки и осталась безрезультатною.

Намѣстникъ на Кавказѣ, Николай Николаевичъ, колѣнопреклонно умолялъ царя объ отреченіи.

Великая княгиня Марія Павловна вмѣстѣ съ сыномъ, Андреемъ Владиміровичемъ, находилась въ Кисловодскѣ

Бывшіе на фронтѣ великіе князья остались пассивными свидѣтелями переворота. Находившіеся въ Петербургѣ не объединились вокругъ Михаила Александровича, когда, послѣ отреченія государя за себя и наслѣдника, онъ сталъ императоромъ.

Сферы, своими слухами, опередили его величество въ отреченіи. Онѣ приняли извѣстіе объ отреченіи, кто равнодушно, а кто даже съ радостью.

Въ Яссахъ я получалъ изъ Петрограда многочисленныя возбужденно - радостныя письма, и мнѣ казалось, что столица объята повальнымъ сумасшествіемъ.

3. РАЗЪЕДИНЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ.

Первый ударъ по солидарности царской семьи былъ нанесенъ вторымъ супружествомъ императора Александра II-го.

Бракъ съ княжною Долгорукою, впослѣдствіи княгинею Юрьевскою, былъ вторымъ морганатическимъ союзомъ въ семьѣ. Первымъ явилась свадьба вел. кн. Константина Павловича, косвенно повлекшая за собою возстаніе декабристовъ, первое русское освободительное движеніе.

Супружество государя Александра Николаевича вызвало единодушное осужденіе всей царской семьи, лишь выигравшее въ силѣ отъ того, что его не осмѣливались открыто проявлять при императорѣ. Двѣ сцены особенно рѣзко врѣзались мнѣ въ память.

Въ Петергофъ прибыли съ визитомъ къ Александру II германскіе владѣтельные принцы. Это было весною 1877 года. Время было тревожное. Ожидалась со дня на день война съ Турціей. Государь пожелалъ, чтобы наслѣдникъ устроилъ въ честь гостей балъ. Цесаревичъ, повидимому, считалъ, что время для баловъ было неподходящее, но подчинился желанію своего августѣйшаго родителя.

На балъ была приглашена, вѣроятно, по желанію царя, княжна Долгорукая. Помню, какъ сейчасъ, величественно красивую фигуру Александра II, стоящаго подъ колоннадою, ведущей въ гостиную, и впереди него, въ нѣсколькихъ шагахъ, княжну.

Послѣ ужина танцы продолжались и былъ объявленъ котильонъ. Въ это время государь уѣхалъ, провожаемый до экипажа наслѣдникомъ. Вернувшись въ залъ, цесаревичъ, прямо между танцующими парами, прошелъ къ эстрадѣ, на которой игралъ оркестръ лейбъ - гвардіи Преображенскаго полка. Несмотря на то, что среди танцующихъ была и цесаревна Марія Федоровна, онъ громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Спасибо, Преображенцы! Домой!

Танцы рѣзко оборвались. Наслѣдникъ удалился съ цесаревною во внутренніе покои; смущенные гости поспѣшно разъѣхались.

Этотъ инцидентъ былъ первымъ мнѣ извѣстнымъ, какъ очевидцу, проявленіемъ разлада, намѣчавшагося въ это время между Зимнимъ и Аничковымъ дворцами. Причинъ было нѣсколько, но главной являлось увлеченіе Александра II княжною Долгорукою. Эта, ставшая общеизвѣстной связь, а особенно послѣдовавшій затѣмъ бракъ царя, оскорбляли наслѣдника. Онъ считалъ ихъ несовмѣстимыми съ достоинствомъ русскаго императора. Свое отношеніе къ браку отца Александръ III проявилъ и тѣмъ, что, по вступленіи на престолъ, немедленно смѣнилъ министра двора и все ближайшее окруженіе почившаго императора.

Второй инцидентъ произошелъ послѣ кончины Александра II.

Въ февралѣ 1881 года я пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ изъ Софіи, гдѣ состоялъ флигель - адъютантомъ и командовалъ конвоемъ князя Болгарскаго. Наканунѣ 1-го марта я сговорился съ моимъ товарищемъ по полку, флигель - адъютантомъ, но отбывающимъ свой цензъ на командира полка въ Бѣлостокѣ, С. И. Бибиковымъ, вмѣстѣ позавтракать въ ресторанѣ Дюссо. Послѣдній помѣщался на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, гдѣ былъ затѣмъ мѣховой магазинъ Лелянова.

До 1876 года, когда было устроено офицерское собраніе полка въ казармахъ, офицеры конной гвардіи тамъ постоянно завтракали, обѣдали и ужинали въ одномъ изъ большихъ кабинетовъ. Напротивъ былъ ресторанъ Борель, гдѣ преимущественно бывали кавалергарды; затѣмъ его хозяиномъ сталъ Кюба, всѣмъ петербуржцамъ извѣстный.

Въ концѣ нашего завтрака вбѣжалъ къ намъ взволнованный хозяинъ, французъ Танти. Онъ только что разговаривалъ съ лицомъ, видѣвшимъ раненаго государя, котораго везли въ Зимній дворецъ.

Мы выскочили и побѣжали къ дворцу. На площади уже собирался народъ. Въ подъѣздѣ его величества, знакомый намъ швейцаръ подтвердилъ, что только что привезли раненаго государя. Бибиковъ, въ качествѣ флигель - адъютанта, имѣющаго всегда доступъ къ императору, рѣшилъ подняться наверхъ и уговорилъ меня идти съ нимъ. Мы вошли въ фельдмаршальскую галлерею. Тамъ, у дверей въ кабинетъ государя, нѣсколько человѣкъ изъ свиты, въ томъ числѣ ген.-ад. Салтыковъ, и прислуга растерянно бѣгали взадъ и впередъ. Бибиковъ спросилъ Салтыкова, можно ли войти, и, затѣмъ, вошелъ въ кабинетъ. Я не рѣшился послѣдовать за нимъ, но видѣлъ, какъ онъ приблизился къ группѣ лицъ, стоявшихъ, очевидно, вокругъ мѣста, гдѣ лежалъ умирающій государь. Среди нихъ я узналъ графа Адлерберга, который заслонялъ мнѣ лицо царя. Когда Бибиковъ вышелъ, мы вмѣстѣ отправились изъ дворца. На углу Невскаго и Морской мы остановились, чтобы рѣшить, куда идти дальше. Въ это время съ Невскаго показались парныя сани, въ которыхъ сидѣлъ, въ генеральскомъ пальто, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ съ цесаревной Маріей Федоровной. Они ѣхали медленно, такъ какъ Невскій былъ запруженъ народомъ.

Мы успѣли повернуться и приложить руку къ козырьку. Будущій императоръ отдалъ намъ честь, его супруга поклонилась. Сани повернули къ аркѣ главнаго штаба и, медленно, среди толпы, приближались къ Зимнему дворцу. Мы съ Бибиковымъ вернулись туда. На площади пришлось уже проталкиваться. Народъ стоялъ безмолвствуя. Лишь время отъ времени слышались негромкія проклятія убійцамъ, «скубентамъ». Какая-то баба, сторонясь, крикнула намъ вслѣдъ:

— Эхъ, вы, военные! Не сумѣли сберечь царя.

Мы вошли во дворъ. Онъ тоже былъ полонъ людей всякаго званія. На входящихъ и выходящихъ изъ дворца, видимо, никто не обращалъ вниманія. Мы все еще надѣялись на спасеніе жизни государя, хотя Би-

биковъ и говорилъ мнѣ, что, судя по виду раненаго царя, надежды нѣтъ. Едва мы вышли изъ воротъ, чтобы снова подняться наверхъ, какъ вся толпа, и мы съ нею, опустились на колѣни.. Штандартъ на дворцѣ былъ приспущенъ въ знакъ траура.

Я послалъ телеграмму князю Александру Болгарскому и получилъ отвѣтъ ждать его въ Петербургѣ, куда онъ въ тотъ же вечеръ выѣзжаетъ. Его величество былъ близкимъ родственникомъ императорской фамиліи, какъ сынъ принца Александра Гессенскаго, родного брата покойной государыни, Маріи Александровны.

На другой день я узналъ, что для князя приготовили помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, со стороны Набережной, то самое, гдѣ годъ тому назадъ онъ жилъ. Тогда же, изъ за опозданія поѣзда, въ которомъ ѣхалъ его высочество, отложили обѣдъ въ его честь, и это спасло государя отъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Народовольцы надѣялись заложенной бомбой въ Зимнемъ дворцѣ уничтожить большую часть членовъ императорской фамиліи.

3 марта, въ сопровожденіи одного лишь адъютанта, прибылъ князь Болгарскій. Онъ участвовалъ въ торжественной перевозкѣ тѣла Александра II въ Петропавловскую крѣпость. Чтобы присутствовать въ соборѣ, князь спустился изъ своихъ аппартаментовъ къ салтыковскому подъѣзду. Тутъ, у широкой лѣстницы, въ ожиданіи появленія ихъ величествъ, собрались съ правой стороны всѣ великіе князья и княгини, съ лѣвой — небольшая траурная группа: княгиня Юрьевская, съ тремя малютками - дѣтьми.

Она была въ черномъ, съ опущенной вуалью, дѣти — двѣ дѣвочки и мальчикъ — тоже въ траурномъ платьѣ. Распахнулись двери, вошли ихъ величества и прямо направлялись здороваться къ высочайшимъ особамъ. Государь затѣмъ обернулся, въ тотъ самый моментъ, когда княгиня Юрьевская приподняла свою вуаль.

Царь увѣренными, мѣрными шагами подошелъ къ ней. Императрица сдѣлала нѣсколько шаговъ за государемъ и остановилась. Его величество, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ княгинею, обернулся, видимо думая, что Марія Федоровна стоитъ за нимъ. Императрица опять двинулась впередъ и опять остановилась. Тогда кн. Юрьевская, быстрыми, увѣренными шагами, подошла къ ней. Мгновеніе онѣ стояли другъ противъ друга. Затѣмъ ея величество быстро обняла княгиню и обѣ заплакали. Юрьевская кивнула дѣтямъ. Тѣ подошли и поцѣловали руку императрицы. Государь тѣмъ временемъ былъ уже въ дверяхъ. Царица, видя это, быстро пошла за нимъ. Начался отъѣздъ высочайшихъ особъ.

Когда князь Александръ выходилъ со мною, траурная группа Юрьевской съ дѣтьми стояла, какъ окаменѣлая, въ углу громаднаго, почти опустѣвшаго вестибюля. Для нихъ была заказана отдѣльная панихида.

Хотя съ тѣхъ поръ прошло болѣе 50 лѣтъ, но картина, длившаяся

всего нѣсколько минутъ, запечатлѣлась на всю жизнь въ моей памяти. Она произвела такое же впечатлѣніе на князя, особенно то мгновеніе, когда императрица и Юрьевская стояли другъ противъ друга, — мигъ нерѣшительности Маріи Федоровны, подать ли руку княгинѣ или обнять ее. Если бы она подала ей руку, княгиня, жена ея свекра, Александра II-го, должна была по этикету поцѣловать ее.

4. ВЫСОЧАЙШІЯ ОСОБЫ, НО НЕ ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ.

Второй ударъ по цѣлостности царской семьи относится къ царствованію Александра III. Видя разрастаніе императорской фамиліи и боясь за престижъ великокняжескаго сана, его величество принялъ мѣру, которую онъ считалъ необходимою, но которая не всѣми членами семьи была одинаково оцѣнена.

«Учрежденіе объ императорской фамиліи» было измѣнено въ томъ смыслѣ, что отнынѣ участвовали въ Удѣлахъ одни дѣти и внуки императора. Первыя два поколѣнія потомковъ государя носили титулъ великихъ князей и получали ежегодно сумму въ 280.000 руб. отъ Удѣловъ. Правнуки, съ титуломъ князей крови, получали при совершеннолѣтіи имущество, стоимостью въ одинъ милліонъ рублей, движимое или недвижимое, по выбору. Оно переходило по первородству, и обладатель его имѣлъ званіе «высочества». Остальные потомки были лишь свѣтлостями и имуществомъ не обезпечивались вовсе.

Эта мѣра закрѣпила дѣленіе высочайшихъ особъ на двѣ категоріи. Противъ нея въ царствованіе Александра III и при министрѣ двора графѣ Воронцовѣ трудно было ожидать открытаго протеста. Со смѣною государя, императорская фамилія надѣялась получить и большую свободу дѣйствій. Новый царь былъ молодъ, и старшіе родственники разсчитывали вліять на него.

Когда эти чаянія не оправдались, молва возложила вину на императрицу. Выросши въ англо-германской средѣ, гдѣ вся энергія, не находившая внѣшняго проявленія изъ-за конституціонныхъ преградъ, обращалась на вядшее наблюденіе за родственниками, ея величество была сторонницею строжайшей дисциплины.

Другой поводъ къ недовольству великихъ князей давало отношеніе императора къ постановленіямъ семейныхъ совѣтовъ. Предсѣдатель ихъ, старшій изъ присутствовавшихъ членовъ семьи, долженъ былъ доводить до свѣдѣнія государя о постановленіяхъ собраній черезъ министра двора. Николай II часто не только не одобрялъ желанія большинства, но и клалъ прямо противоположныя резолюціи. Несмотря на всѣ старанія измѣнить порядокъ доклада, императоръ сохранилъ его, чтобы избѣгнуть всякихъ личныхъ пререканій съ родственниками. Невозможность дѣлать непосредственные доклады по семейнымъ дѣламъ великихъ князей они считали ненормальнымъ явленіемъ. Это отражалось на солидарности ихъ отношеній къ главѣ династіи и косвенно сказывалось на графѣ Фредериксѣ.

Стали множиться морганатическіе союзы. Неравномѣрныя и неоправдываемыя санкціи, иногда чрезмѣрныя по строгости, скоро отмѣнялись. Виновныхъ прощали, возвращали въ Россію на прежнее положеніе, но прежнихъ отношеній возстановить было уже нельзя. Раненое самолюбіе давало себя знать.

Появленіе Распутина внесло окончательный разладъ въ императорскую фамилію; раздѣлило ихъ на бѣлыхъ и черныхъ. Въ коллективномъ письмѣ къ государю, вызванномъ отправкою Дмитрія Павловича на персидскій фронтъ за причастность къ убійству «старца Григорія», въ этомъ единственномъ общемъ выступленіи членовъ императорской фамиліи, поведеніе великаго князя объяснялось велѣніемъ совѣсти. Трудно было сильнѣе осудить окруженіе ея величества.

5. ПАТРІАРХЪ СЕМЬИ РОМАНОВЫХЪ.

Изъ трехъ великокняжескихъ поколѣній, которыхъ намъ приходится здѣсь касаться, старшее — Александра II — имѣло одного, остававшагося въ живыхъ, представителя, генералъ-фельдцехмейстера Михаила Николаевича.

Менѣе одаренный, чѣмъ его братья, человѣкъ благороднаго и уравновѣшеннаго характера, исключительной осанки, великій князь провелъ большую часть своей карьеры намѣстникомъ на Кавказѣ. Здѣсь же онъ командовалъ нашими войсками въ турецкой кампаніи 1877—1878 гг. и получилъ георгіевскую ленту и фельдмаршалскій жезлъ.

Оставивъ постъ намѣстника, вел. кн. былъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, оставался на этомъ посту до реформы совѣта въ 1905 г. Послѣдніе годы своей жизни великій князь, по климатическимъ условіямъ, проводилъ зимы на югѣ Франціи и умеръ въ своей виллѣ Казбекъ въ Каннахъ въ концѣ 1909 года.

Хотя въ мое время онъ не игралъ крупной политической роли, но, по возрасту и положенію, занималъ исключительное мѣсто среди семьи. Никто изъ родственниковъ не сталъ бы ему перечить. Благодаря своему такту и вліянію, онъ являлся настоящимъ миротворцемъ. Съ кончиною его прекратилось и внѣшнее династическое единство.

6. ЖИВОЕ ВОСПОМИНАНІЕ XVIII ВѢКА.

Великая княгиня Александра Іосифовна, принцесса Саксенъ-Альтенбургская, вдова другого брата Александра II, Константина Николаевича, принадлежала, если не по рожденію, то по мужу, тоже къ старшему поколѣнію династіи. Она держалась очень консервативныхъ взглядовъ, и петербургское общество казалось ей весьма переводнымъ и непривычнымъ. Ея любимою резиденціею былъ Павловскій дворецъ, представлявшій исключительное художественное цѣлое.

Въ мірѣ не существовало другого подобнаго ансамбля временъ Директоріи. Дворецъ, построенный въ концѣ XVIII вѣка, былъ полонъ мебели,

штофа, люстръ, фарфора, бронзы этой эпохи. При ремонтѣ обивки, мебель покрывали штофомъ того же времени — такъ велики были ея запасы, унаслѣдованные великою княгинею. Во время своего путешествія во Францію, графъ и графиня Сѣверные (подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, ѣздили инкогнито Павелъ Петровичъ и Марія Ѳедоровна) заказали такія неисчерпаемыя богатства матеріаловъ для своего дворца, что онъ былъ ими полонъ до самой революціи 1917 года. Только передъ началомъ великой войны рѣшились провести въ дворецъ электричество, прямо взамѣнъ восковыхъ свѣчей: — ни керосина, ни газа тамъ никогда не было.

Атмосфера этого патріархальнаго двора всегда производила на меня такое впечатлѣніе, будто я попалъ въ позапрошлое столѣтіе, и всегда дѣйствовала успокоительно.

7. «НАДО ЗНАТЬ СВОЕ РЕМЕСЛО».

Второе поколѣніе — поколѣніе Александра III-го, властнаго консерватора и «народника» — было представлено въ 1900 году его четырьмя родными и 10-ю двоюродными братьями. Первыми были великіе князья Владиміръ, Сергій, Алексѣй и Павелъ Александровичи.

Не существовало въ Петербургѣ двора популярнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ дворъ великой княгини Маріи Павловны, супруги Владиміра Александровича. Да и самъ великій князь умѣлъ пользоваться жизнью полнѣе всѣхъ своихъ родственниковъ.

Красивый, хорошо сложенный, хотя ростомъ немного ниже своихъ братьевъ, съ голосомъ, доносившимся до самыхъ отдаленныхъ комнатъ клубовъ, которые онъ посѣщалъ, большой любитель охоты, исключительный знатокъ ѣды (онъ владѣлъ рѣдкими коллекціями меню съ собственноручными замѣтками, сдѣланными непосредственно послѣ трапезы), Владиміръ Александровичъ обладалъ неоспоримымъ авторитетомъ. Никто никогда не осмѣливался ему возражать, и только въ бесѣдахъ наединѣ великій князь позволялъ себѣ перечить. Какъ президентъ академіи художествъ, онъ былъ просвѣщеннымъ покровителемъ всѣхъ отраслей искусства и широко принималъ въ своемъ дворцѣ талантливыхъ людей.

Въ качествѣ старшаго дяди царя, онъ могъ бы занять, рядомъ съ Михаиломъ Николаевичемъ, особо довѣренное положеніе, стать хранителемъ единства семьи и ея традицій. Причину, почему онъ этой задачи не осуществилъ, слѣдуетъ, быть можетъ, искать въ отношеніяхъ между дядею и племянникомъ. Государь Николай II испытывалъ передъ Владиміромъ Александровичемъ чувство исключительной робости, граничащей съ боязнью. Великій князь, вѣроятно, замѣтивъ впечатлѣніе, производимое имъ на императора, сталъ держаться въ сторонѣ отъ государственныхъ вопросовъ.

Острый переломъ въ отношеніяхъ между двумя дворами относился къ 1905 году. 8 октября старшій сынъ Владиміра Александровича, Кириллъ,

сочетался бракомъ въ Тегернзе въ Баварiи, въ присутствiи великой княгини Марiи Александровны, съ ея согласiя и благословенiя, но не испросивъ высочайшаго разрѣшенiя, съ разведенною великой герцогиней Гессенской, принцессой Викторiею-Мелитою Саксенъ - Кобургъ - Готской, дочерью великой княгини Марiи Александровны. Новые супруги были двоюроднымъ братомъ и сестрой. (Великiй герцогъ Эрнстъ былъ единственнымъ братомъ императрицы Александры Федоровны).

Вскорѣ послѣ свадьбы Кирилла Владимiровича, стало извѣстно, что онъ прiѣзжаетъ въ Петербургъ одинъ, принести повинную за бракъ безъ разрѣшенiя государя. Какъ родители его, такъ и онъ самъ ожидали, что, послѣ заслуженнаго выговора со стороны его величества, онъ будетъ прощенъ.

Великiй князь прiѣхалъ въ 9 часовъ вечера, прямо съ вокзала во дворецъ своихъ родителей, а въ 10 часовъ ему доложили, что явился министръ двора и желаетъ его видѣть по приказу царя.

Гр. Фредериксъ объявилъ Кириллу Владимiровичу, что императоръ повелѣваетъ ему въ тотъ же день выѣхать обратно за-границу и что доступъ въ Россiю ему впредь воспрещенъ. О прочихъ налагаемыхъ на него наказанiяхъ онъ узнаетъ по прибытiи на мѣсто своего жительства. Въ тотъ же день, въ 12 часовъ ночи, великiй князь покинулъ Петербургъ.

Владимiръ Александровичъ былъ глубоко оскорбленъ этой мѣрою, принятой государемъ по отношенiю къ сыну безъ увѣдомленiя отца, и на другой же день отправился къ императору. Послѣ его возвращенiя свитѣ стало извѣстно, что Владимiръ Александровичъ заявилъ царю о своей обидѣ и высказалъ, что, при такихъ обстоятельствахъ, онъ государю больше служить не можетъ и проситъ сложить съ него командованiе войсками гвардiи и С.-Петербургскаго военнаго округа. Императоръ на это согласился и соизволилъ назначить на его мѣсто великаго князя Николая Николаевича.

При передачѣ должности Владимiръ Александровичъ почелъ себя сугубо обиженнымъ тѣмъ, что Николай Николаевичъ не только его не посѣтилъ, но и отчислилъ трехъ его адъютантовъ по должности командующаго войсками, въ томъ числѣ и Илью Татищева. Послѣдняго, впрочемъ, вскорѣ взялъ въ свою свиту государь.

Крутая мѣра, принятая по отношенiю къ Кириллу Владимiровичу, конечно, приписывалась, главнымъ образомъ, влiянiю императрицы Александры Федоровны. Полагали, что, оскорбленная бракомъ великаго князя съ разведенной супругой своего брата, она и добилась столь суроваго наказанiя, тѣмъ болѣе, что Кириллъ Владимiровичъ являлся третьимъ лицомъ по престолонаслѣдiю.

Отношенiя Марiи Павловны и царицы, конечно, отъ этого еще ухудшились.

Послѣ рожденiя у Кирилла Владимiровича дочери возникъ острый вопросъ — какъ именовать новорожденную отъ брака, не признаннаго

государемъ. Этотъ вопросъ долго обсуждался. Фредериксъ совѣщался съ министромъ юстиціи и никакъ не могъ найти выхода. Наконецъ, императоръ согласился признать бракъ и дать новорожденной соотвѣтствующій ея рангу титулъ. Но великому князю, все-таки, не было разрѣшено вернуться въ Россію. Это соизволеніе послѣдовало лишь послѣ смерти Владиміра Александровича, когда Кириллу Владиміровичу вернули и прочія великокняжескія преимущества.

Великая княгиня Марія Павловна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, умная, образованная и любознательная женщина, представляла удивительно подходящую пару для Владиміра Александровича. Ихъ супружеская жизнь, несмотря на то, что и мужъ и жена были натуры волевыя и характера самостоятельнаго, протекала вполнѣ благополучно. Великая княгиня окружала себя выдающимися людьми и въ своемъ дворцѣ въ Петербургѣ, и въ многократныхъ заграничныхъ поѣздкахъ. Вела она и обширную переписку съ многими видными дѣятелями Европы. Сходство ума ея съ императрицей Екатериной доходило до того, что Марію Павловну считали свободомыслящею. Въ дѣйствительности, она была передовою женщиной и считалась съ условіями времени.

Приведу примѣръ поразительнаго умѣнія ея высочества очаровывать людей. Великокняжеская чета была приглашена на освященіе памятника Царю-освободителю въ Софію, гдѣ Владиміръ Александровичъ представлялъ государя. Во дворцѣ былъ назначенъ парадный обѣдъ, а послѣ него пріемъ. Передъ самымъ обѣдомъ мнѣ удалось урвать отъ нашей перегруженной программы нѣсколько минутъ, чтобы наскоро посвятить Марію Павловну въ то, съ кѣмъ она встрѣтится и что представляютъ собою приглашенные. И въ теченіе болѣе трехъ часовъ за обѣдомъ и пріемомъ великая княгиня была оживленнымъ центромъ непрерывной бесѣды и успѣла всѣхъ очаровать. При этомъ, она не допустила ни малѣйшей оплошности. Когда я поздравилъ ее съ успѣхомъ и высказалъ удивленіе ея дипломатическимъ способностямъ, она отвѣтила:

— Надо знать свое ремесло. Вы можете повторить это и большому двору.

Должно сознаться, — великая княгиня знала свое «ремесло» въ совершенствѣ. Дворъ ея первенствовалъ въ Петербургѣ. Ея рождественскіе базары въ залахъ дворянскаго собранія затмевали всѣ другія благотворительныя затѣи. Ей удавалось собирать значительныя суммы, привлекая на свои пріемы лицъ богатыхъ, которыя, по своему рожденію и положенію въ обществѣ, не имѣли бы доступа въ высшіе его слои, и охотно открывали свои кошельки, чтобы отблагодарить Марію Павловну за гостепріимство.

Ея высочество любила награждать своихъ помощниковъ и любимцевъ придворными званіями, и я страшно волновался, когда, передъ праздниками, она звала меня къ себѣ. Помню, мнѣ какъ-то пришлось ей указать, что пожалованіе ея протежэ того званія, о которомъ она проситъ, будетъ

неслыханной вещью. Она выслушала меня съ неудовольствіемъ и, когда я уходилъ, сказала:

— Разъ вы не хотите сдѣлать этого для меня, я найду другую протекцію. Но мой кандидатъ получитъ именно то придворное званіе, къ которому онъ болѣе всего подходитъ.

И, дѣйствительно, въ послѣднюю минуту государь прислалъ Фредериксу записку сдѣлать такого-то церемоніймейстеромъ. Высочайшее повелѣніе было исполнено; и за это министра и меня ругали во всѣхъ клубахъ. Графъ не выдержалъ, поѣхалъ къ великой княгинѣ и въ дружескомъ тонѣ просилъ не подводить впередъ ни царя, его. Марія Павловна не разсердилась и отвѣтила:

— Другой разъ обѣщайте и не дѣлайте. Тогда одна я буду васъ бранить.

— Это будетъ для меня еще большимъ огорченіемъ, — возразилъ графъ.

Она разсмѣялась, и такіе инциденты больше не повторялись. Ея высочество очень любила и цѣнила моего начальника.

Дворъ великой княгини блисталъ фрейлинами, которыя были одна краше другой, при томъ всѣ умницы и веселаго нрава. Марія Павловна требовала, чтобы и вся прислуга имѣла элегантный и красивый видъ. Изъ своихъ гостей она сближалась только съ тѣми, кто умѣлъ разговаривать и не давалъ скучать.

Съ этими-то ближайшими и наиболѣе вліятельными родственниками отношенія большого двора и стали наиболѣе натянутыми. Ревность между двумя дворами, поддерживаемая постоянными мелкими уколами, порождала инциденты, подобно описанному мною съ ялтинскими госпиталями. Этотъ случай положилъ конецъ родственнымъ отношеніямъ между императорской четой и Маріей Павловной.

8. ВЕЛ. КН. АЛЕКСѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, ДВОРЪ И ОБЩЕСТВО.

Въ 1909 г. скончался въ Парижѣ великій князь Алексѣй Александровичъ, братъ императора Александра III-го. Сложивъ съ себя званіе генералъ-адмирала послѣ гибели эскадры Рожественскаго при Цусимѣ, онъ послѣдніе годы своей жизни провелъ во Франціи.

Это былъ одинъ изъ самыхъ красивыхъ, по внѣшности, членовъ императорской фамиліи. Я убѣдился въ Парижѣ насколько онъ поражалъ своею наружностью. Какъ-то, гуляя на Бульварахъ, я замѣтилъ впереди себя высокаго мужчину. Прохожіе, видя его, останавливались, а нѣкоторые даже восклицали: «Какой красавецъ!» Подойдя ближе, я узналъ великаго князя, въ штатскомъ платьѣ, съ покупками въ рукахъ.

Алексѣй Александровичъ, еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, увлекся фрейлиной Жуковскою, и, какъ говорили тогда, вступилъ съ нею въ тайный бракъ и имѣлъ отъ нея сына, получившаго фамилію графа Бѣлевскаго. Впрочемъ, по болѣе позднимъ справкамъ у членовъ императорской

фамиліи, слухи о бракѣ великаго князя Алексѣя Александровича невѣрны. Бракъ съ фрейлиной Жуковской заключенъ не былъ*).

До брака Александра II съ княжною Долгорукою, положившаго начало ряду морганатическихъ супружествъ семьи Романовыхъ, въ русской исторіи былъ только одинъ примѣръ такого брака — великаго князя Константина Павловича съ графинею Грудзинской (княгиня Ловичъ). Всѣ другіе браки или остались совершенно неизвѣстными, или о нихъ зналъ весьма ограниченный кругъ лицъ, какъ, напримѣръ, о бракѣ императрицы Елисаветы и князя Разумовскаго**).

Алексѣй Александровичъ былъ человѣкомъ атлетической силы, обладалъ большою жизненною энергіею и любилъ военно-морскую среду, въ которой провелъ большую часть своей жизни. Онъ жилъ въ прекрасномъ дворцѣ, на Мойкѣ, гдѣ, правда, — весьма рѣдко, но все же иногда устраивалъ балы, зато очень блестящіе и роскошно обставленные. Давались они, главнымъ образомъ, въ царствованіе брата великаго князя, императора Александра III, который временами ихъ посѣщалъ. Великій князь въ то время очень дружилъ съ герцогомъ Евгеніемъ М. Лейхтенбергскимъ, состоявшимъ тогда въ бракѣ съ Зинаидой Дмитріевной Скобелевой, получившей впослѣдствіи титулъ и фамилію графини Богарнэ.

Предлогъ къ этому пожалованію, якобы, былъ слѣдующій. Сынъ Евгенія Богарнэ отъ брака его съ принцессою Баварской, Максимиліанъ, пріѣхалъ въ Россію въ царствованіе императора Николая Павловича и, благодаря своей исключительной красотѣ, увлекъ собою любимую дочь государя, великую княжну Марію Николаевну. Еще по случаю брака его отца король баварскій пожаловалъ Богарнэ титуломъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ. Императоръ, въ свою очередь, наградилъ дѣтей великой княгини званіемъ императорскаго высочества и князьями Романовскими. Вдобавокъ, — правда, послѣ всѣхъ другихъ членовъ царской семьи, настоящихъ и будущихъ, — онъ и его потомство получили право членовъ императорской фамиліи, все же безъ права пользованія удѣльными доходами. Такимъ образомъ, герцоги Лейхтенбергскіе, нигдѣ и никогда не царствовавъ, почитались, правда, въ одной только Россіи, высочайшими особами, согласно примѣчанія, внесеннаго императоромъ Николаемъ I въ основные законы имперіи.

Баварскій посланникъ, послѣ пожалованія Александромъ III супругѣ Евгенія Максиміліановича титула графини Богарнэ, хотѣлъ протестовать,

*) Она впослѣдствіи вышла замужъ за барона фонъ Верманъ и въ 1893 г. скончалась въ Дрезденѣ.

**) Для полноты, упомяну неравнородный союзъ великой княгини Маріи Николаевны, вдовствующей герцогини Лейхтенбергской. сестры Александра II, съ оберъшенкомъ гр. Строгановымъ. Бракъ этотъ былъ заключенъ съ высочайшаго соизволенія.

такъ какъ предварительно не снеслись съ его дворомъ. Но престижъ наря былъ такъ великъ, что ретивый дипломатъ долженъ былъ умолкнуть.

Зинаида Дмитріевна, или, какъ обыкновенно ее звали, Зина Богарнэ, была удивительно привлекательна, красива и жизнерадостна. Въ ея честь и для ея удовольствія великій князь Алексѣй и открывалъ двери своего дворца петербургскому бо-монду. Графиня не долго блистала, какъ царица нашего «большого свѣта». Она скончалась совсѣмъ еще молодой, послѣ короткой болѣзни.

У Евгенія Максимиліановича была отъ перваго, также морганатическаго, брака дочь*), которая, еще при жизни мачехи, начала выѣзжать и вскорѣ вышла замужъ за князя Льва Михайловича Кочубея. Долли Кочубей, какъ ее обычно звали, также пользовалась немалымъ успѣхомъ въ обществѣ**).

Видной петербургской дамой являлась и сестра Зины Богарнэ, княгиня Надежда Дмитріевна Бѣлосельская - Бѣлозерская, мужъ которой, князь Константинъ Эсперовичъ, былъ очень близокъ Александру III, хотя политическаго значенія не имѣлъ. Въ молодости Бѣлосельскіе много принимали въ своемъ домѣ на Невскомъ, у Аничкова моста, а лѣтомъ — въ своемъ дворцѣ на Крестовскомъ островѣ. Позже, когда ихъ громадное состояніе пошатнулось, они продали домъ великому князю Сергію Александровичу наканунѣ его свадьбы.

Дочери княгини Надежды Дмитріевны вышли замужъ, одна, Елена, за князя Виктора Кочубея, начальника удѣловъ; а другая, Ольга, за князя Владиміра Орлова, начальника канцеляріи главной квартиры, правнука графа Алексѣя Орлова, временщика императрицы Екатерины II.

Первая, по своимъ и мужа вкусамъ, не любила свѣтской жизни, чувствовала себя лучше въ историческомъ имѣніи Кочубеевъ подъ Полтавою, Диканькѣ, и тамъ принимала лишь близкихъ друзей князя.

Ольга Орлова, напротивъ, любила пріемы у себя на Мойкѣ. Особнякъ этотъ, по внутренней обстановкѣ, походилъ на музей. У нея собирались дипломаты и дамы, щеголявшія въ платьяхъ отъ лучшихъ портнихъ Парижа.

Какъ и у Орловыхъ, дипломаты находили гостепріимство у графини Клейнмихель, рожденной графини Келлеръ, въ ея домѣ на Сергіевской. У нея, конечно, не было той роскоши, какъ у Бѣлосельскихъ и Орловыхъ, но умъ и привлекательность хозяйки давали ей возможность не безъ успѣха конкурировать съ ними.

Упоминаю объ этихъ домахъ, какъ знакомыхъ мнѣ ближе другихъ. Кромѣ нихъ, много принимали графиня Бетси Шувалова, рожденная княж-

*) Первымъ бракомъ Ев. Макс. былъ женатъ на Опочининой, получившей титулъ и фамилію графини Богарнэ.

**) Она во время великой войны развелась и вышла замужъ за барона Гревеница, — съ которымъ тоже вскорѣ развелась — и просила высочайшаго соизволенія именоваться графиней Богарнэ, но въ этомъ ей было отказано.

на Барятинская, Воронцовы, Шереметевы и т. д. (послѣднія двѣ названныя семьи не очень любили иностранцевъ). На этихъ пріемахъ дипломатовъ поражала роскошь нашей «Сѣверной Пальмиры».

Я упомянулъ о женѣ и дочери Евгенія Максимиліановича, этихъ двухъ львицахъ петербургскаго совѣта, чтобы обратить вниманіе, какъ былъ силенъ царскій престижъ того времени. Дамы, имѣвшія лишь косвенное отношеніе къ императорской фамиліи, пользовались совершенно особымъ положеніемъ въ обществѣ, и съ ними обращались почти такъ же, какъ съ высочайшими особами.

Благодаря обилію блестящихъ великосвѣтскихъ домовъ при Александрѣ III, когда дворцовыхъ пріемовъ было совсѣмъ мало, и въ царствованіе Николая II, когда, изъ-за слабаго здоровья императрицы, тоже не было такихъ частыхъ празднествъ, какъ при Александрѣ II, Петербургъ все же оставался одною изъ самыхъ элегантныхъ и свѣтскихъ столицъ Европы.

Я упоминаю лишь о тѣхъ домахъ, которые принадлежали исключительно къ аристократіи, и не говорю о немаломъ количествѣ разныхъ «нуворишей», старавшихся не отставать отъ большого свѣта. Жизнь Петербурга мало измѣнилась со временъ моей молодости, т. е. съ послѣдней четверти XIX вѣка, до японской войны. Лишь послѣ этой катастрофы началъ замѣчаться нѣкоторый упадокъ свѣтской жизни. Однако, уже съ десятаго года нынѣшняго столѣтія, казалось, что въ высшемъ обществѣ возвращаются къ старымъ нравамъ. Но недовольство въ низахъ, все увеличиваясь, подкапывало оптимизмъ свѣта, и во время великой войны это настроеніе, съ первыхъ же нашихъ неудачъ, перешло въ мрачный пессимизмъ. Легкомысленные представители общества думали исключительно с своемъ благополучіи. Ища виновника неудачъ Россіи, они обрушились на государя, а особенно — на Александру Федоровну.

Видя невозможность отдалить императрицу отъ царя, они стали мечтать о дворцовомъ переворотѣ, не понимая, что, при тогдашнемъ настроеніи низовъ, онъ неминуемо поведетъ къ революціи и къ ихъ же гибели. Безнаказанность убійства Распутина дала примѣръ для дальнѣйшаго самоуправства, но уже въ массахъ.

Съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ я былъ очень мало знакомъ, и пришлось мнѣ впервые придти съ нимъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе по слѣдующему поводу.

Супруга принца Александра Петровича Ольденбургскаго, Евгенія Максимиліановна, имѣла большую конфетную фабрику «Рамонь», въ которую вложила почти все свое состояніе. Дѣла этого предпріятія шли очень скверно и ему грозило банкротство. Тогда принцъ Ольденбургскій обратился къ министру двора съ просьбой о займѣ изъ удѣльнаго вѣдомства. Князь Кочубей, начальникъ удѣловъ, запротестовалъ, не желая устанавливать прецедента. Министерство финансовъ также рѣшило, что подобный кредитъ по закону выданъ быть не можетъ. Тогда Александръ Петровичъ прибѣгнулъ къ помощи членовъ императорской фамиліи.

Государь поручилъ Алексѣю Александровичу собрать семейный совѣтъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, чтобы обсудить, какъ помочь Евгеніи Максимиліановнѣ и не допустить несостоятельности. На этомъ совѣтѣ были, кромѣ членовъ императорской фамиліи, графъ Фредериксъ, министръ финансовъ В. Н. Коковцевъ, князь Кочубей и я, въ качествѣ секретаря.

Собрался совѣтъ въ роскошной столовой великаго князя. Открывъ совѣщаніе, онъ предоставилъ слово Коковцеву. Министръ, въ цвѣтистой рѣчи, съ обычнымъ умѣніемъ, изложилъ во всѣхъ подробностяхъ дѣло. Краснорѣчіе его длилось болѣе получаса. Аудиторія, не привыкшая слушать столь продолжительныя рѣчи, немного осовѣла. Когда Владиміръ Николаевичъ кончилъ, то его нѣсколько озадачило обращеніе великаго князя:

— Въ чемъ же именно дѣло?

Коковцевъ отвѣтилъ, что онъ только что изложилъ это въ своемъ докладѣ высокому собранію. Но предсѣдатель обратился къ нему со вторичной просьбой высказать въ краткихъ словахъ что именно требуется отъ членовъ царской семьи, дабы помочь Евгеніи Максимиліановнѣ. Министру пришлось исполнить эту просьбу.

Послѣ краткаго обсужденія рѣшили, что помочь Евгеніи Максимиліановнѣ долженъ, прежде всего, ея супругъ принцъ Александръ Петровичъ, и лишь когда на это не хватитъ у него средствъ, можно прибѣгнуть къ императорской фамиліи. Тутъ же приняли резолюцію, подсказанную тѣмъ же В. Н. Коковцевымъ, которую я сейчасъ же письменно изложилъ. Протоколъ былъ всѣми присутствующими подписанъ, и великій князь долженъ былъ представить его на высочайшее утвержденіе. Прощаясь со мной, Алексѣй Александровичъ сказалъ, что вызоветъ меня послѣ всеподданнѣйшаго своего доклада.

Прошло болѣе недѣли. Меня не вызывали, и я рѣшилъ поѣхать самъ къ его высочеству. Великій князь принялъ меня очень любезно. На мой вопросъ, утвердилъ ли государь рѣшеніе совѣта, онъ сказалъ, что на другой день послѣ совѣщанія искалъ протоколъ и, не найдя его, подумалъ, что онъ, быть можетъ, остался у меня. Я напомнилъ Алексѣю Александровичу, гдѣ именно я ему передалъ злосчастную бумагу. Начались новые поиски, въ которыхъ дѣятельное участіе принималъ камердинеръ великаго князя Чемодуровъ*).

Поиски остались тщетными. Тогда великій князь заявилъ, что особой бѣды нѣтъ — хотя бумага и пропала, но онъ помнитъ приблизительно ее содержаніе и доложитъ государю устно.

Исполнилъ ли Алексѣй Александровичъ свое предположеніе объ устномъ докладѣ, я не знаю, но слыхалъ, что затѣмъ было еще два семей-

---

*) Послѣ кончины его высочества, онъ былъ взятъ государемъ къ себѣ на ту же должность.

ныхъ совѣта, подъ предсѣдательствомъ уже великаго князя Константина Константиновича, на которыхъ присутствовало очень мало членовъ императорской фамиліи. Эти совѣщанія пошли навстрѣчу пожеланіямъ Александра Петровича. Часть членовъ царскаго дома оказалась, впрочемъ, несогласна съ принятымъ рѣшеніемъ и представила государю протестъ, указывая, что дѣла Ольденбургскаго дома не касаются императорской фамиліи, тѣмъ паче, что у принца есть большіе капиталы въ Ольденбургѣ, изъ которыхъ онъ пусть и помогаетъ своей супругѣ.

Въ концѣ концовъ, министръ двора доложилъ объ этихъ разногласіяхъ государю. Его величеству благоугодно было все же оказать крупную матеріальную помощь принцессѣ. Многіе изъ великихъ князей остались этимъ крайне недовольны.

9. ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ СЕРГѢЙ И ПАВЕЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧИ.

За все время, мною описываемое, вплоть до своей безвременной кончины, в. кн. Сергѣй Александровичъ былъ генералъ-губернаторомъ нашей первопрестольной столицы. Очень высокаго роста, весьма породистой красоты и чрезвычайно элегантный, онъ производилъ впечатлѣніе исключительно холоднаго человѣка. Я лично очень мало зналъ его, но думаю, что онъ былъ бы отличнымъ администраторомъ Москвы, но вѣкомъ раньше. Офицеры Преображенскаго полка, которымъ онъ много лѣтъ командовалъ, очень любили его высочество.

Государь относился къ нему съ явнымъ уваженіемъ, но, повидимому, особенной интимности между дядей и племянникомъ не было, хотя они были женаты на двухъ сестрахъ, къ тому же, очень дружныхъ. Симпатіи вел. князя клонились къ крайне реакціоннымъ теченіямъ, но вліяніе его на императора не сказывалось. Преслѣдуемый террористами, Сергѣй Александровичъ палъ жертвой покушенія эсеровъ.

Вел. князь Павелъ Александровичъ, въ сравнительно молодые годы, обвѣнчался съ дочерью короля эллиновъ Георга и королевы Ольги Константиновны. Бракъ этотъ былъ очень счастливымъ. Вел. княгиню Александру Георгіевну, сверстницу и двоюродную сестру всего молодого поколѣнія императорской фамиліи, всѣ очень любили. Этой симпатичной четѣ было легко занять выдающееся положеніе въ Петербургѣ. Черезъ годъ у нихъ родился ребенокъ — вел. княжна Марія Павловна; годъ спустя — второй, Дмитрій Павловичъ, послѣ родовъ котораго Александра Георгіевна скончалась.

Молодой, но блестящій дворъ Павла Александровича опустѣлъ. Вел. князь со своими дѣтьми уѣхалъ въ Ильинское, подмосковное имѣніе брата Сергѣя Александровича, съ которымъ былъ очень друженъ. Бездѣтная супруга его высочества, Елисавета Федоровна, ревностно взялась за воспитаніе осиротѣвшихъ племянниковъ, стараясь замѣнить имъ мать.

Еще до рожденія сына, Павелъ Александровичъ получилъ въ командованіе мой родной конный полкъ, куда въ день своего рожденія былъ

зачисленъ и Дмитрій Павловичъ. Въ полку искренне любили и цѣнили великаго князя за поддержаніе старыхъ традицій и блестящей строевой репутаціи конногвардейцевъ.

Вдовецъ, жившій далеко отъ дѣтей, вел. князь увлекся женой одного изъ адъютантовъ своего брата, Владиміра Александровича, — фонъ Пистолькорса. Ольга Валеріановна развелась съ мужемъ, но государь не счелъ возможнымъ дать Павлу Александровичу разрѣшеніе на морганатическій бракъ, въ виду близости вел. князя, — дяди императора, къ престолу. Но увлеченіе взяло верхъ надъ долгомъ послушанія главѣ дома, и великій князь, сдавъ полкъ, обвѣнчался тайно за границей. Императоръ оказался въ тяжеломъ положеніи. Ему пришлось примѣнить максимальное наказаніе. Его высочество былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и должностей съ воспрещеніемъ въѣзда въ Россію.

Послѣ убійства Сергѣя, любимаго брата Павла, государь вернулъ дядѣ генералъ-адъютантскій мундиръ и вызвалъ его для присутствія на похоронахъ. Нѣкоторое время спустя, послѣ долгой переписки, разрѣшили, въ концѣ концовъ, вернуться и его морганатической супругѣ. Тутъ возникъ вопросъ о мѣстѣ, которое Ольга Валеріановна, получившая титулъ и фамилію графини Гогенфельзенъ отъ короля баварскаго, можетъ занять при дворѣ, гдѣ до сихъ поръ морганатическихъ женъ не появлялось. Вел. князь составилъ на этотъ счетъ шесть довольно смѣлыхъ пунктовъ, объ утвержденіи которыхъ просилъ государя. Въ нихъ было замѣтно сильное вліяніе графини на супруга. Но и государь находился подъ вліяніемъ императрицы. Онъ вычеркнулъ наиболѣе новаторскія требованія Павла Александровича, рѣшивъ, что Ольга Валеріановна получитъ лишь рангъ жены генералъ-адъютанта. Но онъ согласился, чтобы графиня была представлена своимъ новымъ родственницамъ, великимъ княгинямъ, не черезъ посредство ихъ гофмейстеринъ, а самимъ великимъ княземъ, ея супругомъ. Также было разрѣшено ей не расписываться во дворцовыхъ книгахъ, а оставлять визитныя карточки.

Павелъ Александровичъ былъ искренне благодаренъ своему племяннику за урегулированіе труднаго вопроса. Но мелкія препятствія создали у него осадокъ непріязни къ императрицѣ, хотя наружно отношенія казались вполнѣ сердечными.

Великокняжеская чета съ дѣтьми поселилась въ Царскомъ Селѣ, во вновь выстроенномъ ими дворцѣ. Графиня, благодаря покровительству Маріи Павловны — старшей, съ давнихъ поръ весьма благоволившей къ ней, хорошо была принята петербургскимъ обществомъ, которое очень охотно стало посѣщать новый, жизнерадостный дворъ Павла Александровича.

Когда началась война, графиня не пожелала болѣе носить нѣмецкой фамиліи. По ходатайству вел. князя, государь пожаловалъ его семьѣ фамилію Палѣй — казачьяго атамана, бывшаго въ родствѣ съ Карновичъ

(дѣвичья фамилія Ольги Валеріановны), съ княжескимъ титуломъ. Это, если не ошибаюсь, единственный случай пожалованія княжескаго титула за все царствованіе Николая II.

При дворѣ и между членами царской семьи Павелъ Александровичъ не имѣлъ того авторитета, какимъ пользовался его братъ. Владиміръ Александровичъ. Это сказалось въ трудную минуту, когда государыня оставалась одна въ Царскомъ Селѣ и не имѣла твердой мужской поддержки. Причастность Дмитрія Павловича, сына Павла Александровича отъ перваго брака, къ дѣлу объ убійствѣ Распутина еще увеличила рознь между дворами.

Павелъ Александровичъ продолжалъ жить въ Царскомъ Селѣ до ареста большевиками. Княгиня Палѣй проявила чудеса храбрости, пытаясь, но тщетно, спасти своего супруга. Великаго князя разстрѣляли; сына ея одновременно умучили въ Алапаевскѣ. Княгиня съ двумя дочерьми бѣжала во Францію.

10. СЫНОВЬЯ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

Великій князь Николай Константиновичъ, старшій сынъ Константина Николаевича, страдалъ неизлѣчимымъ психическимъ разстройствомъ. Онъ провелъ большую часть жизни въ Туркестанѣ, гдѣ и скончался послѣ революціи, еще до захвата тамъ власти большевиками.

Второй братъ, человѣкъ весьма красивый, высокаго роста, элегантный, Константинъ Константиновичъ, поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ «К Р.», былъ женатъ на принцессѣ Саксонской. У нихъ было 9 человѣкъ дѣтей. Вел. князь любилъ искусство и особенно увлекался литературой. Назначенный начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, онъ много сдѣлалъ для молодого поколѣнія нашихъ офицеровъ и былъ ими очень любимъ.

Я близко зналъ младшаго брата его высочества, Дмитрія. Вел. князь Дмитрій Константиновичъ, по скромности характера, мало кому и въ Россіи былъ извѣстенъ, хотя отличался рѣдкими качествами. Политической роли вел. князь никогда не игралъ. Онъ былъ всесторонне образованнымъ человѣкомъ и интереснымъ собесѣдникомъ, но въ бесѣдѣ съ нимъ не слѣдовало касаться ни вопросовъ современной политики, ни психологіи женщинъ: Дмитрій Константиновичъ былъ опредѣленный женофобъ.

Любимой темой его разговора являлись лошади, коннозаводство и коневодство. Этимъ двумъ отраслямъ хозяйства онъ посвятилъ себя полностью, основательно ихъ изучилъ и примѣнилъ свои познанія сначала на купленномъ имъ большомъ конскомъ заводѣ Дубровка, Полтавской губерніи, а впослѣдствіи — какъ завѣдующій государственнымъ коннозаводствомъ. Отъ этой должности онъ, впрочемъ, скоро отказался, считая, что можетъ принести больше пользы, сосредоточивъ все вниманіе на собственномъ заводѣ. И это было не фраза, а искреннее убѣжденіе его высочества.

Съ Дмитріемъ Константиновичемъ я впервые познакомился, когда, послѣ долгаго пребыванія въ Болгаріи, вернулся въ свой полкъ, куда вел. князь былъ зачисленъ во время моего отсутствія. Въ полку онъ мало съ кѣмъ сходился и никакой выдающейся роли не игралъ. Причиною была страшная застѣнчивость и педантическое распредѣленіе дня. Все его время уходило на служебныя занятія, чтеніе и самообразованіе, а также на аккуратное посѣщеніе богослуженій. Кромѣ того, Дмитрій Константиновичъ строго придерживался «сухого режима», не пилъ ни вина, ни другихъ спиртныхъ напитковъ и избѣгалъ мало-мальски фривольныхъ разговоровъ. Поэтому онъ посѣщалъ лишь офиціальныя собранія.

Вел. князь мнѣ позже разсказывалъ, почему никто изъ сыновей генералъ-адмирала Константина Николаевича не сталъ морякомъ. Оба старшихъ брата вышли въ офицеры: Николай Константиновичъ — въ конную гвардію а Константинъ Константиновичъ — въ Измайловскій полкъ. Дмитрія же Константиновича съ дѣтства предназначали въ моряки. Безумно любя лошадей, великій князь просился въ конногвардейцы, какъ и старшій братъ, но отецъ заявилъ, чтобы онъ не смѣлъ даже мечтать о гвардіи, а готовился въ моряки. Его высочество подчинился, надѣлъ морскую форму и былъ отправленъ въ учебное плаваніе. Оказалось, что онъ моря не переноситъ и страшно страдаетъ отъ морской болѣзни. Вернувшись домой подъ впечатлѣніемъ морскихъ передрягъ вел. князь, усердно помолившись, отправился въ кабинетъ къ родителю. Онъ сталъ на колѣни передъ отцомъ и умолялъ избавить его отъ морской службы. Константинъ Константиновичъ ничего слышать не хотѣлъ. «И Нельсонъ, — говорилъ онъ, — страдалъ морской болѣзнью, а все же сталъ знаменитымъ адмираломъ». Наконецъ, сжалилась мать, и, лишь послѣ долгихъ ея просьбъ, строгій родитель согласился отдать Дмитрія Константиновича въ конную гвардію. Такъ какъ старшій братъ, въ бытность въ полку, велъ жизнь весьма разсѣянную, то Дмитрію Константиновичу была дана строгая инструкція: ему не подражать. По добросовѣстности натуры, онъ родительскій приказъ исполнялъ пунктуально.

Уже командуя Конногренадерскимъ полкомъ, Дмитрій Константиновичъ убѣдился, что «сухой режимъ» мѣшаетъ его сближенію съ офицерами, и исходатайствовалъ у своей матушки разрѣшеніе пить вино. Послѣ этого онъ скоро сдружился съ полкомъ и имѣлъ прекрасное вліяніе на офицеровъ, которые его искренне любили.

Я ближе сошелся съ Дмитріемъ Константиновичемъ на «лошадиномъ вопросѣ». Узнавъ его высочество и преодолѣвъ его застѣнчивость, я искренне привязался къ нему. Когда Александръ III поручилъ Дмитрію Константиновичу произвести опытъ снабженія кавалеріи лошадьми черезъ государственное коннозаводство, вел. князь просилъ государя дать ему въ помощь меня, какъ болѣе опытнаго въ пріемкѣ лошадей. И втеченіе многихъ лѣтъ я помогалъ великому князю, состоя при военномъ министрѣ по кавалерійской части. Два года мы ѣздили съ его высочествомъ по за-

зодамъ, а затѣмъ я гостилъ у него въ Дубровкѣ, гдѣ мы вмѣстѣ составляли отчетъ о нашей командировкѣ.

Въ нашихъ странствованіяхъ намъ приходилось заѣзжать въ такіе захолустные города, куда, конечно, никто изъ членовъ царской семьи, да и изъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ, никогда не заглядывалъ. Дмитрій Константиновичъ, по своей скромности, старался по возможности избѣгать всякихъ встрѣчъ и привѣтствій. Но стоило мнѣ заикнуться, что его долгъ, какъ великаго князя, показаться собравшемуся народу, и онъ, какъ ему это ни было трудно, выходилъ и очень хорошо отвѣчалъ на привѣтствія. Но затѣмъ его высочество убѣгалъ въ свое купэ и опускалъ занавѣски, чтобы его больше не безпокоили.

Помню, какъ - то разъ мы услышали сидя въ купэ, разговоръ двухъ парней:

— Ну, что, видалъ великаго князя, каковъ онъ?

— Человѣкъ, какъ человѣкъ, только «долготѣлистный».

— А звѣзда у него на груди была?

— Нѣтъ.

— Такъ, пожалуй, это и не великій князь...

Надо замѣтить, что у всѣхъ Константиновичей и, особенно, у великаго князя Дмитрія, были длинныя шеи при высокомъ ростѣ. Великому князю очень понравился данный ему крестьяниномъ эпитетъ, и онъ много разъ его потомъ вспоминалъ...

Относительно государственной службы великихъ князей Дмитрій Константиновичъ высказывался такъ:

— Конечно, великіе князья должны проходить службу субалтернъ-офицерами въ частяхъ, но такъ, чтобы съ ними обращались наравнѣ съ прочими офицерами. Если полюбятъ строевую службу, пускай двигаются въ общемъ порядкѣ. Однако, назначеніе ихъ на высшія должности я не считаю правильнымъ, такъ какъ все же они безотвѣтственны. Если же у нихъ окажутся непорядки, то это уменьшитъ престижъ государя.

— А вы бы приняли завѣдываніе государственнымъ коннозаводствомъ?

— Охотно бы принялъ, если бы приходилось завѣдывать только лошадьми. Но тамъ есть люди, и вы видѣли съ какими недостатками. Знаю, что меня прочатъ на это мѣсто, и чувствую, что въ дѣлѣ выращиванія конскаго состава я могъ быть дѣйствительно полезенъ, но съ людьми, боюсь, не справлюсь. Не принять этого назначенія я не могу. Но приму съ условіемъ, что меня освободятъ отъ службы, какъ только я увижу, что съ дѣломъ справиться не могу.

Однажды великій князь поручилъ мнѣ передать довольно значительную сумму на поддержаніе бѣдной церкви въ деревнѣ, черезъ которую мы проѣзжали. Я ему замѣтилъ:

— При такихъ щедрыхъ дарахъ, вамъ, пожалуй, не хватитъ вашихъ удѣльныхъ доходовъ.

— Удѣльныя деньги намъ даются не для того, чтобы мы на нихъ сибаритничали, а для поддержанія престижа широкой помощью и добрыми дѣлами.

Незадолго до войны, Дмитрій Константиновичъ, котораго я давно не видалъ, протелефонировалъ мнѣ и попросилъ выбрать день, когда я буду свободенъ, чтобы отобѣдать у него и потомъ посидѣть.

За обѣдомъ его высочество огорченно жаловался, что никто изъ его многочисленныхъ племянниковъ лошадей не любитъ и коннозаводствомъ не интересуется. А поднятіе и постепенное улучшеніе русскихъ породъ требуетъ работы нѣсколькихъ поколѣній.

Мечтой великаго князя было воскресить орловско-ростопчинскую породу лошадей, постепенно улучшая ее подборомъ и воспитаніемъ. Достигнутые имъ результаты были дѣйствительно поразительны.

Пожертвовать свой заводъ государственному коннозаводству онъ боялся, такъ какъ тамъ работали по той системѣ, которая временно была въ модѣ.

Послѣ обѣда Дмитрій Константиновичъ принесъ проектъ своего духовнаго завѣщанія и мы до поздней ночи обдумывали, какъ упрочить будущность завода, въ который великій князь вложилъ и все свое состояніе и всю свою не малую энергію.

Было рѣшено, что его высочество еще разъ позоветъ меня, чтобы, до представленія завѣщанія на утвержденіе государю, окончательно рѣшить вопросъ о заводѣ. Вскорѣ началась война, а за нею послѣдовала революція. Случайно я узналъ, что Дубровскій заводъ разграбленъ, жеребымъ кобыламъ вспороли животы, какъ и на заводѣ князя Владиміра Орлова. Самъ же великій князь былъ разстрѣлянъ въ Петропавловской крѣпости 15 января 1919 г. вмѣстѣ съ великими князьями Павломъ Александровичемъ и Николаемъ Михайловичемъ. Особенно жаль такого хорошаго человѣка и жаль гибели умѣло созданнаго имъ серьезнаг государственнаго начинанія.

11. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТАРШІЙ И ДѢЛО ВЪ СЕРАПИНѢ.

У фельдмаршала вел. кн. Николая Николаевича-старшаго были два сына — Николай Николаевичъ-младшій и Петръ Николаевичъ. Передъ тѣмъ, какъ описывать младшее поколѣніе, разскажу о своей встрѣчѣ съ ихъ родителемъ, характерной для старшаго поколѣнія императорской фамиліи.

Въ 1874 г. я былъ вольноопредѣляющимся — однимъ изъ первыхъ — въ Конномъ полку. Тогда переводили отъ рекрутскихъ наборовъ, со срокомъ службы въ 15 лѣтъ, къ общевойнской повинности. Я и мои товарищи изъ гвардіи держали офицерскій экзаменъ въ Константиновскомъ пѣхотномъ военномъ училищѣ, впослѣдствіи артиллерійскомъ, на Загородномъ проспектѣ. Насъ экзаменовалось человѣкъ 20, изъ нихъ 6—7 изъ гвар-

дейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Помню до сихъ поръ, что было четверо кавалергардовъ: князь Михаилъ Дондуковъ-Корсаковъ, Богданъ Хвощинскій, Ладыженскій и князь П. Вяземскій, и два лейбъ-гусара — Сафоновъ и графъ Рибопьеръ. Я былъ единственнымъ конногвардейцемъ.

Къ намъ присоединились еще два армейскихъ вольноопредѣляющихся — кн. Сергѣй Алексѣевичъ Кропоткинъ и Ушаковъ. Наша компанія во время экзаменовъ быстро сошлась и мы видѣлись почти ежедневно. По окончаніи каждаго экзамена мы вмѣстѣ посѣщали находившійся противъ училища серапинскій трактиръ. Это было очень опасно, такъ какъ нижнимъ чинамъ въ то время входъ въ трактиры и рестораны строго воспрещался.

Поэтому мы ходили въ трактиръ съ задняго хода, откуда и попадали прямо въ отдѣльный кабинетъ. гдѣ хозяинъ рѣдкимъ гостямъ «изъ господъ» давалъ завтраки по особому заказу. Обыкновенные посѣтители, лавочники и мастеровые, сидѣли въ двухъ залахъ за столиками и пили безъ конца чай съ блюдечка.

Послѣ экзамена по артиллеріи, почитавшагося особенно труднымъ, мы около полудня отправились въ Серапино. Всѣ были налицо, кромѣ Ушакова. Разстегнувшись, мы весело пропускали уже по третьей рюмкѣ, заѣдая вкусными грибами со сметаной и другими яствами, какъ распахнулась дверь изъ залы и мы увидѣли статную фигуру Николая Николаевича-старшаго, въ вицмундирѣ Коннаго полка съ андреевской лентой черезъ плечо, и въ генеральской каскѣ. Онъ быстрыми шагами шелъ въ нашъ кабинетъ.

Если бы молнія ударила въ середину закусочнаго стола, думаю, что мы бы обалдѣли не меньше, чѣмъ при видѣ командующаго войсками Петербургскаго военнаго округа.

Мы выстроились и ждали притаивъ дыханіе.

Великій князь вошелъ. Половой затворилъ за нимъ дверь.

— Что вы тутъ дѣлаете? — послѣдовалъ грозный вопросъ.

— Экзаменъ держали, ваше императорское высочество.

— Хорошъ экзаменъ! Въ кабакѣ пьянствуете...

Молчаніе.

— А гдѣ тотъ, который убѣжалъ, когда я ему приказалъ подойти?

Опять молчаніе.

— Такой большой, въ мундирѣ армейской кавалеріи. Какого полка — не успѣлъ разобрать... Не можетъ быть, чтобы вы не знали. Онъ, очевидно, сюда шелъ.

— Мы здѣсь всѣ въ сборѣ, — отрапортовалъ Кропоткинъ. — Не знаемъ, кто могъ быть у воротъ.

— Ну, завтра разберемъ. Вы всѣ отправляйтесь къ своему начальству, доложите, что я васъ засталъ въ кабакѣ. Какъ фамиліи?

Мы всѣ назвались. Когда Дондуковъ сказалъ свою фамилію, великій князь замѣтилъ:

— А твоему отцу скажи, чтобы надралъ тебѣ уши за пьянство.

Дверь отворилась. Его высочеству подали шинель и онъ удалился. Вся публика — толстые лавочники въ косовороткахъ, стояла съ потными лицами и смотрѣла на великаго князя. Мы бросились къ окну и видѣли, какъ Николай Николаевичъ въ своей эгоисткѣ (такъ назывались дрожки для одного сѣдока) крупной рысью отъѣхалъ.

Наша компанія стояла передъ закускою, какъ въ воду опущенная. Дондуковъ опомнился первый:

— Ну что-жъ... Надо ѣхать. Все же, для куража, выпьемъ еще по рюмкѣ.

Вошелъ хозяинъ, неся миску съ ухою. Ставитъ на столъ и говоритъ:

— Видно, князь-то очень осерчалъ. Вошелъ такъ, что шинель спала съ плечъ во дверяхъ. Говоритъ: «Гдѣ юнкеръ, что отъ меня удралъ?» — Не могу знать, тутъ есть юнкера въ кабинетѣ. — «Веди туда». — Я и повелъ, ослушаться нельзя было.

Великій князь часто проѣзжалъ по Загородному проспекту съ доклада у государя въ Царскомъ Селѣ, и трактирщикъ давно зналъ его по виду.

Мы всѣ отправились къ своимъ эскадроннымъ командирамъ, гадая, чѣмъ это для насъ кончится.

На другой день, по приказу его высочества, мы всѣ, со своимъ начальствомъ, явились во дворецъ на Благовѣщенской площади. (Затѣмъ онъ былъ отданъ подъ Ксеніинскій институтъ).

Начальства было больше, чѣмъ провинившихся. Отъ трехъ полковъ — командиры эскадроновъ, дивизіонеры и полковые командиры, бритадные и начальники дивизій, всѣ недовольные, что имъ приходится въ мундирахъ являться къ командующему войсками. Всѣ въ отдѣльности, по очереди, ругали каждаго изъ насъ, пока не вышелъ великій князь. Онъ также насъ пожурилъ, но такъ и не узналъ имени вольноопредѣляющагося, разсердившаго его своимъ бѣгствомъ.

Каждаго изъ насъ назначили на 15 лишнихъ дежурствъ по конюшнѣ. Мы начали было отбывать наказаніе, но черезъ нѣсколько дней намъ сообщили, что, по просьбѣ отца Дондукова, великій князь разрѣшилъ отпускать насъ на экзамены, и мы ихъ благополучно сдали.

Насъ всѣхъ, кромѣ Ушакова, произвели въ портупей-юнкеры. Ушаковъ не только экзаменовъ больше не сдавалъ, но и намъ на глаза не появлялся. Кончивъ срокъ службы, онъ исчезъ съ петербургскаго горизонта и бросилъ мысль о всякой военной или гражданской карьерѣ.

Наконецъ, правда, разновременно, произвели насъ и въ офицеры, меня лишь въ февралѣ.

Пришлось являться къ высшему начальству. Я опять отправился во дворецъ Николая Николаевича, долженъ сознаться, не безъ нѣкоторой опаски. Вышелъ великій князь, такой же красивый и обаятельный, на этотъ разъ съ улыбкою на лицѣ.

— А... Серапинскаго героя произвели. Поздравляю тебя... Увѣренъ,

что будешь служить молодцомъ. Помни всегда, что ты имѣешь честь носить мундиръ славнаго Коннаго полка, который я ношу съ юношества. Желаю тебѣ быть героемъ не серапинскаго трактира, а на полѣ брани.

Его высочество подалъ мнѣ руку. Я, какъ тогда полагалось, поцѣловалъ его въ плечо. Онъ весело кивнулъ мнѣ и вернулся въ свой кабинетъ.

Я не шелъ, а летѣлъ, полный счастья отъ слышанныхъ милостивыхъ словъ. Думаю, будь случай, я совершилъ бы любой геройскій подвигъ.

Отъ великаго князя отправился въ Аничковъ дворецъ, къ наслѣднику цесаревичу, командиру гвардейскаго корпуса. Меня ввели въ кабинетъ Александра Александровича. Онъ всталъ изъ-за письменнаго стола, его громадная фигура повернулась ко мнѣ. Я отрапортовалъ кто я и по какому случаю явился.

— Желаю вамъ счастливой службы, — сказалъ будущій императоръ Александръ III и подалъ мнѣ руку.

Когда я сдѣлалъ движеніе, чтобы поцѣловать его въ плечо, наслѣдникъ съ такой силой, держа меня за руку, остановилъ, что я не могъ выполнить свое желаніе.

Ѣдучи домой, я думалъ только о пріемѣ у Николая Николаевича, жалѣя въ душѣ, что будущій царь меня принялъ не по старой традиціи.

Мощь цесаревича мнѣ импонировала. Но ни у него, ни у кого изъ его поколѣнія не было величественнаго, неотразимаго шарма въ словахъ и движеніяхъ, отличавшаго всѣхъ сыновей Николая Николаевича. На разводѣ я, среди другихъ, былъ представленъ Александру II, и сознаюсь, что испыталъ волненіе, даже трепетъ передъ самодержцемъ всея Россіи. Это чувство я и позже неизмѣнно испытывалъ при всѣхъ моихъ встрѣчахъ съ императоромъ Александромъ II.

12. НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МЛАДШІЙ — ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ.

Впервые я познакомился съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ-младшимъ еще при жизни его отца Николая Николаевича-старшаго. Я былъ представленъ молодому вел. князю на ровенскихъ маневрахъ въ 1888 году. Какъ адъютантъ военнаго министра Ванновскаго, я сопровождалъ его въ Ровно.

Предполагался большой кавалерійскій маневръ. На немъ должны были встрѣтиться по 30 эскадроновъ съ каждой стороны. Одной стороной долженъ былъ командовать ген.-адъютантъ Струковъ, а другой — только что произведенный въ свитскіе генералы, командиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, вел. князь Николай Николаевичъ. Его высочество пріѣхалъ явиться къ Ванновскому. Тотъ представилъ меня и сказалъ, что я, интересуясь маневрами, желалъ бы на слѣдующій день находиться при штабѣ вел. князя. Николай Николаевичъ на это весьма любезно согласился.

Великій князь впервые командовалъ такой крупной частью, да еще въ присутствіи своего отца, фельдмаршала. Долженъ признаться, что его

высочество очень хорошо справился съ этой, все же не легкою, задачею, хотя немного нервничалъ и часто разсылалъ зря своихъ ординарцевъ, которыхъ у него было болѣе десятка. Онъ требовалъ, чтобы они все время шли въ карьеръ, даже тамъ, гдѣ спѣшки не было. Когда Николаю Николаевичу казалось, что ординарецъ скачетъ недостаточно быстро, онъ кричалъ: «Ходу! ходу», весьма гнѣвнымъ голосомъ, хлеща, при этомъ, и свою, ни въ чемъ не повинную, лошадь.

День прошелъ благополучно въ весьма интересныхъ передвиженіяхъ. Къ заходу солнца, вел. князь развернулъ всѣ свои эскадроны для общей атаки конницы Струкова, появившейся съ другого конца весьма обширной долины.

Нашъ отрядъ разворачивался правильно, но, видимо, его высочество не могъ еще разсчитать времени, необходимаго для развертыванія столь крупнаго отряда, и, сильно нервничая, разослалъ весь свой штабъ для отдачи приказанія строиться въ карьеръ.

Была минута, когда казалось, что нашъ фронтъ едва-едва успѣетъ построиться къ подходу струковскаго отряда. Вел. князь крикнулъ: «Ординарецъ!». Никого больше не оставалось и подъѣхалъ я. Онъ обратился ко мнѣ:

— Видите ли эту группу, которая еще разворачивается? Скачите туда, прикажите, чтобы карьеромъ разворачивалась.

— Смѣю доложить, что какъ разъ къ ней подъѣхалъ вашъ ординарецъ, да другой за нимъ туда же скачетъ. Какъ прикажете?

— Конечно, нечего туда ѣхать, — былъ отвѣтъ.

Но при этомъ я замѣтилъ на красивомъ лицѣ великаго князя гримасу. Очевидно, ему было непріятно, что я замѣтилъ его излишнюю суетливость. Стоя рядомъ съ Николаемъ Николаевичемъ, я спокойнымъ голосомъ сказалъ ему:

— Не прикажете ли мнѣ поѣхать къ резерву, чтобы заполнить прорывъ въ серединѣ фронта? Онъ только-только поспѣетъ сдѣлать это до атаки.

— Вѣрно. Поѣзжайте, и ходу!...

Картина атаки этихъ двухъ громадныхъ массъ кавалеріи, освѣщенная послѣдними лучами заходящаго солнца, была, дѣйствительно, удивительно красива.

На бивуакъ оба начальника кавалеріи со свитами шли вмѣстѣ. Струковъ съ разрѣшенія великаго князя подозвалъ меня и разсказалъ ему, какъ мы вмѣстѣ воевали на Балканахъ. Его высочество замѣтилъ:

— Боевая практика имѣетъ значеніе. Одинъ Мосоловъ мнѣ во время напомнилъ придвинуть резервъ, и изъ-за этого признали, что я тебя побѣдилъ*).

*) Струковъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ адъютантомъ отца великаго князя Николая Николаевича и зналъ его съ дѣтства. Я былъ ординарцемъ у Струкова во время взятія имъ Адріанополя въ 1877 г.

Впечатлѣніе, произведенное Николаемъ Николаевичемъ при этой, первой, встрѣчѣ съ нимъ, было въ общемъ хорошее. Конечно, я жалѣлъ, что не замѣтилъ у него особаго, скажу «русско-рыцарскаго» обаянія, присущаго его отцу и, вообще, сыновьямъ Николая Павловича. Нѣкоторая злобность въ немъ мнѣ показалась, на первый взглядъ, знакомъ сильной воли. Очень подкупала въ его пользу наружность и нѣкоторая рѣзкость манеръ, дававшая впечатлѣніе рѣшительности.

Маневры кончились парадомъ, на которомъ я, въ послѣдній разъ, видалъ фельдмаршала Николая Николаевича-старшаго. Онъ такъ красиво дѣлалъ заѣздъ предъ императоромъ, салютуя своимъ жезломъ, осыпаннымъ брилліантами, переливавшими на солнцѣ.

Здоровье его высочества не позволяло ему больше показываться, и онъ скончался черезъ пять лѣтъ, въ 1891 г., окруженный лишь своими старыми, еще со времени войны, адъютантами, которые не покидали его до послѣдней минуты и ухаживали за нимъ, какъ сыновья.

Послѣ перерыва въ нѣсколько лѣтъ, должность генералъ-инспектора кавалеріи перешла къ его сыну. Слѣдуетъ отдать справедливость вел. князю, онъ сдѣлалъ много для воспитанія и приведенія въ порядокъ пашей кавалеріи. При немъ она могла считаться одной изъ лучшихъ въ мірѣ.

Что же касается характера Николая Николаевича-младшаго, то въ немъ преобладалъ атавизмъ Ольденбугскаго дома. Мать его высочества, великая княгиня Александра Петровна, дочь Петра Георгіевича Ольденбурскаго, была весьма схожа характеромъ со своими братьями, Александромъ и Константиномъ Петровичами. Они всѣ были очень способны, но крайне неуравновѣшенными, вспыльчивыми и безъ достаточныхъ задерживающихъ центровъ. Къ тому же Николай Николаевичъ, какъ мнѣ говорили, унаслѣдовалъ отъ своей матушки и ея мистицизмъ.

Александра Петровна, еще съ 70-хъ годовъ, не жила болѣе съ мужемъ и переѣхала въ Кіевъ, гдѣ окружила себя священниками и монашками, а впослѣдствіи основала тамъ монастырь и сама была пострижена.

Сынъ ея, подъ вліяніемъ супруги, Анастасіи Николаевны, увлекся Филиппомъ и Папюсомъ и чуть не втянулъ въ это увлеченіе императрицу Александру Федоровну, о чемъ петербургское общество въ мое время много говорило. Полагаю, что со временемъ откроются факты, выясняющіе эти событія и, быть можетъ, они переложатъ отвѣтственность за крушеніе имперіи съ однихъ плечъ на другія.

У меня же эти неразгаданныя событія отчасти поколебали довѣріе къ Николаю Николаевичу. Послѣ роли вел. князя, мною описанной*), передъ изданіемъ манифеста 17 октября, когда онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ рабочаго Ушакова, это довѣріе пошатнулось настолько, что я лично не ожидалъ ничего хорошаго отъ назначенія его высочества верховнымъ главнокомандующимъ. Письмо его къ государю передъ отреченіемъ послѣдняго

*) См. часть II.

свидѣтельствуетъ о крайне узкомъ кругозорѣ и весьма не возвышенной душѣ. Да проститъ ему Господь его прегрѣшенія, которыя намъ, людямъ той эпохи, такъ трудно оправдать.

Во Франціи, въ изгнаніи, Николай Николаевичъ не сумѣлъ возсоединить русскихъ монархистовъ въ единое цѣлое и не пожелавъ признать главенства вел. князя Кирилла Владиміровича, значительно способствовалъ безсилію нашихъ легитимистовъ, лишенныхъ возможности стать подъ единомышленное возглавленіе.

Великій князь Петръ Николаевичъ былъ уравновѣшеннѣе брата и походилъ на родительницу меньше его. Слабаго здоровья, почти чахоточный, онъ не проявлялъ никакихъ стремленій къ власти. Хотя и человѣкъ одаренный, его высочество не вкладывалъ въ свое дѣло генералъ-инспектора инженерныхъ войскъ той пылкости, которую проявлялъ Николай Николаевичъ къ своей кавалеріи.

Женатый на Милицѣ Николаевнѣ, дочери князя Черногорскаго, онъ мало вмѣшивался въ политическіе интересы жены и держался въ сторонѣ отъ всякихъ интригъ.

13. ПЯТЕРО СЫНОВЕЙ ВЕЛ. КН. МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА.

Перейдемъ къ сыновьямъ великаго князя Михаила Николаевича. Ихъ было шесть, но одинъ умеръ еще ребенкомъ. Остальные пятеро были мало между собой схожи.

Старшій, Николай Михайловичъ, видный, очень умный, отличался пристрастіемъ къ интригамъ. Начавъ службу въ Кавалергардскомъ полку, онъ покинулъ его подъ предлогомъ, что военныя обязанности прѣпятствуютъ его историческимъ трудамъ, къ которымъ онъ имѣлъ не только дѣйствительное влеченіе, но и немалыя способности Но внѣ этого круга интересовъ, онъ лишь критиковалъ и ничего не создавалъ. Изъ писемъ его высочества къ царю видно, что онъ умѣлъ нравиться и обнаруживалъ несомнѣнный умъ, однако, тщетно было искать въ этихъ письмахъ, хотя бы одну приложимую на практикѣ мысль.

Николай Михайловичъ оставался въ сторонѣ во время войны. Въ Яхтъ-клубѣ, гдѣ его любили слушать, ѣдкая критика вел. князя не мало способствовала ослабленію режима. Все разлагающій сарказмъ порождалъ въ обществѣ болѣзненное отрицаніе авторитета царской власти. Императрица не терпѣла Николая Михайловича искренне и откровенно. Вел. князь былъ однимъ изъ главныхъ иниціаторовъ коллективнаго письма великихъ князей, которое запечатлѣло рознь въ императорской фамиліи. Сосланный въ свое имѣніе на югѣ Россіи, онъ не былъ въ Петербургѣ, когда вспыхнула революція.

Второй братъ, Михаилъ Михайловичъ, не принималъ абсолютно никакого участія въ русской жизни. Послѣ морганатическаго брака въ 1891 году съ графиней Мерербергъ, возведенной въ графини Торби (дочерью гер-

цога Насаускаго, родной внучкой поэта Пушкина), онъ болѣе не возвращался въ предѣлы имперіи.

За нимъ слѣдовалъ Георгій Михайловичъ, женатый на принцессѣ греческой Маріи Георгіевнѣ. Во время войны, ему поручалось развозить по фронту ордена. Насколько знаю, въ послѣднее время передъ катастрофой, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ старшаго брата, Николая Михайловича.

Четвертый братъ, Александръ Михайловичъ, мужъ Ксеніи Александровны, сестры государя, занималъ при дворѣ исключительное положеніе. Онъ былъ сверстникомъ государя и его другомъ дѣтства. Талантливый и честолюбивый, онъ недолго занималъ постъ спеціально для него созданный — министра торговаго мореплаванія. Во время войны онъ посвятилъ себя военной авіаціи, которою издавна занимался. Послѣ него остались воспоминанія, гдѣ его высочество ревностно защищалъ необходимость назначенія великихъ князей на всѣ видные и отвѣтственные посты имперіи.

Склонный къ мистицизму, Александръ Михайловичъ сталъ проповѣдывать, послѣ катастрофы и своего посѣщенія Америки, теоріи, якобы внушаемыя ему свыше и близкія къ непротивленству Льва Толстого. Онѣ должны были, по его словамъ, спасти Россію отъ большевиковъ оккультнымъ путемъ. Слушателей, а тѣмъ паче слушательницъ, онъ находилъ не мало.

Младшій изъ братьевъ, Сергій Михайловичъ, былъ генералъ-инспекторомъ артиллеріи. Его управленіе вѣдомствомъ вызвало не мало нареканій во время войны изъ-за недостатка снарядовъ и амуниціи въ войскахъ. Будучи постоянно на фронтѣ, онъ менѣе поддался растлѣвающему вліянію Николая Михайловича, но все же не могъ оказать поддержки его величеству въ моментъ отреченія. Отношенія ихъ были, повидимому, не такія, чтобы государь сталъ съ нимъ совѣтоваться въ критическія минуты.

14. ТРЕТЬЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Немного приходится сказать о третьемъ поколѣніи сверстниковъ, — скорѣе не государя, а его дѣтей. Оно состояло изъ брата императора, трехъ сыновей Владиміра Александровича, сына Павла Александровича и девяти троюродныхъ братьевъ его величества. Послѣдніе приходились внуками императору Николаю I, и уже не титуловались великими князьями.

Съ политической точки зрѣнія, можно говорить о первыхъ пятерыхъ великихъ князьяхъ.

Братъ государя, вел. князь Михаилъ Александровичъ, былъ на 10 лѣтъ моложе царя. Онъ отличался исключительной добротой и довѣрчивостью. Съ начала войны онъ командовалъ Кавказской кавалерійской, такъ называемой, «дикой», дивизіей, которая многократно отличалась въ бояхъ. Смѣлый, физически сильный, вел. князь высказалъ себя способнымъ начальникомъ, и если бы, послѣ отреченія государя, онъ былъ под-

державъ, быть можетъ, судьбы Россіи и пошли по совершенно иному руслу.

Великій князь былъ женатъ морганатическимъ бракомъ на Наталіи Сергѣевнѣ Шереметевской. Ихъ сыну Георгію была дана фамилія «Брасовъ», по названію имѣнія его высочества.

Во время эмиграціи, великимъ княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ, былъ пожалованъ Георгію Брасову и его матери княжескій титулъ. Титулъ этотъ былъ признанъ за ними и вдовствующей императрицей Маріей Феодоровой. Князь Георгій, въ возрастѣ 21-го года, погибъ при автомобильной катастрофѣ, недалеко отъ Парижа, и былъ похороненъ своей матерью въ Парижѣ. Тогда онъ только что окончилъ французскій лицей, былъ высокъ ростомъ, физически сильный, съ очень красивымъ лицомъ, которое онъ унаслѣдовалъ отъ своей матери.

Вдова в. к. Михаила Александровича, Н. С. Брасова, живетъ въ Парижѣ, откуда продолжаетъ вести процессъ съ польскимъ правительствомъ, о возвращеніи ей большого имѣнія, близъ Ченстохова, завѣщаннаго ей ея мужемъ, великимъ княземъ. Имѣніе это конфисковало польское правительство, основываясь на Рижскомъ мирномъ договорѣ Польши съ СССР въ 1921 г., по которому собственности всѣхъ членовъ династіи Романовыхъ передавались въ собственность польской казны. Конфискація оспаривается княгиней Брасовой въ виду того, что великій князь былъ убитъ большевиками въ 1918 г., такъ что въ 1921 г., имѣніе это юридически составляло ея частную собственность, т. е. собственность лица, не принадлежащаго къ династіи Романовыхъ.

Князь Георгій, какъ сынъ отъ морганатическаго брака, по основнымъ законамъ Имперіи, права на наслѣдованіе престола не имѣлъ, но по кровному родству, послѣ августѣйшихъ дѣтей государя, былъ въ ближайшемъ кровномъ родствѣ съ въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ Николаемъ II.*).

Витте, всегда стремившійся, гдѣ могъ, противупоставить кого-либо императору Николаю II, всюду хвалилъ способности Михаила Александровича, которому онъ давалъ уроки политической экономіи. Онъ подчеркивалъ его правдивость и откровенность, чѣмъ великій князь очень походилъ на сестру свою, Ольгу Александровну.

---

*) Имѣніе это было куплено императоромъ Александромъ III у графа фонъ Доннерсмаркъ, впослѣдствіи генералъ - адъютанта императора Вильгельма II, когда не русскимъ подданнымъ было запрещено владѣть имѣніями въ Царствѣ Польскомъ, находящимися въ пограничной полосѣ со стороны Германіи. При покупкѣ оно оцѣнивалось въ 100.000 фунтовъ стерлинговъ, а теперь считаютъ, что стоимость его увеличилась по крайней мѣрѣ въ 10 разъ.

Императоръ Александръ III это имѣніе подарилъ в. к. Георгію Александорвичу; по кончинѣ в. к. Георгія Ал., оно перешло его брату, Михаилу, такъ какъ онъ считался старшимъ послѣ своего брата императора Николая Александровича, который, какъ царствующій императоръ, по основнымъ законамъ ничего и ни отъ кого наслѣдовать не имѣлъ права.

Но вліяніе его на брата было ничтожнымъ. До рожденія цесаревича Алексѣя, Михаилъ Александровичъ былъ наслѣдникомъ престола, какъ ближайшій родственникъ царствующаго монарха. Но онъ не получилъ титула цесаревича, который носилъ при жизни его старшій братъ, Георгій Александровичъ. Фактъ этотъ очень комментировался при дворѣ Маріи Федоровны, но онъ легко объясняется надеждою молодой императрицы, что у нея скоро родится сынъ.

Владиміръ Александровичъ имѣлъ трехъ сыновей: Кирилла, Бориса и Андрея. Старшій былъ морякомъ и находился на броненосцѣ «Петропавловскъ», когда его потопили японцы на Портъ-Артурскомъ рейдѣ. Кириллъ Владиміровичъ тогда, одинъ изъ немногихъ, остался въ живыхъ.

Вернувшись въ Петербургъ, послѣ чудеснаго спасенія, онъ, какъ только былъ въ состояніи, явился къ царю.

Отношенія между Большимъ Дворомъ и дворомъ великаго князя Владиміра Александровича были въ тѣ времена натянутыми, и эта натянутость усилилась, когда до ихъ величествъ дошли свѣдѣнія о предполагаемой женитьбѣ великаго князя Кирилла Владиміровича на Викторіи Феодоровнѣ. Только послѣ того, какъ государь призналъ этотъ бракъ и великая княгиня Викторія Феодоровна, въ 1909 году, пріѣхала въ Петербургъ, благодаря ей, эти отношенія нѣсколько улучшились.

Послѣ смерти царя, наслѣдника и Михаила Александровича, Кириллъ Владиміровичъ сталъ главой семьи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ эмиграціи, вел. князь принялъ императорскій титулъ, офиціально объ этомъ, однако, не сообщивъ другимъ дворамъ. Сыну своему, князю Владиміру, онъ тѣмъ же актомъ далъ великокняжескій санъ.

Второй братъ, вел. князь Борисъ Владиміровичъ, не былъ женатъ и двора не держалъ. Живя въ Царскомъ Селѣ холостою жизнью, онъ мало интересовался политическою судьбою своей родины. Во время войны онъ былъ казачьимъ походнымъ атаманомъ при ставкѣ.

Младшій изъ братьевъ — вел. князь Андрей Владиміровичъ, блестяще окончилъ военно-юридическую академію и сталъ совѣтникомъ и идейнымъ вождемъ молодого поколѣнія своей семьи. Онъ и въ эмиграціи продолжаетъ интересоваться политическими вопросами и лучше всѣхъ членовъ императорской фамиліи въ нихъ освѣдомленъ. Человѣкъ очень даровитый и умный, его высочество, вдобавокъ, и трудолюбивъ.

Вел. князь Дмитрій Павловичъ былъ лишь немногимъ старше дочерей государя. Ихъ величества искренне любили его и старались скрасить его полусиротскую молодость. Причастность вел. князя къ убійству Распутина произвела сильное впечатлѣніе на государя, поставившаго на коллективномъ письмѣ родственниковъ, заступившихся за Дмитрія Павловича, извѣстную резолюцію: «Никто не имѣетъ права убивать».

Не вдаваясь, съ точекъ зрѣнія морали и цѣлесообразности, въ оцѣнку тѣхъ дѣйствій, къ которымъ вел. князь былъ причастенъ, нельзя не отмѣтить, что его высочество оказался единственнымъ членомъ император-

ской фамиліи, принявшимъ активное участіе въ попыткѣ спасти царя и родину.

Изъ всего сказаннаго видно, какъ невелико было вліяніе семьи на царскую чету. Они видались, большею частью, на офиціальныхъ торжествахъ, въ условіяхъ, невозможныхъ для какой либо серьезной бесѣды, а интимныя встрѣчи были весьма рѣдки. Подъ конецъ царствованія и онѣ прекратились.

ПОСЛѢДНІЯ ПОПЫТКИ ПРИМИРЕНІЯ.

Мнѣ остается еще разсказать о своемъ участіи въ послѣдней попыткѣ примиренія между членами императорской фамиліи и царской четой.

Въ ноябрѣ 1916 года я прибылъ посланникомъ въ Румынію. Въ концѣ января 1917 г. королева Марія спросила моего мнѣнія, — согласится ли государь выдать одну изъ великихъ княженъ, своихъ дочерей, за ея сына Карла, наслѣдника румынскаго престола (нынѣ ставшаго королемъ). Объ этомъ я уже раньше говорилъ съ гостившей у королевы сестрою ея, вел. княгинею Викторіей Федоровной. Послѣ долгаго обсужденія этого вопроса съ королемъ, королевой и вел. княгиней, я, воспользовавшись даннымъ мнѣ государемъ разрѣшеніемъ сноситься съ нимъ непосредственно по общимъ, съ королевскимъ дворомъ, семейнымъ вопросамъ, запросилъ у его величества разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ для конфиденціальнаго ему доклада.

Я прибылъ въ столицу наканунѣ назначеннаго мнѣ пріема въ Царскомъ Селѣ. Разумѣется, я тотчасъ же явился къ Фредериксу и доложилъ о цѣли своего пріѣзда. Тутъ же мы разговорились объ общемъ положеніи. Министръ сообщилъ мнѣ о разрывѣ, происшедшемъ между ихъ величествами и членами императорской фамиліи послѣ убійства Распутина. На мой вопросъ, какъ онъ смотритъ на создавшееся положеніе, графъ отвѣтилъ:

— По возвращеніи государя изъ ставки, его величество, принимая меня съ докладомъ, объявилъ мнѣ, что уже все рѣшилъ вмѣстѣ съ императрицею. Мнѣ же онъ поручилъ только исполнить его повелѣніе относительно командированія вел. князя Дмитрія Павловича на персидскій фронтъ, приказавъ до отъѣзда держать его высочество подъ домашнимъ арестомъ. «Прочее уже сдѣлано», — прибавилъ государь.

— Очевидно, — говорилъ мнѣ Фредериксъ, — государь, зная мое отношеніе къ Распутину, не желалъ обсуждать со мною своихъ рѣшеній. Я, до вчерашняго дня, не видалъ ихъ величествъ. На моемъ докладѣ въ Царскомъ Селѣ, императрица оставалась въ кабинетѣ государя. Я высказалъ ихъ величествамъ, какъ мнѣ горестно видѣть вражду въ царской семьѣ, и указалъ на необходимость примиренія. Послѣ долгаго разговора, сначала государь, а потомъ и императрица, согласились, что надо, такъ или иначе, выйти изъ положенія. Я тогда же высказалъ, что, прежде всего, слѣдуетъ государынѣ помириться съ Маріей Павловной, что весьма об-

легчитъ дальнѣйшее примиреніе. Императрица согласилась пойти на мировую съ великою княгинею, если та сдѣлаетъ къ этому первый шагъ, — признаетъ, что онѣ обѣ были неправы, и обѣщаетъ ея величеству сплотить всю семью вокругъ государя. Въ данное трудное время это совершенно необходимо.

Далѣе графъ добавилъ: — Императрица поручила мнѣ поговорить съ Маріей Павловной, какъ бы отъ себя, но не забывая, что она, государыня, согласна мириться лишь на указанныхъ ею условіяхъ. Великая княгиня ждетъ меня черезъ полчаса. Но, разъ вы здѣсь, я беру на себя отвѣтственность послать васъ, вмѣсто себя. Я чувствуя себя сегодня такъ нехорошо, что не сумѣю быть убѣдительнымъ.

Дѣйствительно, у графа былъ одинъ изъ тѣхъ дней, когда ему былъ необходимъ отдыхъ, и когда, съ минуты на минуту, можно было ожидать кровоизліяніе въ мозгъ. Не зная подробно ни положенія, ни послѣднихъ событій, я все же, прямо отъ Фредерикса, поѣхалъ къ вел. княгинѣ. Я рѣшилъ сказать, что нашелъ министра больнымъ, и, зная, что вел. княгиня его ждетъ, пріѣхалъ побесѣдовать съ ней о положеніи дѣлъ и передать привѣтъ отъ королевы Маріи и вел. княгини Викторіи Федоровны.

Марія Павловна приняла меня очень любезно и выразила удовольствіе, что я уговорилъ графа не выѣзжать. Она сама боялась, какъ бы этотъ разговоръ не обострилъ его болѣзненное состояніе.

Наша бесѣда продолжалась болѣе часа. Ея высочество признала, что примиреніе съ императрицей необходимо, по соображеніямъ какъ патріотическимъ, такъ и по династическимъ. Но когда я заикнулся, чтобы она сдѣлала первый шагъ, — она наотрѣзъ отказалась и не пожелала больше говорить на эту тему.

Передъ моимъ уходомъ великая княгиня сказала мнѣ, все-таки, что если графъ Фредериксъ пригласитъ ее отъ имени императрицы пріѣхать въ Царское Село, она поѣдетъ.

Я доложилъ министру о результатѣ моихъ переговоровъ. Было рѣшено, что, какъ только Фредериксъ почувствуетъ себя лучше, онъ отправится къ Маріи Павловнѣ и скажетъ ей, что, какъ онъ надѣется, Александра Федоровна на-дняхъ пригласитъ ее въ Царское Село къ чаю. Однако, какъ я впослѣдствіи узналъ, приглашеніе это не состоялось.

ГЛАВА III.

Императоръ Николай II и его окруженіе

А. Министръ Императорскаго двора

Этотъ трудъ не посвященъ политической исторіи Россіи. Потому, не буду касаться полностью вопроса отношенія царя къ министрамъ, то есть къ людямъ, которые въ первую очередь были отвѣтственны за веденіе политики.

Чтобы судить о дѣлахъ государственныхъ, государь принималъ доклады главныхъ сановниковъ имперіи. Но гдѣ черпалъ онъ необходимыя данныя, чтобы судить о личности самихъ министровъ? Говорили и неоднократно повторяли, что свѣдѣніями личнаго характера снабжало императора его окруженіе. Вліяніе этого окруженія всегда преувеличивали. Постараюсь въ этой главѣ охарактеризовать каждаго изъ лицъ, близкихъ къ его величеству.

Начну съ графа Фредерикса, министра двора, Old Gentleman, какъ звала его царская чета, убѣжденная въ преданности исполнителя деликатной, а порою и трудной, задачи укрѣпленія взаимоотношеній государя съ членами императорской фамиліи.

1. НАЗНАЧЕНІЕ ГРАФА ФРЕДЕРИКСА*).

Графъ Фредериксъ былъ потомкомъ шведскаго офицера, плѣненнаго русскими войсками и поселеннаго въ Архангельскѣ. Одинъ изъ предковъ министра былъ придворнымъ банкиромъ Екатерины II и получилъ баронское достоинство. Отецъ графа былъ военнымъ, участвовалъ во взятіи Парижа, командовалъ 13-мъ Эриванскимъ полкомъ, а впослѣдствіи состоялъ генералъ-адъютантомъ при императорѣ Александрѣ II.

Графъ Владиміръ Борисовичъ поступилъ юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, равно какъ и графъ Воронцовъ-Дашковъ. Они одновре-

*) Фредериксъ, ко времени его назначенія министровъ двора, былъ еще барономъ, и только впослѣдствіи былъ награжденъ государемъ графскимъ достоинствомъ. Для упрощенія, буду однообразно титуловать его графомъ.

менно были произведены въ офицеры. Во время службы своей въ полку, Фредериксъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ и, затѣмъ, болѣе восьми лѣтъ командовалъ конною гвардіею. Когда Воронцовъ былъ министромъ двора, Александръ III приблизилъ къ себѣ Фредерикса, назначивъ его сперва управляющимъ придворно-конюшенною частью, а затѣмъ помощникомъ министра двора. Въ началѣ царствованія Николая Александровича, въ 1897 году, графъ занялъ постъ министра.

Причиною отставки Воронцова явилось слѣдующее: графъ Илларіонъ Ивановичъ, зная молодого государя съ дѣтскихъ лѣтъ, относился къ нему покровительственно, что его величество находилъ вполнѣ естестественнымъ. Въ дневникѣ будущаго царя не проходитъ записи, гдѣ бы имена Воронцовыхъ не встрѣчались, либо въ связи съ какимъ - нибудь пріемомъ у нихъ, либо при упоминаніи ежедневныхъ чаевъ на каткѣ въ саду Аничкова дворца. Молодую императрицу этотъ тонъ шокировалъ. Послѣ коронаціи и Ходынки, за которую извѣстные круги обвиняли министра двора, Воронцовъ сталъ просить государя освободить его отъ должности, но царь его удерживалъ. Велико же было удивленіе графа, когда однажды его величество принялъ отставку министра. При оставленіи имъ должности, Воронцову было предоставлено право пользоваться придворною каретою и ложею въ императорскихъ театрахъ. Позже, въ 1905 г., онъ былъ назначенъ намѣстникомъ на Кавказѣ.

Утвержденіе Фредерикса, состоявшаго въ теченіе года временно исправляющимъ обязанности министра, было для придворныхъ круговъ полною неожиданностью. У него не было ни большихъ связей, ни, казалось, нужнаго родства. Называлось много кандидатовъ. Придворный муравейникъ, какъ всегда въ случаяхъ назначенія на высокую должность, отъ которой зависитъ карьера многихъ, зашевелился. Однако, ни одинъ изъ многихъ кандидатовъ, предлагавшихся и поддерживавшихся группами и партіями при дворѣ, чѣмъ либо особеннымъ не выдвинулся и лично государю близокъ не былъ. Императоръ разрѣшилъ вопросъ утвержденіемъ Фредерикса.

Какъ государь, такъ и царица, привыкли къ графу во время общенія съ нимъ, по должному оцѣнили его простоту, кристалльную честность и умѣніе исполнять ихъ волю съ большимъ тактомъ.

Новый министръ былъ очень состоятеленъ, и это давало ему независимость, столь необходимую среди придворныхъ вліяній и интригъ. Фредериксъ, по натурѣ, любилъ порядокъ и прямо не выносилъ неосновательныхъ тратъ. Благодаря этой аккуратности, его часто упрекали въ скупости, несмотря на его очень значительное богатство. Но это были несправедливыя нареканія. Я былъ частымъ свидѣтелемъ его постоянныхъ широкихъ расходовъ. Онъ просто не любилъ давать себя эксплуатировать.

Какъ примѣръ того, что онъ тратилъ деньги, гдѣ почиталъ нужнымъ, и тратилъ широко, приведу слѣдующій примѣръ: вскорѣ по назначеніи графа командиромъ коннаго полка, ростовщикъ, часто снабжавшій офицеровъ

деньгами, просилъ о допущенiи его сына отслужить воинскую повинность въ полку. Фредериксъ согласился, но предупредилъ отца, чтобы вольноопредѣляющiйся не разсчитывалъ быть офицеромъ полка. Когда сынъ этого ростовщика, Э., выдержалъ офицерскiй экзаменъ, отецъ обратился къ командиру съ просьбой о принятiи сына въ число офицеровъ. Фредериксъ крайне деликатно разъяснилъ ему невозможность этого. Тогда Э. заявилъ, что на слѣдующiй же день опротестуетъ векселя офицеровъ на сумму, если не ошибаюсь, въ 79.000 рублей, довольно крупную по тому времени, и этимъ лицамъ придется покинуть полкъ.

Фредериксъ показалъ Э. на дверь, но тутъ же собралъ офицеровъ должниковъ и каждому вручилъ чекъ, покрывавшiй долгъ ростовщику. На другой день Э. былъ полностью удовлетворенъ, сынъ же его былъ произведенъ въ офицеры въ другомъ полку, кончилъ академiю генеральнаго штаба и впослѣдствiи занималъ крупную должность.

Состоянiе Фредерикса заключалось въ большихъ домахъ близъ Николаевскаго вокзала въ Петербургѣ, съ тысячами мелкихъ квартиръ; имѣнiя въ Финляндiи, площадью чуть ли не въ цѣлый уѣздъ, и имѣнiе «Сиверское», по Балтiйской желѣзной дорогѣ, гдѣ лѣтомъ жила его семья, и которое ему дохода не приносило, такъ какъ постоянно улучшалось. Кромѣ того, у него были значительные капиталы. Управлялъ онъ своимъ состоянiемъ лично.

Помню, какъ сейчасъ, день, когда, послѣ моего назначенiя начальникомъ канцелярiи министерства двора, въ 1900 году, я впервые явился къ моему бывшему командиру полка, нынѣ моему министру, съ докладомъ и, послѣ почти 20-лѣтняго перерыва, вновь увидѣлъ кабинетъ графа Фредерикса.

Петербургъ былъ единственною столицею конца XIX вѣка, гдѣ еще имѣлись казармы въ центрѣ города. Три воинскiя части расположены были на самыхъ людныхъ и аристократическихъ улицахъ: преображенцы рядомъ съ запасными половинами Зимняго дворца, съ непосредственнымъ ходомъ въ него изъ казармъ; конная гвардiя и гвардейскiй экипажъ, расположенные въ концѣ Большой Морской, у Поцѣлуева моста. Конногвардейскiя казармы занимали громадную площадь, представляя собой фундаментальную постройку съ трехъ сторонъ огромнаго плаца, на которомъ производились ученiя и протекала вообще вся жизнь полка.

Какъ разъ напротивъ, на Почтамтской улицѣ, стоялъ небольшой красивый особнякъ, принадлежавшiй графу Фредериксу. Впослѣдствiи домъ этотъ прiобрѣлъ своего рода знаменитость. Онъ былъ первымъ сожженнымъ толпою въ начальный день революцiи, первое насильственное уничтоженiе частной собственности.

Графъ былъ очень привязанъ къ своему дому и ни за что не хотѣлъ его покидать. Графиня какъ-то при мнѣ говорила мужу, что неудобно министру двора не быть въ состоянiи сдѣлать у себя, за неимѣнiемъ подходя-

щаго зала, большого пріема, какъ то устраиваютъ министры, живущіе въ казенныхъ помѣщеніяхъ. Фредериксъ возразилъ:

— Вѣрно. Но зато тебѣ не придется переѣзжать, когда меня уволятъ съ должности, и будешь попрежнему принимать друзей въ твоихъ пяти гостиныхъ. Думаю, что спокойствіе за будущее пріятнѣе, чѣмъ возня съ устройствомъ большихъ пріемовъ.

Онъ, какъ и всѣ мы, не могъ думать, что черезъ десятокъ лѣтъ никто изъ насъ не будетъ въ состояніи считать себя обезпеченнымъ.

Возвращаюсь къ своему первому докладу: войдя въ кабинетъ графа, я былъ удивленъ отсутствіемъ перемѣнъ. Новаго я нашелъ лишь большую картину на стѣнѣ, изображавшую полковой плацъ, видимый изъ оконъ этого кабинета, съ выстроеннымъ на немъ полкомъ, въ конномъ строю, въ кирасахъ и каскахъ; а на первомъ планѣ группу полкового начальства, пѣшкомъ, бесѣдующаго съ Фредериксомъ. Эта картина, работы Самокишъ, была поднесена министру офицерами полка, при сдачѣ такового новому командиру, князю Барятинскому.

Какъ и прежде, кресло графа было у окна, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ письменнаго стола. Тутъ же стоялъ столикъ и рядомъ еще кресло, для докладчика. Благодаря этому, письменный столъ оставался неизмѣнно въ педантичномъ порядкѣ, со своими портретами высочайшихъ особъ и другими принадлежностями, большею частью подарками.

Я сѣлъ во второе кресло. Отнынѣ я былъ «правою рукою» министра, подобно тому, какъ онъ именовалъ «лѣвою» графа Гейданъ (начальника канцеляріи императорской главной квартиры).

2. ДЕНЬ МИНИСТРА ДВОРА.

Чтобы изобразить дѣятельность министра, опишу обыкновенное распредѣленіе его дня.

Начинался онъ съ 10 часовъ утра моимъ докладомъ. Я вскрывалъ конверты, лежавшіе на столикѣ, обыкновенно прошенія о пособіи, почему-то попавшія къ министру. Фредериксъ наизмѣнно разспрашивалъ, почему такой-то или такая-то проситъ о помощи. Кончалось тѣмъ, что прошенія эти передавались мнѣ для обычнаго исполненія. Привожу это для того, чтобы подчеркнуть гуманную особенность Фредерикса, считавшаго, что, какіе бы ни предстояли серьезные вопросы къ разрѣшенію, они не должны мѣшать ему удѣлять вниманіе и прошенію неизвѣстной бѣдной вдовы, для которой выдача пособія важнѣе всѣхъ государственныхъ вопросовъ.

Говорили, не торопясь. Бывало, министръ, весьма внимательно слѣдящій за докладомъ, взглянувъ въ окно на плацъ, восклицалъ:

— Смотрите, какой болванъ на третьей лошади съ фланга. Такъ затягиваетъ поводъ, что конь не понимаетъ, чего отъ него хочетъ всадникъ. А унтеръ-офицеръ что зѣваетъ... Однако, вернемся къ нашему дѣлу; но не могу не дѣлиться съ вами впечатлѣніями, зная, какъ и для васъ верховая ѣзда близка къ сердцу.

Такія отклоненія бывали, впрочемъ, весьма рѣдки. Обычно графъ, закуривъ свою огромную утреннюю сигару, слушалъ съ большимъ вниманіемъ мое изложеніе, вникая во всѣ подробности и высказывая всегда очень опредѣленныя рѣшенія. Конечно, главное вниманіе обращалось на всеподданнѣйшіе доклады, которыхъ бывало, при каждомъ пріемѣ министра у государя, отъ 5 до 15. Фредериксъ немедленно улавливалъ, что могло бы вызвать несогласіе его величества по существу или по формѣ доклада. Впослѣдствіи я такъ изучилъ царя, что мнѣ почти никогда не приходилось передѣлывать проекты своихъ докладовъ.

Вскорѣ послѣ начала нашей совмѣстной работы, Фредериксъ началъ ставить меня въ курсъ всего того, что говорилось во время его докладовъ государю. Министръ скоро убѣдился въ полной моей скромности относительно конфиденціальныхъ вопросовъ. Касательно же себя, онъ соглашался, чтобы я ему не передавалъ доходившихъ до меня слуховъ.

— Я кристаллъ прозрачный, — пояснилъ графъ, — все насквозь видно. Лучше не говорите мнѣ того, что не надо передавать. Могу проболтаться. О дѣлахъ же не проговорюсь.

И это было, дѣйствительно, такъ.

Помня Фредерикса полковымъ командиромъ, весьма вспыльчивымъ и часто рѣзкимъ, я былъ удивленъ перемѣной его характера. Произошла она благодаря тому, что министръ дѣлалъ разницу между средами придворною и полковою. Остерегаясь рѣзкихъ выраженій и боясь ихъ употреблять, Фредериксъ старался, гдѣ только возможно, возлагать на меня обязанность передачи всякихъ замѣчаній и выговоровъ, оставляя за собою лишь похвалу.

По окончаніи доклада, мы приступали къ подписыванію бумагъ. Графъ смотрѣлъ на это, какъ на священнодѣйствіе, фамилію подписывалъ стальнымъ перомъ, а росчеркъ производилъ другимъ — гусинымъ*), и всегда возмущался своими коллегами, которые иногда такъ подмахивали бумаги, что прочесть имена ихъ было невозможно. Фредериксъ считалъ, что письмо или бумага, подписанная министромъ двора, обычно сохраняются и для слѣдующихъ поколѣній, поэтому подпись должна быть четкою и красивою. Въ обычное время, къ счастью, кромѣ контрассигновки подписей государя и его помѣтокъ, подписей министра бывало мало. Въ дни же пожалованій, когда Фредериксу надо было подписывать до сотни писемъ, это являлось изряднымъ испытаніемъ терпѣнія докладчика.

Мои доклады кончались въ первомъ часу. Фредериксъ, послѣ завтрака съ семьею въ 1 часъ дня, совершалъ обязательную поѣздку къ куаферу «Пьеръ», на Большой Морской, гдѣ ежедневно брился. Въ случаѣ недомоганія, конечно, лейбъ-цирюльникъ призывался на домъ, но министръ этого очень не любилъ, такъ какъ поѣздка входила въ программу дня. Во вре-

*) Этими перьями снабжалъ князь Владиміръ Орловъ, который нашелъ цѣлый запасъ ихъ въ своемъ Стрѣльненскомъ дворцѣ, перешедшемъ къ нему отъ предковъ временъ Екатерины Великой.

мя путешествій, графъ отлично брился самъ, но не любилъ въ Петербургѣ отходить отъ своей старой привычки.

Съ трехъ часовъ дня начинался у Фредерикса докладъ начальниковъ отдѣльныхъ частей министерства двора и пріемъ лицъ, которымъ графъ назначалъ аудіенціи. Докладывали объ этихъ лицахъ чиновникъ особыхъ порученій моей канцеляріи и причисленные къ ней кандидаты на классную должность, которые, по окончаніи пріема, обычно въ седьмомъ часу, телефонировали мнѣ обо всемъ, происходившемъ въ теченіе дня у министра, и о его приказаніяхъ на слѣдующій день. Послѣ этого, если не было спѣшныхъ дѣлъ, Фредериксъ обѣдалъ дома и затѣмъ проводилъ время въ семьѣ, которая большею частью собиралась, съ нѣсколькими немногочисленными друзьями дома, у графа въ кабинетѣ, или же вся семья ѣхала въ одинъ изъ императорскихъ театровъ, гдѣ противъ малой царской ложи была ложа министра двора.

Когда бывали дѣла, волновавшія Фредерикса, онъ давалъ мнѣ знать предъ обѣдомъ, чтобы я пріѣхалъ къ нему въ десятомъ часу вечера, когда порою засиживался до полуночи. Въ первые годы, въ началѣ одиннадцатаго часа, приносили въ кабинетъ бутылку хорошаго бордоскаго вина и сухари. Графъ имѣлъ обыкновеніе опорожнять ее вдвоемъ съ кѣмъ-нибудь. Впослѣдствіи врачи воспротивились этому, и ко времени войны Фредериксу пришлось совсѣмъ отказаться отъ этого удовольствія.

Министръ очень любилъ свой образъ жизни и старался его, по возможности, не нарушать какъ во время путешествій, такъ и въ лѣтнихъ резиденціяхъ двора.

3. ВЗАИМООТНОШЕНІЯ ГОСУДАРЯ И ГРАФА ФРЕДЕРИКСА.

Не могу не разсказать здѣсь объ отношеніяхъ ихъ величествъ къ министру.

Кромѣ своихъ двухъ докладовъ въ недѣлю, одного по субботамъ утромъ и второго по четвергамъ — послѣ завтрака, Фредериксъ бывалъ во дворцѣ очень часто. Когда ихъ величества находились въ Царскомъ Селѣ, графъ ѣздилъ къ нимъ, помимо своихъ докладовъ, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю: на пріемъ или на парадъ какой-нибудь части, а иногда просто приглашеннымъ на завтракъ, что бывало большею частью, если императрица имѣла что-либо сообщить графу. Кромѣ того, министра звали на всѣ интимныя празднованія, какъ-то: рожденія или именины дѣтей, елку конвоя и подобныя торжества, оффиціально не праздновавшіяся.

По возвращеніи отъ ихъ величествъ, Фредериксъ немедленно требовалъ меня къ себѣ, чтобы передать мнѣ всѣ послѣдовавшія повелѣнія государя. При этомъ было трогательно слышать искреннюю радость моего начальника, если онъ могъ разсказать о какой-либо похвалѣ или вниманіи къ нему ихъ величествъ. Нужно сказать, что они па это не скупились.

Если бывало, что, по нездоровію, Фредериксъ недѣлю не могъ побы-

вать въ Царскомъ Селѣ, царица присылала ему какую-нибудь бездѣлушку своей работы съ запискою и пожеланіемъ здоровія отъ нея и государя. Никого они такъ не баловали, но я увѣренъ, никто, какъ Фредериксъ и его семья, такъ не цѣнили ихъ вниманіе. Маленькіе подарки и записки долгое время показывались друзьямъ дома съ особою радостью и гордостью.

Государь особенно любилъ разговаривать съ министромъ двора. Я полагаю, что это было единственное лицо всей ближайшей свиты, съ кѣмъ его величество дѣлился впечатлѣніями касательно своихъ отношеній съ великими князьями, а иногда и затрудненіями съ министрами. Графъ имѣлъ особое чутье, какъ уладить то или иное недоразумѣніе. Кромѣ того, когда императоръ, по природной своей застѣнчивости, уклонялся самъ отъ выраженія кому-либо своего недовольства, то поручалъ это Фредериксу, который эту весьма непріятную задачу исполнялъ въ смягченной формѣ.

Государь видѣлъ всегда въ своемъ министрѣ двора справедливаго и благороднаго человѣка, каковымъ онъ и былъ, съ ясными взглядами на событія, безконечно преданнаго и любящаго. Я слыхалъ объ этомъ неоднократно отъ третьихъ лицъ, знавшихъ это со словъ самого государя. Самъ же я убѣдился въ томъ, что Фредериксъ умѣлъ говорить правду ихъ величествамъ, но умѣлъ ее облечь въ такую форму, которая ихъ не коробила, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгалъ вмѣшиваться въ вопросы другихъ вѣдомствъ, если только государь этого отъ него категорически не требовалъ.

4. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ МИНИСТРА.

Фредериксъ считалъ, что, для блага монархическаго принципа, Россіи слѣдуетъ поддерживать наиболѣе дружескія отношенія съ Германіей. Пруссія, по его мнѣнію, была послѣднимъ устоемъ принципа легитимизма въ Европѣ; въ этомъ отношеніи, она столь же нуждалась въ насъ, какъ и мы въ ней. Графъ допускалъ, что политика Бисмарка и, въ особенности, Вильгельма II могла побудить насъ искать сближенія съ Франціей. Но и въ такомъ случаѣ онъ считалъ, что никакой союзъ съ республиканскою Франціею не долженъ умалять династическую связь между Петербургомъ и Берлиномъ.

— Ни Франція, ни даже Англія, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — не постоятъ за нашу династію. Онѣ были бы слишкомъ довольны переходу Россіи къ республиканскому строю, видя въ этомъ ослабленіе ея мощи. Онѣ знаютъ судьбу Самсона послѣ того, какъ Далила его остригла.

Когда Извольскій, вѣрный своей политикѣ сближенія съ Англіею, стремился склонить его величество къ посѣщенію короля Эдуарда въ Коузъ, Фредериксъ немедленно указалъ государю на опасность этого визита, который неминуемо вызоветъ недовольство кайзера и поведетъ къ розни двухъ монархій, нежелательной для обѣихъ династій. Когда эта поѣздка была окончательно рѣшена, министръ долго мнѣ говорилъ о серьезныхъ послѣд-

ствіяхъ, могущихъ угрожать Россіи; онъ считалъ Англію коварнымъ союзникомъ и не надѣялся на хорошій результатъ отъ этого сближенія*).

— Я не профессіональный дипломатъ, — повторялъ графъ. — У меня нѣтъ нужныхъ данныхъ, чтобы оспаривать аргументы Извольскаго. Да это и внѣ моей компетенціи. Но какъ инстинктъ, такъ и разсудокъ побуждаютъ меня отнестись къ этой поѣздкѣ, какъ къ большой опасности. Извольскій увлекается англоманіею. Когда меня болѣе не будетъ въ живыхъ, вы увидите, что вашъ старикъ былъ правъ. У насъ будетъ война, и въ этой войнѣ мы будемъ имѣть Германію въ рядахъ своихъ противниковъ.

До послѣдней минуты предъ объявленіемъ великой войны, Фредериксъ поддерживалъ всѣми силами миролюбивыя стремленія государя по отношенію къ Германіи. Какъ только военныя дѣйствія начались, онъ подчинился волѣ царя и всецѣло былъ за доведеніе войны до побѣднаго конца.

5. ЕГО БОЛѢЗНЬ.

Начиная съ 1913 года, Фредериксъ сталъ страдать кровоизліяніями въ мозгъ: временами онъ совершенно терялъ память, что длилось нѣсколько минутъ, но послѣ этого оставалось, если можно такъ выразиться, умственное недомоганіе, длившееся иногда нѣсколько часовъ, иногда нѣсколько дней. Люди, его не знавшіе и встрѣчавшіеся съ нимъ въ моменты такихъ мѣстныхъ пораженій, конечно, составляли себѣ ложное представленіе о его умственныхъ способностяхъ.

Графъ неоднократно просилъ его величество объ увольненіи отъ должности министра Но царь не желалъ печалить своего вѣрнаго слугу и многократно отказывался принять его отставку. Этому способствовало и то, что не находилось достойнаго замѣстителя. Императоръ не разъ говорилъ съ самимъ министромъ по этому поводу. Графъ намѣчалъ въ свои преемники князя Виктора Кочубея, начальника удѣловъ, назначеніе котораго и государь считалъ подходящимъ, но оно не могло состояться изъ-за категорическаго отказа князя принять эту должность.

Такимъ образомъ, престарѣлый министръ, совершенно больной, былъ свидѣтелемъ катастрофическаго паденія династіи. Вотъ какъ разсказывалъ онъ мнѣ о своей роли въ трагическія минуты отреченія государя отъ престола:

— Васъ не было. Орловъ былъ уже на Кавказѣ. Воейковъ мнѣ отчасти пояснялъ положеніе, но яснаго представленія о немъ у меня не было. Да кто бы могъ подумать, что отреченіе такъ отзовется на царѣ и на всемъ строѣ государства. Мнѣ казалось, да и его величеству тоже, что императорской семьѣ позволятъ поѣхать въ Ливадію. Инстинктивно я былъ противъ всякаго отреченія. Я говорилъ государю, что и при отреченіи не-

*) Отказъ Ллойдъ-Джорджа отъ пріема царской семьи въ Англіи, послѣ запроса объ этомъ временнаго правительства, доказалъ до извѣстной степени правоту взгляда графа Фредерикса.

минуемо такое же кровопролитіе, какъ и при подавленіи уже вспыхнувшихъ безпорядковъ. Я умолялъ его величество не отрекаться. Онъ же вѣрилъ, что этимъ облегчится веденіе нами войны и будетъ предотвращено кровопролитіе внутри страны.

Этотъ разговоръ происходилъ въ началѣ ноября 1917 года, какъ разъ когда большевики овладѣли Зимнимъ дворцомъ. Я, недолго спустя, бѣжалъ въ Румынію. Графъ же не согласился съ семьею послѣдовать моему примѣру, что тогда было возможно, ожидая законнаго разрѣшенія на выѣздъ. Онъ оставался вѣрнымъ себѣ до конца, проведя съ семьею нѣсколько лѣтъ подъ постоянною большевицкою угрозою. Только незадолго передъ смертью онъ получилъ разрѣшеніе на выѣздъ вмѣстѣ съ дочерью въ Финляндію, гдѣ и скончался. Графиня Ядвига Алоизіевна опередила мужа и похоронена была въ Ленинградѣ.

Б. Канцелярія Министерства Двора

1. НАЧАЛЬНИКЪ КАНЦЕЛЯРІИ.

Въ мартѣ 1900 года я принялъ отъ своего предшественника, Рыдзевскаго, канцелярію министерства двора. Смѣю увѣрить, что должность моя не была синекурою.

На первыхъ порахъ по вступленію въ новое для меня дѣло, я пережилъ не мало затрудненій съ персоналомъ моей канцеляріи. Большинство чиновниковъ были сыновьями камердинеровъ великихъ князей, люди безъ высшаго образованія и нужнаго для службы воспитанія, попавшіе въ министерство по протекціи ихъ высочествъ, доставлявшихъ тѣмъ удовольствіе своимъ приближеннымъ слугамъ. Благодаря высокому заступничеству, молодые люди считали себя неуязвимыми со стороны своего начальства.

Въ началѣ моей службы, они позволяли себѣ подсовывать мнѣ къ подписи бумаги, противоположныя моимъ распоряженіямъ.

Не обходилось и безъ злоупотребленій, въ особенности, при пожалованіи званія «придворныхъ поставщиковъ». Мнѣ пришлось, когда я обнаружилъ это, хранить переписку по такимъ дѣламъ въ письменномъ столѣ, подъ ключомъ.

Постепенно мнѣ удалось замѣнить этихъ старослужащихъ питомцами Александровскаго лицея и училища правовѣдѣнія. Старыхъ чиновниковъ я постепенно распредѣлилъ въ такія управленія, гдѣ они, по меньшей мѣрѣ, вредить не могли.

Смѣна эта не обошлась безъ недовольства покровителей. Но такихъ случаевъ оказалось меньше, чѣмъ я ожидалъ.

Помощникомъ у меня былъ д. с. с. Злобинъ, хорошо владѣвшій перомъ и отличный музыкантъ. Онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что я, въ полковничьемъ чинѣ, сталъ его начальникомъ, когда онъ уже былъ штатскимъ генераломъ, со станиславскою лентою.

Однажды онъ читалъ мнѣ отвѣтъ, составленный имъ на одну бумагу.

читалъ съ большимъ пафосомъ. На мое замѣчаніе, что послѣдняя фраза аннулируетъ весь смыслъ предшествующаго онъ, ничтоже сумняшеся, отвѣтилъ:

— Да, но какъ она музыкальна!

При большой распорядительной работѣ, которую несла канцелярія, Злобинъ, увлекавшійся краснорѣчіемъ бумагъ, съ дѣломъ не справлялся, не взирая на всѣ его другія достоинства. Я предложилъ дать Злобину повышеніе, назначивъ его управляющимъ капитула орденовъ. Тамъ онъ былъ вполнѣ на мѣстѣ, считая свою должность имѣющей высокое государственное значеніе. Въ капитулѣ орденовъ Злобинъ оставался до революціи, получивъ всѣ возможные русскіе знаки отличія. Въ эмиграціи ему пришлось работать таперомъ и терпѣть большую нужду. Скончался онъ въ Берлинѣ.

2. ПОСѢТИТЕЛИ.

Министра двора постоянно осаждали разнаго рода просьбами и ходатайствами. Пріемы посѣтителей его чрезвычайно утомляли, особенно потому, что, по своему добросердечію, онъ боялся обѣщать нѣчто такое, что бы впослѣдствіи могло оказаться невыполнимымъ. Щепетильнаго графа такіе случаи очень тяготили. Онъ отдалъ распоряженіе дежурнымъ чиновникамъ никого къ нему не пускать, а направлять всѣхъ къ начальнику канцеляріи Послѣдній, если считалъ нужнымъ, — просилъ о личномъ пріемѣ у графа, предварительно посвятивъ его, конечно, въ сущность дѣла.

Большинство ходатайствъ сводилось къ дѣламъ, закономъ не предусмотрѣннымъ, или даже стремящимся прямо его нарушить*). Часто на мои заявленія, что искомое противозаконно, я слышалъ въ отвѣтъ:

— Конечно, — если бы это было законно, мнѣ бы незачѣмъ было безпокоить его величество.

Пріемнымъ днемъ была у меня суббота. Но высокопоставленныхъ персонъ я принужденъ былъ принимать и въ другіе дни, и во всякіе часы, что мѣшало нормальной работѣ и отнимало у меня массу времени. Такіе просители не ограничивались изложеніемъ дѣла, а вступали со мною въ бесѣду, обмѣниваясь придворными и городскими новостями.

Къ числу высокихъ особъ, кромѣ членовъ государственнаго совѣта, первыхъ придворныхъ чиновъ и т. п., безусловно причисляли себя... и члены императорскаго яхтъ - клуба. Болѣе почтенные по возрасту, обыкновенно, начинали съ жалобъ на свои физическіе недуги, настоятельно рекомендовали мнѣ своего домашняго врача и придуманныя ими средства противъ всякихъ болѣзней, которыми я, къ счастью, не страдалъ. Прерывать эти изліянія не приходилось. Опытъ показалъ мнѣ, что это только затягиваетъ разговоръ и къ тому же раздражаетъ посѣтителя. Наконецъ, вспом-

*) Благодаря изъятію всѣхъ высочайшихъ особъ изъ компетенціи общихъ судебныхъ установленій, многочисленныя претензіи къ членамъ *императорской фамиліи* должны были восходить чрезъ министерство двора на высочайшее разсмотрѣніе.

нивъ о цѣли визита, сановникъ начиналъ расхваливать своего родственника, прося обратить на него вниманіе государя при ближайшемъ докладѣ списка кандидатовъ на придворныя пожалованія. Такія же просьбы мнѣ приходилось выслушивать и внѣ канцеляріи, гдѣ бы я ни бывалъ: въ клубахъ, въ театрахъ, на балахъ...

Однажды, послѣ традиціоннаго вторичнаго обѣда въ Новомъ Клубѣ, ко мнѣ подсѣлъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія, Галкинъ-Врасскій. Безъ вступленія онъ началъ:

— Онъ очень красивый, страшно богатый, отлично воспитанный. Онъ въ придворномъ мундирѣ будетъ, дѣйствительно, украшеніемъ двора; это не то, что обезьяна, которую вы недавно пожаловали. Ему мундиръ присталъ, какъ коровѣ — сѣдло.

— А какъ фамилія вашего протеже?

Галкинъ велѣлъ позвать маркера.

— Послушай, какъ фамилія красиваго молодого человѣка, который мнѣ проигралъ три партіи?

—Князь Карагеоргіевичъ, ваше высокопревосходительство.

—Да нѣтъ же, Карагеоргіевича я хорошо знаю; онъ у меня выигрываетъ. А вотъ другого, какъ зовутъ его . . .

Я предложилъ почтенному Галкину сообщить мнѣ фамилію письмомъ. На этомъ дѣло и кончилось.

3. КОРОНА КНЯГИНИ ГРУЗИНСКОЙ.

Я даже подносилъ короны.

Свѣтлѣйшая княгиня Грузинская, въ дѣвичествѣ Безобразова, была супругою корнета конвоя его величества. Придавая большее значеніе роду своего мужа, чѣмъ это соотвѣтствовало современной дѣйствительности, она начала свою осаду министерства двора, обременяя церемоніальную часть спорами о томъ, гдѣ полагается ей стоять на выходахъ. Княгиня была убѣждена, что ей, супругѣ потомка грузинскихъ царей, полагается быть между членами императорской фамиліи.

Постоянныя пререканія объ этомъ мнѣ настолько надоѣли, что я далъ себѣ трудъ и раскопалъ постановленіе, еще въ царствованіе Николая Павловича изданное, что всѣ потомки владѣтельныхъ кавказскихъ семей, въ третьемъ колѣнѣ, занимаютъ мѣсто по рангу въ русской службѣ.

Супругъ — корнетъ . . .

Когда княгиня ожидала второго ребенка, она явилась ко мнѣ съ просьбой, чтобы его величество согласился стать воспріемникомъ. Я доложилъ министру, графъ — государю. Послѣдній согласился. Императоръ, вообще, въ такихъ просьбахъ чрезвычайно рѣдко отказывалъ, считая поощреніе чадолюбія своимъ долгомъ.

Семьѣ, въ которой царь былъ воспріемникомъ, помимо чести, представлялись еще и тѣ выгоды, что мать получала довольно цѣнный подарокъ, а крестникъ воспитывался и получалъ образованіе на казенный

счетъ, могъ разсчитывать на службу по министерству двора и, при нуждѣ, на помощь изъ комнатныхъ суммъ*).

Княгиня довольно часто прибѣгала къ этой возможности, жалуясь на то, что ей — «нечего ѣсть».

Какъ сказалъ, княгинѣ полагался подарокъ. Я позвонилъ въ камерную часть и предупредилъ ея начальника, чтобы онъ выдалъ Грузинской вещь по ея вкусу, или, взамѣнъ, деньгами, на сумму въ 600 рублей. Можно было эту сумму немного и повысить. (Цѣнность подарка зависѣла отъ ранга одариваемаго).

Княгиня, явившись къ Новосельскому, предпочла не денежную выдачу, а высказала пожеланіе имѣть діадему. Начальникъ камеральной части пытался объяснить, что нельзя сдѣлать діадему за 600 рублей, но княгиня настаивала, прося украсить ее хотя бы уральскими камнями. Новосельскій позвонилъ мнѣ по телефону:

— Сдѣлайте ей діадему на сумму до 1000 рублей, — распорядился я.

Черезъ нѣсколько времени, германскій посолъ, графъ Пурталесъ, давалъ балъ. Княгиня позвонила ему по телефону и заявила, что она владѣтельная особа, которой государь поднесъ даже корону, и потребовала себѣ приглашеніе. Смущенный графъ, съ извиненіями, прислалъ ей таковое. Тогда Грузинская обратилась въ конюшенную часть съ просьбою дать ей придворную карету для поѣздки на этотъ балъ. Конечно, ей было отказано. Она вновь позвонила Пурталесу и попросила прислать за нею автомобиль. Посолъ, не понимая, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, позвонилъ Гендрикову, и исторія выплыла наружу.

Шуму она надѣлала чрезвычайнаго. Государь позвалъ Фредерикса и потребовалъ объясненій. Мнѣ пришлось сфотографировать несчастную діадему и писать длиннѣйшій всеподданнѣйшій докладъ о томъ, какъ все это случилось. Княгиня стала притчею во языцѣхъ. Но и послѣ этого случая, она не переставала удостаивать своими посѣщеніями канцелярію и часто создавала мнѣ хлопоты и непріятности.

4. ВОВСЕ НЕ СИНЕКУРА.

Читатель можетъ изъ вышесказаннаго судить о томъ, что моя должность не была синекурою. Каждое утро, а зачастую и вечеромъ, я бы-

*) Въ канцелярію часто обращались съ просьбами о вспомоществованіи. На этотъ предметъ, въ моемъ распоряженіи, была спеціальная сумма въ 40.000 рублей ежегодно, именовавшаяся «компатною». Названіе произошло отъ того, что раньше этою суммою для вспомоществованія и раздачи нуждающимся распоряжались личные камердинеры императоровъ. Графъ Воронцовъ, замѣтивъ, что при этихъ выдачахъ проявляется неумѣлость, а, кромѣ того, по введеніи «охраны государя», доступъ просителямъ во дворецъ сталъ недоступенъ, — распорядился вѣдѣніе этой суммой передать въ канцелярію. Пособія раздавались потомкамъ придворно-служительскаго сословія и лицамъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе ко двору, въ случаяхъ острой нужды, для окончанія учебныхъ заведеній и, въ видѣ исключенія, гвардейскимъ офицерамъ, не имѣвшимъ возможности содержать себя въ полку, гдѣ служили ихъ отцы и дѣды.

валъ у министра. Пріемъ просителей отнималъ добрую часть дня. Доклады дѣлопроизводителей начинались съ утра, до моего доклада графу, возобновлялись послѣ моего возвращенія отъ министра, когда я сдавалъ резолюціи Фредерикса для исполненія въ канцелярію, и повторялись еще разъ днемъ, между пріемомъ многихъ начальниковъ подвѣдомственныхъ министерству установленій. Вечера я посвящалъ своей личной работѣ надъ самыми серьезными дѣлами и чтеніемъ всего матеріала, посылаемаго министру, по званію его члена государственнаго совѣта и совѣта министровъ (дабы держать графа постоянно въ курсѣ дѣлъ, о которыхъ иногда заговаривалъ съ нимъ государь). Ровно два часа въ день занимали у меня вечеромъ подписи и разсмотрѣніе входящихъ бумагъ и распредѣленіе ихъ для исполненія.

Добавлю, что, въ случаѣ посѣщенія театральныхъ представленій ихъ величествами, мнѣ приходилось, по должности, присутствовать въ залѣ, долгъ легкій, но все же отнимающій много времени.

Я не скоро познакомился со всѣми тонкостями своей должности. Первымъ моимъ учителемъ былъ мой предшественникъ, Рыдзевскій, обучавшій меня въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но и послѣ него возникали вопросы, требовавшіе знанія прецедентовъ нашего двора, не всѣмъ извѣстныхъ.

Даю примѣръ традиціи, о которой, впрочемъ, я былъ извѣщенъ заблаговременно.

4-го іюня 1901 года государь далъ знать Фредериксу, жившему въ Петергофѣ, что къ ночи или къ слѣдующему утру ожидается разрѣшеніе императрицы отъ бремени. Министръ, въ свою очередь, вызвалъ меня къ вечеру въ Александрію, съ указаніемъ имѣть при себѣ манифесты о рожденіи новаго члена императорской фамиліи.

Эти манифесты составлялись въ пяти экземплярахъ: одинъ — по случаю рожденія сына, другой — дочери, затѣмъ — на случай рожденія двойни, для двухъ сыновей, для двухъ дочерей, и, наконецъ, на случай рожденія сына и дочери, хотя случая рожденія двойни въ какой-либо владѣтельной семьѣ я не упомню.

Я выѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ и прибылъ прямо въ Александрію, гдѣ нашелъ въ пріемной дворца графа. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ожиданія, императоръ прислалъ за Фредериксомъ.

По закону, министръ двора долженъ присутствовать при рожденіи царскихъ дѣтей, но это, конечно, въ точности не исполнялось. Министръ ожидалъ въ одной изъ комнатъ, недалеко отъ опочивальни императрицы, гдѣ государь показывалъ ему новорожденнаго.

Послѣ долгихъ часовъ, Фредериксъ послалъ ко мнѣ за манифестомъ рожденіи дочери. Вскорѣ послѣ того, онъ вернулся ко мнѣ съ подписаннымъ государемъ манифестомъ, въ которомъ собственною его величества рукою было внесено имя «Анастасія».

5. НАЗНАЧЕНІЕ АВТОРА ПОСЛАННИКОМЪ ВЪ РУМЫНІЮ.

Ушелъ я въ Румынію не по своему желанію и не по желанію графа, который былъ недоволенъ этимъ моимъ назначеніемъ. Государь, въ утѣшеніе ему, приписалъ въ указѣ сенату: «съ оставленіемъ начальникомъ канцеляріи».

Я смотрѣлъ на это назначеніе какъ на указаніе судьбы, и самъ не противился этому. При усиленіи болѣзни Фредерикса мнѣ де факто приходилось управлять министерствомъ, не имѣя на то законныхъ полномочій. Я справлялся со своей задачей, опираясь на годами пріобрѣтенный авторитетъ, который, однако, при долговременномъ недомоганіи моего начальника и съ назначеніемъ Воейкова дворцовымъ комендантомъ, началъ умаляться.

Въ декабрѣ 1916 года я пріѣхалъ изъ Румыніи и имѣлъ разговоръ съ императрицею, вызвавшій во мнѣ раздуміе и сомнѣніе, не долженъ ли я остаться въ Петроградѣ. Ея величество правильно сказала мнѣ:

— Критикуютъ всѣ, на помощь никто не рѣшается.

Я тогда же думалъ о томъ, что мнѣ дѣлать. Тошнило при мысли опуститься въ грязный омутъ Распутинскаго управленія. Думалось, что только замараюсь и не помогу. Я чувствовалъ, что безсиленъ помочь и графу. Болѣзнь ощутительно сократила его волю, и онъ поддался самымъ разнообразнымъ вліяніямъ. Простое и здоровое чувство самосохраненія говорило мнѣ:

— Бѣги отъ того, чему помочь не можешь.

И я бѣжалъ въ Яссы.

В. *Ближайшая свита*

Ближайшая свита государя состояла изъ лицъ, занимавшихъ небольшое, опредѣленное число должностей.

Въ первую очередь, помяну гофмаршала, графа П. К. Бенкендорфа, возведеннаго въ концѣ царствованія въ оберъ-гофмаршалы. Службу онъ началъ въ конномъ полку, Александромъ III былъ взятъ въ ближайшую свиту во время коронаціи, и, еще совсѣмъ молодымъ, былъ назначенъ исправлять должность гофмаршала. Его управленіе длилось въ теченіе двухъ царствованій.

Человѣкъ умный, всесторонне образованный, весьма хладнокровный, онъ исполнялъ свое нелегкое дѣло незамѣтно для постороннихъ, но всегда съ ровною добросовѣстностью. Графъ держался опредѣленныхъ принциповъ и имѣлъ большой и заслуженный вѣсъ въ министерствѣ двора. Политикою не занимался и о ней никогда не говорилъ.

Церемоніальная часть, хотя Бенкендорфу не подчиненная, всегда совѣтовалась съ нимъ. Онъ былъ, въ мое время, арбитромъ всѣхъ вопросовъ, касавшихся традицій русскаго двора. Государь и императрица относились

къ нему съ большимъ довѣріемъ и дружбою. Всѣ бывшія въ Россіи высочайшія особы и главы государствъ хорошо знали и цѣнили нашего гофмаршала.

Бенкендорфъ не послѣдовалъ за государемъ въ изгнаніе, какъ этого хотѣлъ, лишь по совершенно разстроенному здоровью. Большевики его долго не выпускали изъ Россіи, а когда, наконецъ, выпустили, то графъ только успѣлъ переѣхать границу, какъ скончался отъ разрыва сердца.

Его преемникъ по должности и пасынокъ, князь Василій Долгоруковъ, тоже конногвардеецъ, былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы стать совѣтникомъ его величества во время пребыванія въ ставкѣ, гдѣ онъ завѣдывалъ гофмаршальскою частью. Вернувшись съ императоромъ въ Царское Село, онъ съ нимъ же послѣдовалъ въ изгнаніе, гдѣ былъ убитъ большевиками.

Перейдемъ къ дворцовому коменданту, вѣдавшему личною безопасностью государя. Ихъ смѣнилось много за мое время. Послѣ Гессе былъ Д. Ф. Треповъ, о которомъ я буду говорить ниже въ главахъ, описывающихъ дворъ въ 1905-1906 годахъ. Предпослѣднимъ комендантомъ былъ генералъ-адъютантъ Дедюлинъ, который, во время пребыванія ихъ величествъ въ Ливадіи, какъ помнится, въ 1912 году, совершенно неожиданно заболѣлъ и черезъ десять дней скончался.

Предъ его смертью явился вопросъ, кѣмъ его замѣнить. Когда Фредериксъ спросилъ объ этомъ государя, то его величество отвѣтилъ, что ничего еще не рѣшилъ, но что у Александры Федоровны, кажется, уже имѣется свой кандидатъ.

Чуть ли не за день до смерти Дедюлина, появился въ Ялтѣ Воейковъ съ женою, дочерью графа Фредерикса. Онъ пояснилъ, что пріѣхалъ съ докладомъ по вопросу о физическомъ воспитаніи юношества, которымъ усердно занимался еще въ бытность командиромъ гусарскаго полка.

Зная близость Вырубовой съ Воейковымъ, я понялъ причину его пріѣзда. И, дѣйствительно, чуть ли не въ день похоронъ Дедюлина, царица заговорила съ Фредериксомъ о его зятѣ.

Министръ не скрылъ отъ императрицы, что не сочувствуетъ этому назначенію, такъ какъ характеры его и Воейкова настолько разнятся, что врядъ ли совмѣстная служба дастъ хорошіе результаты. Прошло нѣсколько дней, и назначеніе состоялось.

Ген. Воейковъ человѣкъ безусловно талантливый, не лишенъ свѣтской любезности и юмора, равно какъ и придворной ловкости. Сперва мнѣ казалось, что я съ нимъ на служебной почвѣ, какъ съ человѣкомъ умнымъ, сойдусь. Но вышло не такъ. Онъ какъ-то, въ самомъ началѣ, далъ Фредериксу во всеподданнѣйшій докладъ какое-то совершенно неисполнимое прошеніе. Министръ вернулся отъ государя совершено сконфуженнымъ. Съ этого дня графъ не ставилъ резолюцій на докладахъ Воейкова, не показавъ ихъ мнѣ. Хотя это держалось въ секретѣ, Воейковъ, въ концѣ концовъ, все же объ этомъ узналъ, и, конечно, это не послужило къ облегченію нашей совмѣстной работы при дворѣ.

Въ моментъ отреченія, вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, Воейковъ оказался во главѣ крайне немногочисленной свиты, состоявшей изъ Нилова, Долгорукова, Граббе, Нарышкина, Мордвинова, Лейхтенбергскаго и Федорова (Фредериксъ сопровождалъ государя въ поѣздѣ, но былъ уже весьма слабъ и боленъ). Я дальше указываю, какъ мало эти лица могли являться совѣтниками царя. Поскольку это касается ближайшей свиты, Воейковъ, какъ старшій послѣ министра двора и самый приближенный къ императору человѣкъ, несетъ главную отвѣтственность за послѣдніе дни пребыванія въ Могилевѣ, за запоздалый отъѣздъ государя и дни нахожденія его величества въ пути.

О флагъ-капитанѣ, адмиралѣ Ниловѣ, сопровождавшемъ царя во всѣхъ его резиденціяхъ и путешествіяхъ, мало что можно сказать. Адмиралъ былъ выдвинутъ на занимаемую имъ должность благодаря своей долгой службѣ въ качествѣ адъютанта при великомъ князѣ Алексѣѣ Александровичѣ. Его пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ не дѣлало изъ него продуктивнаго работника. Ниловъ былъ очень преданъ царю и покинулъ ставку его величества, послѣ отреченія, лишь по прямому приказанію государя.

Начальниками канцеляріи главной квартиры (вѣдавшей военною свитою Николая II) были, послѣдовательно: графъ Гейденъ, князь Владиміръ Орловъ*) и генералъ Нарышкинъ. Первый, другъ дѣтства его величества, былъ особенно довѣреннымъ лицомъ государя, но пожертвовалъ своему увлеченію фрейлиной Олениной — первою женою, дѣтьми и должностью.

Бывшій конногвардеецъ, чрезвычайно состоятельный, князь Владиміръ Орловъ скоро сталъ однимъ изъ ближайшихъ къ ихъ величествамъ лицъ. Культурный, любившій острое словечко, князь имѣлъ большой и заслуженный вѣсъ. Онъ стремился уберечь Россію отъ надвигавшейся катастрофы, которую предвидѣлъ и признаки которой умѣлъ оцѣнить. Безъ всякой заботы о личной карьерѣ, онъ былъ одинаково преданъ царю и идеѣ монархизма въ лучшемъ и наиболѣе возвышенномъ смыслѣ. Состоя въ перепискѣ съ видными политическими дѣятелями, онъ былъ хорошо освѣдомленъ объ окружающей его дѣйствительности и, одинъ изъ всей свиты, былъ политически зрѣлымъ человѣкомъ. Къ его несчастію, окруженіе государыни было ему явно несимпатично, онъ не скрывалъ своего отношенія къ распутинскому штату, и императрицѣ объ этомъ доносили.

Я разсказалъ, говоря о «старцѣ Григоріи», какимъ образомъ придворная карьера Орлова была разбита. Государю пришлось настоять на исполненіи желанія императрицы, — болѣе не видѣть князя въ своей близости.

Орлова замѣнилъ, уже во время войны, Нарышкинъ, сынъ оберъ-гофмейстерины. Онъ, какъ и прочія лица свиты, кромѣ князя Долгорукова, послѣ отреченія сопровождалъ государя до Царскаго Села, а затѣмъ уѣхалъ въ Петроградъ и во дворецъ больше не возвращался.

---

*) Сынъ Николая Алексѣевича Орлова бывшаго посла въ Парижѣ, внукъ Федора Григорьевича, брата временщика при имп. Екатеринѣ.

Причислены были къ канцеляріи главной квартиры, въ разное время: Дрентельнъ, Саблинъ и графъ Александръ Ил. Воронцовъ-Дашковъ. Они чаще другихъ сопровождали царя въ его путешествіяхъ.

Дрентельнъ былъ умнымъ, честнымъ человѣкомъ, широко культурнымъ и съ большимъ характеромъ. Я видѣлъ въ немъ лицо, наиболѣе подходящее для ближайшаго окруженія царя. Тактичный и обходительный царедворецъ (въ лучшемъ смыслѣ), онъ, думается мнѣ, былъ единственнымъ близкимъ, къ которому государь былъ болѣе другихъ привязанъ, не считая, понятно, Фредерикса. Бесѣды съ нимъ были царю по душѣ. Послѣ инцидента съ Орловымъ, положеніе Дрентельна поколебалось. Случай съ Джунковскимъ окончательно подорвалъ его авторитетъ. Товарищъ Дрентельна по полку, шефъ жандармовъ генералъ Джунковскій, рѣшился довести въ личномъ разговорѣ съ государемъ истину о Распутинѣ. Вскорѣ послѣ доклада генерала въ ставкѣ, его уволили отъ должности.

Дрентельнъ, весьма дружный съ Джунковскимъ, вскорѣ послѣ того получилъ въ командованіе Преображенскій полкъ. Это было повышеніе по службѣ, но удаленіе изъ ближайшей свиты.

Капитанъ Саблинъ, прошедшій свою морскую карьеру на «Штандартѣ», былъ обязанъ своимъ приближеніемъ желанію государыни, благодаря создавшейся во время плаванія интимности съ царскою четою, но политической роли не игралъ. Мордвиновъ, бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Александровича, пробылъ при государѣ недолго и роли не игралъ, хотя императоръ любилъ съ нимъ бесѣдовать, равно какъ съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, ближайшимъ ко двору по бывшему положенію отца. Как графъ, такъ и герцогъ Николай Лейхтенбергскій, состоявшій дежурнымъ флигель-адъютантомъ во время отреченія, никакого политическаго значенія не имѣли.

Отмѣчу, для полноты, начальника конвоя его величества, графа Александра Граббе. По словамъ бывшихъ въ роковые дни при государѣ, онъ не сумѣлъ внушить своимъ солдатамъ нужной вѣрности монарху и самъ не оказался на должной высотѣ въ тяжелое время.

Врачами состояли — сперва Гиршъ, потомъ Боткинъ и Федоровъ.

Боткинъ былъ извѣстенъ своею сдержанностью. Никому изъ свиты никогда не удалось узнать отъ него, чѣмъ была больна государыня и какому лѣченію слѣдуютъ царица и наслѣдникъ. Онъ былъ безусловно преданный ихъ величествамъ слуга, сопровождалъ ихъ въ Екатеринбургъ и тамъ погибъ вмѣстѣ съ царскою семьею.

Федоровъ, очень умный человѣкъ, былъ взятъ ко двору, главнымъ образомъ, ради здоровья цесаревича. Онъ послѣдовалъ за государемъ въ ставку и пользовался въ глазахъ его величества безусловнымъ вѣсомъ. На основаніи его діагноза, императоръ, сперва отрекшійся въ пользу сына, перемѣнилъ свое рѣшеніе въ пользу брата, Михаила Александровича. Фе-

доровъ увѣрилъ государя, что Алексѣй Николаевичъ останется инвалидомъ на всю жизнь.

Указанными лицами ограничивается мужской персоналъ ближайшей свиты.

Флигель-адъютанты, въ числѣ многихъ десятковъ къ концу царствованія, дежурили посмѣнно 24 часа. Имъ бы и въ голову не пришло докладывать его величеству о чемъ либо, выходившемъ за предѣлы ихъ дневныхъ обязанностей. Впрочемъ, Фредериксъ крайне ревностно и зорко слѣдилъ, чтобы такія нарушенія не могли имѣть мѣсто. Да и всѣмъ намъ было хорошо извѣстно, что государь терпѣть не могъ, чтобы его слуги касались какихъ-либо вопросовъ внѣ круга своей компетенціи.

Начальникъ удѣловъ, оберъ-церемоніймейстеры, управляющій собственной е. в. библіотекой и директоры императорскихъ театровъ и Эрмитажа имѣли право личнаго доклада у его величества.

Добавлю нѣсколько словъ объ окруженіи государя въ ставкѣ, во время взятія имъ верховнаго командованія. Люди, бывшіе тамъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, увѣряли меня, что окруженіе царя производило впечатлѣніе тусклости, безволія, апатичности и предрѣшенной примиренности съ возможными катастрофами. Злой рокъ, какъ будто, преслѣдовалъ всѣ новыя назначенія. Честные люди уходили, ихъ замѣняли эгоисты, ранѣе всего думавшіе о собственномъ интересѣ. Ни одинъ изъ нихъ не могъ быть полезнымъ и безпристрастнымъ совѣтникомъ царя.

Пропасть, отдѣлявшая государя отъ страны, все росла. Министры пріѣзжали рѣдко, а, пріѣхавъ, тянули каждый въ свою сторону. Единство дѣйствій и цѣли отсутствовало.

Николай II видѣлъ лишь то, что ему позволяла видѣть, въ своей перепискѣ, государыня. Письма эти, при всей своей страстности и искренности, грѣшили исключительною односторонностью.

Средостѣніе, о которомъ буду сейчасъ говорить, все росло, совсѣмъ отдѣлило царя отъ народа и держало его, еще до отреченія, въ духовномъ заточеніи, въ одночествѣ, — безъ проблеска правды, безъ возможности встрѣтиться съ дѣйствительностью.

Приведу здѣсь, единственную во всѣхъ своихъ запискахъ, цитату изъ мемуаровъ графа Бенкендорфа, появившихся въ 1928 году въ «Revue de Deux Mondes». Стр. 537, 21-го марта 1917 года.

«Отнынѣ начинается наше заточеніе въ Александровскомъ дворцѣ. Вотъ нашъ составъ:

Г-жа Нарышкина, моя жена, баронесса Буксгевденъ, графиня Гендрикова, доктора Боткинъ и Деревенько, графъ Апраксинъ (покинувшій насъ чрезъ недѣлю), наконецъ, я. На слѣдующій день прибылъ въ императорскомъ поѣздѣ мой пасынокъ, князь Долгоруковъ. Мы ожидали также генерала Нарышкина, начальника канцеляріи главной квартиры его величества, генерала графа Граббе, начальника конвоя, и полковника Мордви-

нова, флигель-адъютанта его величества. Они не появились. Жили еще во дворцѣ г-жа Вырубова, больная, и г-жа Денъ, но отдѣльно отъ насъ.»

Всего — 6 женщинъ и пятеро мужчинъ, изъ которыхъ одинъ выбылъ 25-го марта . . .

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что ближайшая свита не могла имѣть политическаго воздѣйствія на царя. Состояла она изъ спеціалистовъ своего дѣла, не выходившихъ изъ рамокъ своихъ задачъ.

Главною заботою этихъ лицъ было удержаться среди разнообразныхъ и порою противорѣчивыхъ вліяній. Лучшимъ для этого средствомъ было придерживаться узкой сферы своихъ функцій, не проявлять излишняго сторонняго усердія, а, главное, не вмѣшиваться въ политическую дѣятельность. «Никакихъ исторій», «спокойно на своемъ мѣстѣ»,«не возлагать на себя отвѣтственности, отъ которой можно уклониться», таковы были эти лозунги.

Впрочемъ, никто изъ ближайшей свиты и не былъ подготовленъ къ политической дѣятельности. Многіе ея видные члены были обязаны своимъ положеніемъ предварительной службѣ въ конномъ полку. Графъ Фредериксъ, самъ бывшій офицеръ и одинъ изъ наиболѣе блестящихъ его командировъ, считалъ естественнымъ искать подходящихъ кандидатовъ среди конногвардейцевъ, этой большой, но тѣсной семьи, къ которой онъ самъ принадлежалъ и которая давала всѣ необходимыя гарантіи сдержанности, такта и совершеннаго воспитанія. Между всѣми носителями, бывшими и настоящими, бѣлаго съ золотымъ приборомъ мундира, существовала тѣсная солидарность.

Но, естественно, большинство бывшихъ офицеровъ, привлекаемыхъ въ ближайшую свиту, не имѣло нужной подготовки для широкой государственной дѣятельности. Принадлежа къ русской знати, то есть, къ категоріи лицъ, естественно, стоящихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ классовъ общества, люди эти поступали въ придворное вѣдомство, въ большинствѣ случаевъ, съ образованіемъ Пажескаго корпуса или военныхъ училищъ и жизненнымъ опытомъ, пріобрѣтеннымъ за десятокъ лѣтъ службы въ элегантномъ и свѣтскомъ полку. Бывали и офицеры глубоко образованные, но большинству недоставало того тренинга, черезъ который необходимо, такъ или иначе, пройти, чтобы успѣшно заниматься государственнымъ дѣломъ. Да ихъ и не брали въ придворное вѣдомство для рѣшенія государственныхъ задачъ, а лишь для исполненія административныхъ спеціальностей.

ГЛАВА IV.

Средостѣніе между царемъ и народомъ

1. СРЕДОСТѢНІЕ.

Ближайшая свита не могла быть полезна императору ни мыслями, ни свѣдѣніями относительно внутренней жизни страны, внѣ круга идей, которыя его величество черпалъ изъ докладовъ своихъ министровъ. Но самодержецъ не въ состояніи исполнять своихъ единодержавныхъ функцій безъ возможности личной оцѣнки, собственнаго контроля и верховнаго наблюденія. Нельзя быть единоличнымъ властителемъ страны и не получать свѣдѣній изъ постороннихъ источниковъ, кромѣ административныхъ.

Мы подходимъ къ проблемѣ, доведшей, вслѣдствіе невозможности ея разрѣшенія, до катастрофическаго конца, къ вопросу о средостѣніи. За все время царствованія средостѣніе это служило главнымъ объектомъ всѣхъ крупныхъ политическихъ обсужденій.

Оно мнѣ представляется такъ: на верху пирамиды стоитъ государь. Внизу — безформенная, но дѣятельная масса народа. Для полнаго счастія и спокойствія страны — достаточно непосредственныхъ отношеній между монархомъ и его подданными.

Царь любитъ народъ. Онъ — внѣ сословій, политическихъ партій и личныхъ соревнованій. Онъ желаетъ блага народу. Онъ располагаетъ почти неограниченными возможностями для выполненія этого желанія. Себѣ, — ему ничего не нужно, — всѣ его стремленія идутъ къ Богомъ переданной ему на попеченіе странѣ. Что можетъ препятствовать его благодѣяніямъ? Нужно лишь одно условіе — точно знать, что народу необходимо.

И подданные любятъ своего государя: онъ является источникомъ всѣхъ благъ и надеждъ. Не всѣ счастливы; средства державы ограничены, и не всѣмъ дано быть богатыми. Но всѣхъ равно утѣшаетъ мысль, что царь печется о своемъ народѣ всѣмъ сердцемъ, желая каждому, и бѣдному, и богатому, получить свою долю счастія. Мысль быть предметомъ постояннаго попеченія почти всемогущаго существа не является ли самою большою утѣхою въ жизни?

Повторяю, — для вѣрности этой картины необходимо одно условіе: царь долженъ быть хорошо освѣдомленнымъ.

Гдѣ же найти эту освѣдомленность, безъ которой самодержавіе не въ состояніи правильно функціонировать?

Бюрократія, включая министровъ, представляетъ одну изъ преградъ, отдѣляющихъ государя отъ народа. Бюрократія — каста, имѣющая свои собственные интересы, далеко не всегда совпадающіе съ интересами страны и ея государя. Нельзя обойтись безъ чиновниковъ въ странѣ съ 150.000.000 населенія, простирающейся отъ Варшавы до Аляски. Необходимы слуги какъ для контроля, такъ и для исполненія. Но они же клонятъ замѣнить волю царя своимъ вліяніемъ. Не разъ случалось, что министръ представлялъ общественности строгость закона, какъ послѣдствіе царскихъ непреклонныхъ требованій, а милость, какъ плодъ министерскаго воздѣйствія па государя. Зачастую было не въ интересахъ бюрократіи освѣдомлять императора о дѣйствительности.

Другая преграда, такъ называемая интеллигенція, люди, не достигшіе власти, но чающіе ея захвата. Для этой категоріи лицъ прямой исходъ — революція.

Средостѣніе — это бюрократія и интеллигенція, другими словами — люди, достигнувшіе цѣли и стремившіеся ихъ смѣнить. Это два врага, солидарные въ стремленіи умалить личный престижъ царя. Эти двѣ силы построили вокругъ царя истинную стѣну, настоящую тюрьму. Стѣна эта препятствовала императору обратиться непосредственно къ своему народу, сказать ему, какъ равный равному, сколь онъ его любитъ. Та же стѣна мѣшала искреннимъ вѣрноподданнымъ государя (включая и молодежь, которую пропаганда еще не успѣла развратить) сказать царю, сколько есть имъ подобныхъ, простыхъ, благодарныхъ и привязанныхъ къ нему людей.

Крестьянскія массы любятъ императора. Его любитъ армія. Горожане толпятся по его пути и привѣтствуютъ восторженными криками. Весь народъ вѣритъ въ него. Чувства эти стали бы безпредѣльными, если-бы не средостѣніе, мѣшающее его величеству полностью осуществлять свой долгъ.

Мнѣ казалось, что Николай II вѣрилъ, до конца царствованія, что ему удалось сломить эту стѣну. 14-го февраля 1917 года, всего за двѣ недѣли до отреченія, государь, послѣ моего доклада, велъ со мною слѣдующій разговоръ.

Императоръ обсуждалъ общее положеніе дѣлъ въ Россіи и на фронтѣ. У меня вырвалась неосторожная фраза:

— Да, ваше величество, это будетъ и въ династическомъ отношеніи удачная мѣра.

Царь, всегда такой сдержанный, отвѣтилъ довольно рѣзко, видимо, взволнованный:

— Какъ, и вы, Мосоловъ, говорите мнѣ о династической опасности, о которой мнѣ, въ эти дни, протрубили уши. Неужели и вы, бывшій со мною во время моихъ объѣздовъ войскъ, и видавшій, какъ солдаты и народъ меня принимаютъ, тоже трусите?

— Точно такъ. Теперь я видѣлъ войска, внѣ присутствія вашего ве-

личества и это именно заставило меня сказать вамъ, государь, тѣ слова, за которыя вы изволили разгнѣваться.

Императоръ, очевидно, овладѣвъ собою, отвѣтилъ мнѣ, уже опять съ доброю улыбкою:

— Я на васъ вовсе не разсердился, напротивъ... Идемте завтракать, императрица навѣрное уже вышла въ столовую.

Убѣжденъ - ли былъ все еще государь въ вѣрности своихъ войскъ и въ любви своего народа, или чуткимъ умомъ сознавалъ положеніе, и только не допускалъ мысли этой у окружающихъ его? Не берусь дать отвѣтъ, но скорѣе склоняюсь къ тому, что царь, до послѣдней минуты, не считалъ возможной и не хотѣлъ признавать опасности, которая ему уже тогда угрожала.

2. ПРОСЛАВЛЕНІЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНАГО СЕРАФИМА САРОВСКАГО.

Вопросъ о томъ, какъ обойти средостѣніе, постоянно занималъ мысль царя. Желаніе войти въ непосредственную близость съ народомъ, помимо посредниковъ, подтолкнуло государя на рѣшеніе присутствовать на саровскихъ торжествахъ. Туда собирался со всей Россіи боголюбивый православный народъ.

Другіе способы информаціи менѣе улыбались императору, вслѣдствіе его недовѣрчиваго характера. Онъ сомнѣвался въ словахъ, неизвѣстно при какихъ обстоятельствахъ избранныхъ депутатовъ, къ тому же, большей частью, не принадлежавшихъ къ народной массѣ. О делегаціяхъ разныхъ національныхъ организацій говорю ниже, такъ же, какъ и о вліяніи случайныхъ людей, изъ словъ которыхъ его величество могъ узнать мысли и чаянія своихъ подданныхъ.

Однако, главную надежду на сближеніе съ массами государь безусловно возлагалъ на непосредственную встрѣчу съ ними, будь то въ войскахъ или среди крестьянства. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ одной изъ самыхъ важныхъ попытокъ послѣдняго. Ея вызвали торжества прославленія мощей преподобнаго Серафима.

3. САРОВЪ.

Уже давно въ Петербургѣ ходили слухи, что въ святѣйшемъ синодѣ возникли пререканія о причисленіи старца Серафима къ лику святыхъ, что ихъ величества очень интересуются этимъ вопросомъ, и что государь лично слѣдитъ за дебатами архіереевъ.

Меня этотъ вопросъ очень интересовалъ. Причина тому было знакомство со старцемъ любимой моей тетки, К. Ф. Мосоловой, жившей въ Москвѣ. При жизни преподобнаго Серафима, она ѣздила къ нему въ Саровъ, въ ея домѣ его уже давно почитали за святого, и съ дѣтства я слышалъ разсказы о немъ. Тетка моя возила въ Саровъ художника, который написалъ масляными красками портретъ о. Серафима, возвращающагося

изъ лѣса съ нарубленными имъ дровами. Эта картина досталась мнѣ впослѣдствіи по наслѣдству и долгіе годы висѣла надъ кіотомъ въ моей комнатѣ.

Какъ-то я гостилъ въ Москвѣ у тетки. Она болѣла и лѣчилась водою Вревскаго, которой въ то время приписывали чудотворное дѣйствіе. Съ человѣкомъ, лѣчившимъ ее, этою водою, она хотѣла непремѣнно меня познакомить. Каково же было мое изумленіе, когда въ этомъ человѣкѣ я узналъ своего товарища по выпуску въ офицеры, Чичагова. Носилъ онъ какое-то фантастическое одѣяніе — черную венгерку со шнурами. Увидѣвъ меня, онъ немного смутился, но и обрадовался. Оказалось, что, кромѣ лѣченія, онъ часами слушаетъ разсказы моей тетки о чудесахъ саровскаго старца.

Прошли годы, и я снова былъ въ Москвѣ, сопровождая государя. Удивился несказанно, когда одинъ изъ іеромонаховъ подошелъ ко мнѣ и заговорилъ на «ты». Это и былъ Серафимъ Чичаговъ. Затѣмъ онъ часто сталъ посѣщать меня въ Петербургѣ, и я отъ него слыхалъ всѣ подробности канонизаціи старца Серафима, въ которой, по его словамъ, онъ самъ сыгралъ немалую роль.

Наконецъ, синодъ призналъ старца достойнымъ сопричисленія къ лику святыхъ, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, давленія со стороны государя. Это рѣшеніе было принято съ большимъ сочувствіемъ въ народѣ, несмотря на скорѣе скептическое отношеніе со стороны общества.

Канонизація была назначена на средину іюля 1903 года, и ихъ величества рѣшили къ этому дню прибыть въ Саровъ. Изъ придворныхъ особенно интересовалась поѣздкой княжна Орбеліани, надѣявшаяся на исцѣленіе отъ прогрессивнаго паралича купаньемъ въ источникѣ у скита чудотворца. Начальникъ Царскосельскаго дворцоваго управленія, князь Михаилъ Путятинъ, любившій и изучавшій, какъ оказалось, церковную археологію, показалъ государю сдѣланный подъ его руководствомъ рисунокъ для раки новаго святого. Ему было поручено заказать раку на царскій счетъ. Князь вмѣстѣ съ архимандритомъ Серафимомъ былъ командированъ въ Саровъ для установленія порядка торжествъ и высочайшаго пребыванія въ монастырѣ. Это явилось для Путятина предлогомъ частыхъ личныхъ докладовъ ихъ величествамъ Долженъ сказать, къ его чести, что онъ лично не воспользовался этимъ приближеніемъ, оставшись на своемъ скромномъ посту и работая, не покладая рукъ, изъ искренней преданности своимъ царю и царицѣ.

Изъ Петергофа ихъ величества со свитою, обычно сопутствовавшею имъ въ Крымъ, выѣхали въ царскомъ поѣздѣ 15 іюля и прибыли къ 17 утромъ на особо для нихъ устроенную платформу близъ города Арзамаса, Нижегородской губерніи. Тамъ ждали ихъ экипажи, запряженные четверками, въ которыхъ, безконечно длинною вереницею, мы и тронулись по почтовой дорогѣ. Этотъ способъ передвиженія показался императрицѣ и фрейлинамъ особо занимательнымъ. На полъ-дорогѣ, у границы Тамбов-

ской губерніи, была возведена громадная арка. Тамъ встрѣчалъ ихъ величества мѣстный губернаторъ В. Ф. фонъ-деръ-Лауницъ (впослѣдствіи убитый въ Петербургѣ на посту градоначальника), вмѣстѣ съ предводителемъ дворянства и депутаціями. По всей дорогѣ и особенно начиная отъ границы новой губерніи, на десятки верстъ, тянулись огромныя вереницы народа. Говорили, что, помимо окрестныхъ жителей, со всѣхъ концовъ Россіи прибыло въ Саровъ до 150.000 человѣкъ. Они размѣстились въ построенныхъ для нихъ баракахъ, а когда не хватило мѣста, то столько же людей расположились лагеремъ подъ открытымъ небомъ, на лугахъ.

Было отрадно видѣть эту массу крестьянъ, въ деревенскихъ нарядахъ, съ безхитростнымъ восторгомъ встрѣчавшихъ своего «царя-батюшку». Остановокъ для принятія хлѣба-соли было не мало. Императоръ, довольный зрѣлищемъ своего, повидимому, счастливаго, его привѣтствующаго народа, все время отрывисто, всегда удачно, отвѣчалъ на возгласы толпы. Сама государыня, обычно холодная, тоже, видимо, старалась выказать толпѣ свое расположеніе. Царь былъ убѣжденъ, что народъ его искренне любитъ, а что вся крамола — наносное явленіе, явившееся слѣдствіемъ пропаганды властолюбивой интеллигенціи. Именно послѣ Сарова, все чаще, въ нерѣдкихъ разговорахъ, слышалось изъ устъ государя слово «царь» и непосредственно за нимъ «народъ». «Средостѣніе» императоръ ощущалъ, но въ душѣ отрицалъ его. Взглядъ на подданныхъ, какъ на подрастающихъ юношей, все больше укоренялся въ его величествѣ. Государь страшился дать народу самостоятельность раньше полнаго его развитія, вѣря, что это единственный способъ спасти массу отъ пагубныхъ увлеченій.

Если спросятъ, высказывалъ ли мнѣ царь свои взгляды, скажу положительно — нѣтъ. Ни мнѣ, ни кому другому, государь не говорилъ о своихъ впечатлѣніяхъ съ полною откровенностью. Но я не выдумываю то, что пишу. Въ окруженіи государя, всѣ его слова, даже отрывочныя мысли, пересказывались. Изъ синтеза всего за много лѣтъ слышаннаго у меня понемногу и выростала картина его нравственнаго и умственнаго облика. И тутъ, какъ и во всѣхъ частяхъ моихъ воспоминаній, я беру на себя смѣлость выдѣлять и описывать тѣ черты, которыя мнѣ выяснились во время моего долголѣтняго пребыванія при дворѣ. Если при этомъ допущены ошибки, то могу лишь завѣрить, что онѣ невольны.

Прибытіе въ Саровъ было удивительно торжественно. Колокольный звонъ, множество духовенства въ блестящихъ облаченіяхъ, вокругъ государя толпы народа, напряженно безмолвствующаго и прислушивающагося къ словамъ царя и церковныхъ іерарховъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца, освѣщающаго древнюю обитель, вечерня съ дивнымъ синодальнымъ хоромъ. Эти впечатлѣнія предшествовали моей вечерней молитвѣ въ отведенной мнѣ узкой кельѣ.

Не буду перечислять всѣхъ безконечно длившихся службъ. Самъ обрядъ прославленія тянулся четыре съ половиною часа. Удивительно, что никто не жаловался на усталость; даже императрица почти всю службу

простояла, лишь изрѣдка садясь. Обносили раку съ мощами уже канонизированнаго Серафима три раза вокругъ собора. Государь не смѣнялся, остальные несли по очереди. Дворъ въ обители жилъ отрѣзаннымъ отъ остального міра. Только мнѣ пришлось получить довольно увѣсистую почту, но, къ счастью, тамъ не оказалось ничего, требующаго спѣшныхъ докладовъ.

Послѣ канонизаціи княжну Орбеліани отвезли въ чудодѣйственную купальню. Въ это время, сколько мнѣ помнится, она уже лишилась способности ходить. Мнѣ разсказывала ея подруга о трогательной сценѣ, когда государыня ее благословляла предъ поѣздкою, на которую обѣ возлагали такую надежду, но которая, увы, не излѣчила княжну отъ ужаснаго недуга.

Въ день нашего отъѣзда ихъ величества посѣтили скитъ святого и находящуюся близъ него купальню, расположенные въ полутора верстахъ отъ монастыря. Государь и вся свита шли пѣшкомъ, только царица ѣхала въ небольшой коляскѣ, вмѣстѣ съ княжною Орбеліани. Туда было проведено широкое шоссе, но немало заботъ было у Лауница, получившаго указаніе его величества не мѣшать народу находиться на царскомъ пути. Организовать это было нелегко, такъ какъ шоссе шло вдоль рѣчки Саровки, куда круто спускалась гора, на которой высился монастырь. Были вызваны войска, сдерживавшія толпу въ 150.000 человѣкъ, заполнившую весь спускъ отъ обители до дороги. Солдаты держали другъ друга за руки, чтобы оставить свободный проходъ для государя и духовной процессіи.

Въ купальнѣ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго царь со свитою, но безъ духовенства, отправился обратно въ монастырь. Изъ монастыря былъ устроенъ досчатый спускъ, мѣстами на довольно высокихъ козлахъ, ведущій напрямикъ до шоссе, приблизительно на полъ-дорогѣ до скита. Повторяю, что гора была сплошь покрыта народомъ.

Лауницъ и я шли въ серединѣ свиты, за императоромъ. Губернаторъ высказывалъ опасеніе, что толпа желающая ближе видѣть царя, прорветъ тонкую цѣпь солдатъ и наводнитъ шоссе. Въ это время, не предупредивъ никого, государь свернулъ круто направо, прошелъ черезъ цѣпь солдатъ и направился въ гору. Очевидно, онъ хотѣлъ вернуться по досчатой дорожкѣ и дать, такимъ образомъ, большему количеству народа видѣть себя вблизи. Я крикнулъ Лауницу: — «За мною», и мы, съ великими усиліями, пробились непосредственно до императора, отъ котораго уже была оттерта вся прочая свита.

Его величество двигался медленно, повторяя толпѣ: «Посторонитесь, братцы». Государя пропускали впередъ, но толпа немедленно опять сгущалась за нимъ, только Лауницъ да я удержались за царемъ. Пришлось идти все медленнѣе, всѣмъ хотѣлось видѣть и, если можно, то коснуться своего монарха. Все болѣе тѣснили нашу малую группу изъ трехъ человѣкъ, и, наконецъ, мы совсѣмъ остановились. Мужики стали размахивать руками и кричать: «Не напирайте». Опять продвинулись впередъ на нѣсколько шаговъ. Я предложилъ встать на наши съ Лауницемъ скрещенныя

руки, тогда его будетъ видно издали, царь не согласился. Въ это время толпа навалилась спереди, и онъ невольно сѣлъ на наши руки. Затѣмъ мы его подняли на плечи. Народъ увидѣлъ царя, и раздалось громовое ура.

Мы крикнули двумъ дюжимъ мужикамъ проталкиваться впереди насъ по направленію къ досчатой дорожкѣ. Когда, наконецъ, мы достигли ея, тамъ толпа была рѣже. Государь пошелъ по сходнямъ, но, несмотря на всѣ мои просьбы спѣшить, продолжалъ идти размѣреннымиъ шагомъ. Въ этомъ мѣстѣ доски были постланы на высокихъ деревянныхъ козлахъ, и помостъ за ними вдругъ съ грохотомъ провалился, увлекая всѣхъ, сзади шедшихъ. Царь сталъ увеличивать шаги, и мы благополучно достигли боковыхъ дверей монастыря.

Лишь тогда государь замѣтилъ отсутствіе свиты. На его вопросъ по этому поводу, я пояснилъ, что насъ, въ самомъ началѣ, оттерли, и что я видалъ только, какъ графъ Фредериксъ упалъ, — не случилось ли съ нимъ чего.

Царь взволновался, но возвращаться черезъ толпу было невозможно. Онъ вошелъ въ ограду монастыря и послалъ меня отыскивать графа. Тѣмъ временемъ, вернулись императрица и вся свита, и я узналъ, что Фредериксъ, съ окровавленнымъ лицомъ, отправился въ свою келью. Я нашелъ его тамъ. Фельдшеръ главной квартиры накладывалъ большіе куски англійскаго пластыря на его лицо. Оказалось, что когда онъ упалъ, то кто-то изъ толпы наступилъ ему на лицо и раздавилъ стекла очковъ, которыя и врѣзались ему въ щеки. Къ счастью, поврежденія были легкія. Графъ, узнавъ о безпокойствѣ государя, наспѣхъ переодѣлся, — весь мундиръ его былъ въ крови и разорванъ, — и пошелъ со мною къ его величеству. Императоръ обрадовался увидѣть его на ногахъ, а царица повела графа въ свою келью, гдѣ вновь налѣпила пластырь, но уже меньшаго размѣра. Графъ вышелъ оттуда бодрый и, несмотря на заклеенныя раны, вполнѣ презентабельный.

На другой день была еще длинная и весьма утомительная обѣдня, а затѣмъ мы, все время сопровождаемые толпою, поѣхали въ Дивѣевскій женскій монастырь, за пятнадцать верстъ.

Здѣсь намъ была приготовлена трапеза, послѣ которой императрица пошла къ какой-то знаменитой отшельницѣ, старицѣ, и пробыла у нея чуть ли не два часа, изъ-за чего нашъ отъѣздъ запоздалъ. Доѣхавъ до другой платформы, также возведенной для этого случая, мы сѣли въ императорскій поѣздъ и отбыли въ Севастополь.

Опытъ сближенія государя съ народомъ легко могъ стать повтореніемъ Ходынки. Онъ ясно указывалъ на опасность для императора слѣдовать своему чисто человѣческому импульсу. Царь желалъ проявить, такъ сказать, физическую ласку любимому имъ народу, въ которомъ за эти дни онъ почувствовалъ выраженіе атавистической любви къ своему помазаннику, такой преданности и любви, на какую способны только русскіе люди. Я утверждаю, что если бы въ густой толпѣ, которая чуть ли не задавила госу-

даря, выросъ подъ нимъ изъ земли высокій конь, возвышающій его надъ народомъ, то царь однимъ возгласомъ, однимъ повелительнымъ мановеніемъ руки могъ повести эти сотни тысячъ людей на вѣрную смерть или на какую угодно побѣду. Такова психологія толпы вообще, и русской, въ частности.

4. ПОСРЕДНИКИ МЕЖДУ ЦАРЕМЪ И НАРОДОМЪ.

Перехожу къ посредникамъ между царемъ и народными массами.

17 октября 1905 года государь принялъ рѣшеніе дать странѣ законодательное собраніе. Это былъ настоящій парламентъ, но безъ отвѣтственнаго министерства, на подобіе тогдашней германской конституціи, или же современной-сѣверо-американской.

Дума могла приносить двоякую пользу: — освѣдомлять государя о главныхъ теченіяхъ общественной мысли въ Россіи, и, одновременно, выдѣлять изъ своего состава наиболѣе энергичныхъ и способныхъ людей для постепеннаго обновленія высшаго состава бюрократіи. На это возлагали большія надежды.

Мы въ то время страдали исключительнымъ безлюдіемъ: — не было достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія высшихъ постовъ.

Вспоминается замѣчаніе царя, сдѣланное послѣ одного изъ посѣщеній Вильгельма II:

— Хорошо ему совѣтовать заносить при всякомъ новомъ назначеніи въ потайной списокъ имя возможнаго замѣстителя новаго министра... Не то что замѣстителя, а и кандидата на вакансію ищешь и не находишь. Вѣроятно, въ Германіи число людей, способныхъ занимать отвѣтственныя должности больше нашего.

Такое же впечатлѣніе о недостаткѣ людей далъ мнѣ разговоръ съ генераломъ Ванновскимъ, тогда министромъ народнаго просвѣщенія, а раньше военнымъ министромъ. (Я долго состоялъ его адъютантомъ и близко зналъ его). Мы были въ пріемной государя, гдѣ Ванновскій ждалъ доклада.

Министръ спросилъ меня:

— Скажите, кто это нашептываетъ царю всѣ безотвѣтственные слухи, въ которыхъ такъ трудно потомъ разубѣдить его величество?

— Вашему высокопревосходительству хорошо извѣстно, что лицамъ свиты не приходится передавать государю какихъ либо слуховъ и тѣмъ болѣе непровѣренныхъ свѣдѣній.

— Тогда это женское вліяніе, и, значитъ, становится еще труднѣе. Я бы давно оставилъ свой постъ, если бы можно было найти себѣ замѣстителя. Но нѣтъ никого, подготовленнаго для министерства народнаго просвѣщенія.

— При вашей громадной работоспособности, къ чему вамъ покидать свой постъ? Я убѣжденъ, что вы пользуетесь полнымъ довѣріемъ государя.

— Быть можетъ. Но все же на моихъ докладахъ государь ежится.

— Ежится?...

— Ну, да, ежится. Помните, на устьижорскомъ смотру я вамъ показывалъ, какъ Николай Александровичъ, тогда еще наслѣдникъ, ежился за стогомъ сѣна, подъ проливнымъ дождемъ. Только теперь мнѣ приходится разыгрывать роль дождя. Это мнѣ не по душѣ. Да вотъ, не могу найти себѣ замѣстителя.

До открытія думы возлагали большія надежды, что она позволитъ новымъ людямъ выявиться.

5. ПРІЕМЪ ДЕПУТАТОВЪ ВЪ ЗИМНЕМЪ ДВОРЦѢ.

Желая поставить новое выборное учрежденіе на должную высоту и идя навстрѣчу сближенію царя съ народными представителями, депутатовъ пригласили на торжественный пріемъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ государь сказалъ думѣ свою первую и послѣднюю тронную рѣчь.

Процессія тронулась изъ внутреннихъ покоевъ и направилась къ тронному залу. Впереди императора высшіе государственные чины несли регаліи: знамя и, — на красныхъ бархатныхъ подушкахъ, — печать, скипетръ, державу и корону, усыпанные брилліантами. Ихъ сопровождали дворцовые гренадеры, въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ, въ полной парадной формѣ.

Въ тронномъ залѣ, справа отъ выхода, были размѣщены депутаты, а впереди ихъ стояли сенаторы. Съ лѣвой стороны — члены государственнаго совѣта, высшіе чины двора и министры.

Государь и обѣ императрицы, съ прочими членами царской семьи, остановились посреди зала. Регаліи были отнесены на возвышеніе, по обѣимъ сторонамъ трона, наполовину покрытаго императорскою мантіею, и возложены на красные табуреты. Внесли аналой. Государь принялъ окропленіе отъ петербургскаго митрополита.

Начался молебенъ. Затѣмъ императрица и высочайшія особы прошли мимо государя къ возвышенію съ лѣвой стороны трона. Царь ждалъ одинъ посреди зала, пока императрицы не заняли своихъ мѣстъ. Затѣмъ онъ, мѣрными шагами, прошелъ къ трону и сѣлъ на него. Ему вручили тронную рѣчь, которую онъ, стоя, прочелъ громкимъ и отчетливымъ голосомъ. Послѣ этого царь спустился со ступенекъ трона, и выходъ послѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ, но безъ предношенія императорскихъ регалій.

Депутаты, по выслушаніи тронной рѣчи, отправились въ Таврическій дворецъ, на первое засѣданіе думы, которое началось два часа спустя. Они были одѣты самымъ разнообразнымъ образомъ: одни — во фракахъ, другіе — въ сѣрыхъ пиджакахъ или въ крестьянской одеждѣ; были и въ отставныхъ военныхъ мундирахъ, было и немало священниковъ въ рясахъ, кавказцевъ въ національныхъ костюмахъ. Въ залѣ засѣданій находился графъ Фредериксъ, рядомъ съ Горемыкинымъ, и всѣ министры. Графъ казался невозмутимымъ, но, когда, послѣ чисто формальнаго открытія, мы съ нимъ ѣхали домой, онъ не выдержалъ и сказалъ:

— Эти депутаты скорѣе похожи на стаю преступниковъ, ожидающихъ

сигнала, чтобы зарѣзать всѣхъ сидящихъ на правительственной скамьѣ. Какія скверныя физіономіи! Ноги моей больше не будетъ въ думѣ.

Нужно думать, что и Горемыкинъ чувствовалъ то же, что и графъ. На трибунѣ, согбенный возрастомъ и, видимо, человѣкъ другой эпохи, онъ, хотя и глава правительства, не внушалъ авторитета, въ особенности по сравненію съ предсѣдателемъ думы Муромцевымъ, который какъ фигурою, такъ и голосомъ импонировалъ всѣмъ.

Все видѣнное за этотъ день не давало надежды на правильную парламентарную работу. Правительство и депутаты показались мнѣ врагами, которыхъ заперли въ залѣ засѣданій, чтобы увидѣть результатъ обоюдной борьбы.

Думаю также, что дворъ, съ расшитыми золотомъ мундирами, въ пышномъ тронномъ залѣ, вызвалъ въ депутатахъ лишь чувство зависти и злобы и вовсе не поднялъ престижа императора. Самъ же государь не могъ себѣ представить, чтобы эти нѣсколько сотъ фрондирующихъ людей отражали, дѣйствительно, голосъ народа, до сихъ поръ восторженно его встрѣчавшаго. При этихъ условіяхъ, царь не отказывался слушать представителей другого общественнаго теченія, увѣрявшихъ его, что Россія хочетъ самодержавія, но и стремившихся подвергнуть монарха вліянію именно своей группы.

Царь подписалъ актъ, дающій народу политическія права. Но тутъ же его стали увѣрять, что манифестъ былъ вырванъ изъ его рукъ насильно. Больше того, утверждали, что государь не имѣетъ права отказываться отъ обязанностей единоличнаго управленія, завѣщаннаго предками.

Сторонники послѣдняго теченія, были особенно сильны и въ окруженіи императрицы. Даже послѣ отреченія царя, государыня не переставала настаивать, что онъ могъ отречься отъ престола, но не имѣлъ права отказываться отъ самодержавной власти, будучи связанъ клятвеннымъ обѣщаніемъ, при вступленіи на царство, передать власть такую же, какую онъ ее получилъ, то есть — безъ конституціонныхъ преградъ.

Крайнія теченія восторжествовали. Первую думу распустили. Вторая оказалась еще болѣе радикально настроенной. О пріемѣ ея во дворцѣ вопросъ уже не подымался.

6. ПЕРЕВОРОТЪ СВЕРХУ.

Послѣ роспуска второй думы, правительство оказалось въ тупикѣ. Всѣмъ было ясно, что новые выборы не облегчатъ сотрудничества депутатовъ съ министерствомъ.

Стали вырисовываться двѣ тенденціи. Сторонники первой, и въ ихъ числѣ Димитрій Федоровичъ Треповъ, желали довести законнымъ путемъ конституціонный опытъ до конца. Они надѣялись, что однородное министерство, опирающееся на благоразумный элементъ новой думы, получило

бы достаточный авторитетъ для измѣненія избирательнаго закона конституціоннымъ порядкомъ.

Противники Трепова стали внушать государю, что такой опытъ, при данномъ, еще далеко не успокоившемся, недовольствѣ въ странѣ, опасенъ. Они видѣли тутъ прямую опасность для династіи, и самъ я сознавалъ это.

Треповъ, однако, полагалъ, что еще опаснѣе было бы пошатнуть престижъ верховной власти, игнорируя только что данную конституцію. Кромѣ того, онъ боялся крайнихъ правыхъ, черносотенныхъ, вожделѣній, стремившихся, чтобы власть шла у нихъ на поводу. При такой конъюнктурѣ, революція была бы неминуемою, и, вѣроятно, успѣшною.

Въ этотъ періодъ несогласованности взглядовъ, царившихъ вокругъ государя, появилось на правительственномъ горизонтѣ новое лицо — Столыпинъ, имѣвшій смѣлость въ это тяжелое для власти время взять въ свои руки бразды правленія. Онъ понималъ симпатіи царя къ правымъ и пошелъ навстрѣчу имъ, но лишь настолько, поскольку они были ему нужны. Онъ искалъ средняго пути.

Государь принялъ предложенное Столыпинымъ противо-конституціонное дѣйствіе, указомъ измѣнивъ законъ о выборахъ и давъ администраціи возможность вліять на ихъ результатъ. Новый премьеръ считалъ актъ 3 іюля государственной необходимостью для созданія работоспособной думы, — не врага, а сотрудника правительства.

Я не могъ тогда узнать, отдавалъ ли царь себѣ отчетъ, насколько эта мѣра могла подорвать его престижъ. Мнѣ казалось, что переворотъ сверху обязательно влечетъ переворотъ снизу. Фредериксъ, во всякомъ случаѣ, держалъ себя совершенно въ сторонѣ: дѣло не касалось его вѣдомства.

Новая дума оправдала правительственныя надежды, и, при открытіи, ей было передано высочайшее привѣтствіе. Эта, третья, какъ и слѣдующая, четвертая, дума были, дѣйствительно, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Столыпина, чего ему простить не могъ гр. Витте.

Я уже описывалъ въ предыдущихъ очеркахъ пріемъ при дворѣ многочисленныхъ черносотенныхъ делегацій. Онѣ явились результатомъ недовѣрія, которое испытывалъ его величество къ народнымъ избранникамъ. Государь видѣлъ въ депутатахъ думы представителей не народа, а просто интеллигентовъ. Совсѣмъ другое — крестьянскія делегаціи. Царь встрѣчался съ ними охотно и подолгу говорилъ, безъ утомленія, радостно и привѣтливо.

Такъ было на полтавскихъ торжествахъ. По желанію его величества, по окончаніи офиціальной части программы, онъ принялъ представителей волостей. Ихъ выстроили на большой площади, и царь болѣе двухъ часовъ бесѣдовалъ съ ними. Онъ такъ увлекся этими разговорами, что не замѣтилъ, какъ прошло время. Я былъ пораженъ простотою и сердечностью, съ которыми государь говорилъ съ крестьянами. Видимо, и на крестьянъ разговоры батюшки-царя производили глубокое впечатлѣніе. Его

величество впослѣдствіи часто вспоминалъ эти бесѣды «со столь преданными ему славными хохлами».

Такъ было и въ Черниговѣ, на слѣдующій день послѣ покушенія на Столыпина. Бесѣда происходила при свѣтѣ факеловъ и продолжалась болѣе трехъ часовъ. Государь не пропускалъ ни одной волости, чтобы не поговорить хотя бы съ двумя-тремя крестьянами.

7. ТАЙНЫЕ ДОКЛАДЧИКИ.

Часто сообщалось о лицахъ, которымъ государь давалъ тайныя аудіенціи. Долженъ сказать, что, въ дѣйствительности, ихъ было немного, если не считать тѣхъ, которыхъ Николай II принималъ хотя и неофиціально, но по просьбѣ соотвѣтствующихъ министровъ.

Изъ тайныхъ докладчиковъ мнѣ извѣстна лишь группа Безобразова, Вонлярлярскаго и Абазы, изъ которыхъ двое были кавалергарды. Поэтому Фредериксъ предполагалъ, что они первоначально попали къ государю при посредствѣ императрицы Маріи Федоровны. Ихъ доклады касались дальневосточной концессіи на р. Ялу, которая явилась одною изъ причинъ войны нашей съ Японіей.

Конечно, сановники, какъ, напримѣръ, Побѣдоносцевъ, генералъ-адъютанты Рихтеръ и Ванновскій, если желали видѣть государя, писали ему, а затѣмъ царь немедленно ихъ приглашалъ, якобы, отъ себя.

Упомяну еще объ одной, почти что оккультной силѣ — о князѣ Владимірѣ Мещерскомъ, издателѣ «Гражданина».

Отношенія князя къ императорской семьѣ начались давно, — съ его дружбы съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, старшимъ сыномъАлександра II, и герцогами Лейхтенбергскими. Затѣмъ, послѣ восшествія на престолъ Александра III, Мещерскій ему писалъ и удивительно ловко выудилъ у его величества два раза отвѣты. Я, уже въ эмиграціи, имѣлъ въ рукахъ подлинники этихъ отвѣтовъ, которые князь оставилъ въ наслѣдство своему молодому другу, Бурдюкову. Послѣдняго нужда вынудила ихъ продать. Увы, великіе князья въ то время уже не обладали суммами, которыя Бурдюковъ съ нихъ запрашивалъ за эти интересные историческіе документы.

Мещерскій получалъ ежегодную субсидію изъ десятимилліоннаго фонда на изданіе своей газеты. Человѣкъ онъ былъ, безусловно, умный, имѣлъ большое вліяніе на общественность и, особенно, администрацію, знавшую, что и Александръ III, и Николай II читаютъ «Гражданинъ», и боявшуюся смѣлыхъ, всегда крайне язвительныхъ разоблаченій князя.

За время своей службы при дворѣ, я не помню ни одного случая, когда бы Мещерскій не добился отъ государя испрашиваемой имъ для когонибудь милости. Онъ писалъ непосредственно его величеству, и у меня перебывало въ рукахъ немало писемъ, писанныхъ убійственнымъ почеркомъ князя, съ неизмѣнною резолюціею императора: «Исполнить».

Знаю, что онъ писалъ царю не разъ и по вопросамъ политическимъ,

и не говорю объ аудіенціяхъ, которыхъ князь удостаивался не рѣже двухъ-трехъ разъ въ годъ. Не знаю, какое впечатлѣніе эти письма и доклады произвели на государя, такъ какъ онъ никогда о Мещерскомъ не говорилъ, даже Фредериксу.

Наибольшую огласку получила «концессія на Ялу». Вскорѣ послѣ боксерскаго возстанія, въ Петербургѣ сформировалось общество для эксплоатаціи дальневосточныхъ лѣсовъ и ископаемыхъ богатствъ. Во главѣ его стали Абаза, Безобразовъ и другіе.

Графъ Фредериксъ изъ гофъ-фурьерскаго журнала усмотрѣлъ, что государь имъ нѣсколько разъ давалъ совершенно негласныя аудіенціи. Онъ тогда же обратилъ вниманіе его величества на нежелательность такихъ пріемовъ, безъ вѣдома отвѣтственныхъ лицъ. На это царь возразилъ, что, если вести торговое предпріятіе бюрократическимъ путемъ, то изъ него ничего не выйдетъ. Онъ лично очень интересуется этимъ весьма широко задуманнымъ и умнымъ дѣломъ.

Нѣсколько времени спустя къ Фредериксу явился Безобразовъ и разсказалъ о сути предпріятія. Онъ рисовалъ картину развитія его въ общество, подобное Остъ-индской компаніи. Государь, по словамъ Безобразова, лично очень интересуется этимъ дѣломъ и согласился стать акціонеромъ на сумму въ 200.000 рублей. Онъ показалъ графу подписной листъ, съ десяткомъ титулованныхъ и высокопоставленныхъ именъ, пока еще, правда, денегъ не внесшихъ. Фредериксъ отвѣтилъ, что о разговорѣ доложитъ его величеству и спроситъ указаній, но предупредилъ собесѣдника, что не сочувствуетъ тому, чтобы государь становился пайщикомъ частной компаніи.

На другой день, при всеподданнѣйшемъ докладѣ, министръ энергично совѣтовалъ императору отказаться отъ участія въ дѣлѣ. Онъ указалъ, что никогда русскій самодержецъ не становился акціонеромъ, и что это можетъ вызвать нежелательные толки. Нужно предвидѣть также, что 200.000 р. будутъ лишь авансомъ, а потомъ придется вкладывать и милліоны. Пока всѣ подписавшіеся не дали ни гроша, но, послѣ взноса государя, и они внесутъ свои деньги. Въ случаѣ неудачи предпріятія, его величество будетъ нести отвѣтственность за ихъ потери и вынужденъ будетъ поддерживать безобразовское дѣло . . .

Государь отвѣтилъ, что подумаетъ. Черезъ день эти господа снова имѣли аудіенцію, и Фредериксъ получилъ собственноручную записку Николая II ,гласившую:

«Прошу васъ выдать Безобразову 200 тысячъ рублей».

Министръ, не признавая возможнымъ контрассигновать такое распоряженіе государя, поручилъ мнѣ изготовить всеподданнѣйшую записку, съ просьбой объ увольненіи его отъ должности, и спеціально по этому дѣлу поѣхалъ въ Царское Село. По возвращеніи гр. Фредериксъ разсказалъ мнѣ, что императоръ его отставки не принялъ и былъ смущенъ происшедшимъ. Чтобы вывести государя изъ неловкаго положенія, ми-

нистръ предложилъ считать, что 200.000 выдаются Безобразову въ видѣ личнаго пособія.

Это былъ первый и единственный случай за всю долгую службу при государѣ, что Фредериксъ рѣшился подать въ отставку изъ-за разногласія со своимъ монархомъ.

ГЛАВА V.

Изъ воспоминаній автора 1902 и 1905 г.

1. БОЛѢЗНЬ ЦАРЯ.

Что касается отношеній графа Фредерикса къ Витте, то онъ, признавая всю талантливость, въ особенности, въ управленіи финансами, Витте, не имѣлъ къ нему того довѣрія, которое имѣлъ ко многимъ другимъ министрамъ. Причиною тому былъ одинъ инцидентъ, мнѣ близко извѣстный, имѣвшій мѣсто во время болѣзни государя тифомъ въ Ливадіи, въ 1902 г.

Когда еще не былъ окончательно установленъ діагнозъ, графъ Фредериксъ просилъ одну изъ фрейлинъ доложить государынѣ, что проситъ его принять. Черезъ нѣсколько минутъ императрица спустилась къ нему въ садъ. Государыня заявила Фредериксу, что никого къ государю не пуститъ, и лишь послѣ долгихъ уговоровъ сказала, что онъ сможетъ видѣть царя на слѣдующее утро.

Когда графъ спросилъ государыню можетъ ли онъ телеграфировать императрицѣ Маріи Федоровнѣ и великому князю Михаилу Александровичу о болѣзни государя, она ему отвѣтила, что сама это сдѣлаетъ. Графъ Фредериксъ вернулся съ этого доклада въ полномъ недоумѣніи что ему предпринять. Онъ просилъ гофъ-медика Гирша, при вечернемъ посѣщеніи государя, доложить царю объ его, Фредерикса, настойчивой просьбѣ быть принятымъ на другое утро. На пріемѣ на слѣдующій день Фредериксъ доложилъ императору, что ему необходимо ежедневно видѣть царя хотя бы на нѣсколько минутъ *). Государь обѣщалъ уговорить императрицу, чтобы она на все время болѣзни разрѣшила Фредериксу приходить въ опочивальню. На вопросъ министра двора, какъ поступать со всеподданнѣйшими докладами, государь рѣшилъ слѣдующее: графъ Фредериксъ оповѣститъ всѣхъ министровъ, чтобы они во время болѣзни царя посылали лишь доклады, требующіе немедленнаго разсмотрѣнія, а резолюціи по этимъ докладамъ будутъ имъ сообщаться министромъ императорскаго двора. Затѣмъ государь добавилъ, что уполномачиваетъ графа вскрывать всю переписку, приходящую на его имя, и чтобы начальникъ его канцеляріи составлялъ всеподданнѣйшія записки съ краткимъ содержаніемъ поступившихъ докла-

---

*) По основнымъ законамъ, связь между державнымъ главою и правительствомъ не можетъ прерываться ни на минуту. Въ случаѣ тяжкой болѣзни, мѣшающей государю отправлять верховныя обязанности, назначается регентъ. Въ виду того, что мысль о регентствѣ была сначала императрицею, а позже и самимъ царемъ отвергнута, графъ Фредериксъ настаивалъ на необходимости видѣть государя всякій день, тѣмъ желая соблюсти букву закона и хотя бы формально являться царю, будучи предъ министрами какъ бы передатчикомъ его воли.

ловъ. На вопросъ Фредерикса, не выпишетъ ли государь своего брата, великаго князя Михаила Александровича, для замѣщенія его величества на время болѣзни, государь отвѣтилъ: „Нѣтъ, нѣтъ. Миша мнѣ только напутаетъ въ дѣлахъ. Онъ такой легковѣрный..."

Засимъ министръ поднялъ вопросъ о пріѣздѣ императрицы Маріи Федоровны. Тогда вмѣшалась въ разговоръ государыня, и было рѣшено, что царь ей самъ телеграфируетъ, а что министръ двора ей будетъ ежедневно сообщать по телеграфу бюллетени врачей. Тогда-же была рѣшена выписка изъ Москвы профессора Попова.

2. СТОЛКНОВЕНІЕ СЪ С. Ю. ВИТТЕ ВЪ 1902 Г.

Въ это время въ Ялтѣ находились министръ иностранныхъ дѣлъ — графъ Ламсдорфъ и министръ финансовъ — С. Ю. Витте, жившій въ домѣ министерства путей сообщеній, на полдорогѣ между Ялтой и Ливадіей. Вскорѣ послѣ заболѣванія государя, стали пріѣзжать и другіе министры. Всѣ они ежедневно собирались у Витте, куда иногда пріѣзжалъ и графъ Фредериксъ.

Порядокъ докладовъ государю чрезъ министерство двора велся по точному указанію царя. Но по мѣрѣ того, какъ болѣзнь затягивалась, а государыня весьма часто запрещала графу говорить съ государемъ о дѣлахъ, разрѣшеніе многихъ спѣшныхъ докладовъ замедлялось. Этотъ фактъ нѣсколько разъ обсуждался министрами, собиравшимися у Витте, и возбуждался вопросъ о желательности учрежденія регентства. Еще до этого графъ говорилъ нѣсколько разъ съ императрицею по этому поводу, и представилъ ея величеству выписку статей основныхъ законовъ, имѣющихъ касательство до болѣзни государя. Царица, однако, упорно настаивала на томъ, чтобы графъ не говорилъ съ императоромъ объ этомъ вопросѣ.

Во время одного изъ докладовъ министра двора, государыня прервала его, рѣшивъ, что онъ утомляетъ царя. Тогда императоръ сказалъ графу, чтобы онъ доклады такого рода ему не докладывалъ, а прямо сообщалъ министрамъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ рѣшеніи.

Послѣ этого указанія государя, министръ двора приказалъ мнѣ такія, безъ личнаго доклада разрѣшенныя дѣла, особо отмѣчать въ реестрѣ, который велся мною о докладахъ министра двора за время болѣзни императора. Ихъ имѣли въ виду доложить царю по его выздоровленіи. Я при этомъ случаѣ позволилъ себѣ обратить вниманіе министра на то, что очень важно, чтобы никто изъ министровъ не подозрѣвалъ объ этихъ указаніяхъ государя, съ чѣмъ графъ согласился. Однако, онъ, очевидно, въ одномъ изъ своихъ интимныхъ разговоровъ съ Витте ему объ этомъ проговорился, такъ какъ нѣсколько дней спустя Витте пригласилъ министра двора къ себѣ вечеромъ, а на другое утро графъ Фредериксъ далъ мнѣ бумагу, напечатанную на машинкѣ, сказавъ, что обѣщалъ Витте ее подписать, никому предъ тѣмъ не показывая, въ особенности же мнѣ. Прочитавъ ее, я доложилъ министру, что ему безусловно нельзя ее подписывать. Въ бумагѣ былъ изложенъ порядокъ докладовъ государю на время его бо-

лѣзни, касающихся постороннихъ министерствъ, но было добавлено, что если врачи признаютъ невозможнымъ утруждать царя докладами, то соотвѣтствующіе министры могутъ ихъ считать какъ бы получившими высочайшее одобреніе; причемъ, въ витіевомъ слогѣ этой бумаги было неясно пользуется ли этимъ правомъ только министръ двора или же и всѣ прочіе министры.

Графъ Фредериксъ разсердился на мое замѣчаніе, заявивъ, что, по словамъ С. Ю. Витте, именно подпись этой бумаги узаконитъ тотъ порядокъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, который онъ до сихъ поръ практиковалъ.

Видимо Витте основательно обработалъ довѣрчиваго графа, такъ какъ, несмотря на всѣ мои поясненія, онъ настаивалъ, что сдержитъ свое обѣщаніе и подпишетъ записку.

Царю какъ разъ въ этотъ день было особенно нехорошо. По возвращеніи отъ государя, съ которымъ онъ о дѣлахъ не говорилъ, графъ мнѣ заявилъ, что подпишетъ бумагу. На что я возразилъ, что ее контрассигнировать не могу. Это окончательно разсердило Фредерикса, заявившаго, что „приказываетъ“ контрассигнировать его подпись. Тогда я просилъ его отрѣшить меня отъ должности.

Какъ разъ въ этотъ моментъ пріѣхалъ въ Ливадію великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Докладывая о его желаніи видѣть министра, я посовѣтовалъ графу поговорить съ великимъ княземъ, какъ старѣйшимъ членомъ императорской фамиліи, о томъ, не превыситъ ли онъ своихъ полномочій, подписывая подобную бумагу. На это графъ повторилъ мнѣ, что обѣщалъ ее никому не показывать. Я возразилъ, что нѣтъ надобности сообщать великому князю, отъ кого получена бумага.

Послѣ свиданія съ великимъ княземъ графъ уѣхалъ въ Ялту, и до завтрака я оставался въ неизвѣстности. Вернулся Фредериксъ передъ завракомъ и тотчасъ же послалъ за мною. Когда я вошелъ въ его кабинетъ, онъ меня обнялъ и сказалъ, что погорячился и что отъ души благодаритъ меня за настойчивость, которой онъ обязанъ тѣмъ, что я удержалъ его отъ опрометчиваго поступка. При этомъ онъ добавилъ: „Я забылъ, что уже не командиръ полка и что вы не корнетъ Мосоловъ“.

Это было первое и послѣднее недоразумѣніе между мною и графомъ за все время моей службы при дворѣ. Произошелъ этотъ случай, благодаря безграничному довѣрію, которое въ то время графъ питалъ къ Витте. Оказалось, какъ я потомъ узналъ, что графъ не удовлетворился рѣзкимъ сужденіемъ в. кн. объ этой бумагѣ, а поѣхалъ еще и къ другимъ лицамъ въ Ялтѣ, и только то, что онъ тамъ узналъ, его убѣдило въ возможности возникновенія нежелательныхъ для него послѣдствій. Но и послѣ этого, графъ продолжалъ симпатизировать дѣятельности С. Ю., но всегда былъ насторожѣ при дѣловыхъ съ нимъ сношеніяхъ. Въ этотъ же вечеръ Матильда Ивановна Витте пригласила меня къ себѣ и была болѣе любезна,

чѣмъ когда либо. С. Ю. же никогда со мной объ этомъ инцидентѣ не говорилъ.

Говоря о болѣзни государя, не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о государынѣ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. Е. в. никогда до тѣхъ поръ не вмѣшивалась не только въ дѣла государственныя, но и въ обиходъ при дворѣ, ограничиваясь распоряженіемъ надъ своими фрейлинами и женскимъ персоналомъ при дѣтяхъ.

Со дня заболѣванія государя, императрица явилась строгимъ церберомъ у постели больного, не допуская къ нему не только постороннихъ, но и тѣхъ, которыхъ желалъ видѣть самъ государь. Министра двора она согласилась ежедневно допускать въ комнату императора, но часто заставляла его оставаться за ширмою, не показываясь и не разговаривая съ государемъ. Когда Фредериксъ испрашивалъ у императрицы прямо до двора касающіяся какія либо распоряженія, она обыкновенно говорила, чтобы графъ объ этомъ не безпокоился, такъ какъ она уже распорядилась. И, дѣйствительно, императрица отдавала приказанія непосредственно ему подчиненнымъ лицамъ, которыя уже затѣмъ докладывали о полученныхъ указаніяхъ, причемъ добавляли, что государыня приказывала о своихъ распоряженіяхъ не говорить. Всѣ эти приказанія передавались фрейлинами А. А. Олениной и С. Орбеліани, кн. Е. Н. Оболенской. Скоро, однако, этихъ фрейлинъ оказалось недостаточно, и императрица вызвала изъ Рима бывшую свою фрейлину княжну Марію Викторовну Барятинскую, съ которой государыня за 3 года передъ этимъ поссорилась. Княжна Барятинская весьма умная и толковая барышня, тогда лѣтъ около тридцати, заняла при государынѣ мѣсто ея начальника штаба и всѣмъ управляла съ большой энергіей. Она устранила ненормальность положенія, переговаривая съ министромъ и со мной о всѣхъ желаніяхъ государыни до отдачи приказаній. При ней эти желанія незамѣтно стали переходить отъ вопросовъ, касающихся только такъ называемыхъ „полковниковъ отъ котлетъ“ *) къ вопросамъ, касающимся министровъ, чѣмъ графъ Фредериксъ ставился иногда въ затруднительное положеніе. Въ императрицѣ, за время болѣзни государя, особенно ярко сказались умственныя способности и кругозоръ маленькой нѣмецкой принцессы, хорошей матери, любящей порядокъ и экономію въ хозяйствѣ своего дома, но не могущей по внутреннему своему содержанію стать настоящей императрицей, что особенно жаль, такъ какъ, при твердости ея характера, она могла бы помочь государю. Увы, горизонты мысли государыни были много уже, чѣмъ у государя, вслѣдствіе чего, ея помощь ему скорѣе вредила. Странно, что двѣ родныя сестры, получившія одинаковое воспитаніе и образованіе, такъ разнились между собою. Великая княгиня Елизавета Федоровна послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Россіи душою и понятіями стала совсѣмъ русскою, тогда, какъ императрица, любя Россію, до конца своего царствованія не могла

*) «Полковниками отъ котлетъ» называли военныхъ, исполнявшихъ различныя хозяйственныя функціи при дворѣ.

понять русскую душу и не умѣла внушить къ себѣ той любви, которую внушала ея сестра*). О причинахъ этого буду говорить въ другомъ мѣстѣ.

Наконецъ, наступило улучшеніе въ состояніи здоровья государя. Пользующіе его врачи ежедневно собирались у меня для составленія бюллетеней и часто долго спорили о томъ, какъ выразить настоящее состояніе больного. Находящіеся въ Ялтѣ министры настаивали на желательности объявленія государя внѣ опасности. Лейбъ-медикъ Гиршъ согласился, но профессоръ Поповъ объяснилъ, что еще въ теченіе недѣли онъ не находитъ возможнымъ этого признать, такъ какъ періодъ, при которомъ возможно прободеніе кишекъ, не прошелъ. Въ виду этого, я заявилъ медикамъ, что послѣ сообщенныхъ раньше въ бюллетенѣ улучшеній въ здоровьи государя задержка объявленія о томъ, что онъ внѣ опасности, можетъ быть приписана неправильному лѣченію. Поэтому предполагаю, что министръ двора можетъ вернуться къ своему первоначальному намѣренію, — вызвать берлинскую знаменитость, которую еще въ началѣ болѣзни совѣтовала выписать императрица Марія Федоровна.

На слѣдующій день профессоръ Поповъ присоединился къ мнѣнію своихъ коллегъ, и было объявлено, что государь уже внѣ опасности. Это по всей Россіи произвело успокоительное впечатлѣніе. Пользующіе государя врачи порекомендовали царю совершать прогулки на чистомъ воздухѣ, но профессоръ Поповъ при этомъ оговорилъ, „лишь по горизонтальнымъ дорогамъ". Такъ какъ въ гористой мѣстности Ливадіи не было ни одной болѣе или менѣе горизонтальной дорожки, то графъ Фредериксъ приказалъ мнѣ распорядиться устройствомъ таковой, въ спѣшномъ порядкѣ, отъ Ливадіи по направленію къ Ореандѣ.

Въ тотъ же день приступили къ работамъ вдоль по склону горы, подымающейся съ моря у самой Ливадіи. Къ первому выходу государя эта дорожка была готова длиною съ ½ версты. Для царя это былъ весьма пріятный сюрпризъ, и каждый день затѣмъ прокладывали дорожку на столько саженъ впередъ, на сколько врачи позволили государю удлинять свою прогулку. Затѣмъ ее довели до Ай-Тодора, и предъ отъѣздомъ вся царская семья проводила туда императора, который тамъ посѣтилъ великаго князя Михаила Николаевича.

Этотъ день былъ для меня праздникомъ, такъ какъ тяжелая отвѣтственность спала съ моихъ плечъ. Дворъ провелъ рождественскіе праздники въ Ливадіи, и во время дѣтской елки я получилъ отъ ихъ величествъ гладкій серебряный портсигаръ съ факсимиле подписей, съ одной стороны, государя, а съ другой, государыни, такой же какъ получилъ министръ двора. Сознаюсь, что это высочайшее пребываніе въ Крыму было для меня

*) Государыня почти до трагическаго конца своего царствованія по-русски говорила только съ духовенствомъ и низшей прислугой.

однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ моей службы, если не считать время сопровожденія ихъ величествъ на празднества 300-лѣтія дома Романовыхъ.

3. ЯНВАРЬ 1905 Г.

Январь 1905 г. былъ полонъ происшествій, сильно волновавшихъ дворъ и все столичное населеніе.

Въ день Крещенія, 6-го января, государь, съ блестящей свитой, предшествуемый духовенствомъ и митрополитомъ, вышелъ изъ Зимняго дворца и отправился къ бесѣдкѣ, устроенной на Невѣ, гдѣ происходило водосвятіе. Началась торжественная служба и былъ данъ съ Петропавловской крѣпости обычный салютъ орудійными выстрѣлами.

Во время салюта, неожиданно для всѣхъ, упали какъ на павильонъ, такъ и на фасадъ Зимняго дворца круглыя картечныя пули. Въ бесѣдкѣ было насчитано около 5 пуль, изъ коихъ одна упала совсѣмъ рядомъ съ государемъ. Ни императоръ, ни кто другой изъ свиты не дрогнули. Всѣ стояли, какъ вкопанные, недоумѣвая, что случилось. Только предъ самымъ уходомъ я и еще нѣсколько лицъ свиты подняли съ пола павильона по одной пулѣ.

Крестный ходъ возвратился въ Зимній дворецъ, и, проходя мимо Николаевскаго зала, мы увидали нѣсколько разбитыхъ оконныхъ стеколъ. Кто-то изъ начальствующихъ лицъ петербургскаго округа подошелъ къ государю и объяснилъ, что въ дулѣ одного изъ орудій оказался забытый картечный зарядъ. Государь молча прошелъ дальше. Впечатлѣніе на публику это произвело самое тяжелое. Конечно, никто не вѣрилъ, что это случайность, всѣ были увѣрены, что это покушеніе на государя, исходящее изъ среды войскъ.

Изъ Зимняго дворца я поѣхалъ къ графу Фредериксу, который сказалъ мнѣ, что государь очень снисходительно отнесся къ инциденту, но повелѣлъ, какъ только что либо будетъ извѣстно, дать государю знать, въ виду чего графъ мнѣ приказалъ возможно скорѣе навести справки. Я телефонировалъ начальнику артиллеріи генералу Канищеву, котораго зналъ еще съ войны 1877 г. Онъ мнѣ обѣщалъ прислать военнаго слѣдователя тотчасъ послѣ перваго дознанія. Дѣйствительно, еще передъ обѣдомъ слѣдователь мнѣ сказалъ, что по первымъ показаніямъ все кажется такъ, какъ было доложено государю, но, конечно, онъ еще не можетъ окончательно опредѣлить, не было ли при этомъ злого умысла. Я немедленно сообщилъ о дознаніи слѣдователя графу, который по телефону увѣдомилъ объ этомъ государя. Царь казался весьма обрадованнымъ, что не было покушенія, что впослѣдствіи и подтвердилось. Публика же, разумѣется, этому мало вѣрила, въ особенности, въ виду того, что въ то время было сильное броженіе среди рабочихъ въ Петербургѣ.

Графъ Фредериксъ требовалъ, чтобы я былъ освѣдомленъ о томъ, что вообще дѣлается въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего, я въ слѣдующіе за 6 января дни видѣлся съ разными лицами, могущими меня освѣдомить: съ ге-

нераломъ Рыдзевскимъ — шефомъ жандармовъ, съ военнымъ министромъ, а чтобы судить о мнѣніи общества, я два раза побывалъ въ Новомъ клубѣ*), тогда какъ вообще рѣдко тамъ показывался. Кромѣ того, вступалъ въ болѣе подробные разговоры съ петербургскими корреспондентами газетъ, которые почти ежедневно бывали въ моей канцеляріи, въ виду того, что я завѣдывалъ придворной цензурой, бывшей особымъ отдѣломъ моей канцеляріи. Общее впечатлѣніе, которое я вывелъ изъ моихъ освѣдомленій, было ожиданіе чего-то грознаго, общее недовольство во всѣхъ слояхъ общества, исканіе виновныхъ во всѣхъ неуспѣхахъ, постигшихъ Россію.

Между прочимъ, ген. Рыдзевскій, мой предшественникъ по канцеляріи и мой однополчанинъ, говорилъ, что черезъ 2 дня ожидается большая манифестація, со священникомъ Гапономъ во главѣ, но что надѣются имѣть возможность ей помѣшать, такъ какъ, хотя Гапонъ и считался преданнымъ государственной полиціи и своимъ человѣкомъ, все же крѣпко связался съ анархистами. На мой вопросъ, считаетъ ли онъ, что петербургская полиція на высотѣ своего назначенія, Рыдзевскій отвѣтилъ, что не особенно ей довѣряетъ и что гапоновская манифестація будетъ для нея серьезнымъ экзаменомъ. Вечеромъ 8-го января я звонилъ по телефону Рыдзевскому, спрашивая его въ какомъ положеніи дѣло. Онъ мнѣ сказалъ, что только что вернулся съ совѣщанія у министра Святополкъ-Мирскаго и что рѣшено было Гапона арестовать, а манифестантовъ не допускать до Зимняго дворца, для чего вызвать въ помощь полиціи, войсковыя части. Уже поздно ночью я опять ему телефонировалъ, конечно, по секретному проводу, и спросилъ его, арестованъ ли Гапонъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что нѣтъ, въ виду того, что онъ засѣлъ въ одномъ изъ домовъ рабочаго квартала и для ареста пришлось бы принести въ жертву не менѣе 10 человѣкъ полиціи. Рѣшено было его арестовать на слѣдующее утро, при его выступленіи. Услышавъ, вѣроятно, въ моемъ голосѣ несогласіе съ его мнѣніемъ, онъ мнѣ сказалъ: „Что же ты хочешь, чтобы я взялъ на свою совѣсть 10 человѣческихъ жертвъ изъ за этого поганаго попа“? На что мой отвѣтъ былъ, что я бы на его мѣстѣ взялъ на свою совѣсть и всѣ 100, такъ какъ завтрашній день, по моему мнѣнію, грозитъ гораздо большими человѣческими жертвами, что и дѣйствительно, къ сожалѣнію, оказалось, не говоря о политическихъ послѣдствіяхъ этихъ происшествій.

Событія 9-го января всѣмъ достаточно извѣстны, чтобы ихъ здѣсь повторять. Меня лично въ этотъ день поразили безтолковыя и безцѣльныя атаки кавалеріи на толпу и неопредѣленность распоряженій, даваемыхъ начальниками.

На слѣдующій день, то есть на третій день безпорядковъ, Петербургъ

*) Основанъ в. княземъ Владиміромъ Александровичемъ, св. княземъ Константиномъ Горчаковымъ и А. А. Половцевымъ. Помѣщался въ домѣ князя Васильчикова на Дворцовой набережной.

имѣлъ совершенно необычайный видъ. На Невскомъ проспектѣ ходила толпа оборванцевъ, видимо, изъ всѣхъ подвальныхъ помѣщеній окраинъ. Магазины были закрыты, электричество, почта, трамвай не дѣйствовали. На перекресткахъ улицъ находились посты изъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ. Эти посты были всѣ какъ бы облѣплены прохожими, сильно жестикулировавшими. Дворы большихъ зданій ведущихъ къ Невскому улицъ были заняты пѣхотою, а за нею виднѣлась кавалерія; однимъ словомъ, полная картина военнаго положенія. Возвратившись съ доклада министру, я остался дома и запретилъ всѣмъ чинамъ моей канцеляріи выходить на улицу.

Вечеромъ того же дня ко мнѣ пришелъ Дмитрій Федоровичъ Треповъ, чтобы проститься съ моею женою, — его сестрою, — такъ какъ онъ собирался выѣхать въ дѣйствующую армію на Дальній Востокъ. Говоря со мною о видѣнныхъ за эти дни безпорядочныхъ дѣйствіяхъ полиціи и войскъ, онъ сказалъ, что полиція, видимо, не имѣетъ точныхъ инструкцій и дѣйствуетъ крайне неумѣло. Между прочимъ, онъ нашелъ особенно неумѣстнымъ, что войска наступаютъ фронтомъ иной разъ на припертую къ стѣнѣ домовъ толпу. Это вызываетъ ожесточеніе толпы и заставляетъ ее оказывать противодѣйствіе; что слѣдовало бы войскамъ и полиціи стараться вклиниваться въ толпу и отрѣзанныя части вгонять во дворы домовъ, гдѣ по одиночкѣ полиціи записывать имена и также по одиночкѣ выпускать, когда толпа разсѣется. Главныхъ же крикуновъ препровождать въ участки, гдѣ подвергать краткому допросу, послѣ чего и ихъ выпускать. Такимъ способомъ, по его словамъ, ему въ Москвѣ удавалось многократно разсѣивать толпу безъ кровопролитія.

Говоря о своей будущей судьбѣ, Треповъ мнѣ сказалъ, что какъ ему ни тяжело разставаться съ семьею, которую оставляетъ въ Петербургѣ въ такое тревожное время, онъ счастливъ, что ѣдетъ на фронтъ, подальше отъ тяжелой административной отвѣтственности. На мое возраженіе, что именно въ это время онъ, въ сущности, не имѣетъ права не предложить воспользоваться его полицейскою опытностью, Треповъ въ большомъ волненіи отвѣтилъ, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ доложилъ государю причины, побудившія его возвратиться къ строевой службѣ, и при этомъ случаѣ высказывалъ царю, что въ данный моментъ считаетъ необходимымъ систематическою строгостью возстановить порядокъ въ Россіи, но, одновременно съ этимъ, вводить постепенно и послѣдовательно либеральныя мѣропріятія, клонящіяся къ установленію конституціоннаго порядка, причемъ спросилъ императора, принялъ ли онъ окончательное рѣшеніе относительно дарованія конституціи и неуклоннаго ея проведенія. Получивъ уклончивый отвѣтъ государя, Треповъ рѣшилъ твердо настаивать на своемъ отъѣздѣ на Дальній Востокъ, полагая, что въ такомъ случаѣ никакой пользы онъ принести не сможетъ на административномъ посту, на занятіе котораго ему намекалъ царь. Послѣ этого разговора Треповъ взялъ съ

меня слово не упоминать Фредериксу о его пребыванiи въ Петербургѣ, чтобы не помѣшать его отъѣзду, и мы простились.

Утромъ 11-го января я поѣхалъ съ докладомъ къ министру двора, захвативъ съ собою составленную и написанную мною шпаргалку для доклада, рисующаго общее положенiе дѣла въ столицѣ. Выводъ моего доклада былъ таковъ, что, при общей растерянности и неумѣнiи начальствующихъ лицъ бороться со смутою, я считаю положенiе государя болѣе, чѣмъ опаснымъ. И лишь назначенiе авторитетнаго лица, могущаго объединить всѣ дѣйствiя войскъ и администрацiи въ Петербургѣ, спасетъ положенiе.

Я нашелъ министра въ сравнительно спокойномъ состоянiи духа, такъ какъ за эти 3 дня онъ не выходилъ и не былъ освѣдомленъ объ истинномъ положенiи вещей. Свой докладъ я докончилъ мыслью о томъ, что мѣсто министра двора въ данную минуту около государя, и что ему необходимо немедленно ѣхать въ Царское Село. Фредериксъ мнѣ отвѣтилъ: „О положенiи дѣлъ государь, вѣроятно, освѣдомленъ, но меня спроситъ о томъ, какое же предложенiе я могу ему сдѣлать для выхода изъ положенiя. Что я ему скажу?“ — „Найти вмѣстѣ съ государемъ то лицо, которое можно было бы назначить для объединенiя всѣхъ дѣйствiй противъ крамолы, и назначить это лицо еще сегодня“. Затѣмъ я добавилъ: „У государя долженъ быть списокъ кандидатовъ на посты генералъ-губернаторовъ“. Перебирая подходящихъ лицъ, я обратилъ вниманiе на генералъ-адъютанта М. И. Черткова, какъ болѣе другихъ подходящаго.

Графъ Фредериксъ рѣшилъ окончательно ѣхать въ Царское Село и приказалъ заказать поѣздъ; но, тѣмъ временемъ, проситъ меня съѣздить къ градоначальнику Фулону и князю Васильчикову, командиру гвардейскаго корпуса, которому подчинены были войска, дѣйствовавшiя противъ крамолы, и затѣмъ немедленно вернуться къ нему для доклада о положенiи столицы, которое я выясняю для даннаго момента.

Выйдя изъ дома министра, я съ трудомъ пѣшкомъ пробрался черезъ бурлящую толпу къ дому градоначальника. Ген. Фулона я нашелъ въ креслѣ съ воспаленными глазами, въ разстегнутой тужуркѣ. За кресломъ стояли два его помощника, одинъ Фришъ, сынъ члена государственнаго совѣта, и другой, имя котораго я не припомню. Оба, какъ въ воду опущенные. Фулонъ мнѣ сказалъ: „Доложите министру двора, что полицiя совершенно выбилась изъ силъ и положительно справиться съ подавленiемъ безпорядковъ не можетъ. Каждые полчаса получаются извѣстiя о томъ, что открылись новые очаги безпорядковъ. Помощь войскъ настолько неумѣлая, что мнѣ вовсе не помогаетъ. Есть причина опасаться, что часть крамольниковъ отправится въ Царское Село. Этому я помѣшать не не могу силами одной полицiи“. Простившись съ генераломъ, я вышелъ и, перейдя площадь, вошелъ въ штабъ округа. Тамъ, предъ кабинетомъ командира гвардейскаго корпуса, были собраны старшiе начальники войсковыхъ частей гвардiи. Когда я вошелъ къ князю Васильчикову, моему

бывшему товарищу по полку, я увидѣлъ его передъ планомъ Петербурга, распредѣляющаго на немъ подчиненныя ему войска гвардіи. Когда я ему пояснилъ причину моего посѣщенія, кн. Васильчиковъ объяснилъ мнѣ, какъ размѣстилъ всѣ части своего корпуса. На просьбу дать мнѣ тѣ инструкціи, которыя онъ преподалъ войскамъ, кн. Васильчиковъ мнѣ сказалъ, что никакихъ инструкцій не давалъ, что войскамъ все извѣстно изъ воинскаго устава. Наконецъ, на мой вопросъ надѣется ли онъ справиться съ безпорядками, кн. Васильчиковъ отвѣтилъ, что пока вполнѣ разсчитываетъ на вѣрность своихъ войскъ, несмотря на то, что нѣкоторые начальники выражали ему свое безпокойство по этому поводу. Выйдя изъ кабинета, я переговорилъ съ нѣсколькими находящимися тамъ генералами. Между прочимъ, съ корпуснымъ командиромъ Зальца, который мнѣ сказалъ, что Васильчиковъ распоряжается какъ на маневрахъ, распредѣляя крайне неосновательно войска, и вообще высказался весьма пессимистически относительно результатовъ подавленія безпорядковъ въ этотъ день. Вернувшись въ домъ министра двора, я доложилъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною. Фредериксъ уѣхалъ въ Царское Село, сказавъ, что если сочту нужнымъ, то могу его вызвать къ телефону по дворцовому проводу.

Вернувшись въ свой рабочій кабинетъ, я началъ обдумывать все, что видѣлъ и слышалъ въ эти дни. Мнѣ было ясно, что, при существующей неурядицѣ на верхахъ, подавленіе безпорядковъ невозможно. Болѣе, чѣмъ когда-либо мнѣ казалось, что все дѣло должно быть сосредоточено въ одпѣхъ рукахъ, причемъ необходимо, чтобы назначенное лицо было знакомо съ полицейскимъ дѣломъ. А таковаго я видѣлъ исключительно въ Треповѣ, которому обѣщалъ о немъ не напоминать. Дѣло же было слишкомъ серьезно, и мнѣ казалось, что уже черезъ день можетъ быть будетъ поздно принимать какія либо мѣры. Помолившись, я вызвалъ по телефону дежурнаго скорохода при кабинетѣ государя. Узнавъ отъ него, что графъ Фредериксъ не былъ еще у царя съ докладомъ, а ждетъ пріема, я просилъ позвать его къ телефону. На вопросъ, что онъ рѣшилъ, Фредериксъ отвѣтилъ, что думаетъ, что необходимо назначить генералъ-губернатора въ Петербургъ съ особыми полномочіями, но что ни на какомъ лицѣ еще не остановился. Тогда я сказалъ графу, что если государь захочетъ назначить лицо, мало знакомое съ полицейскимъ дѣломъ, то можно было бы ему придать, какъ помощника, Д. Ф. Трепова, который уѣзжаетъ лишь черезъ 2 дня, а теперь еще въ Петербургѣ. Мысль эта понравилась Фредерику: „Что же вы раньше о немъ не напоминали мнѣ?“ Я сказалъ о моемъ обѣщаніи Трепову и пояснилъ, что при данныхъ обстоятельствахъ я счелъ возможнымъ нарушить это обѣщаніе. Въ это время пришли звать Фредерикса въ кабинетъ государя. Около получаса я находился въ большомъ волненіи. Мнѣ казалось, что рѣшается участь царя и Россіи. Наконецъ, меня вызвали по телефону. У аппарата былъ графъ Фредериксъ: „Разыщите Трепова и скажите ему немедленно явиться ко мнѣ въ парадной

формѣ, такъ какъ отъ меня ему придется ѣхать въ Царское Село. Подробности я вамъ скажу на словахъ".

Городскіе телефоны не дѣйствовали. Переходъ чрезъ Невскій былъ болѣе, чѣмъ затруднителенъ. Пришлось идти пѣшкомъ па Пушкинскую улицу, гдѣ, въ меблированныхъ комнатахъ, остановился Треповъ. Дома оказалась только его жена, но она не знала гдѣ мужъ. Оставивъ записку, содержащую приказаніе министра двора, я отправился къ Фредериксу. Графъ передалъ мнѣ весь свой разговоръ съ государемъ. Видимо, императоръ изъ получаемыхъ имъ извѣстій не могъ себѣ дать отчетъ о серьезности положенія, но послѣ доклада ему стало ясно, что необходимо назначить въ столицу генералъ - губернатора. Царь не могъ сразу остановить свой выборъ. Былъ вызванъ въ кабинетъ государя ген. Гессе. Перебрали много именъ, но ни на комъ не могли остановиться. Тогда Фредериксъ сказалъ, что, быть можетъ, облегчится этотъ выборъ для государя, если онъ рѣшитъ дать этому лицу, какъ помощника, Трепова. Императоръ, видимо, обрадовался этому предложенію и приказалъ вызвать Трепова. На этомъ и кончилась аудіенція у царя.

2 часа ждали мы прибытія Трепова. Наконецъ, онъ явился. Фредериксъ въ краткихъ словахъ сообщилъ ему о своемъ докладѣ государю, и Треповъ уѣхалъ въ Царское Село. Около 9 часовъ вечера получилось сообщеніе по дворцовому проводу, что Треповъ ѣдетъ къ министру двора. Треповъ объявилъ, что государь рѣшилъ учредить санктъ-петербугское генералъ - губернаторство, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ бы подчиненъ петербургскій гарнизонъ, и назначить его, Трепова, на этотъ постъ.

Изъ разсказа Трепова объ его посѣщеніи государя выяснилось, что царь еще до пріѣзда рѣшился на его назначеніе, засимъ разговоръ его съ императоромъ касался исключительно способа усмиренія Петербурга. Явился вопросъ, куда поселить новаго генералъ - губернатора, который, очевидно, не могъ оставаться въ меблированныхъ комнатахъ, на Пушкинской улицѣ!

Графъ Фредериксъ спросилъ по телефону указаній царя по этому поводу. Государь лично приказалъ временно отвести помѣщенія въ Зимнемъ дворцѣ. Я сдѣлалъ распоряженіе и получилъ отвѣтъ отъ генерала Сперанскаго, начальника с.-петербургскаго дворцоваго управленія, что помѣщеніе будетъ готово къ 12-ти часамъ ночи. Тогда я съ Треповымъ уѣхалъ къ себѣ домой. Ѣхали мы на извозчикѣ, чтобы не обращать на себя вниманія. Треповъ пошелъ отъ меня къ министру внутреннихъ дѣлъ Святополкъ - Мирскому, жившему въ двухъ шагахъ отъ моего помѣщенія, на Фонтанкѣ. Вернувшись оттуда, онъ мнѣ разсказалъ, что сообщилъ Мирскому о своемъ назначеніи и засимъ просилъ его вызвать завѣдывающаго полиціей Лопухина, которому онъ при Мирскомъ сказалъ, что проситъ его къ слѣдующему утру прислать докладъ о всѣхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ за январь, и впредь держать его въ курсѣ своихъ распоряженій. Лопухинъ отвѣтилъ, что не считаетъ себя въ правѣ исполнить это требо-

ваніе Трепова. Д. Ф. заявилъ ему, что въ такомъ случаѣ, онъ завтра утромъ представитъ министру внутреннихъ дѣлъ требованіе объ исполненіи вышесказаннаго, на основаніи имѣющагося у него на то высочайшаго повелѣнія, добавивъ къ этому, что дѣлаетъ Лопухина лично отвѣтственнымъ за то, что онъ, Треповъ, доѣдетъ благополучно до Зимняго дворца. Было уже около полуночи, когда въ моей каретѣ я повезъ Трепова въ Зимній дворецъ, куда мы и прибыли благополучно.

4. Д. Ф. ТРЕПОВЪ.

12 января, ѣдучи на докладъ къ министру двора, заѣхалъ въ Зимній дворецъ, гдѣ встрѣтилъ обоихъ помощниковъ градоначальника, уже съ бодрымъ видомъ идущихъ исполнить полученныя ими инструкціи. Впослѣдствіи я ежедневно заѣзжалъ къ Трепову, чтобы быть въ курсѣ его распоряженій для доклада о нихъ министру двора. Начиная съ этого дня, понемногу водворялось спокойствіе въ Петербургѣ. Было видно, что съ твердостью проводимыя мѣры имѣли свое воздѣйствіе. У Трепова были постоянныя совѣщанія какъ съ фабрикантами, такъ и съ депутаціями отъ рабочихъ, изъ коихъ нѣкоторыя были приняты и государемъ въ Царскомъ Селѣ.

Когда позже Треповъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, онъ, вмѣстѣ съ семьею, переѣхалъ на Мойку, въ домъ, принадлежащій министерству внутреннихъ дѣлъ. Я продолжалъ мои почти ежедневныя посѣщенія его.

Графъ Витте въ своихъ воспоминаніяхъ характеризуетъ Трепова, какъ „вахмистра по воспитанію, погромщика по убѣжденіямъ". хотя потомъ послѣднее смягчаетъ, говоря, что погромщикомъ его, пожалуй, назвать нельзя, но что все же онъ съ удовольствіемъ относился къ погромамъ, если почему либо считалъ ихъ нужными, а кромѣ сего онъ возлагаетъ на Трепова всю отвѣтственность за безпорядки, имѣвшіе мѣсто послѣ 17 октября, подавленіе которыхъ стоило немало крови. При этомъ С. Ю. Витте ни одного слова не упомянулъ о томъ, что Треповъ, призванный въ разгаръ народныхъ волненій 11-го января, — ихъ усмирилъ, не проливъ ни одной капли крови, и это исполнилъ при полной растерянности въ верхахъ. Благодаря своей энергіи и умѣнію обращаться съ массами, ему удалось потушить начавшійся пожаръ, и его разумныя мѣропріятія вскорѣ внесли извѣстное успокоеніе. Конечно, за 9 мѣсяцевъ своей дѣятельности Треповъ не могъ искоренить то движеніе, которое давно уже таилось въ русскомъ народѣ и которое 10 лѣтъ спустя отдало Россію въ руки большевизму.

Были ли критикуемыя Витте мѣропріятія подходящими для даннаго момента или нѣтъ, теперь трудно рѣшить, но безспорно для всѣхъ тѣхъ, которымъ пришлось соприкасаться съ административными верхами того времени, что Треповъ отодвинулъ настолько паденіе имперіи, что явилась возможность дать манифестъ 17-го октября . Если манифестъ революціи не прекратилъ, то за это нужно винить не его, а тѣхъ, которымъ поручено

было проводить реформы, дарованныя этимъ манифестомъ. Во всякомъ случаѣ, подавленіе начала революціи 1905 года — огромная заслуга Трепова.

Обратимся теперь къ роли государя въ тяжелые дни послѣ 9-го января, въ минуты дѣйствительной опасности. Оскудѣніе въ Россіи въ эту эпоху государственно - мыслящими и работоспособными людьми было прямо катастрофическимъ. Я помню разъ, послѣ одного изъ посѣщеній императора Вильгельма, государь разсказывалъ, что Вильгельмъ ему рекомендовалъ при назначеніи всякаго лица на высшую должность одновременно вписывать въ секретный списокъ лицо, могущее его замѣнить. При этомъ государь выразился такъ:: «Хорошо ему говорить объ этомъ. Когда я, послѣ большихъ потугъ, нахожу лицо, болѣе или менѣе подходящее на высокій постъ, то уже второго никакъ не найду. Видимо, въ Германіи больше лицъ, подготовленныхъ для занятія высокихъ должностей». Тогда всѣ полагали, что онъ тасуетъ одну и ту же колоду, и полагали, что Дума намъ дастъ новыхъ людей. Эта же причина и было виною тому, что Витте, послѣ 17-го отктября, ставъ предсѣдателемъ совѣта, не могъ долго составить министерства. Да и тѣ, которыхъ онъ выбралъ, далеко не всѣ соотвѣтствовали своимъ назначеніямъ. Это обстоятельство было одною изъ причинъ постигшей его неудачи, вину за которую онъ, въ своихъ запискахъ, всецѣло сваливаетъ на государя.

Чтобы вернуться къ Трепову, скажу, что его сближеніе съ рацемъ весьма понятно. Рѣчи и доклады Трепова были, даже по мнѣнію самого Витте, искренни и ясны по своей простотѣ. Причемъ авторъ воспоминаній добавляетъ: «Ибо для лицъ политически невѣжественныхъ все кажется просто и ясно». Въ общемъ, соглашаясь съ высказаннымъ положеніемъ, нахожу, что оно не вполнѣ примѣнимо къ Трепову.

Дѣло въ томъ, что всѣ 4 брата Треповы восприняли у ихъ отца, петербургскаго градоначальника, особую манеру говорить и писать. По формѣ довольно рѣзкую, но ясную не потому, чтобы они не понимали болѣе сложной формы мышленія, но потому, что у нихъ былъ даръ выражать свою мысль въ особенно лаконической формѣ. Это придавало особую убѣдительность ихъ рѣчи, что они прекрасно понимали, и потому этимъ стилемъ даже злоупотребляли.

Кстати, хочу разсказать исторію знаменитой фразы Трепова. Разъ вечеромъ я заѣхалъ къ нему на Мойку. Онъ показался мнѣ озабоченнымъ и, видимо, былъ очень занятъ. Я сѣлъ противъ него. Послѣ довольно долгаго молчанія, онъ, продолжая заниматься, далъ мнѣ на прочтеніе только что написанную черновую приказа войскамъ гарнизона на слѣдующій день, когда ожидались особенно сильные безпорядки. Прочитавъ эту черновую, я подчеркнулъ въ ней фразу: «Патроновъ не жалѣть» и вернулъ ее ему со словами:

— Въ своемъ ли ты умѣ?

— Да, въ своемъ. И эта фраза вполнѣ мною обдумана, но я забылъ ее подчеркнуть, ты это сдѣлалъ.

— Понимаешь ли ты, что послѣ этого тебя будутъ называть не Треповымъ, а — «генераломъ патроновъ не жалѣть».

— Знаю это и знаю, что это будетъ кличка непочетная, но иначе поступить, по совѣсти, не могу. Войскъ перестали бояться, и они стали сами киснуть. Завтра же, вѣроятно, придется стрѣлять. А до сихъ поръ я крови не проливалъ. Единственный способъ отвратить это несчастіе и состоитъ въ этой фразѣ. Неужели ты думаешь, что я не понимаю всѣхъ послѣдствій этихъ словъ для себя лично? Ну, а теперь иди, мнѣ некогда. Завтра же зайди узнать результатъ моего приказа. Тогда скажешь, правъ ли я былъ.

Онъ оказался правъ, толпа побоялась войскъ послѣ этого энергичнаго приказа, и ни одного выстрѣла за этотъ день дано не было. Треповъ безусловно зналъ психологію толпы и имѣлъ гражданское мужество дѣйствовать, согласно своимъ убѣжденіямъ.

Графъ Витте часто останавливается въ своихъ воспоминаніяхъ на диктаторской роли Трепова съ видимымъ укоромъ государю за предоставленіе тому этихъ правъ. Принявъ въ соображеніе положеніе въ Петербургѣ и во всей Россіи, создавшееся послѣ 9-го января, мнѣ кажется совершенно естественнымъ и логичнымъ, что Треповъ пользовался всею полнотою власти въ это критическое время.

Императоръ, давъ Трепову эти полномочія, при самомъ его назначеніи, повелѣлъ держать его, царя, въ постоянномъ курсѣ своей дѣятельности. Это Треповъ въ точности исполнялъ. Мнѣ извѣстно, что почти ежедневно Треповъ писалъ государю собственноручныя письма съ докладами о болѣе или менѣе значительныхъ своихъ распоряженіяхъ, и императоръ ему отвѣчалъ обыкновенно краткими записками, а иногда присылалъ для свѣдѣнія доклады и другихъ министерствъ, каковые, равно какъ и всѣ записки государя, Треповъ на слѣдующій день возвращалъ царю.

Когда я, послѣ смерти Трепова, по высочайшему повелѣнію разбиралъ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги какъ на его квартирѣ, такъ и въ управленіи дворцоваго коменданта, я не нашелъ ни одной записки царя или копіи съ таковой. Насколько мнѣ помнится, до 17-го октября у Трепова былъ лишь одинъ или два личныхъ доклада у государя.

Казалось бы, нельзя упрекать царя въ неправильной постановкѣ дѣла въ отношеніи правъ, данныхъ Трепову. Что же касается диктатора Трепова въ бытность его дворцовымъ комендантомъ, то объ этомъ буду говорить ниже. Назначеніе Д. Ф. дворцовымъ комендантомъ Витте выставляетъ какъ бѣгство Трепова отъ отвѣтственной должности, но это безусловно невѣрно. Треповъ считалъ манифестъ 17-го октября пагубнымъ въ такомъ видѣ, при какомъ онъ появился, и находилъ, что проводить его начала въ жизнь должны тѣ лица, которыя его написали. Поэтому онъ еще 16-го октября, когда графъ Фредериксъ со мною былъ у Витте, говорилъ мнѣ,

что не можетъ оставаться на своемъ посту и будетъ просить государя дать ему возможность немедленно сдать должность и уѣхать за-границу, такъ какъ оставаться въ Россіи опасно, въ виду неминуемыхъ попытокъ террористовъ его убить. Онъ просилъ черезъ меня министра двора поддержать его просьбу предъ государемъ. Насколько мнѣ помнится, 18 или 19 октября графъ Фредериксъ говорилъ съ царемъ по этому поводу. Министръ мнѣ передалъ, что, видимо, его величество рѣшилъ о назначеніи его дворцовымъ комендантомъ, причемъ императоръ сказалъ такъ: «Только эта должность можетъ сохранить Трепова въ живыхъ. Не могу же я послѣ всего того, что онъ сдѣлалъ, предать его въ руки анархистовъ. Тутъ или за-границей безразлично".

Послѣ назначенія дворцовымъ комендантомъ, Треповъ немедленно взялся за дѣло преобразованія личной охраны государя. Широкая постановка дѣла охраны была, дѣйствительно, въ то время необходима. Хотя въ болѣе спокойныя времена я лично считалъ правильнѣе, чтобы дѣло охраны раздѣлялось между департаментомъ полиціи и дворцовой полиціей, но при томъ антагонизмѣ между ними, на который указывалъ Треповъ, министръ двора согласился на докладъ Трепова о расширеніи его полицейскихъ полномочій для даннаго времени. Къ сожалѣнію, эта, въ сущности, неправильная, постановка дѣла охраны оставалась и послѣ Трепова въ силѣ.

Отношенія государя къ Трепову послѣ его назначенія комендантомъ остались тѣ же, что и въ періодъ медоваго мѣсяца. При нѣкоторыхъ разговорахъ съ Д. Ф., когда я ему передавалъ общую молву о томъ, что онъ остался всесильнымъ диктаторомъ, Треповъ говорилъ, что весьма этимъ тяготится, но что не можетъ прекратить съ царемъ разговоры на темы общаго политическаго положенія, а что во всѣхъ случаяхъ, требующихъ высочайшаго рѣшенія, всегда докладываетъ о томъ государю.

Пріемъ императоромъ послѣ 17-го октября различныхъ черносотенныхъ организацій былъ несчастіемъ для Россіи. Въ первое время послѣ 17-го октября черносотенцы многократно обращались съ просьбою устроить имъ пріемъ у царя чрезъ министра двора. Я принципіально отказывалъ въ этомъ ,считая, что такіе пріемы, помимо органовъ правительства, не должны имѣть мѣста. Въ это время я узналъ изъ камерфурьерскихъ журналовъ о пріемѣ такихъ лицъ и депутацій государемъ. Считаю нужнымъ пояснить что такое камерфурьерскій журналъ. Въ этотъ журналъ записывались всѣ пріемы и выѣзды какъ царя, такъ и царицы, и все времяпровожденіе ихъ величествъ во дворцахъ. Журналы эти велись въ трехъ экземплярахъ, одинъ каждое утро клался на письменный столъ императора въ запечатанномъ конвертѣ, второй экземпляръ, также запечатанный, посылался министру двора, третій же хранился въ особомъ желѣзномъ ящикѣ у камерфурьера. Они считались весьма секретными.

Узнавъ о вышесказанныхъ пріемахъ, я, по приказанію Фредерикса, спросилъ у Трепова не онъ ли устраивалъ эти пріемы. Треповъ отвѣтилъ

отрицательно и прибавилъ, что находитъ ихъ крайне нежелательными. Несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ не удалось точно установить чрезъ кого устраивалось большинство этихъ пріемовъ, но предполагаю, что они устраивались не безъ участія государыни, въ умѣ которой гнѣздилось убѣжденіе, что императоръ, присягнувшій при коронаціи самодержавію, не имѣетъ права уступать этихъ обязанностей безъ борьбы. Во время моего разговора съ Треповымъ по этому предмету, я вынесъ впечатлѣніе, что царь, подъ вліяніемъ паническаго страха передъ революціей в. кн. Николая Николаевича, считавшаго, что только Витте могъ спасти положеніе, и всей обстановки дней, предшествовавшихъ 17-му октября, противъ своей воли подписалъ манифестъ и принималъ не безъ удовольствія всѣхъ тѣхъ, которые были противниками этого манифеста. При этомъ Треповъ высказывался объ опасности для династіи, если, благодаря этимъ пріемамъ, не будутъ приведены въ исполненіе начала, объявленныя императоромъ.

Нѣсколько крупныхъ столкновеній мнѣ пришлось лично имѣть съ докторомъ Дубровинымъ. Дѣло въ томъ, что, какъ начальникъ канцеляріи министерства двора, я былъ и начальникомъ придворной цензуры, и, по тогда дѣйствовавшему закону, всѣ статьи, касавшіяся высочайшихъ особъ, подлежали моей предварительной цензурѣ. Дубровинъ въ своей газетѣ нѣсколько разъ упоминалъ государя, не исполнивъ положенія о предварительной цензурѣ. Я его вызвалъ и указалъ, что впредь буду руководствоваться моими законными правами по отношенію къ его газетѣ. Дубровинъ далъ мнѣ понять, что то, что онъ пишетъ, угодно царю, но я, тѣмъ не менѣе, настоялъ на необходимости, чтобы онъ подчинился. Нѣсколько дней спустя, мнѣ была представлена одна изъ статей, въ которой Дубровинъ говорилъ о пріемѣ императоромъ одной депутаціи его приверженцевъ и приводилъ слова, сказанныя государемъ. Я его снова вызвалъ и заставилъ вычеркнуть эту часть статьи, такъ какъ о пріемѣ этой депутаціи мнѣ не было извѣстно.

Какъ-то разъ, послѣ доклада царю, графъ Фредериксъ мнѣ сказалъ, что Дубровинъ жаловался государю на мою якобы придирчивую строгость къ его газетѣ. Я собралъ непропущенныя мною статьи и далъ ихъ министру для всеподданнѣйшаго доклада. По словамъ графа, императоръ вполнѣ согласился, что пропустить я такихъ статей не могъ. При первомъ случаѣ, когда я имѣлъ возможность говорить съ государемъ, я упомянулъ о Дубровинѣ и пояснилъ, что у меня больше хлопотъ съ газетами, издаваемыми лицами, преданными царю, нежели съ газетами либеральнаго направленія. Указавъ на одну, очевидно, Дубровинымъ выдуманную статью о наслѣдникѣ цесаревичѣ и о словахъ, якобы сказанныхъ, императоръ мнѣ сказалъ: „Да, это была бы со стороны Дубровина медвѣжья услуга пропустить такую статью. Пришлите мнѣ ее, я покажу это государынѣ“.

Въ то время черносотенцы вообще проявляли большую дѣятельность. Чтобы охарактеризовать ихъ поведеніе, приведу одинъ случай со мною. Поздней ночью я услышалъ звонокъ въ телефонъ. Взявъ трубку съ аппа-

рата, стоявшаго у моей кровати, я услышалъ незнакомый голосъ: „Мы знаемъ, что вы интригуете противъ насъ, людей, глубоко преданныхъ государю, и мнѣ поручено вамъ сказать, что если вы не прекратите разныхъ инсинуацій, то мы со своей стороны разскажемъ императрицѣ такое . . .“ Я повѣсилъ трубку. Такихъ ночныхъ звонковъ ко мнѣ было нѣсколько. Не могу не упомянуть о томъ, что, видимо, шантажная угроза была приведена въ исполненіе, такъ какъ послѣ этого государыня довольно долгое время меня холодно встрѣчала, и только въ случайныхъ разговорахъ съ фрейлинами я узналъ, что эти господа прибѣгли къ гнусной клеветѣ о моей частной жизни.

Во время поѣздки царя въ Красное Село для присутствія при окончаніи маневровъ, у Трепова сдѣлался очень серьезный сердечный припадокъ. Несмотря на это, онъ, лежа въ кровати, все же продолжалъ руководить охраною государя. По пріѣздѣ же въ Петергофъ проболѣлъ болѣе недѣли. Въ это время у царя шли совѣщанія о томъ какое министерство составить къ времени первой Думы. Треповъ считалъ, что разъ царь подписалъ манифестъ 17-го октября, то онъ долженъ составить министерство изъ лицъ, принадлежащихъ къ преобладающей партіи, т. е. кадетъ. Мнѣ извѣстно, что у Трепова были встрѣчи по этому поводу, какъ съ Милюковымъ и Муромцевымъ, такъ и съ другими выдающимися кадетами. Онъ мнѣ жаловался на ихъ несговорчивость и непониманіе настоящаго положенія.

Съ другой стороны, всѣ недовольные манифестомъ уговаривали государя составить реакціонное министерство и набрасывались самымъ жестокимъ образомъ на Трепова, по ихъ мнѣнію, совѣтовавшаго царю весьма опасный путь. Въ числѣ этихъ лицъ, былъ и родной братъ Трепова, Владиміръ Федоровичъ. Послѣ горячаго обсужденія этого вопроса съ братомъ, В. Ф. Треповъ просилъ устроить ему аудіенцію у государя, дабы лично убѣдить императора въ правильности своего мнѣнія. В. Ф. Треповъ тогда никакого офиціальнаго положенія не занималъ и просилъ о пріемѣ въ качествѣ частнаго лица, извѣстнаго государю. Д. Ф. Треповъ исполнилъ просьбу брата. Аудіенція его у царя длилась около часа. Результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ было министерство Горемыкина, а затѣмъ Столыпина. Съ этого же времени Д. Ф. Треповъ впалъ въ немилость, сначала у императрицы, затѣмъ и у государя.

Основная мысль Трепова была та, что разъ императоръ далъ извѣстныя свободы и ихъ узаконилъ, всякое съ его стороны отступленіе отъ нихъ явилось бы опасностью для династіи. При этомъ онъ мнѣ пояснилъ, что былъ такимъ противникомъ манифеста Витте только потому, что предчувствовалъ, что государь не будетъ въ силахъ исполнить все, дарованное имъ въ этомъ манифестѣ.

Вся царская семья выѣхала на „Штандартѣ“ въ шхеры. Я находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ ихъ величества. На третій или четвертый день нашего плаванія, послѣ вечерняго чая, государь съ графомъ Фредериксомъ гулялъ по палубѣ, на которой находился и я. Царю

принесли телеграмму. Прочитавъ ее, императоръ меня подозвалъ и далъ мнѣ ее прочесть. Въ ней было сказано, что около 7 часовъ вечера нашли Д. Ф. мертвымъ въ его спальнѣ и что врачи предполагаютъ, что у него былъ сердечный припадокъ. Государь приказалъ мнѣ срочно ѣхать въ Петергофъ и немедленно приступить къ опечатанію всей имѣющейся у Трепова корреспонденціи, какъ на квартирѣ, такъ и въ управленіи дворцоваго коменданта. Всѣ бумаги потомъ разобрать и, по возвращеніи Е. В., лично ему доложить.

Нѣсколько минутъ спустя подошелъ къ „Штандарту" дежурный миноносецъ и, взявъ меня, полнымъ ходомъ направился въ Петергофъ, куда я прибылъ въ шестомъ часу утра.

Придя въ павильонъ, гдѣ жилъ Треповъ съ семьею, я нашелъ въ кабинетѣ его тѣло, уже одѣтое въ свитскій мундиръ, лежащее на кровати. Во всемъ домѣ въ это время бодрствовала лишь одна монашенка, читавшая псалтирь надъ тѣломъ усопшаго. Я помолился у бренныхъ останковъ моего друга и вызвалъ по телефону начальника канцеляріи дворцоваго коменданта Ф. Ф. Каналоши-Лефлера, бывшаго начальника отдѣленія моей канцеляріи. Вмѣстѣ съ нимъ я немедленно приступилъ къ опечатанію письменнаго стола и всѣхъ бумагъ, находившихся въ квартирѣ. Къ этому времени вышла ко мнѣ вдова Трепова, Софія Сергѣевна, рожденная Блохина. Вскрытіе тѣла выяснило, что Д. Ф. скончался естественной смертью. Горе его жены и дочерей было велико. Сообщивъ всѣ подробности на „Штандартъ", я испросилъ высочайшихъ указаній о похоронахъ. Погребеніе состоялось два дня послѣ кончины на Петергофскомъ кладбищѣ. Присутствовалъ весь дворъ и всѣ великіе князья, находившіеся въ окрестностяхъ Петербурга. Согласно телеграммѣ графа Фредерикса, государь предполагалъ прибыть на похороны, но въ день погребенія я былъ увѣдомленъ, что царя не будетъ. Затѣмъ я взялся за разборку бумагъ и дѣлъ покойнаго. Недѣли двѣ спустя эта работа была кончена, и къ этому времени ихъ величества возвратились въ Петергофъ. На слѣдующій день я получилъ приказаніе явиться въ Александрію и привезти съ собою тѣ дѣла, которыя имѣю доложить государю. Императоръ меня продержалъ съ докладомъ болѣе 2½ часовъ. Я привезъ 3 весьма объемистыя связки дѣлъ, которыя мною были классированы въ слѣдующемъ порядкѣ: 1. Всеподданнѣйшіе доклады и записки, представлявшіеся Треповымъ во время его генералъ-губернаторства и бытность его дворцовымъ комендантомъ. 2. Разныя секретныя дѣла по справкамъ, касавшіяся лицъ, союзовъ и разныхъ судебныхъ дѣлъ, и 3. Всякія записки, касавшіяся политическаго положенія Россіи.

Дѣла первой категоріи государь приказалъ оставить въ его кабинетѣ, сказавъ, что, по просмотрѣ, онъ ихъ отправитъ въ собственную е. в. библіотеку на храненіе. На вопросъ царя, не нашлись ли въ бумагахъ Трепова его собственноручныя записки, мною было представлено императору въ особомъ конвертѣ 5 или 6 записокъ, по просмотрѣ коихъ государь при-

казалъ передать ихъ вдовѣ Д. Ф., замѣтивъ, что для нея будетъ утѣшеніемъ имѣть эти записки, свидѣтельствующія о благоволеніи Е. В. къ ея покойному мужу. Затѣмъ государь спросилъ, не нашелъ ли я копій нѣкоторыхъ его записокъ. Я отвѣтилъ отрицательно, передавъ ему рукою Трепова написанный реестръ тѣхъ записокъ царя, которыя Треповъ вернулъ императору. Этотъ реестръ Е. В. положилъ въ свой письменный столъ.

Особенно интересовался царь бумагами второй категоріи, и мнѣ пришлось ему доложить почти всѣ собранныя мною бумаги, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ онъ самъ перечитывалъ. Послѣ доклада я спросилъ, что съ данными бумагами дѣлать. „Я ихъ тоже пошлю въ собственную библіотеку», — отвѣтилъ царь. На мой вопросъ, не угодно ли будетъ Е. В. часть этихъ бумагъ изъять отъ прочихъ, отправляемыхъ въ библіотеку, императоръ отвѣтилъ: „Нѣтъ, вы правы, будетъ лучше ихъ всѣхъ уничтожить. Возьмите ихъ и сожгите“. Что касается третьей категоріи бумагъ, мнѣ было приказано прочесть лишь ихъ заголовки. При этомъ Е. В. о многихъ говорилъ, что Треповъ ему ихъ не докладывалъ, о другихъ же помнилъ, говорилъ о своихъ резолюціяхъ и затѣмъ приказалъ ихъ всѣ оставить у него для отправки въ библіотеку.

Что касается частной переписки Трепова, которой я съ собою не привезъ, государь согласился съ моимъ предложеніемъ передать вдовѣ все, что касалось имущественныхъ дѣлъ, а прочую часть уничтожить, добавивъ: «Впрочемъ, вы, какъ другъ Д. Ф., лучше знаете, что съ ними слѣдуетъ сдѣлать; поступайте такъ, какъ предполагаете, что покойный Треповъ самъ этого желалъ бы“.

По окончаніи доклада, государь всталъ и, прогуливаясь со мною взадъ и впередъ по кабинету, сталъ говорить о покойномъ. Онъ мнѣ высказалъ, насколько цѣнилъ заслуги Трепова и его дѣятельность послѣ 9 января, и что больше всего ему нравилась ясность его взглядовъ и гражданское мужество ихъ всегда высказывать. Послѣ нѣкотораго молчанія царь высказалъ сожалѣніе, что какъ разъ передъ кончиной Д. Ф. пережилъ столько нравственныхъ потрясеній, и что онъ приписываетъ уже болѣзненному его состоянію то, что Треповъ такъ неожиданно на многое перемѣнилъ свои взгляды. За этою перемѣною, — сказалъ императоръ, — онъ никакъ слѣдовать не могъ, что отлично понялъ и братъ Трепова, Владиміръ Федоровичъ. Разность взглядовъ съ братомъ должна была тоже огорчить покойнаго. Припоминается, что государь мнѣ говорилъ о томъ, что часто Трепова называли диктаторомъ, прибавивъ къ этому: „Вы, просмотрѣвъ всѣ его бумаги, могли убѣдиться, что онъ лишь слѣдовалъ моимъ указаніямъ, а я добавлю, что онъ всегда разумно и энергично ихъ исполнялъ“.

Въ заключеніе, когда я привелъ въ порядокъ привезенныя мною бумаги, царь мнѣ сказалъ: „Однако, долго, но хорошо мы съ вами поработали. Очень опечалила меня эта неожиданная смерть“. Общее мое впе-

чатлѣніе было то, что императоръ, безусловно, цѣнилъ Трепова, но особой личной къ нему симпатіи не чувствовалъ.

Въ этотъ же вечеръ и приступилъ къ сожженію всего того, что мнѣ было поручено уничтожить. А мѣсяцъ спустя у меня былъ Щегловъ, завѣдующій собственною Е. В. библіотекою, чтобы сообщить мнѣ, по повелѣнію государя, что извѣстныя мнѣ бумаги полностью ему переданы на храненіе.

Гдѣ теперь находятся эти бумаги послѣ разграбленія библіотеки большевиками, никому неизвѣстно, но нельзя не пожалѣть, что пропали столь цѣнные для исторіи Россіи документы многихъ царствованій.

5. С. Ю. ВИТТЕ.

17/30-го октября, годо́вщина чудеснаго спасенія императора Александра III и почти всей Царской семьи при крушеніи Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки, вновь стала исторической датой, являясь поворотнымъ пунктомъ новой исторіи Россіи.

Послѣ смерти князя Алексѣя Николаевича Оболенскаго, составителя первоначальнаго проекта манифеста о дарованіи свободъ, я остался единственнымъ участникомъ въ живыхъ, событій, предшествовавшихъ подписанію Николаемъ II этого столь судьбоносцаго государственнаго акта.

Считаю, поэтому, своимъ долгомъ подробнѣе остановиться на происшествіяхъ этого мѣсяца и разсказать, что помню, а также дать нѣкоторыя объясненія по поводу писаннаго другими мемуаристами, особенно С. Ю. Витте, игравшимъ въ нихъ главную роль.

Витте пишетъ, что когда былъ вынужденъ въ апрѣлѣ 1906 года оставить постъ предсѣдателя совѣта министровъ и затѣмъ уѣхалъ за-границу, до него дошли слухи, что въ дворцовыхъ сферахъ говорятъ, что онъ вырвалъ у государя манифестъ 17 октября.

Витте пишетъ, что, когда былъ вынужденъ въ апрѣлѣ 1906 года остаона, будто бы, давала „пароль" черносотенной прессѣ: „Русскому Знамени", „Московскимъ Вѣдомостямъ", „Колоколу" и др., на распространеніе этихъ слуховъ и поддерживала эти газеты матеріально. Въ качествѣ начальника канцеляріи министерства имп. двора, ежедневнаго докладчика и ближайшаго совѣтника министра, я зналъ близко все, что происходило при дворѣ.

Всѣ денежные расходы ихъ величествъ производились чрезъ кабинетъ е. в., съ вѣдома министра двора. Поэтому категорически утверждаю, что никакихъ суммъ черносотенной прессѣ ни разу выдано не было. Изъ личныхъ же суммъ государя, такъ называемыхъ, „карманныхъ" его денегъ (200.000 рублей въ годъ), оплачивались счета по гардеробу государя и подарки, имъ дѣлаемые. Въ рѣдкихъ случаяхъ изъ этихъ денегъ

государь оказывалъ помощь лицамъ, почему либо ему близкимъ. Не думаю, чтобы что либо изъ этихъ средствъ перепало означенной прессѣ.

Расходами государыни вѣдалъ ея секретарь, гр. Я. Н. Ростовцевъ. Когда изъ клубовъ поползли слухи, что государыня поддерживаетъ черносотенную печать, гр. Фредериксъ приказалъ мнѣ ихъ провѣрить. Я пригласилъ къ себѣ гр. Ростовцева и послѣ часовой бесѣды съ нимъ убѣдился въ полной вздорности молвы.

Вѣдая придворной цензурой, созданной спеціально для контроля всего, что писалось о высочайшихъ особахъ, ихъ словахъ, дѣйствіяхъ и пр., статьи въ «Русскомъ Знамени» и другихъ газетахъ, гдѣ проводилась мысль, что государя принудили подписать актъ о введеніи конституціоннаго образа правленія въ Россіи, я неизмѣнно вычеркивалъ. Особенно много хлопотъ мнѣ создалъ Дубровинъ, какъ я объ этомъ уже упоминалъ. Нѣсколько разъ онъ являлся ко мнѣ для объясненій и старался доказать, что объ этомъ знаетъ лично отъ государя. Съ Грингмутомъ по этому же вопросу у меня была переписка.

Всѣ пріемы у государя, по положенію, проходили чрезъ церемоніальную часть министерства двора. Но въ это время государь, дѣйствительно, принималъ нѣсколько разъ помимо церемоніальной части, какъ бы въ частномъ порядкѣ, Дубровина съ его приверженцами, а также какія-то черносотенныя депутаціи изъ провинціи. Министръ двора объ этомъ узналъ постъ-фактумъ, просматривая камеръ-фурьерскій журналъ. Гр. Фредериксъ неоднократно указывалъ его величеству на нежелательность и опасность подобныхъ секретныхъ посѣщеній. Государь отвѣчалъ: „Неужели я не могу интересоваться тѣмъ, что думаютъ и говорятъ преданныя мнѣ лица о моемъ управленіи государствомъ".

Эти тайные пріемы продолжались около полугода.

Черносотенная печать травила гр. Витте грубо и оскорбительно. Находя это возмутительнымъ, я неоднократно звонилъ по телефону въ управленіе по дѣламъ печати и обращалъ вниманіе на недопустимость такихъ писаній.

Источникомъ, откуда инспирировалась и поддерживалась кампанія противъ Витте, былъ императорскій яхтъ-клубъ. Онъ посѣщался молодыми великими князьями и государственными дѣятелями, принадлежавшими къ высшей аристократіи.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о положеніи С. Ю. и Матильды Ивановны при дворѣ и въ обществѣ. Бракъ съ Витте былъ вторымъ, послѣ развода М. И. съ первымъ ея мужемъ Лисаневичемъ. Несмотря на то, что С. Ю. занималъ должность министра финансовъ при Александрѣ III и Николаѣ II, а при послѣднемъ государѣ былъ и предсѣдателемъ совѣта министровъ и возведенъ въ графское достоинство, обѣ государыни, какъ Марія Федоровна, такъ и Александра Федоровна, категорически отказывались принимать Матильду Ивановну. Естественно, за государынями не принимали ее и при великокняжескихъ дворахъ.

Это обстоятельство служило одной изъ немалыхъ причинъ озлобленія Витте противъ двора и свѣта. Жена его, въ отвѣтъ на пренебреженіе къ ней, создала у себя открытый домъ, съ великолѣпными завтраками, обѣдами и ужинами и пышными, необычайно оживленными, вечерами. На трапезахъ и вечерахъ у Витте бывалъ весь, почти безъ исключенія, тотъ же самый высшій свѣтъ и нѣкоторые великіе князья.

Какъ я уже сказалъ, кампанія противъ Витте шла изъ яхтъ-клуба. Тѣ самые господа, которыхъ С. Ю. и М. И. прикармливали и которымъ нерѣдко помогали, были авторами самыхъ злостныхъ сенсацій. Круги, которымъ клубъ импонировалъ, подхватывали новости, считая ихъ вышедшими изъ достовѣрныхъ источниковъ, и пускали по городу.

Витте безспорно потерпѣлъ неудачу со своимъ кабинетомъ. Онъ ее приписывалъ исключительно дѣйствіямъ государя и его окруженія, ненависть къ которымъ проглядываетъ въ каждой строкѣ его воспоминаній. Онъ обвиняетъ также петербургское общество, бюрократическіе его верхи и всю повременную печать. Но Витте умалчиваетъ о главной причинѣ его неудачи, которую онъ, при его прозорливости и умѣ, не могъ не сознавать: ему не удалось завоевать довѣріе ни государя и его окруженія, ни либерально и даже радикально мыслящихъ круговъ.

Въ январѣ 1907 года Витте рѣшилъ составить справку о манифестѣ 17 октября.

Я полагаю, что цѣлью этой справки было создать документъ исторической цѣнности, оправдывающій и объясняющій дѣйствія С. Ю. въ дни, предшествовавшіе изданію манифеста. О намѣреніи Витте составить такую памятную записку я узналъ отъ князя Н. Д. Оболенскаго интимнаго друга дома С. Ю. Я высказалъ желательность созданія такого документа при условіи, что Витте точно изобразитъ всѣ сложныя событія этого періода. Впервые я увидѣлъ эту справку въ началѣ февраля у гр. Фредерикса. Явившись къ графу, я передалъ ему очередной всеподданнѣйшій докладъ. Укладывая бумаги въ портфель, Фредериксъ взялъ въ руки одну папку и сказалъ:

— Только что, предъ вашимъ приходомъ, это принесъ мнѣ Сергѣй Юльевичъ и просилъ сегодня же передать его величеству, — это выдержка изъ его дневника времени, предшествовавшаго 17-го октября.

— Какъ же вы повезете государю бумагу, сами ее не прочитавъ? Государь можетъ спросить ваше мнѣніе о желаніяхъ Сергѣя Юльевича.

Графъ поколебался минутку, а затѣмъ сказалъ:

— Возьмите ее, а завтра мнѣ доложите. Я передамъ ее государю при слѣдующемъ докладѣ. Сергѣй Юльевичъ все чѣмъ-то обиженъ, на всѣхъ и на государя. Записки не измѣнятъ отношенія его величества къ Сергѣю Юльевичу и только раздражаютъ государя.

Вернувшись отъ министра двора, я нѣсколько разъ перечиталъ справку. Любопытная вещь: факты изложены въ ней вѣрно и послѣдовательно, а, въ общемъ, картина создается совсѣмъ другая, чѣмъ та, ко-

торая осталась у меня въ памяти. Въ чемъ тутъ дѣло? Секретъ оказался въ томъ, что Витте изложилъ только факты, благопріятные ему. Получивъ подтвержденіе государя и другихъ авторитетныхъ лицъ въ правильности изложеннаго, а оспаривать не приходилось, такъ какъ факты передавались, дѣйствительно, вѣрно, С. Ю. имѣлъ бы документъ, перелагающій всю вину за неудачи съ него на государя, и, такимъ образомъ, былъ бы оправданъ предъ исторіей.

Справка была составлена очень умно и тонко. При отказѣ ее признать правильной, С. Ю. всегда могъ выразить готовность вычеркнуть, что будетъ найдено невѣрнымъ, а вычеркивать было нечего.

Я рѣшилъ, при встрѣчѣ съ Витте, на его вопросъ о справкѣ сказать, что признаю изложенные въ ней факты вѣрными, но что, по моему мнѣнію, она требуетъ значительныхъ дополненій и комментарій. И только, при наличіи таковыхъ, она дастъ вѣрную картину происшедшихъ событій.

На другой день я былъ приглашенъ Матильдой Ивановной къ завтраку, за которымъ и высказалъ свои соображенія Витте. Тогда С. Ю. попросилъ меня написать къ его справкѣ все, что я считаю необходимымъ. Я уклонился, объяснивъ, что настолько занятъ, что не могу теперь отдаться составленію „историческихъ записокъ"; вообще я не отказываюсь, но, съ разрѣшенія графа, откладываю эту работу до моего отпуска.

Возвращая министру справку С. Ю., я изложилъ мое о ней мнѣніе. Фредериксъ отвезъ ее государю, у котораго она пролежала около трехъ недѣль. Затѣмъ государь вернулъ ее Фредериксу безъ всякихъ помѣтокъ. Министръ долго не могъ рѣшиться на текстъ препроводительнаго письма къ графу Витте. Наконецъ, я ему посовѣтоалъ лично поѣхать къ С. Ю. и передать справку. Фредериксъ согласился со мною, однако, откладывалъ со дня въ день, и справка оставалась у него довольно долго.

Графъ Фредериксъ передавалъ мнѣ, что государь одобрилъ, что графъ не далъ Витте никакого отвѣта. При этомъ царь сказалъ ему: „Съ Витте всегда такъ. Ему трудно возражать, но въ его словахъ рѣдко чувствуется искренность".

6. ИСТОРІЯ МАНИФЕСТА 17-ГО ОКТЯБРЯ.

За нѣсколько недѣль до 17 октября въ Петергофѣ засѣдала комиссія изъ высшихъ чиновъ государства для разработки законоположеній о новыхъ парламентскихъ учрежденіяхъ.

Гр. Фредериксъ участвовалъ только въ двухъ засѣданіяхъ, на которыхъ предсѣдательствовалъ самъ государь. Остальныя засѣданія проходили подъ предсѣдательствомъ гр. Сольскаго. Когда министра двора спрашивали почему онъ не присутствуетъ на засѣданіяхъ, Фредериксъ отвѣчалъ: „Да потому, что я въ конституціонномъ законодательствѣ ничего не понимаю. А слушать безконечныя личныя пререканія господъ членовъ комиссіи мнѣ скучно. Кромѣ того, меня это и не касается, такъ какъ министерство двора, а равно и самъ министръ, вѣроятно, останутся внѣ конституціи".

Комиссія засѣдала въ то время, когда, подъ вліяніемъ непрерывныхъ террористическихъ актовъ и объявленной всеобщей забастовки, растерянность въ правительственныхъ кругахъ достигала высшей точки. Всѣ признавали необходимость реформъ, но почти никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, въ чемъ онѣ должны выразиться. Одни высказывались за введеніе либеральной конституціи, другіе за созданіе совѣщательнаго органа, третьи за диктатуру по назначенію, и четвертые считали, что порядокъ и умиротвореніе должны быть водворены лично государемъ диктаторскими пріемами.

Когда приходилось спрашивать сторонниковъ той или другой реформы какъ они себѣ представляютъ проведеніе ея въ жизнь, они или отдѣлывались общими мѣстами, или рисовали картины, неминуемо долженствовавшія привести къ революціи и анархіи. Сторонники конституціоннаго образа правленія не имѣли ни малѣйшаго понятія о порядкѣ выборовъ въ представительныя учрежденія и созданія работоспособнаго большинства. Всѣ заявляли, что это деталь — и объ этомъ позаботится уже Сергѣй Ефимовичъ (Крыжановскій*).

Я спрашивалъ губернаторовъ, представлявшихся въ теченіе этого времени государю, какъ они думаютъ устроить выборы въ своей губерніи. Мнѣ отвѣчали: — „Я буду придерживаться строго той инструкціи, которую получу"; „Я буду дѣлать пропаганду посредствомъ моихъ мѣстныхъ органовъ"; „Буду стараться подкупать или подтасовкою добьюсь желаемаго результата".

Какъ-то въ это время я встрѣтился съ Д. Ф. Треповымъ и спросилъ его, можетъ ли онъ справиться съ крамолою, если 17 октября пройдетъ безъ манифеста о свободахъ, и настолько успокоить революціонное движеніе, чтобы обдуманно и не торопясь провести реформы. Треповъ мнѣ отвѣтилъ, что до сихъ поръ онъ былъ въ этомъ увѣренъ, но разговоры на верхахъ о необходимости реформъ такъ разожгли массы, что теперь уже необходимо имъ что нибудь дать.

Государь въ это время пребывалъ въ Александріи и раздумывалъ на что ему рѣшиться. Онъ понималъ, что комиссія ни до чего положительнаго не договорится. Желая посовѣтоваться, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, государь вызывалъ къ себѣ лицъ, къ которымъ питалъ довѣріе, чтобы выслушать ихъ мнѣніе. Среди нихъ были: графъ Сольскій, баронъ Будбергъ, А. С. Танѣевъ, князь Владиміръ Орловъ, графъ Гейденъ, графъ Паленъ, генералъ - адъютантъ Рихтеръ и Побѣдоносцевъ.

8 октября государь получилъ письмо отъ С. Ю. Витте съ просьбой объ аудіенціи.

Послѣ аудіенціи, данной 9-го октября, распространился слухъ, что Витте посовѣтовалъ государю дать конституцію. и брался провести это пре-

---

*) Статсъ - секретарь, Сергѣй Ефимовичъ Крыжановскій, государственный секретарь (начальникъ канцеляріи государственнаго совѣта). Составитель всѣхъ законопроектовъ того времени. Пользовался въ сферахъ репутаціей тонкаго юриста.

образованіе. У всѣхъ отлегло на душѣ. Явилась надежда, что неопредѣленное, напряженное положеніе, наконецъ, кончится. Говорили, что Витте предложилъ государю дилемму: либо конституцію, либо диктатуру. Поэтому государь вызвалъ въ Петергофъ вел. кн. Николая Николаевича, охотившагося въ это время у себя въ имѣніи „Першино", Орловской губ. Правые круги съ восторгомъ приняли извѣстіе о вызовѣ Николая Николаевича, разсчитывая на его энергичную диктатуру. Гр. Фредериксъ также разсчитывалъ, что вел. кн. поддержитъ государя и успѣетъ подавить крамолу, послѣ чего можно будетъ думать о конституціи.

Въ виду общаго недовѣрія, которое внушалъ Витте, злые языки говорили, что своими мѣропріятіями онъ стремится свергнуть монархическій строй и стать президентомъ республиканской Россіи.

10 октября Витте вновь былъ вызванъ въ Петергофъ. Здѣсь въ присутствіи императрицы Александры Федоровны, онъ вновь повторилъ свой докладъ. Но и послѣ повторнаго доклада государь не далъ Витте никакого отвѣта.

Въ женской свитѣ говорили, что государыня все это время очень волновалась, боясь, что Витте втянетъ государя въ такую комбинацію, при которой царь отъ Витте не сможетъ отдѣлаться, а въ преданность послѣдняго его величеству она никакъ не вѣрила.

13-го Витте получилъ отъ государя телеграмму: „Впредь до утвержденія закона о кабинетѣ, поручаю вамъ объединить дѣятельность министровъ, которымъ ставлю цѣлью возстановить порядокъ повсемѣстно. Только при спокойномъ теченіи государственной жизни возможна совмѣстная созидательная работа правительства съ имѣющими быть свободно выбранными представителями народа моего".

Текстъ этой телеграммы я получилъ отъ гр. Фредерикса, которому она была передана составлявшимъ ее княземъ Орловымъ.

Очевидно было, что государь стремился этой телеграммой переложить отвѣтственность на Витте, поручая ему подавленіе безпорядковъ. Но мнѣ было также ясно, что Витте увильнетъ отъ исполненія этого повелѣнія. И, дѣйствительно, на слѣдующее утро Витте прибылъ въ Петергофъ и доложилъ, что однимъ механическимъ объединеніемъ министровъ, смотрящихъ въ разныя стороны, смуту успокоить нельзя. Во время этого свиданія обсуждался вопросъ, издать ли манифестъ, или удовольствоваться утвержденіемъ всеподданнѣйшаго доклада Витте. С. Ю. настаивалъ на послѣднемъ, какъ на менѣе связывающемъ государя актѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, Витте собралъ у себя совѣщаніе нѣкоторыхъ министровъ и Трепова для обсужденія мѣръ по возстановленію желѣзнодорожнаго движенія между столицею и Петергофомъ. Военный министръ ген. Редигеръ и Треповъ заявили, что есть достаточно войскъ для подавленія безпорядковъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ, но нѣтъ техническихъ частей для возстановленія желѣзнодорожнаго движенія.

15-го гр. Витте отправился въ Петергофъ. На пароходѣ съ нимъ ѣха-

ли министръ двора, кн. А. Д. Оболенскій и управляющій дѣлами совѣта министровъ Вуичъ. Витте въ пути читалъ спутникамъ проектъ манифеста, написаннаго въ прошедшую ночь кн. Н. Д. Оболенскимъ.

По прибытіи въ Петергофъ, графъ Фредериксъ поѣхалъ домой, гдѣ я его встрѣтилъ. Министръ двора прошелъ переодѣваться. Въ это время прибылъ вел. кн. Николай Николаевичъ. Я его провелъ въ кабинетъ Фредерикса, но когда пошелъ предупредить графа, великій князь послѣдовалъ за мною и вошелъ въ уборную. Я удалился, напомнивъ графу, что черезъ нѣсколько минутъ ему надо ѣхать во дворецъ. Изъ кабинета я слышалъ громкій взволнованный голосъ Николая Николаевича. Чрезъ нѣсколько минутъ великій князь выбѣжалъ изъ уборной, вскочилъ въ свой коляску, сказалъ мнѣ: „Какъ я разочаровался", — и приказалъ его ожидать.

Предъ завтракомъ графъ мнѣ разсказалъ, что когда онъ, обрадованный пріѣздомъ Николая Николаевича, сказалъ ему, что его пріѣздъ ждали, чтобы назначить диктаторомъ, великій князь, будучи въ какомъ то неестественномъ возбужденіи, выхватилъ револьверъ и закричалъ: «Если государь не приметъ программы Витте и захочетъ назначить меня диктаторомъ, я застрѣлюсь у него на глазахъ изъ этого самого револьвера. Надо ѣхать къ государю. Я заѣхалъ къ тебѣ, чтобы сказать то, что только что сказалъ. Поддержи во что бы то ни стало Витте. Это необходимо для блага насъ и Россіи», — и затѣмъ вы видѣли . какъ онъ убѣждалъ, какъ сумасшедшій». Графъ добавилъ: «Прирожденная ольденбургская истерія, видимо, въ немъ развивается». Затѣмъ Фредериксъ мнѣ сообщилъ, что Витте докладывалъ государю въ присутствіи Николая Николаевича и генералъ - адъютанта Рихтера и что Николай Николаевичъ ставилъ Витте много вопросовъ.

Въ три часа вновь состоялось совѣщаніе у государя, на которомъ Витте прочелъ проектъ манифеста. Государь оставилъ проектъ у себя, велѣвъ графу зайти къ нему въ четыре часа. Около пяти часовъ дня Фредериксъ вернулся отъ государя и сказалъ мнѣ, что черезъ четверть часа мы ѣдемъ съ нимъ на миноносцѣ въ Петербургъ и чтобы я приказалъ по телефону его придворной каретѣ ждать его на Англійской набережной.

Когда мы съ графомъ очутились въ полутемной каютѣ миноносца, Фредериксъ вынулъ изъ своего портфеля три бумаги, оказавшіяся тремя проектами манифеста. Одинъ былъ составленъ Витте (князь Оболенскій), другой — Горемыкинымъ, третій — барономъ Будбергомъ. Фредериксъ сообщилъ мнѣ, что, по повелѣнію государя, мы еще сегодня вечеромъ отправимся къ Витте и постараемся добиться отъ него согласія на измѣненіе текста его проекта. Ознакомившись съ текстами всѣхъ трехъ проектовъ, я спросилъ графа: «А что будетъ, если Витте заупрямится и не захочетъ измѣнить текста своего проекта?"

— Все равно, государь его завтра подпишетъ и прикажетъ опубликовать.

— Но вѣроятнѣе всего, Витте будетъ настаивать на томъ, чтобы государь утвердилъ лишь его всеподданнѣйшій докладъ.

— На это государь никоимъ образомъ не согласится, — это было бы, по мнѣнію его величества, равносильно тому, какъ если бы Витте даровалъ Россіи конституцію. И такъ окончательно рѣшено — не откладывать, завтра же дать конституцію и назначить Витте предсѣдателемъ совѣта министровъ?

— Да, другого кандидата у государя нѣтъ. А о диктатурѣ нечего и думать. Николай Николаевичъ окончательно отказался.

— Если Витте будетъ знать истинное положеніе вещей, то мы, конечно, ничего отъ него не добьемся.

— Разверните все ваше краснорѣчіе и постарайтесь его уговорить. Для этого государь васъ и посылаетъ со мною.

— Для того, чтобы чего нибудь добиться, нужно, чтобы Витте думалъ, что въ случаѣ его отказа опубликованіе манифеста будетъ отложено, пока Треповъ не усмиритъ крамолу. Всѣ министры останутся на своихъ мѣстахъ. Вы начните съ того, что государь твердо рѣшилъ дать конституцію посредствомъ обнародованія манифеста, а затѣмъ поручите мнѣ обсудить съ С. Ю. его редакцію.

— Хорошо. Такъ и поведемъ наше засѣданіе. Я забылъ еще сказать вамъ, что государь приказалъ до переговоровъ съ Витте повидаться съ Треповымъ и обратить особое вниманіе на его мнѣніе о проектахъ. Вы поѣдете съ проектами прямо къ Трепову, послѣ чего поѣдемъ вмѣстѣ на Каменоостровскій, къ Витте.

Изъ показанныхъ ему проектовъ, Треповъ обратилъ серьезное вниманіе только на виттевскій. Послѣ маленькаго совѣщанія со мною, онъ своимъ крупнымъ, размашистымъ почеркомъ написалъ на поляхъ: „Нельзя обѣщать неисполнимое теперь же“ и „Лучше сначала подготовить исполненіе, а потомъ даровать. Такіе акты нельзя дѣлать спѣша“. Треповъ на словахъ поручилъ мнѣ передать, что если манифестъ выйдетъ съ текстомъ графа Витте, немедленно послѣ его опубликованія въ Петербургѣ послѣдуетъ кровопролитіе и, дѣйствительно, придется патроновъ не жалѣть.

Въ двѣнадцатомъ часу мы пріѣхали къ Витте и застали у него князя Н. Д. Оболенскаго. С. Ю. попросилъ графа Фредерикса разрѣшить Оболенскому принять участіе въ нашемъ совѣщаніи, и мы вчетверомъ перешли въ его кабинетъ.

Фредериксъ передалъ Витте всѣ три проекта. Тотъ прочиталъ ихъ и сказалъ: „Что же, если государю нравится болѣе редакція прочихъ двухъ, пусть онъ имъ и поручитъ провести ихъ въ жизнь. Да я и не стою за мою редакцію и держусь того мнѣнія, что никакого манифеста не нужно; пусть только государь утвердитъ мой докладъ“.

Фредериксъ твердо сказалъ, что относительно формы дарованія свободъ воля государя неуклонна, — дарованіе это должно послѣдовать въ

формѣ манифеста. Витте согласился, замѣтивъ, „значитъ, тогда мой текстъ манифеста государемъ принятъ?“ Фредериксъ промолчалъ.

Мнѣ нужно было, чтобы Треповъ сдѣлалъ свои помѣтки на поляхъ проекта, чтобы создать впечатлѣніе у Витте, что положеніе не безысходно, что Треповъ рекомендуетъ не торопиться съ изданіемъ манифеста, и если Витте будетъ несговорчивъ, то можетъ быть принятъ совѣтъ Д. Ф.. Графъ Фредериксъ молчалъ. Наступила пауза. Я сказалъ, что государь приказалъ ознакомить Витте съ мнѣніемъ о проектѣ Трепова. Тутъ только Витте обратилъ вниманіе на замѣтки на поляхъ и спросилъ меня: „Что же именно вы хотѣли бы измѣнить въ моемъ проектѣ?“

Въ своемъ разговорѣ съ Сергѣемъ Юльевичемъ Витте, я обратилъ его вниманіе на то, что вступленіе у Будберга написано красивѣе, и, притомъ, въ общемъ смыслѣ, обѣщаніе свободъ не такъ категорично и, въ частности, совсѣмъ умалчивается о свободѣ собраній, съ чѣмъ повременить было бы не безполезно. Витте кое съ чѣмъ согласился, и мы поспорили по поводу отдѣльныхъ выраженій и словъ болѣе двухъ часовъ. Онъ соглашался принять вступленіе Будберга, шелъ и на измѣненіе смысла отдѣльныхъ пассажей текста. Весь проектъ былъ испещренъ помѣтками, написанными совершенно неразборчивымъ почеркомъ Витте, и моими, и сталъ неудобочитаемъ. Въ переработанномъ видѣ текстъ мнѣ показался болѣе пріемлемымъ, чѣмъ первоначальный. Витте согласился съ новой редакціей и, вставъ, заявилъ: „Ну, довольно, а то мы окончательно испортимъ столь старательно выработанный текстъ А. Д. Оболенскаго“. Позвонилъ и приказалъ принести намъ закуску и вино. Я рѣшилъ, пока другіе будутъ закусывать, переписать проектъ начисто, чтобы избѣгнуть на утро возраженій Витте, что проектъ не такъ переписанъ и что-нибудь въ немъ искажено. Было рѣшено, что, по возвращеніи въ Петергофъ, текстъ для подписи государя будетъ переписанъ на машинкѣ въ моей канцеляріи, такъ какъ рондисты*) никоимъ образомъ не поспѣютъ его переписать. Пока всѣ закусывали, я успѣлъ переписать почти все введеніе.

Гр. Фредериксъ, обрадованный благополучнымъ концомъ нашего засѣданія, добродушно сказалъ: „Ну, слава Богу, что мы сговорились. Государь будетъ такъ радъ, что ему не придется подписывать манифестъ, который былъ ему не по душѣ“.

Это было катастрофой нашей дипломатической миссіи.

Я взглянулъ на графа; онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но, встрѣтившись со мною глазами, замолчалъ. Я продолжалъ переписывать.

Витте всталъ, прошелся по кабинету сталъ подъ портретомъ, подареннымъ ему императоромъ Вильгельмомъ, и сказалъ: „Бросьте, Александръ

---

*) Рондисты — писаря, спеціалисты по перепискѣ особо торжественныхъ бумагъ: манифестовъ, рескриптовъ, грамотъ и т. д. Такія бумаги переписывались только отъ руки, «рондо». Естественно, никакихъ помарокъ и подчистокъ не допускалось. Работа была чрезвычайно кропотливая и медленная. Манифестъ Витте былъ первой бумагой такого рода, написанной на пишущей машинкѣ.

Александровичъ, разбирать мои каракули! Я обдумалъ. Одно изъ двухъ: либо государь мнѣ довѣряетъ и тогда подпишетъ мой проектъ манифеста, какъ я его представилъ, либо не довѣряетъ, тогда пусть поручитъ это дѣло Будбергу, Горемыкину или кому другому, кого сочтетъ достойнымъ. Это мое послѣднее слово".

Мы всѣ встали. Фредериксъ подошелъ къ Витте, чтобы прощаться.

— Очень жалѣю, что зря заставилъ васъ просидѣть у меня всю ночь, — сказалъ Витте, — мнѣ слѣдовало вамъ это сразу сказать, но не хотѣлъ справдать моей репутаціи несговорчиваго, а вотъ пришлось это сдѣлать.

Мы сѣли въ карету. На дворѣ было уже утро. Ѣхали мы долго, молча. Наконецъ, Фредериксъ заговорилъ: „Неужели вы думаете, что Витте заупрямился послѣ моихъ словъ?"

Я отвѣтилъ утвердительно.

На Англійской набережной насъ ждалъ миноносецъ подъ парами. Придя въ каюту, я попросилъ капитана дать мнѣ большую рюмку коньяку, закусилъ ломтемъ чернаго хлѣба и тотчасъ же заснулъ на диванѣ, какъ убитый. Проснулся, когда подходили къ Петергофу. Фредериксъ, съ большой сигарой во рту, сидѣлъ за столомъ въ той же позѣ, въ которой я его видѣлъ предъ тѣмъ, какъ заснулъ. Я спросилъ, нужно ли къ 10 часамъ приготовить манифестъ къ подписи. Онъ отвѣтилъ: „Къ сожалѣнію, да. Хорошо, что вы отдохнули и поспали. Я вамъ завидовалъ. Я такъ глазъ и не сомкнулъ. Старость".

Никогда больше мы о нашей миссіи у Витте съ гр. Фредериксомъ не говорили.

По возвращеніи въ Петергофъ, я немедленно приступилъ въ моей канцеляріи къ диктовкѣ манифеста въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ написанъ рукою кн. Оболенскаго. Кончилъ я эту работу къ девяти часамъ утра и передалъ ее министру, отправившемуся съ докладомъ къ государю. Черезъ часъ онъ вернулся и объявилъ мнѣ, что государь рѣшилъ подписать манифестъ и приказалъ вызвать Витте. Я отправился въ канцелярію наблюдать за перепиской всеподданнѣйшаго доклада С. Ю. Нѣсколько экземпляровъ манифеста были переданы на телеграфъ, съ указаніемъ немедленно отправить по подписаніи оригинала его величествомъ, дабы еще 17-го манифестъ былъ полученъ на мѣстахъ. Оригиналъ манифеста, перечеркнный руками С. Ю. и моей, съ помѣтками Трепова, я спряталъ въ свой личный архивъ, гдѣ онъ находится и по сію пору, скрытымъ въ Россіи.

Около пяти часовъ дня прибылъ къ Фредериксу Витте и, по прочтеніи манифеста и доклада, они вмѣстѣ отправились къ государю, у котораго уже находился великій князь Николай Николаевичъ. Въ шесть часовъ съ минутами графъ Фредериксъ телефонировалъ мнѣ, что манифестъ подписанъ его величествомъ, и можно приступить къ его разсылкѣ.

Меня, разумѣется, очень интриговала причина страннаго поведенія великаго князя Николая Николаевича и его горячая поддержка Витте.

Вскорѣ я узналъ отъ лицъ, близкихъ къ великому князю, что въ день его пріѣзда его посѣтилъ рабочій экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ Ушаковъ и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, чрезвычайно взволновавшій в. кн. Ушаковъ былъ однимъ изъ вожаковъ рабочихъ, остававшихся преданными монархическому строю. Его представилъ великому князю нѣкто Нарышкинъ, бывшій на охотахъ великаго князя въ Першинѣ. Нарышкинъ, въ свою очередь, исполнялъ въ этомъ случаѣ желаніе пресловутаго князя Андроникова, познакомившаго его съ Ушаковымъ. О князѣ Андрониковѣ, этомъ феноменальномъ интриганѣ, я буду говорить въ другомъ мѣстѣ моихъ воспоминаній. Скажу сейчасъ, что ему удалось быть принятымъ государемъ и государынею и почти всѣми министрами. Онъ мнѣ жаловался, что только два министра не хотятъ ни за что его принять: Фредериксъ и Витте. Кончилось тѣмъ, что онъ все же умудрился втереться къ Фредериксу, и единственный, который такъ до конца его и не принялъ, былъ Витте. Ко мнѣ онъ явился съ заявленіемъ, что императрица приказала освободить начинаемую имъ газету отъ придворной цензуры. Я ему въ этомъ наотрѣзъ отказалъ и доложилъ объ этомъ государынѣ, но такъ и не понялъ, дѣлала ли она вышеуказанное распоряженіе. Для меня осталось загадкой, было ли свиданіе Ушакова съ великимъ княземъ плодомъ интриги какой либо партіи или отдѣльнаго заинтересованнаго лица.

18-го октября, въ первый день конституціонной Россіи, мы шли съ гр. Фредериксомъ на миноносцѣ въ Петербургъ. Съ нами ѣхало довольно много лицъ государевой свиты. День былъ свѣжій, но солнечный. Всѣ казались оживленными и бодрыми. Не знаю, что переживали другіе, но я внутренне тревожился за то, въ какомъ состояніи мы найдемъ Петербургъ. Мы вошли въ Неву и поплыли мимо верфей, фабрикъ и заводовъ. Мѣстами замѣчались скопленія рабочихъ. Кое гдѣ мелькали красные флаги. На Васильевостровской набережной — необычайное движеніе. Тутъ уже видны, кромѣ красныхъ флаговъ, и лозунги, и плакаты. Подходимъ къ Англійской набережной. Къ нашей группѣ на палубѣ вышелъ графъ Фредериксъ: — „Ну, что же, видъ Петербурга оживленный и праздничный". — „Такъ точно, ваше сіятельство. Даже вашу академію художествъ украсили краснымъ флагомъ". — Графъ посмотрѣлъ на зданіе академіи. «Какъ же графъ Иванъ Ивановичъ*) могъ это допустить?»

Въ это время мы причалили. На Англійской набережной была густая толпа. У выхода съ пристани стояла придворная карета министра съ кучеромъ въ красной придворной ливреѣ, въ треуголкѣ съ плюмажемъ. Къ министру подошелъ встрѣтившій нашъ миноносецъ адъютантъ морского министра ст. лейтенантъ Зилотти и доложилъ графу, что благоразумнѣе было бы не ѣхать въ каретѣ, такъ какъ только что были слухи, что

*) Графъ Иванъ Ивановичъ Толстой, гофмейстеръ, тов. президента имп. академіи художествъ. Былъ недолгое время министромъ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Витте.

толпа останавливала экипажи и высаживала сѣдоковъ. А тутъ еще бросающаяся въ глаза красная ливрея.

— У васъ здѣсь форменный бунтъ!?

— Точно такъ. Толпа съ утра наполнила всѣ улицы. Я еле пробрался отъ Зимняго дворца, который окруженъ войсками, но на улицахъ ни войскъ, ни полиціи не видно. Должно быть, ихъ запрятали во дворахъ домовъ.

Мы съ графомъ, по его настоянію, сѣли въ карету и сначала тронулись рысью, но скоро пришлось перейти на шагъ. Слышалась площадная ругань, и въ карету полетѣло нѣсколько камней. Труднѣе всего было проѣзжать у Николаевскаго моста и свернуть къ конногвардейскимъ казармамъ. Все же мы благополучно доѣхали до дома министра на Почтамтской улицѣ. Оттуда я пошелъ пѣшкомъ къ Д. Ф. Трепову, въ домъ министерства внутреннихъ дѣлъ, на Мойкѣ.

Треповъ мнѣ разсказалъ, что вчера поздно ночью, ему телефонировалъ Витте, прося дать инструкціи полиціи не мѣшать народу ликовать по случаю манифеста о свободахъ. Треповъ отвѣтилъ, что имъ приняты мѣры, что бы не допустить толпу врываться во дворцы и казенныя зданія. Если толпа будетъ только ликовать, то, конечно, ей въ этомъ никто мѣшать не собирается. Онъ лично думаетъ, что, вмѣсто ликованія, будутъ столкновенія съ полиціею и войсками и прольется немало крови. Треповъ тутъ же добавилъ, что пока еще стрѣлять не пришлось; самыми опасными пунктами онъ считаетъ площадь Зимняго дворца и Литейный мостъ, гдѣ ждетъ вспышки безпорядковъ. Безпокоило его то обстоятельство, что въ виду просьбы Витте не препятствовать „ликованію“, нельзя было мѣшать наплыву толпы съ окраинъ столицы и пригородовъ. Все же сегодня, „въ день праздника“, онъ съ толпою справится. А вотъ завтра надо ожидать организованныхъ безпорядковъ, но тогда онъ толпу по всему городу не пуститъ и поэтому будетъ легче водворить порядокъ.

— Послѣ сегодняшнихъ событій, — продолжалъ Треповъ, — Витте меня больше учить не будетъ, и я, до моего ухода съ должности, справлюсь съ Петербургомъ. Важно, какія у насъ завтра будутъ извѣстія изъ провинціи.

Когда я вернулся къ министру двора, чтобы передать ему мой разговоръ съ Треповымъ, мы впервые въ этотъ день услышали стрѣльбу залпами со стороны Зимняго дворца.

Начиная со слѣдующаго дня, порядокъ въ городѣ сталъ постепенно возстанавливаться. Улицы казались опустѣвшими. На третій день министръ приказалъ директору имп. театровъ Теляковскому возобновить спектакли, послѣ чего начались представленія и въ частныхъ театрахъ. Жизнь столицы постепенно входила въ нормальную колею.

Однако, дворъ, несмотря на позднюю осень, оставался еще въ Петергофѣ.

Желѣзнодорожная забастовка не была еще полностью ликвидирована.

Оставаясь почти безвыѣздно въ Петергофѣ, я это время не видѣлся съ Треповымъ, но узналъ, что онъ устно просилъ графа Витте освободить его отъ занимаемыхъ должностей. Недѣли черезъ двѣ графъ Фредериксъ мнѣ сообщилъ, что государь рѣшилъ назначить Трепова дворцовымъ комендантомъ.

Реформа, проведенная Треповымъ на посту дворцоваго коменданта и заключавшаяся въ томъ, что онъ объединилъ въ своихъ рукахъ всю охрану государя, подчинивъ себѣ полицію, пока на посту оставался Треповъ, бывшій въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ графомъ Фредериксомъ, не имѣла непріятныхъ результатовъ. Къ сожалѣнію, реформа эта, имѣвшая временный характеръ, сохранилась и при преемникахъ Трепова. Особенно вредно она отразилась при послѣднемъ комендантѣ ген. Воейковѣ. Гр. Фредериксъ былъ уже очень старъ и часто болѣлъ; я въ это время получилъ назначеніе въ Румынію. Воейкова сдерживать было некому, и онъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, сталъ полнымъ и безотвѣтственнымъ распорядителемъ полиціи и первымъ лицомъ въ окруженіи государя.

Позволю себѣ привести любопытное свидѣтельство К. С. Немѣшаева, начальника Ю.-З. желѣзныхъ дорогъ, пріѣхавшаго по приглашенію Витте занять постъ министра путей сообщеній, о томъ, что происходило на Невскомъ.

Пріѣхавъ только наканунѣ, Немѣшаевъ захотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается на улицахъ. Пробравшись черезъ толпу у Гостинаго двора, онъ съ трудомъ перешелъ на другую сторону Невскаго и сталъ на ступеняхъ у входа въ ресторанъ „Доминикъ", откуда и наблюдалъ за толпою. Она все росла. Патрули городовыхъ, несмотря на всѣ старанія, не могли заставить ее двигаться. То тутъ, то тамъ влѣзали на возвышенія какіе то люди и что то выкрикивали. Толпа запѣвала „Марсельезу", которая неизмѣнно оканчивалась крикомъ, непохожимъ на ура.

Вдругъ отъ Николаевскаго вокзала появились казаки, идущіе полной рысью по обоимъ тротуарамъ Невскаго, съ пиками на перевѣсъ. Толпа бросилась врассыпную. Немѣшаева столкнули со ступеней на панель. Прямо на него неслись казаки. Въ это время проѣзжалъ извозчикъ, съ пролетки котораго сѣдокъ кричалъ что-то толпѣ. Немѣшаевъ вскочилъ на подножку, но, поскользнувшись, упалъ поперекъ дрожекъ. Въ это время подскакалъ казакъ и нанесъ нѣсколько ударовъ нагайкой оратору, который соскочилъ въ толпу. Казакъ заставилъ извозчика свернуть къ Гостиному двору. Увидя въ это время лежащаго въ дрожкахъ Немѣшаева, онъ успѣлъ ему дать нѣсколько ударовъ нагайкой пониже спины.

Такъ получилъ боевое крещеніе новый министръ конституціоннаго правительства.

Витте составлялъ свой кабинетъ, какъ извѣстно, довольно долго и встрѣтилъ не мало трудностей въ выборѣ лицъ. Надо сказать, что госу-

дарь въ это время не только не оказывалъ давленія на С. Ю. въ смыслѣ указанія кандидатовъ, но не отвергалъ и предлагаемыхъ.

Кандидатуру Федора Самарина, предложенную Витте, государь принялъ даже съ радостью, но Самаринъ, вызванный въ Петербургъ, наотрѣзъ отказался вступить въ кабинетъ, не сочувствуя программѣ Витте. С. Ю. былъ такъ этимъ смущенъ, что попросилъ Самарина свой отказъ изложить письменно, дабы представить его государю въ доказательство того, что Самаринъ не сталъ министромъ по его собственному нежеланію.

Нѣсколько человѣкъ, намѣченныхъ Витте, такъ-же отказались, подобно Самарину и Таганцеву. Нѣкоторые это дѣлали по принципіальнымъ соображеніямъ, другіе, зная одинокость С. Ю. при дворѣ и въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ, не хотѣли связывать съ нимъ своей карьеры Къ тому же, какъ я уже нѣсколько разъ упоминалъ, въ это время было чрезвычайно мало людей, достойныхъ назначенія на отвѣтственные посты. Все это, вмѣстѣ взятое, съ одной стороны объясняетъ трудное положеніе, въ которомъ былъ С. Ю., а съ другой — предопредѣлило, что, въ концѣ концовъ, имъ составленный кабинетъ никого не удовлетворилъ, въ томъ числѣ и самого Витте. Достаточно вспомнить, что въ первый конституціонный кабинетъ вошелъ министромъ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, извѣстный своими консервативными взглядами, который позже возглавлялъ крайне правую группу въ государственномъ совѣтѣ.

Министра народнаго просвѣщенія въ новомъ кабинетѣ, графа И. И. Толстого я зналъ очень хорошо. Онъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ, подчиненной министерству двора. Графъ Толстой былъ человѣкъ прямой, честный и съ большимъ чувствомъ такта. У меня осталось впечатлѣніе, что онъ очень хорошо справлялся во время волненій 1905 г. со студентами высшихъ учебныхъ заведеній, а также умѣлъ поддержать лойяльныя отношенія съ профессорами. Сочувствуя реформаторской политикѣ Витте, онъ управлялъ министерствомъ въ духѣ умѣреннаго либерализма. Поэтому гр. Иванъ Ивановичъ не почелъ для себя возможнымъ остаться, несмотря на полученное предложеніе, въ кабинетѣ Горемыкина. считая, что новый премьеръ возстановитъ бюрократически-консервативное направленіе, а такіе рѣзкіе повороты Толстой считалъ весьма вредными.

Черносотенная пресса долго занималась отставкою графа Толстого, подыскивая для нея причины обидныя и даже оскорбительныя.

Вспоминаю одинъ разговоръ съ ген. Петромъ Семеновичемъ Ванновскимъ, во время моего дежурства, въ качествѣ флигельадъютанта, въ пріемной государя. Ванновскій былъ тогда министромъ народнаго просвѣщенія. Въ свое время, когда онъ еще былъ военнымъ министромъ, я довольно продолжительное время былъ его личнымъ адъютантомъ и пользовался полнымъ его расположеніемъ.

Въ ожиданіи доклада у государя, мы разговорились. Генералъ меня спросилъ: — Кто это нашептываетъ государю разныя небылицы, которыя, по провѣркѣ, оказываются сплошнымъ вздоромъ?

Я откровенно отвѣтилъ, что всѣ лица ближайшей свиты настолько дисциплинированны и осторожны, что не станутъ передавать государю непровѣренныхъ слуховъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, эти слухи передаются съ дамской стороны. Тѣмъ хуже, потому что бороться противъ этого невозможно. Но это еще болѣе затрудняетъ и безъ того нелегкіе для меня доклады.

— Неужели для васъ доклады трудны, вѣдь государь вамъ абсолютно довѣряетъ?

— Довѣрять-то довѣряетъ, но что-то „ежится" при моихъ докладахъ.

— Что вы хотите сказать словомъ „ежится"?

— А помните смотръ Александромъ III Усть-Ижорскаго лагеря? Тогда насъ промочилъ проливной дождь. Я обратилъ ваше вниманіе на то, что наслѣдникъ Николай Александровичъ ежился подъ дождемъ. Вотъ, во время моихъ докладовъ, государь точно такъ же ежится; а мнѣ изображать изъ себя дождь не очень пріятно.

— А вы знаете, ваше высокопревосходительство, а вѣдь и я ежился при первыхъ докладахъ вамъ. Вѣдь вы бываете иногда крутоваты въ своихъ сужденіяхъ, и къ этому надо привыкнуть.

— Пожалуй, вы правы, но такъ какъ, очевидно, государь привыкнуть не можетъ, то я ищу себѣ замѣстителя, который умѣлъ бы мягче докладывать, но при этомъ говорилъ бы правду. Ищу, ищу, но никакъ найти не могу.

Привожу этотъ разговоръ потому, что убѣжденъ, что при докладахъ графа Витте государь, именно, ежился и потому всячески ихъ укорачивалъ, удѣляя больше вниманія и времени докладамъ отдѣльныхъ министровъ.

Нѣсколько словъ о Ванновскомъ. Александръ III, критически относившійся къ послѣднимъ годамъ царствованія своего отца, высказывалъ особое возмущеніе назначеніямъ по арміи по происхожденію, связямъ и протекціямъ. Назначая Ванновскаго военнымъ министромъ, государь ему далъ простое и категорическое указаніе: назначенія только по старшинству.

И надо отдать справедливость ген. Ванновскому, что онъ слѣдовалъ этой директивѣ неуклонно, чѣмъ, правду сказать, возстановилъ противъ себя дворъ и вліятельные круги.

Нѣсколько прямолинейная справедливость Ванновскаго завоевала ему большую популярность въ широкихъ армейскихъ кругахъ, но имѣла то печальное послѣдствіе, что къ моменту рѣшительныхъ военныхъ событій (русско-японская война) наша армія была совершенно лишена подготовленныхъ кандидатовъ на командныя должности. А тѣ генералы, которые эти должности занимали и къ нимъ были подготовлены, по своей предѣльной старости, врядъ ли оказывались на что либо годными.

Возвращаясь къ воспоминаніямъ объ отношеніяхъ государя и Витте, я долженъ съ полной увѣренностью сказать, что царь не только не довѣрялъ своему премьеру, но видѣлъ въ немъ соперника во вліяніи и попу-

лярности. Пассивно сопротивляясь законодательной дѣятельности премьера тѣмъ, что не давалъ хода всѣмъ его проектамъ, государь тѣмъ не менѣе не рѣшался разстаться съ нимъ до водворенія нормальнаго порядка и выборовъ въ думу. Въ многочисленныя комиссіи, разсматривавшія законопроекты соціально - экономическаго порядка, государемъ были введены лица, явно враждебные Витте, какъ, наприм., графъ Алексѣй П. Игнатьевъ, всячески тормозившій дѣло. Успѣшности работы мѣшали также разногласія и интриги между самими министрами. Удѣляя больше вниманія отдѣльнымъ министрамъ, чѣмъ предсѣдателю комиссіи, и такимъ образомъ его изолируя, царь не способствовалъ единенію и коллегіальной работѣ. И даже тогда, когда Витте, при его невѣроятной настойчивости, удавалось законопроектъ протащить черезъ всѣ инстанціи, онъ оставался лежать у государя безъ рѣшающей его судьбу резолюціи.

А въ то же время мнѣ доподлинно извѣстно, что Витте являлся къ власти съ детально разработанной программой, въ которой были предусмотрѣны финансовыя реформы, крестьянское землеустройство, рабочее законодательство и пр.

Прекрасно сознавая, что онъ пришелъ къ власти только въ виду общей растерянности и отсутствія соперниковъ, С. Ю. предполагалъ быстрыми и рѣшительными мѣрами ввести оздоровленіе въ жизнь страны, завоевать себѣ популярность въ широкихъ общественныхъ кругахъ и поддержку со стороны прессы. Тѣмъ самымъ Витте думалъ сдѣлать свою личность незамѣнимой для государя, поставивъ его въ невозможность уволить въ отставку, и такимъ образомъ получить свободу дѣйствій.

Этотъ планъ ни въ какой степени не удался.

Въ заключеніе я приведу мнѣніе о Витте, такого наблюдательнаго и опытнаго государственнаго дѣятеля, какъ князь Бюловъ.

За ужиномъ „à deux" въ ресторанѣ Борхардта, Бюловъ сказалъ Витте, что, по его мнѣнію, онъ былъ хорошимъ министромъ при Александрѣ III, былъ бы еще болѣе на мѣстѣ при Николаѣ I. Николаю II онъ былъ также полезенъ, пока царь былъ самодержцемъ, хотя бы только по званію. Но у Витте нѣтъ ни одного изъ качествъ, нужныхъ для исполненія обязанностей премьера при парламентарномъ режимѣ.

Витте обиженно отвѣтилъ, что онъ настроенъ либерально и сумѣетъ сотрудничать съ парламентомъ, который думаетъ приручить. Бюловъ сказалъ, что, не отрицая его либерализма и европейской культуры, считаетъ, что способъ мышленія Витте русскій, старой школы. Поэтому открытые шлюзы русскаго парламентаризма его перваго и смоютъ.

Впослѣдствіи, послѣ свиданія въ Норденей, Бюловъ писалъ, что Витте внѣшне очень напористъ, но подъ этой напористостью не кроется настоящей непоколебимой энергіи.

Невольно напрашивается сравненіе двухъ такихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, какъ Бюловъ и Витте. Оба, въ своихъ мемуарахъ, обвиняютъ монарховъ. Если Бюловъ жалуется на неожиданность

поступковъ Вильгельма, его самостоятельность и стремленіе къ деспотизму, но дѣлаетъ это въ корректной и скрытой формѣ, то Витте, съ нескрываемой желчью и озлобленіемъ, упрекаетъ государя въ безхарактерности, трусости и двуличности.

Разница въ изложеніи и чувствахъ объясняется тѣмъ, что въ то время, какъ князь Бюловъ и его супруга были любимцами и баловнями берлинскаго двора, Витте при дворѣ терпѣли по необходимости, а супругу его, какъ я уже говорилъ выше, совсѣмъ не принимали. Постоянные уколы личнаго самолюбія вполнѣ понятно озлобили супруговъ Витте. Я часто слышалъ въ окруженіи императрицъ, да и въ дипломатическихъ кругахъ, что демонстративно пышные пріемы, устраивавшіеся въ особнякѣ Витте, на которыхъ бывалъ весь свѣтъ и многіе великіе князья, дѣлались съ цѣлью подчеркнуть алчность и безпринципность высшихъ круговъ петербургскаго общества.

Лично приписываю устройство графинею этихъ вечеровъ лишь тщеславному ея желанію выявлять свою популярность въ высшихъ кругахъ нашей знати.

Послѣ кончины Витте въ началѣ войны, государю было угодно поручить генералъ - адъютанту К. К. Максимовичу совмѣстно со мною разобрать оставшіяся послѣ С. Ю. бумаги, находившіяся въ его домѣ на Каменноостровскомъ. Между немногочисленными найденными нами дѣлами ничего не оказалось политически интереснаго. Мы, разумѣется, старались найти дневникъ С. Ю., о которомъ столь много говорилось. Однако, нашлось только, отчасти рукою графа писанное, подробное оглавленіе «Воспоминаній». На наши вопросы, гдѣ находится дневникъ, Матильда Ивановна намъ заявила, что ничего не знаетъ, въ чемъ и дала подписку. По докладу Максимовича царю о результатахъ возложеннаго на насъ порученія, государь подробно прочелъ оглавленіе и выразилъ сожалѣніе, что намъ не удалось разыскать самый дневникъ, прибавивъ: «Могу себѣ представить, что онъ тамъ только про меня не писалъ».

ГЛАВА VI.

Распутинъ

1. БОЛѢЗНЬ НАСЛѢДНИКА.

Въ 1912 г. въ Спалѣ, цесаревичъ, причаливая лодку, сдѣлалъ усиліе ногою, у него открылось кровотеченіе въ паху. Несчастный ребенокъ страшно страдалъ. Императрица проводила всѣ ночи у его кровати. Было больно смотрѣть на нее и на государя, такъ они были неимовѣрно озабочены.

Лѣчили наслѣдника лейбъ-медикъ Е. С. Боткинъ, лейбъ-хирургъ профессоръ Федоровъ и выписанный изъ Петербурга лейбъ-педіатръ Раухфусъ. Хотя императрица и не позволяла печатать бюллетеней, министръ двора все же потребовалъ, чтобы врачи ежедневно ихъ составляли. Для сего они приходили въ мою комнату, и я присутствовалъ при обсужденіи ими положенія больного. Несмотря на всѣ средства, ими прописываемыя, кровотеченіе не останавливалось; они единогласно признавали положеніе бѣднаго маленькаго мученика весьма угрожающимъ.

Разъ вечеромъ Федоровъ остался послѣ ухода своихъ двухъ коллегъ и сказалъ мнѣ:

— Я съ ними не согласенъ. По-моему, надо бы примѣнить болѣе энергичныя средства. Къ сожалѣнію, они весьма опасны. Однако, лѣчи я одинъ, примѣнилъ бы. Какъ вы думаете, сказать мнѣ объ этомъ императрицѣ, или сдѣлать помимо ея вѣдѣнія?

Я отвѣтилъ, что не берусь давать совѣты, но, конечно, тотчасъ послѣ его ухода, передалъ этотъ разговоръ министру двора.

Графъ Фредериксъ, обсудивъ со мною положеніе, рѣшилъ доложить самому государю, на другой день о моемъ разговорѣ съ Федоровымъ. Однако, уже рано утромъ, графъ и я узнали, что въ апартаментахъ императрицы и наслѣдника царитъ большое волненіе. Государыня получила телеграмму отъ Распутина, сообщавшаго, что здоровье цесаревича исправится и что онъ вскорѣ освободится отъ страданій. Не привожу дальнѣйшихъ подробностей, т. к. онѣ уже извѣстны по воспоминаніямъ дамъ тогдашней свиты.

Какъ извѣстно, цесаревичъ страдалъ гемофиліей. Болѣзнь эта наслѣдственна и неизлѣчима, передаваясь отъ матери только къ сыновьямъ. Гемофилія проявляется въ неспособности крови сворачиваться. При ма-

лѣйшемъ раненіи наступаетъ кровоизліяніе, почти не поддающееся остановкѣ. Этою болѣзнью страдаетъ гроссъ-герцогскій Гессенскій родъ.

Въ два часа дня врачи пришли опять ко мнѣ, и первое, что они сказали, было, что кровотеченіе у цесаревича остановилось. При уходѣ, я задержалъ Федорова и спросилъ его, примѣнилъ ли онъ то лѣченіе, о которомъ говорилъ. Профессоръ махнулъ рукою и сказалъ, уже стоя въ дверяхъ:

— И примѣни я его, при сегодняшнихъ обстоятельствахъ въ этомъ не сознался бы!

Онъ поспѣшно ушелъ.

Императрица, въ первый разъ за все время болѣзни сына, вышла къ обѣду, и съ бодрымъ видомъ объявила, что боли у цесаревича прекратились и что «черезъ недѣлю мы ѣдемъ въ Петербургъ». Присутствовавшіе при этомъ врачи казались растерянными, такъ какъ государыня объ отъѣздѣ съ ними не совѣтовалась. Послѣ обѣда ея величество позвала меня и приказала наблюсти за тѣмъ, чтобы дорогу до вокзала починили, дабы не было толчковъ при перевозкѣ больного ребенка.

Ровно черезъ недѣлю мы выѣхали, и я видѣлся и говорилъ съ наслѣдникомъ, весело игравшимъ въ своей кроваткѣ; очевидно, онъ не ощущалъ никакой боли.

По словамъ императрицы, это было уже не первый разъ, что старецъ спасалъ жизнь наслѣдника.

Полагаю, что разсказанный мной выше случай, при мистической по природѣ натурѣ императрицы, заставилъ ее вѣрить всему, что ни скажетъ Распутинъ. А говорилъ хитрый мужикъ, что жизнь Алексѣя Николаевича и все существованіе дома Романовыхъ, — да вообще все благо Россіи, — зависитъ отъ его молитвъ: „послѣ его смерти все пойдетъ прахомъ". Это мнѣ передалъ низшій персоналъ служащихъ при государынѣ. Не думаю, чтобы царь этому вѣрилъ, но допускаю, что нѣкоторый суевѣрный страхъ вкрался и въ его душу послѣ этого случая.

2. ПРИМАДОННА И ДЬЯКОНЪ.

Нѣкоторыя сношенія съ Распутинымъ у меня начались по слѣдующему поводу:

Однажды мнѣ доложили, что неизвѣстная дама настаиваетъ на „отдѣльномъ" пріемѣ. Вошла довольно подозрительнаго вида дама, въ глубоко декольтированномъ, чуть не бальномъ платьѣ, и протянула мнѣ записку. Я моментально узналъ единственный въ своемъ родѣ почеркъ Распутина:

„Милой. Сдѣлай для нее. Она хорошая.

Григорій".

Я въ то время Распутина лично еще не зналъ

Дама объяснила, что желаетъ быть принятой солисткою въ оперу.

Несмотря на то, что я терпѣливо и ясно изложилъ ей порядокъ поступленія въ императорскую оперу, и что я въ этомъ дѣлѣ безсиленъ, она

долго еще не уходила, стремясь помочь дѣлу силою своихъ чаръ. Съ такою же запискою явился однажды какой-то дьяконъ, почувствовавшій влеченіе къ сценѣ. Онъ мнѣ заявилъ, что отецъ Григорій „благословилъ“ его на это дѣло.

3. ДѢЛО Т. А. РОДЗЯНКО.

Болѣе близко познакомился я съ методами Распутина изъ дѣла Т. А. Родзянко. Въ краткихъ словахъ, оно заключалось въ слѣдующемъ:

Царская семья пребывала въ Ливадіи. Въ Ялтѣ въ это время жила Тамара Антоновна Родзянко. Она была дочерью моего товарища по полку, Новосильцева, и я ее хорошо и близко зналъ съ дѣтства. Выйдя замужъ за племянника бывшаго предсѣдателя государственной думы М. В. Родзянко, она уѣхала со своимъ мужемъ въ Италію. Тамъ между ними произошла какая-то исторія, подробностей которой я не знаю. Въ результатѣ мужъ посадилъ Тамару Антоновну въ сумасшедшій домъ, изъ котораго она выбралась черезъ годъ или полтора, и пріѣхала въ Россію Но Родзянко забралъ къ себѣ дѣтей, что для нея было большимъ горемъ.

Однажды, въ Ливадіи, меня просила оберъ-гофмейстерина, Елисавета Алексѣевна Нарышкина помочь составить письмо барону Будбергу (главный управляющій канцеляріей по принятію прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ), съ просьбой пересмотрѣть дѣло Т. А. Родзянко и сдѣлать все возможное для возвращенія ей дѣтей. Елисавета Алексѣевна пояснила мнѣ, что государыня принимала въ частной аудіенціи Тамару Антоновну и, послѣ длительнаго разговора съ нею, признала несправедливымъ содѣянное по отношенію къ ней; государыня хочетъ ее поддержать.

Составивъ письмо, я поѣхалъ къ Т. А., жившей въ гостиницѣ „Россія“, и разсказалъ ей, желая ее обрадовать, о только-что составленномъ мною письмѣ. На мой вопросъ, какъ это случилось, что государыня ее приняла, тогда какъ раньше ея величество относилось къ ней недоброжелательно, Т. А. мнѣ сообщила, что это свиданіе устроилъ Распутинъ, съ которымъ она познакомилась по настоянію подруги своей, Головиной. Тутъ же она мнѣ сказала, что на другой день пойдетъ благодарить Распутина.

На слѣдующій день меня вызвала по телефону Т. А. и взволнованнымъ голосомъ просила къ ней пріѣхать. Чрезвычайно возбужденная, она мнѣ разсказала, что, когда она пришла къ Распутину, всѣ дамы, находившіяся въ это время въ комнатѣ, угодливо-поспѣшно ушли, оставивъ ихъ вдвоемъ; Распутинъ немедленно набросился на нее съ ласками. Т. А. дала ему пощечину. . . .

Черезъ день или два, встрѣтивъ Нарышкину, я спросилъ ее о судьбѣ письма.

— Ахъ, знаете, императрица приказала его не отправлять, такъ какъ Родзянко ввела ея величество въ заблужденіе и разсказала неправду. . .

Съ этого времени я сталъ замѣчать измѣненіе отношенія ко мнѣ государыни. Она избѣгала говорить со мной, а если говорила, то очень

коротко. Дѣло обернули такъ, будто бы я протежировалъ Т. А. и чуть было не уговорилъ императрицу вступиться за нее, а вотъ Распутинъ открылъ царицѣ глаза и спасъ ее отъ несправедливаго шага.

Я разсказалъ всю исторію графу Фредериксу. Тотъ былъ очень возмущенъ и все повторялъ:

— Какой мерзавецъ!

4. ВСТРѢЧА СО СТАРЦЕМЪ.

Лѣтомъ 1914 года въ Петербургъ пріѣхали мои добрые друзья Мдивани. Мужъ былъ начальникомъ штаба Севастопольской крѣпости. Вскорѣ по прибытіи государя въ Крымъ, Мдивани получилъ въ командованіе Эриванскій полкъ, который былъ на слѣдующій годъ вызванъ въ Ливадію для охраны. Впослѣдствіи Мдивани былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ.

Елисавета Викторовна Мдивани, женщина умная, оставалась въ Петербургѣ, и очень скоро стала своимъ человѣкомъ въ распутинскомъ кружкѣ. Однажды, воспользовавшись тѣмъ, что я былъ боленъ и никуда не выходилъ, она пріѣхала меня навѣстить. Послѣ краткаго вступленія, она приступила къ цѣли своего посѣщенія:

— Александръ Александровичъ, а вы знаете, что у васъ есть враги?

— Ну, разумѣется, знаю.

— А вы знаете, кто изъ нихъ самый главный и важный? Распутинъ. У него совершенно превратное о васъ впечатлѣніе. Онъ вамъ врагъ только потому, что васъ не знаетъ. Графъ Фредериксъ не любитъ Распутина, а тотъ думаетъ, что это происходитъ благодаря вашимъ интригамъ. Обязательно нужно васъ познакомить.

Я наотрѣзъ отказался.

Черезъ нѣсколько дней Елисавета Викторовна позвонила мнѣ по телефону и просила къ ней пріѣхать, говоря, что будетъ кое-кто изъ друзей. Я пытался отговориться, ссылаясь на срочную работу, но она настояла на своемъ.

Пріѣхавши къ 11 вечера въ Европейскую гостиницу, гдѣ Мдивани занимала апартаментъ, я засталъ у нея Головину и нѣсколькихъ другихъ лицъ изъ явнаго окруженія старца. Я спросилъ Елисавету Викторовну, не попалъ *ли въ ловушку и не ожидается ли* Распутинъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Распутина не будетъ...

Въ это время я переживалъ тяжелый кризисъ. Фредериксъ болѣлъ, все министерство двора лежало на мнѣ. Государыня относилась ко мнѣ все-таки плохо, непріятности и интриги сыпались на меня, какъ изъ рога изобилія. Въ виду болѣзненности своего состоянія, графъ не могъ оказывать мнѣ обычной поддержки и меня ободрить. Я думалъ подать въ отставку, и только преданность Фредериксу меня останавливала.

Въ это время раздался звонокъ. Всѣ засуетились. Распахнулись двери, и ввалился вдребезги пьяный Распутинъ. Меня назвали...

— А, Мосоловъ! Вотъ ты! Ну, давай знакомиться. Что же, ты меня не любишь? И „старикъ" твой меня не любитъ... Я пьяненькій... Ты на меня не смотри, что пьяненькій... Я понимаю!.. А вотъ, когда буду трезвый, мы съ тобою поговоримъ... Давай выпьемъ!

Онъ схватилъ меня за рукавъ и потащилъ къ столу. Мы выпили нѣсколько стакановъ вина.

— Ты приходи ко мнѣ... У меня всѣ бываютъ... И Витя (графъ Витте) ходитъ, и министры. А вотъ, ты и „старикъ" кобенитесь... За это и мама тебя не любитъ...

— Это ты устроилъ, что меня „мама" не любитъ?

— Да, я... А ты меня полюби, тебя и мама полюбитъ.

— Я противъ тебя ничего не имѣю. Ты хорошій человѣкъ. Кто выпиваетъ, у того душа есть. Я самъ люблю выпить...

— Ты ко мнѣ пріѣзжай... Выпьемъ и поговоримъ...

Онъ внялъ моему совѣту, что ему надо ѣхать спать, и убрался.

Выходя, я замѣтилъ, что моя шинель тяжко пострадала отъ Распутина. Елисавета Викторовна очень предо мною извинялась.

Черезъ нѣсколько дней, она вновь ко мнѣ пріѣхала. и заявила, что Распутинъ хочетъ непремѣнно со мною видѣться. Она меня уговаривала, что нельзя отказывать, и этимъ озлоблять старца. Я самъ это понималъ; но афишировать встрѣчу мнѣ никакъ не хотѣлось.

Мы остановились на томъ, что я встрѣчусь съ Распутинымъ совершенно конфиденціально, у товарища оберъ-прокурора синода Даманскаго.

Въ условленный часъ я пріѣхалъ къ Даманскому. Тотъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Затѣмъ провелъ черезъ коридоры и переходы синода въ свою частную квартиру; тамъ, въ задней комнаткѣ, меня уже ожидалъ Распутинъ.

Онъ былъ совершенно трезвъ, говорилъ умно и хитро, все время пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Онъ вновь заговорилъ о „старикѣ". Цѣль его свиданія со мной было установить добрыя отношенія съ графомъ Фредериксомъ. Онъ хотѣлъ, чтобы я въ этомъ смыслѣ повліялъ на своего министра. Поговоривъ, мы разстались.

Долженъ признаться, что очень скоро я замѣтилъ, какъ отношенія государыни ко мнѣ вновь измѣнились къ лучшему. Прошло еще нѣсколько времени. Мдивани пригласила меня къ ужину. Насъ должно было быть трое: хозяйка дома, Распутинъ и я. Согласился. Это было осенью 1916 г.*)

Мнѣ хотѣлось выпытать у Распутина причины, или, лучше сказать, сплетни, изъ за которыхъ я былъ въ немилости у императрицы. Этотъ обѣдъ втроемъ мнѣ давалъ возможность сдѣлать, что не удалось у Даманскаго.

---

*) Во время пребыванія ихъ величествъ въ Крыму, въ Ливадію вызывались для охраны царской семьи, полки, по наряду, со всей Россіи. На полковой праздникъ Лб. Эриванцевъ привезли изъ Ливадіи въ Красное село.

Къ назначенному часу мы собрались. Едва приступили къ супу, какъ вошелъ человѣкъ и доложилъ, что Григорія Ефимовича зовутъ къ телефону. Черезъ минуту вернулся Распутинъ, пошатываясь, съ искаженнымъ лицомъ, и сказалъ намъ, что произошла катастрофа: „Аннушку (Вырубова), ѣхавшую въ Царское Село, раздавилъ поѣздъ, и она при смерти". Онъ долженъ немедленно ѣхать въ Царское.

Я посовѣтовалъ взять одинъ изъ автомобилей гостиницы... Черезъ нѣсколько минутъ Распутинъ уѣхалъ.

Какъ извѣстно, Распутину удалось привести въ себя А. А. Вырубову, несмотря на безнадежное ея состояніе. Мнѣ говорили фрейлины, что, вернувшись въ дворецъ, императрица разсказывала объ этомъ, какъ о якобы произошедшемъ чудѣ.

5. ГОСУДАРЬ И РАСПУТИНЪ.

О томъ, какъ познакомился съ Распутинымъ, я, конечно, доложилъ Фредериксу. Тотъ не только не принялъ это плохо, но, напротивъ, обрадовался, разсчитывая, что мнѣ удобнѣе будетъ быть въ курсѣ вліянія старца на ихъ величества.

При этомъ добавлю, что много раньше, вскорѣ послѣ извѣстной бесѣды Коковцова съ царемъ о Распутинѣ, Фредериксъ тоже рѣшился говорить съ государемъ на тотъ же предметъ, и долго къ этому готовился. Но ему не удалось высказать всего, что хотѣлъ, такъ какъ императоръ съ первыхъ словъ его остановилъ, сказавъ:

— Милый графъ! Со мною уже много говорили о Распутинѣ... Я впередъ знаю все, что вы можете мнѣ сказать... Останемся друзьями, но объ этомъ больше не говорите.

Кромѣ этого, много позднѣе, Фредериксъ пытался вернуться къ этой темѣ, но опять безъ результата, встрѣтивъ еще болѣе сильный отпоръ.

Лица, менѣе вліятельныя, чѣмъ Фредериксъ, просто вылетали со службы за малѣйшее проявленіе непочтенія къ „старцу".

Сошлюсь на два наиболѣе яркихъ инцидента.

Князь Орловъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ людей, какъ царя, такъ и царицы. Завѣдуя автомобильнымъ дѣломъ, онъ видѣлся съ ихъ величествами чуть не каждый день.

Когда появился Распутинъ, Орловъ, какъ и многіе другіе, имъ сильно возмущался. Но, вдобавокъ къ этому, онъ имѣлъ неосторожность пустить въ обращеніе нѣсколько весьма ѣдкихъ словечекъ по адресу старца. Лица, завидовавшія его вліянію при дворѣ, преподнесли ихъ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ. Царица стала высказывать свое неудовольствіе Фредериксу, говоря, что Орловъ вмѣшивался въ то, что до него не касается и что она этого допустить не можетъ. Министръ передалъ Орлову, что ему слѣдуетъ быть осторожнѣе въ своихъ разговорахъ. Можно было надѣ-

яться, что, при большей сдержанности князя, недоразумѣніе удастся уладить.

Былъ назначенъ отъѣздъ на Штандартѣ. Когда Орловъ туда явился, царица позвала Фредерикса и заявила ему, чтобы графъ приказалъ князю съѣхать съ яхты, ибо ея величество не желаетъ его видѣть.

Фредериксъ пошелъ къ государю, но тотъ подчинился волѣ своей супруги.

Орлова просили, правда, подъ какимъ-то предлогомъ, сойти. Только доводами военнаго времени министру удалось удержать князя отъ отставки. Однако, когда императоръ назначилъ великаго князя Николая Николаевича намѣстникомъ на Кавказъ, то послѣдній просилъ государя перевести Орлова въ его распоряженіе и вскорѣ послѣ этого далъ ему завѣдываніе гражданской частью края.

Второй инцидентъ произошелъ съ С. И. Тютчевой, воспитательницей великихъ княженъ.

Не знаю, кто именно рекомендовалъ Софію Ивановну Тютчеву, но выборъ намъ всѣмъ казался весьма удачнымъ. Софія Ивановна, лѣтъ подъ 30, была умна, весьма культурна, барышня съ твердымъ характеромъ, изъ отличной старинной московской семьи. Помню, сразу по пріѣздѣ ея въ Ливадію, мы всѣ замѣтили хорошее ея вліяніе на дѣтей.

Не могу припомнить, ни съ котораго года она была при дѣтяхъ, ни точно, сколько времени, но помню, что она была воспитательницей, когда „старецъ" проживалъ въ Ялтѣ. Все, казалось, шло обыденнымъ порядкомъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ, фрейлины намъ передали, что изъ-за посѣщенія Распутинымъ дѣтскихъ комнатъ вышло недоразумѣніе между императрицей и Софіею Ивановною. Мы всѣ думали, что, вѣроятно, это уладится, но на другой-же день Тютчева уѣхала въ Москву.

Ходили безконечные слухи о причинахъ ухода Тютчевой. Мнѣ достовѣрно извѣстно, что Фредериксъ, по поводу отъѣзда воспитательницы великихъ княженъ, ходилъ къ императрицѣ, чтобы пояснить ей, какое дурное впечатлѣніе въ Москвѣ произведетъ эта скоропалительная отставка. Фредериксу отвѣтили, что Софія Ивановна вмѣшивалась въ то, что ея не касалось, и хотѣла учить императрицу, что дѣтямъ можно и чего нельзя, на что ея величество отвѣтила, что, какъ мать, она это лучше знаетъ.

Тогда Тютчева просила отпустить ее въ Москву, на что Александрѣ Федоровнѣ ничего не осталось сдѣлать, какъ согласиться; задерживать фрейлину, при этихъ условіяхъ, было бы трудно.

Предполагаю, что при этомъ объясненіи сдержанность обѣихъ женщинъ была недостаточной.

Послѣдствія ухода Тютчевой были, конечно, крайне нежелательны, но, увы, государыня слишкомъ мало считалась съ общественнымъ мнѣніемъ, полагая, что клевета не можетъ ея коснуться. Нужна была

неделикатность лицъ, опубликовавшихъ интимную переписку государя съ семьею, чтобы смыть клевету, распространенную на счетъ императрицы.

6. РАСПУТИНЪ И СЕПАРАТНЫЙ МИРЪ.

Во время войны ходилъ слухъ, особенно въ дипломатическихъ кругахъ, что Распутинъ старается вліять на императрицу въ смыслѣ заключенія сепаратнаго мира. Мнѣ хотѣлось эти свѣдѣнія провѣрить, да, кромѣ того, я въ то время носился съ мыслью, что излишняя централизація Россіи нынѣ стала вредна, вызывая центробѣжное движеніе на окраинахъ. Если государь признаетъ это положеніе, то, для введенія новой системы управленія посредствомъ болѣе или менѣе автономныхъ областей, управляемыхъ намѣстниками и областными думами, было бы умѣстно ввести эту реформу при побѣдоносномъ окончаніи войны. При этихъ условіяхъ нужно было бы не демобилизовать войска, а возвращать ихъ въ Россію, въ предполагаемыя намѣстничества, гдѣ, подъ ихъ защитою, совершить намѣченное выше государственное переустройство.

Этотъ переворотъ, демократизирующій мѣстное управленіе, давалъ бы государю самодержавную власть въ верховной администраціи. Добавлю, что эти проекты обсуждались въ то время, когда верховное командованіе готовилось къ весеннему наступленію и вѣрило въ его удачу и когда, съ другой стороны, общее недовольство въ Россіи достигло того напряженія, что ясна была опасность для династіи.

Министромъ путей сообщеній былъ тогда мой другъ и шуринъ, А. Ф. Треповъ, который на докладахъ государю много говорилъ объ общемъ политическомъ положеніи. Треповъ докладывалъ царю содержаніе моей записки по вышеизложенному вопросу. По словамъ Трепова государь заинтересовался ею, и мнѣ впослѣдствіи стало извѣстно отъ А. Ф., когда онъ сталъ премьеромъ, что императоръ высказалъ предположеніе создать особую комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса.

Такъ вотъ, мнѣ хотѣлось испытать Распутина и посмотрѣть, пойметъ ли онъ смыслъ того построенія государственнаго управленія, о которомъ я въ то время мечталъ, и если да — будетъ ли онъ его поддерживать. А вмѣстѣ съ тѣмъ, я полагалъ, что это мнѣ дастъ возможность понять, дѣйствительно ли Распутинъ поддерживаетъ мысль о сепаратномъ мирѣ, только изъ осторожности притворяясь, какъ я имѣлъ причины думать, что настаиваетъ на доведеніи войны до побѣднаго конца.

Имѣя все это въ виду, я пошелъ къ одной своей хорошей знакомой, которую назвать не могу, такъ какъ она до сихъ поръ живетъ въ Совдепіи: Е. В. Мдивани въ это время не было въ Петербургѣ. Я зналъ, что у этой знакомой, которую назовемъ баронессою, собираются почитательницы Распутина. Меня пригласили пріѣхать вечеромъ.

Въ небольшой квартирѣ баронессы было много народа. Пришелъ Распутинъ; расцѣловался, здоровясь, со всѣми дамами. Со мною поздоровался, какъ мнѣ казалось, безъ особой радости меня видѣть. Его повели

въ столовую, гдѣ онъ питался, залѣзая въ тарелку руками. Мнѣ было довольно противно видѣть какъ этотъ мужикъ ѣстъ и обходится со своими поклонницами; лесть этихъ дамъ Распутину мнѣ была не менѣе противна. Наконецъ онъ всталъ. Послѣ водки и вина онъ сдѣлался немного веселѣе и общительнѣе. Затѣмъ, обратившись къ баронессѣ, сказалъ:

— Вѣрочка, выведи насъ съ Мосоловымъ въ твою спальню, не пріѣхалъ же онъ смотрѣть какъ я буду ѣсть.

Насъ провели въ спальню. Распутинъ началъ:

— Что ты хочешь мнѣ сказать?

... и пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ изъ Могилева и хочу знать, что онъ думаетъ про войну.

— Хочешь испытать, не хлопочу-ли о замиреніи?

— Да.

— А ты что думаешь объ этомъ?

— Я, до войны, былъ за дружбу съ нѣмцами. Это лучше было для государя. А разъ началась война, то надо добиваться побѣды: а то — государю будетъ плохо.

— Вѣрно ...

Я понялъ, что истинныхъ его мыслей такъ и не добьюсь, и сказалъ:

— Кромѣ того, хотѣлъ тебѣ выложить, что управлять всей Россіей изъ Петербурга нельзя; нужно устроить иначе все управленіе. Надо, чтобы раздѣлили Россію на области и тамъ бы управляли намѣстники царя и свои думы.

Онъ прервалъ меня:

— Одна проклятая Дума, и той не надо ...

— Погоди! Вѣдь съ тѣми думами будетъ возиться не царь, а намѣстники — тѣхъ и будутъ ругать; а царь будетъ только миловать и его будутъ любить.

Распутинъ задумался.

— А онъ будетъ какъ управлять?

— Какъ прежде. Самодержавно. Онъ будетъ войну объявлять или мириться; онъ будетъ войскомъ командовать. И мужику будетъ лучше: онъ будетъ выбирать себѣ свое ближайшее начальство.

— Вѣрно. Но я всего хорошенько не пойму ...

Въ это время пришли его звать, что, молъ, всѣмъ безъ него скучно, и что пришелъ князь Шаховской (тогда министръ торговли).

— Надо идти. А что ты говоришь, кажись, хорошо. Что-то Витя скажетъ?

— Я-бъ ему сказалъ, да хорошо не разберу. Витя вѣдь умный, но хитрый. Не скажетъ, что думаетъ. Ты прійди ко мнѣ завтра, никого не будетъ, поговоримъ.

На другой день, часовъ въ 9 вечера, я пришелъ къ Распутину. Онъ спалъ. Я съ полчаса ждалъ. Пришелъ онъ растрепанный, заспанный. Сѣлъ, начали говорить, но разговоръ не вязался.

— Знаешь, что: у меня есть хорошая мадера. Пойдемъ въ столовую, выпьемъ.

— Идемъ.

Съ часъ сидѣли. Я мололъ вздоръ, онъ смѣялся и подливалъ вина. Начали вторую бутылку. Какъ выпили по первой рюмкѣ, онъ сказалъ:

— Ну, что же не говоришь о томъ, что намедня говорилъ? Аль раздумалъ говорить объ этомъ Гришкѣ? .. Напрасно...

— Я думалъ, ты забылъ. И рѣшилъ хорошей мадеры съ тобой попить... Но, какъ хочешь... Ладно, буду говорить.

— Мнѣ что! И такъ попить можно... Ты славный, съ тобой весело. А мнѣ што? .. Какъ выдумалъ что хорошее для папы и мамы, скажи. А не хошь, такъ выпьемъ за ихъ здоровіе.

Я началъ объяснять, въ чемъ дѣло. Говорилъ долго. Сначала онъ не могъ усвоить, потомъ, вдругъ, по своему мнѣ объяснилъ, и довольно вѣрно.

— Знаешь, все же жаль, что нельзя объяснить Витѣ... онъ умный. Но, по своему передѣлаетъ, такъ, что папѣ будетъ скверно... нельзя ему говорить... Онъ часто мнѣ скажетъ, кажется хорошо... А подумаю, окажется папѣ скверно будетъ, а Витѣ хорошо.

Наконецъ, когда мы кончили третью бутылку, Распутинъ спросилъ меня:

— А папа знаетъ это дѣло?

— Нѣтъ, полностью не знаетъ. Но въ общихъ чертахъ ему сказали, и, говорятъ, понравилось.

— Такъ ему пока не говорить?

— Нѣтъ... Я скажу тебѣ, когда будетъ время... тогда поможешь.

— Да я, што? .. Только скажу, чтобъ тебя послушалъ — послушаетъ... Онъ умный. Самъ разберетъ. А я, што? . Только благословить могу.

Я пожалъ ему руку. Вино его разбирало. Онъ всталъ, началъ цѣловать меня и плакать. Я вывелъ его изъ столовой. Какая - то женщина нашлась, повела его вдоль коридора, отворила дверь. Предъ тѣмъ какъ выйти, онъ крикнулъ мнѣ:

— Приходи опять, выпьемъ... Ты хорошій.

7. БОРЬБА СЪ ПРОТОПОПОВЫМЪ.

Прошло нѣкоторое время. Треповъ назначенъ былъ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Назначенія этого я ожидалъ. Мнѣ раза два — три пришлось замѣщать Фредерикса въ совѣтѣ министровъ, и я видѣлъ какъ при разборѣ общихъ вопросовъ всѣ министры соглашались съ высказываемыми А. Ф. мнѣніями. Онъ, видимо, пользовался авторитетомъ.

Я зашелъ къ Александру Федоровичу за день до его поѣздки въ ставку, съ докладомъ государю. Докладъ этотъ, сказалъ онъ мнѣ, для него рѣшающій, такъ какъ онъ везетъ четыре указа объ отставкѣ министровъ.

Если государь всѣ подпишетъ, ему, Трепову, удастся составить министерство, подающее надежды. Если нѣтъ, ему придется уйти, такъ какъ онъ считаетъ, что положеніе безвыходно. Треповъ меня разспрашивалъ о томъ, какъ дворъ принялъ его назначеніе. Я ему сказалъ, что зналъ, и, между прочимъ, заговорилъ о Распутинѣ: съ нимъ нужно считаться. Онъ согласился, но сказалъ, что не можетъ съ нимъ ни въ коемъ случаѣ имѣть общенія, какъ бы обстоятельства ни повернулись.

Мы сговорились, что я его встрѣчу на вокзалѣ, при его возвращеніи въ Петербургъ, и что, ѣдучи домой, онъ мнѣ разскажетъ, какъ прошелъ докладъ (потому что дома его будутъ ждать нѣсколько министровъ и другія лица).

Я встрѣтилъ Трепова. Въ каретѣ онъ мнѣ сказалъ, что кончилось почти благополучно. Указы объ отставкѣ трехъ министровъ у него въ портфелѣ, четвертый подписанъ, но остался у государя, и это — указъ о Протопоповѣ. Въ послѣднюю минуту доклада царь оставилъ его у себя въ столѣ, сказавъ:

— Оставьте его мнѣ. Я вамъ его пришлю еще сегодня вечеромъ или завтра утромъ.

Подъѣзжая къ дому, Треповъ просилъ меня пріѣхать къ нему на слѣдующій день, въ 8 часовъ утра, такъ какъ съ 9 часовъ начнутся у него пріемы. До того времени онъ надѣялся получить телеграмму о томъ, послалъ ли ему вечеромъ государь отставку Протопопова; если нѣтъ, то,по его и моему мнѣніямъ, было мало шансовъ, чтобы онъ ее получилъ.

Въ 8 утра я засталъ Трепова въ кабинетѣ, въ зданіи министерства путей сообщенія. Телеграммы не было. Телеграмму эту А. Ф. ожидалъ, какъ впослѣдствіи я узналъ, отъ В. I. Гурко, бывшаго тогда начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго. Гурко мнѣ такъ разсказывалъ эпизодъ:

— За высочайшимъ завтракомъ я видѣлся съ А. Ф., пріѣхавшимъ съ первымъ докладомъ къ государю. Затѣмъ, послѣ доклада, онъ зашелъ ко мнѣ уговориться, можетъ ли онъ, въ случаѣ надобности, переговорить со мной изъ Петербурга по телефону для доклада спѣшныхъ вопросовъ государю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пояснилъ какъ, для составленія кабинета, ему важно получить указъ объ отставкѣ Протопопова. Этотъ указъ уже подписанъ, почему онъ меня проситъ объ этомъ послѣ обѣда доложить государю, насколько ему важно имѣть отвѣтъ къ утру.

Послѣ обѣда Гурко докладывалъ императору, и тотъ отвѣтилъ ему, что, вѣроятно, на слѣдующее утро отправитъ указъ. На слѣдующее утро царь далъ уклончивый отвѣтъ. Поэтому Гурко и не послалъ Трепову телеграммы.

Треповъ объяснилъ мнѣ свой проектъ распредѣленія министерскихъ портфелей и свое затрудненіе отъ незнанія, принята ли отставка Протопопова. Онъ предполагалъ, въ крайнемъ случаѣ, назначить Протопопова министромъ торговли, а Шаховского — внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду

потомъ сдѣлать еще новое перемѣщеніе, но лишь бы не оставлять первому портфеля внутренныхъ дѣлъ.

А. Ф. при наличіи четырехъ свободныхъ министерскихъ портфелей надѣялся дать ихъ лицамъ, пользующимся довѣріемъ общественности и думы. Доколѣ Протопоповъ оставался министромъ внутренних дѣлъ, этихъ лицъ привлечь было невозможно. Къ сожалѣнію, память мнѣ измѣняетъ, и я не могу перечислить этихъ лицъ. Но помню, что кабинетъ этого состава неминуемо бы произвелъ успокаивающее на общественность впечатлѣніе.

Поговорили съ полчаса.

Въ это время пришелъ Шаховской. Когда онъ вышелъ, Треповъ опять меня позвалъ, сказавъ, что Шаховской, въ случаѣ крайности, согласился помѣняться министерствами съ Протопоповымъ. Затѣмъ Треповъ задумался и спросилъ меня:

— Ты можешь сейчасъ поѣхать къ Распутину?

— Да.

— Какъ мнѣ это не противно и какія бы это не могло имѣть послѣдствія для меня лично и для дѣла, я на это иду; такъ мнѣ важно, чтобы отставка Протопопова была у меня въ рукахъ.

— Но что же ему предложить?

— Житье въ Петербургѣ, съ уплатой его расходовъ на квартиру и содержаніе домашняго хозяйства, съ той охраной, которая ему нужна для его личной безопасности и 200 тысячъ рублей единовременно, если Протопоповъ будетъ уволенъ. За это я требую, чтобы онъ не вмѣшивался въ назначеніе министровъ и высшихъ чиновъ управленія. Относительно духовенства, если онъ на этомъ будетъ настаивать, я обѣщаю въ это не вмѣшиваться. Но, чтобы онъ ко мнѣ не приходилъ, — если что нужно, то черезъ тебя это будетъ дѣлаться. Ты его знаешь. Твое дѣло, какъ хочешь его убѣдить.

— Хорошо. Но имѣй въ виду, что при неудачѣ онъ немедленно телеграфируетъ государю, что его хотѣли подкупить, и дѣло станетъ хуже, чѣмъ теперь.

— Ну, что же. Я и такъ, и иначе уйду. Государь о Распутинѣ говорить не будетъ; найдетъ другой предлогъ, чтобы меня выгнать. Я ставлю ва-банкъ на одну карту. Съ Протопоповымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, я управлять не могу.

— Понимаю. Но тутъ еще и я замѣшанъ. Мое положеніе, при отказѣ Распутина, хуже твоего... А отказаться Гришка вполнѣ можетъ. Это даже вѣроятно.

— Ты сумѣешь съ нимъ справиться; къ тому же, твое назначеніе въ Румынію уже давно рѣшено государемъ. Ты туда и поѣдешь. Это не дурно. Пожалуй, даже лучше, чѣмъ твое мѣсто здѣсь. Не теряй времени, поѣзжай и вернись мнѣ сказать.

Я поѣхалъ на Гороховую. Пока ѣхалъ, обдумывалъ какъ начать

разговоръ съ Гришкою и ругалъ себя, что, вообще, заговорилъ о немъ съ Треповымъ.

Началъ я мой разговоръ такъ:

— Вотъ, что, Григорій Ефимовичъ. Какъ знаешь, назначенъ предсѣдателемъ совѣта министровъ мой другъ и шуринъ, А. Ф. Треповъ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы жили въ мирѣ другъ съ другомъ ... и это вполнѣ возможно. Онъ противъ тебя не предубѣжденъ. Лишь бы ты ему не мѣшалъ въ его, дѣйствительно, трудной задачѣ; тогда и онъ противъ тебя ничего не предприметъ.

— Что же, это хорошо ... Пусть себѣ работаетъ ... Лишь бы онъ-то моихъ друзей не трогалъ.

— Видишь-ли, онъ готовъ устроить такъ, чтобы тебѣ ежемѣсячно платили за квартиру и на содержаніе твоего дома и семьи; чтобы у тебя осталась надежная охрана, безъ которой ты обойтись не можешь. Принимай, кого хочешь, дѣлай, что хочешь. Только одно — не вмѣшивайся въ назначеніе министровъ и высшихъ чиновъ. Относительно духовенства онъ перечить тебѣ не станетъ, да и мелкія твои протекціи будетъ, по возможности, исполнять.

Я не успѣлъ договорить, какъ онъ поблѣднѣлъ. Глаза его стали злющими, почти совсѣмъ блѣдными, съ крошечной черной точкой въ серединѣ.

— Тогда сейчасъ соберусь и уѣду въ Покровское, домой ... Здѣсь я, значитъ, не нуженъ.

Такого быстраго оборота дѣла я не предвидѣлъ и, сознаюсь, въ первую минуту, опѣшилъ.

— Не волнуйся, Григорій Ефимовичъ. Поговоримъ по добру, по хорошему. Ты же самъ управлять Россіей не можешь! .. Не Треповъ — будетъ другой, который тебѣ ничего не предложитъ, а тебя, на казенный счетъ, отправятъ въ твое Покровское ...

Глаза стали еще злѣе.

— Ты думаешь, что мама и папа это позволятъ? .. Мнѣ денегъ не нужно, любой купецъ мнѣ довольно дастъ, чтобы раздавать бѣднымъ, да неимущимъ. Да и дурацкой охраны мнѣ не нужно. А онъ, значитъ, гонитъ ! ..

Распутинъ назвалъ какую - то кличку, которую я не запомнилъ, но которая обозначала Протопопова. У меня вернулось самообладаніе, я бросилъ на стулъ свою фуражку, которую взялъ, чтобы уходить, и сказалъ:

— Знаешь что, ты зря расхорохорился! Брось! Пойдемъ въ столовую и дай мнѣ мадеры. Поговоримъ по хорошему.

Онъ минуту помолчалъ. Я улыбнулся. Онъ разомъ успокоился.

— Пойдемъ.

Выпили молча двѣ — три рюмки, затѣмъ я заговорилъ. Распутинъ уже спокойно слушалъ.

— Что же ты хочешь? .. Чтобы Треповъ приходилъ тебя спрашивать, кого куда назначить министромъ ... Ты понимаешь, что это невозможно.

Ты хочешь, чтобы Протопоповъ оставался министромъ, онъ и останется; только не внутреннихъ дѣлъ, а будетъ тамъ, гдѣ теперь Шаховской... А твой другъ Шаховской будетъ на его мѣстѣ... Чего же ты хорохорился, не выслушавъ меня?

— А зачѣмъ ему это? Такого преданнаго папѣ, онъ второго не найдетъ...

— Кромѣ преданности, есть и другое, надо умѣть дѣлать то — или иное дѣло...

— Эхъ, да что дѣло... Дѣло — кто истинно любитъ папу... Вотъ Витя умнѣе всѣхъ, да не любитъ папу, его и нельзя.

Болтали мы съ часъ. Выпили двѣ бутылки, но съ утра, видимо, на него вино не такъ дѣйствовало, какъ вечеромъ. Онъ не хмѣлѣлъ.

Я все же довелъ его до того, что онъ сказалъ, что пошлетъ телеграмму папѣ, попросивъ выслать Трепову подписанный указъ. Но Распутинъ не захотѣлъ при мнѣ ее написать. Я понялъ, что онъ напишетъ обратное. Я притворился, что вѣрю ему. Но онъ это хорошо понялъ; однако, былъ доволенъ тѣмъ, что отъ меня отдѣлался. У него былъ, безъ сомнѣнія, даръ читать чужія мысли, какъ, впрочемъ, у всѣхъ, до извѣстной степени. У него это чутье было болѣе развито.

На прощаніе онъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ что, останемся друзьями... И съ твоимъ Треповымъ останусь другомъ, если не будетъ трогать моихъ друзей. Если же тронетъ, то уѣду въ Покровское, а мама его прогонитъ, а меня назадъ позоветъ... Ну, выпьемъ еще стаканъ и разойдемся, ты все же хорошій.

Потерпѣвши это фіаско, я вернулся обратно къ Трепову и разсказалъ все, какъ было. Онъ понялъ, что дѣло обстоитъ плохо.

Все, что онъ предвидѣлъ, отправляя меня къ Распутину, сбылось. Государь указа не прислалъ. Протопоповъ остался министромъ внутреннихъ дѣлъ, а Треповъ сдалъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, свою должность князю Н. Д. Голыцыну. Окончательный провалъ Россіи начался.

8. ГОСУДАРЫНЯ И ПРОТОПОПОВЪ.

Послѣ моего назначенія посланникомъ въ Бухарестъ, царь вызвалъ меня въ Могилевъ.

Въ Петербургѣ мнѣ передали, черезъ одну изъ дамъ окруженія Распутина, что императрица желала бы, чтобы я познакомился съ Протопоповымъ до моей аудіенціи у ея величества. Я это исполнилъ, по какому-то предлогу спросивъ по телефону, когда министръ можетъ меня принять. Протопоповъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ же...

...и продержалъ меня три часа, поясняя свою программу, но такъ сумбурно перескакивая съ одного вопроса на другой, при этомъ вытаскивая разныя дѣла и заставляя меня ихъ читать, что я вынесъ впечатлѣніе, что пробылъ съ сумасшедшимъ.

На другой день, во время аудіенціи, императрица мнѣ сказала, что рада моему знакомству съ Протопоповымъ и спросила, какое впечатлѣніе онъ на меня произвелъ. Я отвѣтилъ по-русски:

— Это сумбурный человѣкъ.

А затѣмъ уже по-нѣмецки:

— Не нахожу нѣмецкаго слова, чтобы это выразить.

И постарался пояснить ея величеству его смыслъ.

— Да, я знаю, у него не всегда послѣдовательны мысли, но самыя идеи хороши, и онъ намъ такъ преданъ. Онъ не умѣетъ, мнѣ кажется, своихъ мыслей дисциплинировать и приводить въ исполненіе, именно потому, что у него ихъ слишкомъ много. Ему нуженъ былъ бы помощникъ, менѣе нервный, чѣмъ онъ, который умѣлъ бы выбрать исполнимыя мысли и съ энергіей ихъ проводить.

— Я вчера его слушалъ весьма внимательно, но втеченіе трехъ часовъ разговора не замѣтилъ ни одной практически исполнимой мысли.

— Да, онъ очень нервенъ и часто увлекается.

Помолчавъ, совершенно неожиданно государыня сказала:

— А вы не пошли бы къ нему товарищемъ министра? Это не слишкомъ ли малая для васъ должность? Вѣдь можно было бы ее повысить, предоставивъ вамъ право личнаго доклада у государя.

Я улыбнулся и сказалъ:

— Ваше величество! Я бы принялъ самую малую должность, если бы чувствовалъ, что могу принести пользу отечеству и исполнить ваше желаніе. Но, повторяю, съ такимъ сумбурнымъ человѣкомъ я служить не могъ бы. Къ тому же, въ принципѣ невозможно, чтобы у государя было два докладчика по одному и тому же министерству. А безъ этого Протопоповъ черезъ недѣлю меня бы выгналъ.

— Кого же, вы думаете, можно дать ему въ помощники?

— Ваше величество, нужно выбрать такого, который дѣло знаетъ.

— Да вы сколько лѣтъ ведете канцелярію министерства двора...

— Она ничего не имѣетъ общаго съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Тамъ нужно знать полицейское дѣло, о которомъ я понятія не имѣю.

Передъ уходомъ я просилъ государыню простить меня, что, быть можетъ, рѣзко выразился относительно Протопопова.

— Напротивъ, я довольна, что вы откровенно высказали свое мнѣніе о немъ; намъ такъ рѣдко говорятъ правду. Я думаю, что ваше впечатлѣніе не совсѣмъ вѣрно; преданнаго человѣка не надо осуждать, а надо ему помогать.

На этомъ моя аудіенція кончилась.

Относительно же Распутина скажу, что онъ меня удивилъ тѣмъ, что мнѣ гадости не сдѣлалъ и не пошатнулъ довѣрія императрицы ко мнѣ. Я этого ожидалъ, судя по его поступку по отношенію къ Тамарѣ Родзянко, и этимъ онъ для меня сталъ еще непонятнѣе, чѣмъ раньше.

Милостивое отношеніе императрицы ко мнѣ осталось и послѣ убійства Распутина. Когда я вернулся въ Петербургъ для доклада государю о матримоніальныхъ намѣреніяхъ принца Кароля, я имѣлъ двухчасовую аудіенцію у ея величества, во время которой царица выказала мнѣ большое довѣріе.

9. КНЯЗЬ АНДРОНИКОВЪ.

Однимъ изъ главныхъ агентовъ Распутина былъ князь Андрониковъ, фигура примѣчательная.

Одинъ изъ князей Андрониковыхъ служилъ въ Уланскомъ ея величества полку и былъ весьма порядочный и любимый товарищами офицеръ. Другой, о которомъ я собираюсь говорить, нигдѣ не служившій, пользовался репутаціей опаснаго интригана. Въ виду этого, я избѣгалъ случая съ нимъ соприкасаться.

У однихъ моихъ знакомыхъ мнѣ пришлось, однако, сидѣть за столомъ рядомъ съ нимъ. Когда, во время разговора, я удивился освѣдомленности моего собесѣдника о дѣлахъ по придворнымъ пожалованіямъ, князь заявилъ мнѣ, что онъ „адъютантъ Господа Бога", и въ этомъ качествѣ все знаетъ, что дѣлается въ Петербургѣ; что это — единственная его служба: другой онъ не хочетъ; но она заставляетъ его блюсти и поддерживать „справедливость": это — цѣль его жизни.

Вскорѣ послѣ этого разговора, онъ меня посѣтилъ и просилъ поддержать пожалованіе двухъ, имѣвшихся у меня въ спискѣ, кандидатовъ. Я пояснилъ ему, что лично я ничего въ этомъ отношеніи сдѣлать не могу; но, если буду имѣть случай, то передамъ о его рекомендаціи министру двора.

На этомъ его визитъ не кончился. Тутъ же онъ мнѣ сказалъ, что есть еще двое лицъ, которыя представлены своимъ начальствомъ, но которыя совершенно недостойны этой чести, и началъ мнѣ повторять какую то городскую сплетню.

На мой вопросъ, можетъ ли онъ мнѣ представить документальныя доказательства о томъ, что онъ передаетъ, Андрониковъ отвѣтилъ, что таковыхъ у него нѣтъ.

Тогда я всталъ и рѣзко прекратилъ разговоръ.

Послѣ этого онъ мнѣ прислалъ какую-то огромную рыбу съ запиской, что получилъ нѣсколько подобныхъ съ Волги и хотѣлъ подѣлиться со своими доброжелателями; я вернулъ ему рыбу безъ всякой записки. Оказалось, что одновременно со мною Андрониковымъ была послана такая же рыба Фредериксу, и что поваръ подалъ ее къ столу, ничего не сказавъ своему барину. Выяснилось же это недѣли двѣ спустя. Министру это было очень непріятно, но реагировать было и поздно и неудобно.

Несмотря на все это, князь опять появился ко мнѣ, на этотъ разъ съ объемистой запиской общеполитическаго содержанія, и просилъ меня сначала объ аудіенціи у министра двора, а затѣмъ, когда я это отклонилъ, съ просьбой передать записку Фредериксу, что я исполнилъ. Оказалось, что онъ подобные меморандумы передалъ и другимъ министрамъ. Долженъ

сознаться, что записка была умно составлена и довольно объективна, за исключеніемъ какихъ - то для меня неясныхъ намековъ о дѣятельности одного изъ министровъ и хвалебнаго гимна по отношенію къ моему графу.

Я, конечно, всѣми силами старался не допустить Андроникова до личнаго свиданія съ Фредериксомъ. Такія записки князь приносилъ мнѣ четыре или пять разъ, и, долженъ сознаться, министръ ихъ съ интересомъ читалъ.

Прошелъ годъ или два. Дворъ находился за-границей. Ихъ величества въ Вольфсгартенѣ, а вся свита — во Франкфуртѣ, куда пріѣхалъ и Андрониковъ опять досаждать мнѣ, съ просьбой представить его министру двора. Я же выдумывалъ предлоги, дабы этого не исполнять.

Самому мнѣ приходилось князя принимать, такъ какъ онъ указалъ, что состоитъ корреспондентомъ какой то газеты, и мнѣ пришлось его видать наравнѣ съ другими репортерами. Разъ какъ-то онъ опять меня просилъ о представленіи, на что я сказалъ, что это неисполнимо, такъ какъ министръ ѣдетъ въ этотъ день провожать графиню, уѣзжающую въ Петербургъ, до Кельна, гдѣ онъ посадитъ свою супругу въ нордъ-экспрессъ, а затѣмъ одинъ вернется во Франкфуртъ.

Графъ. дѣйствительно. вернулся во Франкфуртъ съ поѣздомъ, приходящимъ въ 5 часовъ утра. Когда я позже пришелъ къ нему, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее.

На вокзалѣ по пріѣздѣ, онъ увидѣлъ передъ своимъ вагономъ господина, стоявшаго съ цилиндромъ въ рукахъ. Фредериксъ подумалъ, что это кто-либо изъ желѣзнодорожной инспекціи, и подошелъ къ нему со словами благодарности за удобный проѣздъ, конечно, по-нѣмецки. Господинъ же отвѣтилъ ему по-русски:

— Я не желѣзнодорожный служащій, а русскій князь, который пришелъ сюда, чтобы, господинъ министръ, выразить свое восхищеніе передъ вами, только-что исполнившимъ рыцарскій поступокъ...

Графъ въ недоумѣніи спросилъ:

— Какой?

Андрониковъ отвѣтилъ:

— Да проводивъ въ Кельнъ вашу супруту, глубокоуважаемую графиню...

Затѣмъ онъ сопутствовалъ министру до гостиницы, находившейся на площади передъ вокзаломъ, и донесъ ему туда его дорожный пессесеръ, наговоривъ приторно-сладкихъ словъ.

Фредериксъ смѣялся надъ способомъ Андроникова съ нимъ познакомиться и выразилъ надежду, что на этомъ знакомство и кончится. Но, тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день князь явился къ нему въ гостиницу и, послѣ визита этого, графъ мнѣ уже хвалилъ умъ и пріятный разговоръ этого господина. А по возвращеніи въ Петербургъ графиня получила цвѣты и конфеты отъ Андроникова, но лично его, кажется, не принимала. Свои записки онъ уже носилъ самъ къ графу, который ихъ мнѣ переда-

валъ. Но такъ какъ онѣ не касались министерства двора, то оставались безъ послѣдствій.

Позже этотъ господинъ сумѣлъ втереться и къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ и даже пытался мнѣ передать „повелѣніе" ея величества объ изъятіи изъ придворныхъ цензурныхъ правилъ какой-то газеты, которую онъ собирался издавать для увеличенія популярности ихъ величествъ и августѣйшихъ дѣтей.

На это я ему отвѣтилъ, что „повелѣваетъ" лишь государь, и повелѣнія эти передаются черезъ генералъ - адъютантовъ. А такъ какъ князь лишь „адъютантъ Господа Бога", то отъ него никакихъ повелѣній не приму. На этомъ кончился нашъ разговоръ, и послѣ этого я его болѣе не видалъ.

Конечно, я постарался черезъ приближенныхъ дамъ сообщить государынѣ о посѣщеніи князя Андроникова, и узнать, правда ли, что онъ былъ посланъ ея величествомъ; но отвѣта на это не добился, почему полагаю, что онъ былъ у меня не безъ вѣдома императрицы.

Мнѣ кажется, что сказаннаго достаточно, чтобы охарактеризовать Андроникова; невольно вѣрилось невѣроятнымъ слухамъ о томъ, что его квартира всегда была открыта Распутину: тамъ было ему удобно получать отъ женъ лицъ, добившихся, благодаря его посредничеству, мѣстъ и повышеній, плату натурою.

10. РАСПУТИНЪ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Въ заключеніе, слегка отрѣшаясь отъ роли „свидѣтеля, дающаго показанія", я позволю себѣ отмѣтить, что, по моему мнѣнію, личность Распутина явилась одной изъ главныхъ причинъ того недовѣрія, которое осталось неискоренимымъ у государя по отношенію къ думѣ, даже послѣдняго состава.

В. Н. Коковцовъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы наладить нормальныя отношенія между царемъ и государственной думой.

Назначивъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Макарова и оберъ-прокуроромъ св. синода князя Ширинскаго-Шихматова, В. Н. Коковцовъ надѣялся достичь своей завѣтной цѣли. Онъ добросовѣстно работалъ въ этомъ направленіи и даже сталъ постепенно лично сходиться съ оппозиціей, подружившись съ Поливановымъ — другомъ главы оппозиціи А. И. Гучкова. Послѣдній былъ личнымъ врагомъ государя, и, какъ предсѣдатель думской комиссіи по государственной оборонѣ, имѣлъ серьезное вліяніе на войска, съ которыми онъ всѣми средствами старался сблизиться.

Можно было предполагать, что, благодаря Коковцову, постепенно все предубѣжденіе государя къ думѣ, послѣ первыхъ ея двухъ революціонныхъ составовъ, пройдетъ, и совмѣстная государственная работа станетъ возможной. На это весьма надѣялся и Коковцовъ во время медовыхъ мѣсяцевъ своего премьерства. Къ сожалѣнію, это не удалось.

Причиной тому былъ злой рокъ въ лицѣ того же Распутина, явившагося Божьей карой Россіи.

Пресса заговорила о близости этого проходимца ко двору и его вліяніи на назначеніе высшаго духовенства.

Да позволено мнѣ будетъ небольшое отступленіе, дабы объяснить взглядъ высочайшихъ особъ на прессу. Свободу слова они признавали и къ этому относились миролюбиво. Но, во-первыхъ, подъ „словомъ" не хотѣли признать „печатнаго слова", а когда, наконецъ, нехотя съ этимъ мирились, то считали, что сказанную или напечатанную ложь надо имѣть возможность тутъ же, «административнымъ порядкомъ», карать; не вѣрно сказанное — исправлять. Одно лишь обращеніе къ суду казалось имъ непонятнымъ, равно какъ имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы воля государя не могла запретить печатаніе нежелательныхъ статей.

Такъ, напримѣръ, я, какъ начальникъ придворной цензуры, запрещалъ всѣ статьи, гдѣ имя Распутина сопоставлялось съ именами высочайшихъ особъ, на что законъ меня уполномачивалъ. Но тѣ статьи, гдѣ имена высочайшихъ особъ не значились, на цензуру мнѣ вовсе не представлялись, и противъ нихъ я былъ безсиленъ реагировать.

Мнѣ немалаго труда стоило это вполнѣ ясно растолковать своему министру, да и ему не легко было убѣдить государя. Императрица же осталась при убѣжденіи, что компетентныя власти не желаютъ ни строго относиться къ этимъ вопросамъ, ни исполнять волю его величества.

Совершенно непонятна была, въ то время, для нашихъ верховъ необходимость „считаться съ прессою". Строгія мѣры не только не останавливали нежелательныхъ публикацій, а, напротивъ, ихъ вызывали. Деньги, въ видѣ субсидій, а, въ сущности — взятокъ, тоже опасны, вызываютъ разные шантажи, а если аппетиты разыгрываются, то, въ концѣ концовъ, ведутъ къ катастрофамъ.

Возвращаюсь къ вопросу объ отношеніяхъ государя къ III думѣ. Всѣ инсинуаціи прессы относительно Распутина просачивались въ думу, вносились запросы, въ кулуарахъ высказывались совершенно невозможныя сплетни, да и во время преній, съ трибуны, допускались безусловно непристойные рѣчи и возгласы.

Государь требовалъ у Макарова прекращенія этихъ обидныхъ для императрицы пересудъ... Макаровъ ничего сдѣлать не могъ. Обращались къ Коковцову, который неопровержимо доказалъ, что законъ не даетъ правительству способа этому противодѣйствовать.

Слова эти, разумѣется, ни царя, ни царицы не удовлетворяли. Но въ это же время Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ докладѣ хвалился передъ его величествомъ своими успѣхами въ становившейся государю ненавистной думѣ... Онъ скоро впалъ въ немилость; рознь между государемъ и думой увеличилась.

КОНЕЦЪ 1-ОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА I.

Россійскій Императорскій Дворъ въ Царствованіе Императора Николая II

1. ПРИДВОРНЫЕ ЧИНЫ.

Главною функціей «двора» является поддержаніе престижа монарха. «Дворъ», кромѣ того, вѣдаетъ, и это само собою разумѣется, ежедневнымъ обиходомъ царствующей семьи.

Русскій дворъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ во всей Европѣ. За триста лѣтъ придворнымъ вѣдомствомъ были накоплены громадныя богатства. По своему великолѣпію русскій дворъ приближался къ Версалю Людовика XIV и Людовика XV. Этикетъ у насъ былъ заимствованъ, главнымъ образомъ, у Габсбурговъ.

Кредиты на содержаніе двора шли изъ трехъ главныхъ источниковъ (не считая, кромѣ того, личныхъ средствъ великихъ князей, изъ которыхъ нѣкоторые были очень богаты):

1) Общій бюджетъ государства, обезпечивавшій «цивильный листъ», т. е., средства на содержаніе двора государя, государыни и наслѣдника.

2) Удѣлы, т. е. независимое отъ казны учрежденіе. Созданные Павломъ I, удѣлы выплачивали каждому великому князю, со дня его рожденія, 280.000 рублей въ годъ. Удѣлы должны были освобождать общій бюджетъ страны отъ расходовъ на содержаніе императорской фамиліи; главной ихъ экономической основой являлись земельныя угодья, выдѣленныя императоромъ Павломъ I; благодаря очень остроумному и умѣлому управленію, удѣлы считались, наканунѣ революціи, самымъ крупнымъ изъ русскихъ помѣстій (много милліоновъ десятинъ пахотной земли и лѣсовъ); наличнаго капитала было, въ этотъ моментъ, около 60 милл. рублей.

3) Кабинетъ его величества, т. е. совокупность угодій, принадлежавшихъ лично царю. Въ составъ кабинета входили Нерчинскія и Алтайскія копи, богатыя золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Дворъ состоялъ изъ лицъ, имѣвшихъ придворные чины и придворные званія; во главѣ его стоялъ Министръ Императорскаго Двора, Графъ Фредериксъ.

Придворные чины дѣлились на два класса.

Въ **первый** классъ входили: (по списку 1908 г.) 15 особъ, именовавшихся: «Оберъ-Гофмейстеръ, Оберъ-Гофмаршалъ, Оберъ-Егермейстеръ, Оберъ-Шталмейстеръ, и Оберъ-Шенкъ».

Второй классъ насчитывалъ 134 чина, (и кромѣ того 86 лицъ, «въ званіи чиновъ Двора»): «Оберъ-церемонимейстеръ, Оберъ-форшнейдеръ, директора Императорскихъ театровъ, директоръ Императорскаго Эрмитажа, Гофмаршалъ, Гофмейстеры, Шталмейстеры, Егермейстеры и церемоніймейстеры (14 штатныхъ, и 14 въ званіи»).

ПРИДВОРНЫЯ ЗВАНІЯ.

287 камергеровъ и 309 камеръюнкеровъ.

110 лицъ, «состоящихъ при Ихъ Величествахъ, и Членахъ Императорской Фамиліи».

Ко Двору также принадлежало: 22 духовныхъ лица, 38 медиковъ, 3 гофъ-фурьера, 18 камердинеровъ, военная свита, состоящая изъ генералъ-адъютантовъ, Свитскихъ генераловъ, и флигельадъютантовъ, всего 150 лицъ.

Придворныя дамы носили званія: оберъ-гофмейстеринъ двора ея величества; гофмейстеринъ императорскаго двора и великокняжескихъ дворовъ; «портретныхъ» дамъ; камеръ-фрейлинъ, свитскихъ и городскихъ фрейлинъ. Къ нимъ надо причислить дамъ ордена Св. Екатерины (двухъ степеней) и фрейлинъ, представленныхъ ихъ величествамъ послѣ ихъ замужества. Ни одинъ изъ придворныхъ чиновъ не могъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія государя.

Въ общей суммѣ,(причисляя къ этимъ лицамъ 260 дамъ разныхъ ранговъ, 66 кавалерственныхъ дамъ ордена св. Екатерины), получалось внушительное число — 1513 персонъ.

Каждый придворный чинъ имѣлъ званію его присвоенный мундиръ, причемъ различалась форма бальная, праздничная, обыкновенная и походная. Чѣмъ выше было положеніе лица, тѣмъ больше было золотого шитья. У оберъ-гофмейстера не было ни одного шва безъ сверкающихъ арабесокъ и гирляндъ.

Придворныя званія не были абсолютно теоретическими; съ ними соединялось нѣкоторое фактическое исполненіе соотвѣтственныхъ обязанностей. Оберъ-форшнейдеръ слѣдовалъ за блюдами, которыя подносились его величеству во время большого коронаціоннаго обѣда; два офицера кавалергардскаго полка сопровождали его при этомъ, съ обнаженными палашами... Оберъ-шенкъ подавалъ царю, во время того же обѣда, золотой кубокъ съ виномъ и возглашалъ:

— Его величество изволитъ пить.

Оберъ-егермейстеръ присутствовалъ при высочайшихъ охотахъ. Шталмейстеры помогали государю и государынѣ садиться въ парадную карету; оберъ-шталмейстеръ сопровождалъ эту карету верхомъ.

Этикетъ и церемоніалъ двора находились всецѣло въ рукахъ оберъ-церемонійместера и оберъ-гофмейстерины двора ея величества.

Постъ оберъ-церемонійместера принадлежалъ графу В. А. Гендрикову; вторымъ оберъ-церемонійместеромъ былъ баронъ Корфъ.

Красивый, чрезвычайно элегантный, графъ Гендриковъ былъ глубоко проникнутъ идеей важности исполняемыхъ имъ обязанностей; это, конечно, значительно упрощало вещи, ибо церемонійместеромъ можетъ быть только тотъ, кто серьезно относится къ самой идеѣ «церемоніи».

Въ этомъ смыслѣ, графъ Гендриковъ былъ выше всякихъ похвалъ. Когда ему пришлось заняться пріемомъ членовъ гос. думы, онъ созвалъ цѣлую комиссію изъ лучшихъ знатоковъ церемоніальнаго дѣла, изъ лицъ, имѣвшихъ возможность сообщить нужныя свѣдѣнія о народныхъ представителяхъ, и изъ «экспертовъ», т. е. чиновниковъ, имѣвшихъ случай присутствовать заграницей при аналогичныхъ процессіяхъ.

Ставъ лично во главѣ этой комиссіи, графъ Гендриковъ обошелъ соотвѣтственныя залы дворца; лично начертилъ мѣломъ на полу тѣ линіи, по которымъ предполагалось выстроить сановниковъ и депутатовъ. Онъ долго и горячо обсуждалъ вопросы, гдѣ — направо, налѣво, спереди, сзади ... — встанутъ такіе-то сенаторы и такіе-то представители государственныхъ учрежденій. Онъ, помню, сильно и явно нервничалъ: боялся, что депутаты — чуждый двору и дворцовымъ обычаямъ элементъ — не сумѣютъ стоять въ томъ порядкѣ, который имъ будетъ предуказанъ.

Вспоминаются мнѣ также переживанія графа Гендрикова наканунѣ пріѣзда великаго герцога Гессенскаго, родственника государыни. Министръ двора заранѣе сдѣлалъ по этому вопросу докладъ государю, и царь назначилъ князя Урусова тѣмъ лицомъ, которое будетъ «состоять» при великомъ герцогѣ.

Послѣдній долженъ былъ пріѣхать въ одиннадцать часовъ утра. Въ одиннадцать часовъ вечера, наканунѣ, Гендриковъ телефонируетъ мнѣ отчаяннымъ голосомъ:

— Катастрофа ...

— Въ чемъ дѣло? Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ?

— Хуже ... Жюль Урусовъ заболѣлъ и не будетъ въ состояніи выѣхать завтра утромъ навстрѣчу великому герцогу. Что мнѣ дѣлать?

— А вы назначьте кого-нибудь другого ... — я еле удерживался отъ смѣха.

— Немыслимо .... Вы же сами сообщили мнѣ, что Жюль Урусовъ назначенъ по высочайшему повелѣнію. Необходимо, чтобы Фредериксъ испросилъ новое высочайшее повелѣніе.

— Хорошо, — отвѣтилъ я, вѣшая трубку.

Черезъ пять минутъ я позвонилъ ему и сказалъ, что министръ двора беретъ на себя всю отвѣтственность: замѣстителемъ Жюля Урусова будетъ назначенъ оберъ-церемонійместеромъ.

— Вы понимаете, что теперь часъ поздній и безпокоить государя немыслимо.

...Само собою разумѣется, никакого разговора съ Фредериксомъ у меня не было...

Гендриковъ задержалъ меня еще около часу, «ставя на обсужденіе» все новыя и новыя кандидатуры. Наконецъ, мы остановились на Гурко.

Черезъ часъ новый звонокъ:

— Гурко, немыслимо... Его парадный мундиръ въ чисткѣ; блеститъ только одна половина шитья, другая половина совсѣмъ тусклая... Что мнѣ дѣлать?... Господи, что мнѣ дѣлать?... У меня голова кругомъ идетъ.

Было уже около часу ночи, и положеніе становилось довольно сложнымъ.

— Позвоните въ Акваріумъ; пусть поищутъ Мещерскаго.

Въ три часа ночи Гендриковъ вызвалъ меня еще разъ и сообщилъ, что Мещерскій поѣдетъ.

На слѣдующій день, утромъ, я разсказалъ графу Фредериксу о треволненіяхъ Гендрикова и мы долго вмѣстѣ смѣялись, но графъ выразилъ Гендрикову благодарность за его стремленіе въ точности исполнить повелѣнія его величества.

Отмѣчу при этомъ, что Николай II — такъ же, какъ и отецъ его, Александръ III — былъ совершенно равнодушенъ къ вопросамъ церемоніальной части. Можно себѣ представить, какъ мучались церемоніймейстеры при Александрѣ II, не допускавшемъ никакихъ упущеній въ области этикета.

Гендриковъ рѣшительно отказывался понимать психологію тѣхъ лицъ, которыя настойчиво добивались камеръ-юнкерскаго званія и, послѣ назначенія, манкировали своими обязанностями. Сколько хлопотъ бывало, напримѣръ, съ панихидами по великимъ князьямъ: придворные чины настойчиво ихъ не посѣщали...

Гендриковъ выкопалъ старый указъ Екатерины II. У царицы не было недостатка въ юморѣ. Она высказала «предположеніе», что не присутствующіе на панихидахъ опасно больны; съ нихъ приказано было взыскивать по 25 рублей за каждую манкировку; а деньги должны были быть уплачиваемы духовенству за молебенъ о здравіи раба Божія камерґера или камеръ-юнкера такого-то. .

Никто не умѣлъ лучше оберъ-гофмейстерины свѣтлѣйшей княгини Мар. Мих. Голицыной, рожд. Пашковой, поддерживать придворныя традиціи среди дамскаго элемента.

Трудно было бы найти особу, которая могла бы лучше, чѣмъ княгиня Голицына, воплощать все то значеніе, которое присваивалось высокому званію оберъ-гофмейстерины. Весьма породистая, увѣренная въ каждомъ своемъ движеніи, княгиня Голицына имѣла особо развитое чутье на все, что не соотвѣтствовало этикету. Одѣвалась она не иначе, какъ по модѣ

позапрошлаго года, а шляпы ея (циркулировала по этому поводу очень злая каррикатура...) считались «произведеніемъ придворно-экипажнаго вѣдомства».

У нея была совершенно особенная манера поддерживать дисциплину. Чтобы сдѣланное ею замѣчаніе не оставалось безъ послѣдствій, она никогда ничего не говорила молодымъ, только что назначеннымъ фрейлинамъ, считая ихъ мелкой сошкой; она вступала въ пререканія только съ такими солидными дамами, которыхъ фрейлины боялись, пуще огня.

Во время высочайшаго посѣщенія Кіева, мы проѣзжали на пароходѣ по Днѣпру. Какъ разъ напротивъ государыни сидѣла свѣтлѣйшая княгиня Лопухина-Демидова, вздумавшая небрежно закурить папироску. Оберъ-гофмейстерина подошла къ ней, взяла папироску, бросила ее за бортъ и громко произнесла.

— Милый другъ, ты забываешь, что курить въ присутствіи ея величества нельзя...

Княгиня Лопухина-Демидова была дама вспыльчивая и самолюбивая, но не рискнула произнести въ отвѣтъ ни слова. Оберъ-гофмейстерина объяснила ей впослѣдствіи:

— Я сама курю, какъ капралъ... но намъ, постарѣвшимъ при дворѣ надо примѣръ подавать молодымъ, слишкомъ склоннымъ къ вольностямъ въ присутствіи молодой императрицы.

Аналогичная сцена произошла вскорѣ послѣ моего назначенія начальникомъ канцеляріи министерства двора. Я стоялъ и разговаривалъ съ княгиней Голицыной. Вижу, подходитъ графиня Воронцова, имѣвшая «зубъ» противъ Фредерикса и всего его окруженія. Я ей низко поклонился. Она не соблаговолила мнѣ отвѣтить, хотя бы малѣйшимъ кивкомъ головы.

Оберъ-гофмейстерина тотчасъ же атаковала ее:

— Позволь представить тебѣ Мосолова; онъ только что назначенъ начальникомъ канцеляріи...

— Я его давно знаю...

— Въ такомъ случаѣ, позволь узнать, почему ты не отвѣтила на его поклонъ?... У себя дома ты можешь поступать, какъ тебѣ угодно, но при дворѣ надлежитъ быть вѣжливой...

Я поспѣшилъ отойти: не могу сказать, чѣмъ кончился этотъ разговоръ...

ВЫСОЧАЙШІЕ ВЫХОДЫ.

Высочайшіе выходы происходили въ дни особо торжественные.

Выходы дѣлились на большіе и малые. На большихъ должны были присутствовать всѣ придворные чины. На малые выходы посылались особыя личныя приглашенія.

Выходъноситъ такое названіе потому, что ихъ величества выходятъ изъ внутреннихъ апартаментовъ и торжественно слѣдуютъ въ церковь. По-

слѣ службы ихъ величества возвращаются къ себѣ съ соблюденіемъ того же церемоніала.

За полчаса до назначеннаго времени члены императорской фамиліи собираются, когда выходъ въ Зимнемъ дворцѣ, въ Малахитовомъ залѣ, доступъ въ который имѣютъ только высочайшія особы. Придворные арапы въ парадныхъ костюмахъ охраняютъ входъ въ этотъ залъ.. Придворные чины собираются въ другихъ залахъ дворца и приготовляются принять участіе въ шествіи. Чины церемоніальной части наблюдаютъ за порядкомъ; это — ихъ, такъ сказать, день.

Когда кортежъ образованъ, министръ двора входитъ въ Малахитовый залъ и докладываетъ о семъ его величеству. Тотчасъ же послѣ сего, великіе князья, въ точности знающіе каждый свое мѣсто (по близости къ трону, по порядку престолонаслѣдія), становятся сзади ихъ величествъ. Великія княгини занимаютъ мѣста. соотвѣтственно рангу ихъ отцовъ и мужей.

Въ первой парѣ слѣдуютъ государь и императрица-мать. Александра Федоровна идетъ во второй парѣ. Министръ двора держится направо отъ государя, на шагъ сзади его величества сбоку. За нимъ идутъ, другъ другу въ затылокъ, почетное дежурство: одинъ генералъ - адъютантъ, одинъ свитскій генералъ и одинъ флигель-адъютантъ, остальные члены кортежа идутъ попарно.

Государь, обыкновенно, выходитъ въ формѣ того полка, коего праздникъ совпадаетъ съ днемъ выхода, или который въ этотъ день несетъ караульную службу во дворцѣ. Иногда, впрочемъ, государь предпочитаетъ надѣть мундиръ Преображенскаго или Лейбъ-гусарскаго полка, въ коихъ какъ извѣстно, царь служилъ, проходя въ нихъ военную науку.

Военные чины на входы обязательно являются въ свитской формѣ, а не въ формѣ полковъ, въ которыхъ числятся. Дамы должны быть въ «русскихъ» платьяхъ со шлейфами.

«Русское» платье описано весьма подробно въ Придворномъ календарѣ. Это платье, бѣлаго атласа, должно оставлять открытыми оба плеча; шлейфъ долженъ быть краснаго бархата съ золотымъ шитьемъ (фрейлины великихъ княгинь имѣли шлейфы другихъ цвѣтовъ, по особому расписанію). На головѣ долженъ красоваться кокошникъ краснаго бархата.

Дамы, просто «приглашенныя» ко двору, могутъ быть одѣты въ платья любого цвѣта, но того же покроя

Платья и кокошникъ, само собою разумѣется, могутъ быть украшены драгоцѣнными камнями, въ зависимости отъ степени богатства соотвѣтственной особы. Въ этомъ отношеніи привожу, какъ примѣръ, который меня какъ-то поразилъ, г-жу Зиновьеву, жену предводителя дворянства одного изъ уѣздовъ Петроградской губерніи; она носила въ видѣ пуговицъ — девять или десять изумрудовъ, величиной каждый съ голубиное яйцо. Брилліанты были въ мое время особенно замѣчательны на графинѣ Шуваловой, на графинѣ Воронцовой-Дашковой, на графинѣ Шереметьевой, княгинѣ Кочубей, княгинѣ Юсуповой и т. д.

Выйдя изъ Малахитоваго зала въ залъ Концертный, ихъ величества останавливаются и отвѣчаютъ на поклоны собравшихся тамъ лицъ, т. е. придворныхъ чиновъ, имѣющихъ право входа «за кавалергардовъ». Выраженіе это происходитъ отъ караула кавалергардовъ, стоящаго у входа въ «Концертный» залъ. Не всякій могъ, по желанію, пересѣчь линіи этого караула. Существовало, значитъ, при дворѣ двѣ категоріи людей: имѣющихъ и неимѣющихъ «входъ за кавалергардовъ».

Шествіе начинается. Первые чины двора стоятъ лицомъ къ государю, вплоть до того момента, когда оберъ-церемоніймейстеръ даетъ имъ знакъ начать «выходъ»; они шествуютъ тогда въ порядкѣ ихъ ранга по отношенію къ царю, — чѣмъ выше орденъ, тѣмъ ближе къ его величеству.

Ихъ величества слѣдуютъ, немного отступя, за первыми чинами двора. Сзади государя идутъ члены императорской фамиліи. Затѣмъ проходятъ придворныя дамы, сановники разнаго рода, министры, сенаторы, военная свита.

Шествіе проходитъ черезъ Николаевскій залъ, занятый офицерами гвардейскихъ полковъ. Въ дальнѣйшихъ залахъ находятся прочія, допущенныя на выходъ лица, и именитое купечество, а на хорахъ корреспонденты газетъ

Ихъ величества входятъ въ церковь, въ которую допускаются только великіе князья, особо важные сановники и гофмейстерины. Всѣ остальные ожидаютъ конца службы внѣ церкви. Этотъ періодъ наиболѣе непріятенъ для церемоніймейстеровъ, ибо они должны слѣдить, чтобы никто громко не разговаривалъ и всѣ своевременно, до конца службы, возвращались на занимаемыя ими въ залахъ мѣста.. Опытные люди хорошо знали, какъ выйти на «черную» лѣстницу, гдѣ устраивались импровизированныя курительныя комнаты. Нерѣдко, туда забирались и великіе князья, ухитрившіеся незамѣтно выйти изъ церкви. Согласно древней традиціи, даже на лѣстницѣ было не принято говорить о дѣлахъ или о службѣ*). Церемоніймейстеры никогда не заглядывали ни на лѣстницу, ни даже въ Зимній садъ дворца, гдѣ иногда старые генералы дымили своими папиросами.

Возвращаясь изъ церкви, ихъ величества останавливаются въ Концертномъ залѣ, и имъ представляютъ въ этотъ моментъ вновь назначенныхъ фрейлинъ, а также иныхъ дамъ, удостоившихся столь высокаго отличія, а въ январѣ, послѣ водосвятія, и весь дипломатическій корпусъ съ дамами.

Говоря о выходахъ, не могу не вспомнить мои молодые годы, когда я съ офицерами Л.-гв. коннаго полка назначаемъ бывалъ во внутренній караулъ, и разъ, именно, въ день парадного выхода.

Въ караулѣ мы находились сутки безсмѣнно, что и въ обычное время было нелегко. Допускалось снять одну крагу (перчатка съ жесткими отворотами) и разстегнуть чешуйку отъ каски. Сидѣть можно было только на особомъ, для караульнаго офицера приспособленномъ, креслѣ.

---

*) Кромѣ тѣхъ дней, когда выходъ назначался въ дни пожалованій въ придворные чины и званія, высочайшій приказъ о нихъ раздавался въ залахъ дворца.

Въ дни выходовъ надѣвалась особая форма, а именно, сверхъ бѣлаго мундира — суперестъ (родъ жилета изъ краснаго сукна; замѣнялъ въ пѣшемъ строю кирасу); на груди и на спинѣ этого супервеста имѣлось по большому золотому двуглавому орлу (у кавалергардовъ — андреевская звѣзда). Другіе кирасирскіе полки не имѣли такой формы. Мы носили также высокіе сапоги съ раструбами, а вмѣсто рейтузъ — лосины, т. е. штаны изъ бѣлой лосиной кожи. Облачаться въ эту форму было нелегко, такъ какъ на лосинахъ не должно было быть ни малѣйшей складки.. Для этого ихъ слегка смачивали, посыпали внутри мыльнымъ порошкомъ, и затѣмъ (это относится и къ офицерамъ, и къ нижнимъ чинамъ) два дюжихъ человѣка «втряхивали» въ лосины, одѣваемыя обязательно на голое тѣло. Конечно, лосины чудно облегали ногу, но нелегко было оставаться въ нихъ 24 часа подъ рядъ, особенно, когда онѣ совсѣмъ засыхали...

Въ царствованіе Александра III супервесты и лосины остались только для выходныхъ карауловъ и для баловъ въ Николаевскомъ залѣ; внутренніе караулы въ обычное время были отмѣнены, въ виду того, что императоръ не жилъ больше въ Зимнемъ дворцѣ.

ПРИДВОРНЫЕ БАЛЫ.

Еще болѣе важной церемоніей являлись придворные балы. .

Первый балъ сезона устроивался обыкновенно въ Николаевскомъ залѣ, приблизительно на 3000 приглашенныхъ. На балы «концертные» и «эрмитажные» приглашались, соотвѣтственно, 700 и 200 персонъ. Эти балы носили свои названія въ соотвѣтствіи съ тѣми залами, которые отводились подъ танцы.

Въ Николаевскомъ залѣ устраивался только одинъ балъ въ году. Чтобы быть приглашеннымъ на этотъ балъ, надо было состоять въ одномъ изъ четырехъ первыхъ классовъ (по табели о рангахъ).. Приглашались также: иностранные дипломаты съ ихъ семьями; старѣйшіе офицеры гвардейскихъ полковъ съ женами и дочерьми; молодые офицеры, какъ «танцоры»; нѣкоторыя лица, по спеціальному указанію ихъ величествъ.. Сыновья лицъ, приглашенныхъ на балъ, не раздѣляли участи своихъ сестеръ: ихъ звали только въ зависимости отъ ихъ собственнаго чина или званія.

Церемоніальная часть, само собой разумѣется, не могла имѣть списка лицъ, имѣвшихъ право на приглашеніе и находившихся въ столицѣ. Поэтому, всякій долженъ былъ заявлять о своемъ существованіи: для сего «записывались» въ особый реестръ у гофмаршала. Дамы, предварительно не представленныя ихъ величествамъ, записывались у оберъ-гофмейстерины, а та имѣла право отказать въ приглашеніи. Билеты на входъ во дворецъ разсылались за двѣ недѣли до бала.

Такимъ образомъ, николаевскій балъ не ограничивался тѣснымъ кругомъ high life-а. Опытный взглядъ немедленно различалъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ петербургскому «свѣту». Напримѣръ, очень свѣжее и

очень дорогое платье свидѣтельствовало, что дама слегка изъ выскочекъ. Истинныя аристократки не надѣвали послѣднихъ моделей, когда ѣхали на николаевскій балъ: тамъ ихъ ожидала «толпа»; негдѣ было надлежащимъ образомъ развернуться; только помнуть платье отъ Ворта или Редферна. Считались также съ манерой носить форму или бальное платье и тѣмъ «нѣчто», благодаря которому голубая кровь «вездѣ, какъ у себя дома».

Пріѣзжать надо было около восьми съ половиной, безъ опозданія. Каждый долженъ былъ самъ знать, къ какому изъ подъѣздовъ надо было явиться. Для великихъ князей открывался подъѣздъ салтыковскій; придворныя лица входили черезъ подъѣздъ ихъ величествъ; гражданскіе чины являлись къ іорданскому, а военные — къ «комендантскому» подъѣзду.

Зрѣлище было феерическое.

Январь. Лютый морозъ. Дворецъ залитъ огнемъ на всѣ три квартала, которые онъ занималъ. Около монолитной Александровской колонны, съ ангеломъ наверху, зажжены костры. Кареты подъѣзжаютъ одна за другой. Офицеры, не боявшіеся холода, подкатываютъ въ саняхъ; лошади покрыты синими сѣтками.

Автомобили въ это время считались просто игрушкой, капризной и полной непріятныхъ неожиданностей.

Дамскіе силуэты нервно проскальзываютъ отъ кареты къ подъѣзду. Видны фигурки граціозныя и живыя; видны и массивныя фигуры пожилыхъ тетушекъ и бабушекъ. Мѣха... горностаи, чернобурыя лисицы. Головы ничѣмъ не покрыты, ибо замужнія женщины являются въ діадемахъ, а барышни — съ цвѣтами въ волосахъ.

Полиція наблюдаетъ за размѣщеніемъ опустѣвшихъ каретъ.

Ни одна изъ дамъ не имѣетъ права ввести во дворецъ (это не было дозволено даже при великокняжескихъ пріемахъ) своего личнаго лакея. Одежду поэтому приходилось сдавать на храненіе лакеямъ придворнымъ. Къ каждой ротондѣ или сорти-де-баль надлежало прикрѣпить визитную карточку владѣльца. Лакей (бѣлые чулки, лакированные башмаки и мундиръ, шитый галунами съ государственнымъ орломъ) долженъ былъ вполголоса указать, гдѣ именно онъ будетъ находиться съ вещами послѣ бала. Вымуштрованные до тонкости, лакеи скользили безшумно по паркетамъ...

Приглашенные поднимаются по мраморной лѣстницѣ, затянутой мягкимъ ковромъ. Бѣлые и ярко-красные мундиры; каски съ золотыми и серебряными орлами; чудесные національные костюмы приглашенныхъ валерцевъ; расшитый золотомъ кунтушъ графа Велепольскаго,*) маркиза на Гонзаго Мышковскаго, бешметы кавказскихъ князей, у которыхъ чувяки дѣлались на мягкой подошвѣ, такъ что танцовали эти горные красавцы совсѣмъ безшумно; бѣлые ментики съ бобровой опушкой; придворные мундиры, съ короткими панталонами и бѣлыми шелковыми чулками...

...Да, у придворнаго чина ноги не должны были быть ни слишкомъ

*) Графъ Велепольскій маркизъ на Гонзаго Мышковскій.

толстыми, ни слишкомъ костлявыми; панталоны были только до колѣнъ. Сказать правду? — нѣкоторыя «икры» не всегда оставались тамъ, гдѣ имъ быть полагалось. Особа вдругъ нагибалась и начинала поворачивать свою икру, соскользнувшую на передъ ноги. Это тоже была своего рода пластическая операція.

Вѣроятно, въ связи съ этими инцидентами, оберъ-гофмейстеръ двора, князь Репнинъ, обремененный старостью и подаграми, вошелъ въ министерство съ прошеніемъ: не будетъ ли ему разрѣшено являться въ длинныхъ бѣлыхъ штанахъ, не предусмотрѣнныхъ регламентами? Получилось великое недоумѣніе: докладывать ли царю это прошеніе, или разрѣшить старику бѣлые штаны безъ вѣдома его величества? Фредериксъ былъ въ большомъ затрудненіи. Наконецъ, онъ, пошелъ на компромиссъ: заговорилъ о Репнинѣ не во время доклада, а такъ, при случаѣ. Царь отвѣтилъ:

— Конечно, рѣшайте это сами.

А потомъ вдругъ прибавилъ:

— Впрочемъ, нѣтъ... Этимъ почетнымъ лицамъ будетъ непріятно знать, что прошеніе не было мнѣ доложено... Вы придете, скажете мнѣ, что такой-то живъ, хотя и страдаетъ ревматизмомъ... Я же узнаю съ удовольствіемъ, что почтенный придворный предводитель дворянства Кіевской губерніи собирается на балъ, несмотря на свой преклонный возрастъ. Доклады такого рода много времени не возьмутъ...

Число прибывающихъ все увеличивается.

Дамы парадируютъ въ «придворныхъ» платьяхъ, т. е. съ большимъ декольте и шлейфомъ.

На лѣвой сторонѣ корсажа дамы прикрѣпляли, соотвѣтственно ихъ рангу, или шифръ (осыпанный брилліантами вензель, отличительный знакъ фрейлинъ) или «портретъ» окруженный брилліантами (высокое отличіе, дававшее званіе «портретной дамы»).

Вотъ свитскій генералъ. Его женѣ больше сорока лѣтъ, но она сохранила свѣжесть фигуры; платье съ пальетками облегаетъ ее, какъ статую. Діадема въ два ряда крупныхъ брилліантовъ («павэ») украшаетъ ея русые волосы. На лбу сверкаетъ брилліантъ. Брилліантовое ожерелье; декольтэ окружено цѣпочкой брилліантовъ, съ большимъ цвѣткомъ изъ тѣхъ же камней на спинѣ; другія двѣ цѣпи брилліантовъ брошены черезъ плечи и сходятся у броши, приколотой у пояса; кольца и браслеты съ брилліантами. Когда я смотрю фильмы, изготовленныя въ Холливудѣ и изображающія, будто бы, «великолѣпіе» русскаго двора, мнѣ хочется смѣяться...

Приглашенные проходятъ между двухъ шпалеръ лейбъ-казаковъ, въ красивыхъ бешметахъ, и «араповъ», т. е. придворныхъ негровъ въ большихъ тюрбанахъ. Эти арапы являлись своего рода традиціей...

Церемоніймейстеры дѣловито скользятъ по заламъ. Знакомъ ихъ должности является жезлъ, т. е. длинная трость чернаго дерева съ шаромъ слоновой кости наверху, двуглавымъ орломъ и бантомъ андреевской ленты.

Два слова объ офицерахъ, приглашенныхъ на придворный балъ. Я участвовалъ въ балахъ трехъ царствованій, такъ что могу говорить о нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Офицеры, обыкновенно, не получали личныхъ приглашеній. Полку сообщалось, что надлежитъ прислать столько-то танцоровъ. Для конной гвардіи это число равнялось пятнадцати, по крайней мѣрѣ, въ мое время. Командиръ полка назначалъ кандидатовъ по своему усмотрѣнію. Счастливчики являлись, накануне бала, къ старшему въ чинѣ полковнику, который давалъ надлежащія указанія:

— Это, знаете, не забава... Вы не думайте тамъ веселиться... Вы состоите въ нарядѣ и должны исполнять служебныя обязанности... Танцуйте съ дамами и занимайте ихъ, по мѣрѣ возможности... Строго запрещается держаться группой въ одномъ мѣстѣ... Разсыпайся... разсыпайтесь... Поняли?

Тетка нашего командира была въ это время гофмейстериной. Она только тѣмъ и занималась, что слѣдила за молодыми офицерами. Если ей кто понравится, она посылала личное приглашеніе на концертный или эрмитажный балъ. А если кто очень понравится, то приглашала къ себѣ на балы, гдѣ была отчаянная скука.

Лично я ей понравился.. Меня тотчасъ же записали въ реестръ церемоніальной части, и я сталъ съ этого момента получать личныя приглашенія, какъ нѣчто мнѣ полагающееся.

Не всѣ были удачниками. Одинъ юный мой товарищъ попалъ на замѣчаніе изъ за княжны Долгоруковой, впослѣдствіи вышедшей замужъ за Александра II. Княжна была необычайно хороша собой, и мой пріятель, — самъ того не замѣтивъ, — провелъ около нея цѣлый вечеръ. На слѣдующій день его немедленно вызвали къ начальству.

И было ему сказано:

— Тебя представили княжнѣ Долгорукой... Ты могъ и, скажемъ, долженъ былъ пригласить ее на вальсъ... но афишироваться цѣлый вечеръ? — это просто невѣроятно... Развѣ ты не знаешь, каково ея положеніе при дворѣ... Ты позоришь полкъ... Ступай и намотай себѣ это на усъ...

Всякій пойметъ, почему у меня сжималось сердце, когда я первый разъ отправлялся на балъ...

Но возвратимся къ нашему описанію.

Приближается торжественный моментъ. Ихъ величества выходятъ изъ Малахитоваго зала.

Оркестръ играетъ полонезъ. Церемоніймейстеры трижды ударяютъ своими жезлами. Арапы раскрываютъ двери Малахитоваго зала, и всѣ склоняются.

Въ тѣ времена императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ было около 30 лѣтъ. Была она очень хороша собой. Царица очень любила крупный жемчугъ; одно изъ ея колье доходило чуть не до колѣнъ.

Сестра императрицы, Елизавета Федоровна, была болѣе стройной, хотя на восемь лѣтъ старше. Любила она надѣвать на свои золотистые волосы діадему съ кабошономъ — изумрудомъ по серединѣ (камень былъ въ три квадратныхъ сантиметра...).

Остальныя великія княгини появлялись въ своихъ фамильныхъ драгоцѣнностяхъ, съ рубинами и сапфирами. Цвѣтъ каменьевъ долженъ былъ соотвѣтствовать цвѣту платья: жемчуга и брилліанты или рубины и брилліанты при розовыхъ матеріяхъ; жемчуга и брилліанты или сапфиры и брилліанты при голубыхъ матеріяхъ.

Придворный полонезъ являлся настоящимъ священнодѣйствіемъ. Государь шелъ въ первой парѣ подъ руку съ женой главы дипломатическаго корпуса. Великіе князя распредѣляли между собою женъ остальныхъ дипломатовъ, а послы шествовали съ великими княгинями. Оберъ-гофмаршалъ, окруженный церемоніймейстерами — каждый съ жезломъ въ рукахъ — шелъ впереди царя и дѣлалъ видъ, что прокладываетъ ему путь. Послѣ перваго тура происходилъ обмѣнъ дамами, при чемъ строго соблюдался рангъ каждой изъ нихъ. Количество туровъ зависѣло отъ того, сколько дамъ приглашено его величествомъ. Приглашенные, кромѣ перечисленныхъ мною лицъ, въ полонезѣ участвовать не имѣли права.

Послѣ полонеза начинался вальсъ. Въ тѣ времена вальсъ танцовался въ два па, не такъ, какъ теперь. Лучшій танцоръ гвардіи открывалъ балъ съ дѣвицей, заранѣе назначенной. Залъ былъ необычайныхъ размѣровъ, но и приглашенныхъ было немало. Всѣ они тѣснились впередъ, чтобы лучше наблюдать высочайшихъ особъ; вслѣдствіе этого, свободное мѣсто посреди зала постепенно суживалось. При Александрѣ II дирижеромъ баловъ обыкновенно былъ баронъ Мейендорфъ, Коннаго полка; онъ бралъ своимъ помощникомъ меня. Мнѣ, конечно, приходилось заботиться о томъ, чтобы для танцующихъ было достаточно мѣста.. Я приглашалъ какую нибудь барышню, достаточно дородную (напримѣръ, М. Васильчикову), и мы вмѣстѣ съ нею заставляли зрителей потѣсниться. Была еще барышня Гурко, очень опытная въ этомъ отношеніи. Зрители невольно отодвигались къ украшеннымъ портретами стѣнамъ.

Если какая нибудь великая княгиня желала танцовать, то она поручала своему «кавалеру» привести указаннаго ею молодого человѣка. Но, въ видѣ общаго правила, великія княгини въ «легкихъ» танцахъ не участвовали. Исключеніе составляла только дочь Владиміра Александровича, Елена Владиміровна. Она очень любила танцовать вальсъ и ее возможно было пригласить безъ особыхъ формальностей. Мы всѣ были поголовно въ нее влюблены.

Лакеи обносили приглашенныхъ конфетами, прохладительнымъ питьемъ и мороженымъ. Въ сосѣднихъ залахъ высились глыбы льда съ кадушками шампанскаго. Было бы совершенно невозможно перечислить

даже приблизительно, лакомства, фрукты и печенья, которыя громоздились на столахъ, украшенныхъ пальмами и цвѣтами.

Когда дѣло шло о концертномъ или эрмитажномъ балѣ, цѣлый рядъ залъ оставался пустымъ. Можно было взять свою даму подъ руку и провести ее по безконечной амфиладѣ дворцовыхъ помѣщеній. Вдругъ, вы оказывались вдали отъ танцевъ, отъ свѣтскихъ пересудъ и отъ бальной жары. Едва освѣщенные, эти залы казались болѣе интимными, болѣе уютными...

Такъ можно было идти почти полчаса. Это была странная, жуткая сказка, сдѣлавшаяся дѣйствительностью. Невольно рождался вопросъ: сколько еще разъ придется увидѣть это небывалое зрѣлище.*)

Послѣ мазурки (во время коей государыня стоитъ около портрета Николая I и разговариваетъ со своимъ «кавалеромъ», важнымъ, но не очень старымъ офицеромъ гвардіи) ихъ величества переходятъ въ залъ, гдѣ приготовленъ ужинъ. Впереди, само собой разумѣется, шествуютъ церемоніймейстеры.

Столъ высочайшихъ особъ накрывался на особой эстрадѣ, и всѣ приглашенные разсаживались спиной къ стѣнѣ, такъ что публика, проходя черезъ залъ, могла видѣть каждаго ужинающаго. Старшина дипломатическаго корпуса садился направо отъ государя, налѣво садился великій князь Михаилъ Александровичъ, въ то время наслѣдникъ престола. Остальные великіе князья и великія княгини размѣщались въ соотвѣтствіи съ ихъ рангомъ, вперемежку съ дипломатами и первыми чинами двора, арміи и гражданской службы. Безъ Андреевской ленты за этотъ столъ попасть было трудновато.

Въ томъ же залѣ находилось нѣсколько круглыхъ столовъ, украшенныхъ пальмами и цвѣтами; каждый изъ нихъ былъ сервированъ на 12 человѣкъ, заранѣе назначенныхъ. Въ остальныхъ залахъ всякій устраивался, какъ умѣлъ.

Государь самъ не ужиналъ. Обходилъ приглашенныхъ и присаживался къ столу, если желалъ съ кѣмъ нибудь поговорить. Все это, конечно, разыгрывалось какъ по нотамъ. Царь не могъ стоять около стола, ибо тогда всѣмъ двѣнадцати ужинающимъ пришлось бы вытягиваться въ струнку въ теченіе всей «бесѣды». . Дѣло ограничивалось слѣдующимъ образомъ.

У каждаго изъ столовъ, гдѣ царь долженъ былъ разговаривать, оставлялось для него свободное кресло. Скороходъ помѣщался, такъ сказать, на часахъ у этого кресла. Царь садился на кресло и дѣлалъ знакъ остальнымъ ужинающимъ этого стола: имъ разрѣшалось не вставать. Свита отходила на нѣсколько шаговъ въ сторону и ждала окончанія бесѣды. Въ нужный моментъ скороходъ подавалъ условленный знакъ, и свита снова занимала свое мѣсто сзади царя.

---

*) Описаніе николаевскаго бала отчасти составлено княгинею Лобановой - Ростовской, которой авторъ приноситъ свою искреннюю благодарность.

У государя была удивительная память на лица. Если онъ спрашивалъ, «кто эта дѣвица?» — то можно было быть увѣреннымъ, что рѣчь шла о какой-нибудь дебютанткѣ и что церемоніймейстеры будутъ застигнуты врасплохъ.

По окончаніи ужина государь бралъ императрицу подъ руку и отводилъ ее въ Николаевскій залъ, гдѣ начинался котильонъ. Вскорѣ послѣ этого, высочайшія особы, незамѣтно, удалялись во внутренніе аппартаменты. На порогѣ Малахитоваго зала ихъ величества прощались со своей свитой.

Послѣ этого министръ двора, свита, церемоніймейстеры и оберъ-гофмаршалъ поднимались на верхній этажъ, гдѣ для нихъ сервировался особый ужинъ.

Большой придворный балъ конченъ.

ГЛАВА II.

Встрѣчи съ иностранными монархами

Мое повѣствованіе не имѣетъ цѣлью перечисленія всѣхъ встрѣчъ съ иностранными монархами и описанія этихъ встрѣчъ во всѣхъ ихъ деталяхъ. Моею задачею — здѣсь, такъ же, какъ и на всемъ протяженіи моего разсказа — является отмѣтить нѣкоторыя интимныя детали, рисующія людей, какъ таковыхъ.

1. ГЕРМАНСКІЙ ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II.

Больше всего встрѣчъ у императора Николая II было съ Вильгельмомъ II.

Чрезвычайно нервный — временами онъ производилъ впечатлѣніе истеричнаго человѣка — кайзеръ имѣлъ способность выводить изъ себя всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ соприкасался. Помню, какъ, въ Вольфсгартенѣ, онъ секвестровалъ на два часа царя. Послѣ этого разговора государь былъ чернѣе тучи. Впрочемъ, онъ всегда бывалъ озабоченъ послѣ встрѣчи со своимъ германскимъ кузеномъ.

У насъ, въ этомъ отношеніи, былъ уже выработавшійся опытъ. Сошлюсь только на одинъ примѣръ. Послѣ одной изъ встрѣчъ, Вильгельмъ II поднялъ на Гогенцоллернѣ сигналъ:

— Адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ адмирала Тихаго океана.

Извѣстно всѣмъ, что адмиралъ Ниловъ, по приказанію царя, поднялъ суховатый отвѣтъ:

— Добраго пути.

Но никому, кажется, неизвѣстно, до сихъ поръ, что прошепталъ царь Нилову, прочитавъ дешифровку нѣмецкаго сигнала:

— Его надо просто связать, какъ сумашедшаго.

Что касается государыни, то она питала къ своему кузену почти нескрываемую антипатію. У нея всегда болѣла голова, когда предстояло обѣдать или завтракать съ Вильгельмомъ II. На яхтѣ Гогенцоллернъ она бы-

ла, если не ошибаюсь, одинъ единственный разъ. Въ личныхъ отношеніяхъ она была всегда на границѣ вѣжливости; она соблюдала этикетъ, и только...

Когда Вильгельмъ II шутилъ съ дѣтьми или бралъ наслѣдника на руки, только тотъ, кто совсѣмъ не зналъ Александры Феодоровны, могъ не замѣтить, что она искренно страдала, какъ въ пыткѣ.

Для лицъ свиты встрѣчи съ Вильгельмомъ II были тяжелымъ испытаніемъ. Надо было быть постоянно насторожѣ. Кайзеръ рѣдко пропускалъ случай поставить какой нибудь весьма щекотливый вопросъ.

Онъ грубо шутилъ со своими генералъ-адъютантами, даже очень почтенными. Я самъ видѣлъ, какъ онъ хлопалъ по спинѣ (и ниже спины) даже такихъ людей, какъ Шлиффенъ.

Какъ-то, послѣ охоты, Вильгельмъ II посадилъ меня за завтракомъ рядомъ съ собой, объяснивъ мнѣ, что желаетъ поставить мнѣ нѣсколько вопросовъ насчетъ императорскихъ театровъ. Не успѣлъ я дать и двухъ отвѣтовъ, какъ онъ вдругъ закатился цѣлой лекціей по хореографіи. По окончаніи завтрака кайзеръ пресерьезно сказалъ мнѣ, что остальные вопросы будутъ имъ поставлены въ свое время.

А проповѣдь, которой онъ насъ угостилъ на своей яхтѣ! Мы пріѣхали нѣсколько раньше государя и увидѣли алтарь съ Вильгельмомъ въ качествѣ пастора. Сверхъ мундира на немъ было одѣяніе протестантскаго священника. Въ теченіе битаго часа онъ растолковывалъ намъ смыслъ какого то текста, спеціально для насъ выбраннаго имъ въ Библіи.

Фредериксъ говаривалъ, что у него выработались надлежащія привычки и что онъ могъ не терять хладнокровія, но что и онъ все-таки возвращался совершенно разбитымъ послѣ каждаго свиданія съ кайзеромъ.

Свита германскаго императора, повидимому, придавала мало значенія эксцентричнымъ выходкамъ своего монарха. Въ Свинемюнде, отвѣчая на тостъ Николая II, Вильгельмъ увлекся и сказалъ экспромптомъ очень неожиданную рѣчь, которая была хорошо «взята» моими стенографами. Черезъ нѣсколько времени нѣмцы вручили мнѣ текстъ, не имѣвшій ничего общаго съ неосторожными заявленіями, только что сдѣланными Вильгельмомъ II. Канцлеръ Бюловъ попросилъ Извольскаго передать агентству Гавасъ представленный имъ текстъ, такъ какъ именно эту рѣчь кайзеръ «долженъ былъ» произвести, если бы его темпераментъ не оказался сильнѣе его осмотрительности. Извольскій долго колебался, но потомъ уступилъ.

— Рѣчь, сказанная императоромъ, была болѣе красива. Этотъ текстъ — болѣе осторожень. Пусть прессѣ дана будетъ официальная версія.

Никогда не забуду пріема, оказаннаго Вильгельмомъ II нашему министру иностранныхъ дѣлъ, графу Ламсдорфу, при свиданіи въ Данцигѣ. Графъ Ламсдорфъ провелъ всю свою жизнь у Пѣвческаго моста.

Очень культурный человѣкъ, онъ соединялъ большое честолюбіе съ удивительной застѣнчивостью, какъ это часто бываетъ съ людьми, никогда не выходившими изъ нѣдръ канцелярій. Онъ былъ очень маленькаго роста и поэтому носилъ чрезвычайно высокіе каблуки, вродѣ дамскихъ; фу-

ражка у него тоже была на заказъ, слегка вытянутая кверху. Все это плохо вязалось съ той жестокой качкой, которая насъ встрѣтила на Данцигскомъ рейдѣ.

Не знаю почему, но кайзеръ избралъ Ламсдорфа своей жертвой съ первой же встрѣчи. Желалъ ли онъ показать свое презрѣніе къ «штафиркѣ», явно страдавшему отъ морской болѣзни, какъ бы то ни было, но въ теченіе всего завтрака всѣ шутки кайзера шли исключительно по адресу Ламсдорфа. Князь Бюловъ, угрюмый и нервный, присутствовалъ при страданіяхъ своего коллеги, не имѣя возможности чѣмъ либо ему помочь.

Отъѣздъ съ яхты далъ поводъ къ новому издѣвательству. Катеръ, на который насъ должны были посадить, танцовалъ у трапа, какъ пробочка. Для привычныхъ людей это не представляло особаго затрудненія, но Ламсдорфъ совершенно растерялся. Онъ дважды упустилъ удобный моментъ и на третій разъ былъ наполовину подтолкнутъ сзади, а наполовину схваченъ на-лету матросами катера. И въ этотъ моментъ сверху раздался громовой раскатъ хохота: Вильгельмъ II покатывался отъ смѣха и кричалъ:

— Ну, вы не очень-то ловкій морякъ, господинъ министръ.

Нѣсколько часовъ спустя, Ламсдорфу принесли нѣмецкій орденъ. Онъ разсчитывалъ получить Чернаго орла, а Вильгельмъ пожаловалъ ему какой-то крестикъ, только что передъ тѣмъ созданный. Самъ Бюловъ долженъ былъ сдѣлать визитъ, чтобы утѣшить своего коллегу.

Всѣ эти грубыя выходки не имѣли подъ собою никакого серьезнаго основанія: кайзеръ имѣлъ свою манеру веселиться.

Я самъ, въ извѣстный моментъ, сдѣлался объектомъ весьма неумнаго поддразниванія. Вильгельмъ II вдругъ сталъ, почему-то называть меня Молосовымъ. Не было никакой возможности заставить его правильно произносить мое имя: между тѣмъ, даже для иностранцевъ оно не является слишкомъ труднымъ. Кайзеръ прислалъ мнѣ свой портретъ, на которомъ было правильно написанное посвященіе, но на конвертѣ, его же размашистымъ почеркомъ, было начертано: «Генералу Молосову»..

Мнѣ кажется, я могу точно указать тотъ моментъ, когда я впалъ въ немилость. .

Исторія эта довольно курьезна.. На островѣ Карлосъ были устроены маневры съ участіемъ Выборгскаго полка, коего шефомъ являлся Вильгельмъ II. Кайзеръ выразилъ желаніе стать во главѣ одной изъ ротъ въ моментъ, когда она пойдетъ въ «атаку». Царю очень это не понравилось, но разубѣдить «кузена» было невозможно.

Мы оказались, такимъ образомъ, свидѣтелями страннаго зрѣлища: русскіе солдаты на кого-то нападаютъ, подъ предводительствомъ германскаго императора, бойко помахивавшаго саблей.

Маневры эти имѣли своего присяжнаго фотографа, генерала Несвѣтевича, толковаго человѣка, вышедшаго въ отставку послѣ войны 1877 года и увлекавшагося съ тѣхъ поръ фотографіей. Онъ носилъ форму, и это

позволяло ему работать для русскихъ газетъ въ мѣстахъ, куда его штатскіе коллеги не допускались.

Чтобы лучше снять кайзера, Несвѣтевичъ припустился рысью и потерялъ при этомъ одну изъ своихъ калошъ... Само собой разумѣется, что калоши не входили въ установленное регламентами обмундированіе офицеровъ.

На несчастье, Вильгельмъ пронесся какъ разъ по тому мѣсту, гдѣ лежала злополучная калоша. Онъ проткнулъ ее шашкой и торжественно принесъ царю. А Несвѣтевичъ въ это время щелкнулъ затворомъ.

Можно себѣ представить, какая поднялась суматоха. Кто посмѣлъ явиться на маневры въ калошахъ... Наконецъ, вспомнили о Несвѣтевичѣ. Когда его вызвали, онъ явился съ калошей на одной изъ ногъ. Вильгельмъ II демонстративно сталъ съ нимъ разговаривать и сказалъ ему, что желаетъ во что бы то ни стало имѣть фотографію атаки... и, значитъ, калоши.

Въ тотъ же вечеръ я получилъ отъ министра двора приказъ уничтожить дурацкую фотографію. Ученикъ Ніепса долго сопротивлялся. Онъ, де, обѣщалъ именно эту фотографію германскому императору. Мы, все-таки, послали въ Берлинъ какой-то другой оттискъ.

Вообще Вильгельмъ II умѣлъ высказывать свое неудовольствіе даже очень высокопоставленнымъ лицамъ. Приведу по этому поводу инциденты, имѣвшіе мѣсто въ Килѣ, послѣ свиданія государя съ королемъ англійскимъ въ Коусъ (свиданіе это было очень непріятно кайзеру).

Мы медленно продвигались по Кильскому каналу. Кайзеръ не соблаговолилъ извѣстить насъ, что онъ прибудетъ на Штандартъ. На одномъ изъ послѣднихъ шлюзовъ онъ вдругъ объявился, неизвѣстно откуда. Поднялся на императорскую яхту, весьма офиціально поздоровался съ ихъ величествами и затѣмъ спросилъ государя, когда онъ отправится въ дальнѣйшее путешествіе. Николай II отвѣтилъ, что выходъ изъ Киля назначенъ рано утромъ, такъ какъ въ Петербургѣ предполагается офиціальная церемонія съ участіемъ ихъ величествъ. Кайзеръ ничего не сказалъ, простился очень холодно и уѣхалъ.

Какъ только мы бросили якорь въ Килѣ, царь получилъ отъ Вильгельма II небольшую записку, нацарапанную на листкѣ, явно вырванномъ изъ записной книжки. Кайзеръ просилъ отложить уходъ яхты изъ Киля до 8 часовъ утра, дабы германскій флотъ, сосредоточенный на рейдѣ, могъ достойнымъ образомъ привѣтствовать царя. Государь отвѣтилъ въ любезныхъ выраженіяхъ: ему будетъ пріятно, — сообщилъ онъ по-англійски, — увидѣть во всемъ его великолѣпіи флотъ кузена. Не могу объяснить почему, какимъ образомъ... но черезъ нѣсколько часовъ мы получили контръ-приказъ: никакого смотра не будетъ. И, замѣчательно, — самъ государь говорилъ потомъ объ этомъ, — что во второй бумагѣ не было приведено никакихъ мотивовъ новаго рѣшенія кайзера. Не будетъ смотра, и не будетъ... Точка... Само собой разумѣется, мы снялись съ якоря въ 5 часовъ утра.

Нѣкоторыя изъ лицъ свиты, все-таки, поднялись спозаранку, чтобы полюбоваться, неофиціально. нѣмецкими броненосцами, но густой туманъ испортилъ имъ все удовольствіе.

За завтракомъ государь посмѣялся надъ ихъ усердіемъ и сказалъ, что они были наказаны за нескромное любопытство.

— Чтобы мы не могли дѣлать сравненій англійскаго и нѣмецкаго флотовъ, Вильгельмъ II заказалъ для своей эскадры туманъ по мѣркѣ.

Тяжелое впечатлѣніе, вызванное этимъ инцидентомъ, было разсѣяно нѣсколько позже, во время нашего послѣдняго визита въ Берлинъ, по случаю брака дочери кайзера съ герцогомъ Эрнстомъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ: окруженный большимъ, чѣмъ на яхтѣ, количествомъ придворныхъ, Вильгельмъ II лучше приспосабливался къ условіямъ офиціальнаго визита монарховъ.

Чтобы закончить мои воспоминанія о нѣмецкомъ монархѣ, приведу одинъ инцидентъ, который имѣлъ мѣсто въ Спалѣ и который доказываетъ, что отношенія ихъ величествъ къ нѣмецкимъ ихъ родственникамъ всегда носили характеръ какой-то скрытый и почти неосознанной непріязни.

Принцъ Генрихъ Прусскій пріѣхалъ въ Спалу со своей женой Ириной, сестрой ея величества. (Этого рода визиты производились довольно регулярно: повидимому, они имѣли цѣлью освѣдомленіе о томъ, что думаетъ государь и его ближайшіе приближенные).

Въ день пріѣзда принца Генриха государь предложилъ ему проѣхаться верхомъ. Мы сдѣлали верстъ 20 по лѣсу неписуемой красоты. По возвращеніи, принцъ сказалъ царю:

— Очень интересная прогулка. Но ей далеко до того Distanz-Riti (проѣздъ на выдержку), о которомъ ты говорилъ мнѣ въ письмѣ. .

— Это только тренировка, — отвѣтилъ государь: — завтра я тебѣ покажу лѣса болѣе отдаленные.

И, проходя мимо меня, государь сказалъ:

— Принцъ Генрихъ хочетъ проѣхаться на выдержку. Пошлите поваровъ въ то мѣсто, о которомъ мы говорили. Для начала, я его прогоняю на 80 верстъ. На обратномъ пути спѣсь у него собьется.

И прибавилъ съ многозначительной улыбкой:

— Скажите, чтобы для меня осѣдлали вороного.

Государевъ вороной происходилъ отъ чистопороднаго рысака и англійской полукровки. У него была такая рысь, что свита должна была постоянно переходить съ рыси на галопъ и обратно. Всякій знаетъ, какъ это утомительно. Но свита состояла изъ людей, привычныхъ къ такого рода поѣздкамъ. Что касается принца, то онъ съ трудомъ выдержалъ сорокъ верстъ и, слѣзая съ лошади, сталъ на нее жаловаться. На обратномъ пути ему предложили выбрать любую изъ свитскихъ лошадей. Это не улучшило положенія, и онъ еле держался въ сѣдлѣ, когда мы возвращались домой. Натеръ себѣ ноги до крови и пять сутокъ не могъ потомъ сѣсть на лошадь.

Царь утѣшилъ его, указывая, что ко всему надо привыкнуть. Но лично мнѣ государь, проходя мимо, сказалъ:

— Теперь будетъ поспокойнѣе и не станетъ больше требовать поѣздокъ на выдержку. Удивительно, что всѣ моряки считаютъ себя великолѣпными кавалеристами . . .

2. АНГЛІЙСКІЙ КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ VII.

Какой контрастъ съ визитами Вильгельма II составлялъ пріемъ англійскаго короля въ Ревелѣ! . . .

Былъ яркій, солнечный и не очень жаркій іюньскій день. . Яхта «Викторія и Альбертъ» появилась на горизонтѣ. Вся наша эскадра, со «Штандартомъ» во главѣ, двинулась навстрѣчу. Послѣ обычныхъ привѣтствій, король Эдуардъ, королева и принцесса Викторія, ихъ дочь, перешли на «Полярную звѣзду», на которой находилась императрица-мать. Былъ сервированъ завтракъ. Государь встрѣтилъ короля въ формѣ англійской конной гвардіи (Hors Guards) съ громадной шапкой изъ медвѣжьяго мѣха. Король возвелъ государя въ званіе адмирала англійскаго флота, и послѣ этого императоръ вскорѣ появился въ соотвѣтственной формѣ, болѣе удобной для ношенія, особенно въ морѣ.

Послѣ объѣзда англійскихъ крейсеровъ, эскортировавшихъ короля, государь спросилъ меня, не найдется ли у меня въ запасѣ подарка, подходящаго для каютъ-компаніи. У меня, на счастье, была большая братина чеканнаго серебра, русской работы и русскаго стиля. Братина была тотчасъ же отвезена мною на одинъ изъ крейсеровъ, какъ первый подарокъ новаго адмирала англійскаго флота. Ковшъ этотъ пропутешествовалъ немало въ моихъ ящикахъ съ подарками.

Все это происходило чинно, съ достоинствомъ. Этикетъ англійскаго двора очень отличается отъ нашего. У насъ всѣ великіе князья, съ малолѣтства, пріучены стоять часами въ такъ называемомъ «серклѣ», порядкѣ весьма утомительномъ. На яхтѣ «Викторія и Альбертъ» дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Послѣ обѣда король, вмѣстѣ съ высочайшими его гостями, садился къ кресла; разносились кофе и ликеры; около каждаго монарха стояло свободное кресло, и лица, съ которыми король желалъ разговаривать, садились безъ всякаго стѣсненія. По окончаніи разговора, подчасъ очень длиннаго, король дѣлалъ знакъ головой, и сидѣвшій возлѣ него удалялся, при чемъ его мѣсто занималось другимъ лицомъ.

Что касается двухъ свитъ, то мы оставались въ той же каютѣ, но никто не обязанъ былъ стоять: желающіе могли садиться. Всѣ вопросы ранга и соціальнаго положенія отпадали, разъ дѣло не шло о служебноыхъ докладахъ.

Я помню, адмиралъ Керръ, очень почтенный морякъ, ходилъ взадъ и впередъ по каютѣ, ставя мнѣ время отъ времени нѣкоторые вопросы. Каждый разъ, отвѣчая, я вставалъ. Наконецъ, онъ мнѣ сдѣлалъ даже замѣчаніе:

— Я не могу сидѣть, такъ какъ я пятьдесятъ лѣтъ привыкъ стоять на вахтѣ. Но это не значитъ, что лица, не имѣющія моихъ привычекъ, тоже должны стоять. Здѣсь же гостиная, мы здѣсь не на службѣ . . .

Въ пять часовъ заигралъ оркестръ, и наши дамы и барышни стали танцовать. Адмиралъ Керръ пошелъ кружиться однимъ изъ первыхъ, пригласивъ одну изъ великихъ княженъ.

Вся царская семья сохранила самое пріятное воспоминаніе объ этомъ визитѣ. Наши гости умѣли изгнать изъ отношеній всякаго рода принужденность и нервозность.

3. ФРАНЦУЗЫ.

Визиты французовъ, нашихъ союзниковъ, тоже оставляли хорошее впечатлѣніе. Никогда не забуду, съ какимъ блескомъ прошелъ пріемъ президента Фальера; его сыну тотчасъ же дали прозваніе «дофина».

Въ качествѣ историка, занимающагося мелкими жизненными подробностями, отмѣчу, нѣсколько деталей; ихъ труднѣе всего забыть. Повѣрятъ ли мнѣ читатели, если я скажу, что самый глупый изъ анекдотовъ сильнѣе всего запечатлѣлся въ моей памяти.

Во время пребыванія французскихъ моряковъ въ Петербургѣ, устроено было большое представленіе въ ихъ честь въ Народномъ домѣ, грандіозномъ театрѣ, точно нарочно построенномъ для такого рода оказій. По должности моей, на мнѣ лежало освѣдомить печать о происшедшемъ торжествѣ. Потому ли, что одинъ изъ репортеровъ оказался недостаточно внимательнымъ, но его газета напечатала жирнымъ шрифтомъ: „Rèception dans la maison publique de Sanct-Pètersbourg“.. Редакторъ этой газеты, навѣрное, такъ и не узналъ, сколько издѣвательствъ мнѣ пришлось вынести изъ за этой описки . . . Во всѣхъ нашихъ клубахъ только и рѣчи было, что объ этомъ заголовкѣ. Графиня Фредериксъ жестоко обвиняла меня въ томъ, что я не умѣю «цензуровать» иностранныя газеты...

А вотъ еще деталь. Теперь она кажется такой незначительной . . . Въ тѣ времена о ней говорили недѣлями . . .

Возвращаясь со смотра въ Компьенъ, государыня слѣдовала въ коляскѣ, имѣя рядомъ съ собой г-жу Нарышкину, оберъ-гофмейстерину двора. Толпа окружала коляску, которая еле двигалась впередъ. Крики: «Да здравствуетъ императрица! Да здравствуетъ императрица!» — прокатывались изъ стороны въ сторону. Вдругъ, какой то маленькаго роста господинъ, — онъ оказался въ этотъ моментъ прямо передъ Нарышкиной и ему, видимо, хотѣлось быть любезнымъ, — закричалъ такъ громко, что покрылъ весь гулъ толпы:

— Да здравствуетъ дама налѣво!

Ему стали аплодировать, а Нарышкина получила послѣ сего прозвище «дамы налѣво».

Надо сказать, что пріѣздъ иностраннаго двора всегда ставитъ церемоніальную часть передъ неожиданными и, подчасъ, неразрѣшимыми затрудненіями.

Въ Витри, во время маневровъ французской арміи, царь ѣздилъ на своей собственной лошади (это всегда дѣлалось, въ томъ числѣ и для Вильгельма II). Члены свиты, само собой разумѣется, довольствовались мѣстными лошадьми.

Когда я садился на подведеннаго мнѣ коня, любезный офицеръ изъ свиты президента республики подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ваше превосходительство, мы знаемъ васъ, какъ очень опытнаго кавалериста; мы вамъ отобрали поэтому чистокровнаго коня.

Шагомъ дѣло шло какъ слѣдуетъ. Но вотъ, вдали показались два батальона. Царь пошелъ галопомъ. Свита послѣдовала его примѣру. Для меня же началось истинное мученіе. Мой конь шелъ такимъ галопомъ, который годился для скачки на призы. Замѣтивъ, что я выношусь передъ государемъ, — явно неприличное поведеніе для свитскаго генерала, — я сдѣлалъ вольтъ наружу. Но какъ только я кончилъ этотъ вольтъ, пришлось начать второй, такъ какъ моя лошадь во что бы то ни стало старалась опередить всѣхъ остальныхъ. При этомъ, къ стыду моему, все разстояніе до французскихъ солдатъ я совершилъ кругами, одинъ за другимъ.

Слѣзая съ этой лошади, я спросилъ вѣжливаго офицера по свитѣ президента республики:

— Она изъ скаковой конюшни?

— Такъ точно, ваше превосходительство: она взяла въ Лоншанъ нѣсколько призовъ.

— Охотно вѣрю... Я чуть не побилъ царя на пятьсотъ корпусовъ.

Во время того же визита произошелъ инцидентъ съ крещеніемъ внука маркиза Монтебелло, посла Франціи въ С.-Петербургѣ. Еще задолго до отъѣзда государя маркизъ просилъ его величество быть воспріемникомъ внука у купели. Царь не имѣлъ основаній отказать послу. Между тѣмъ оказалось, что наше пребываніе въ Компьенѣ совпало съ разгаромъ борьбы между кабинетомъ Вальдекъ-Руссо и клерикалами. Начались длинные и сложные переговоры. Французское правительство не желало, чтобы государь появился на офиціальной церемоніи въ католической часовнѣ. Николай II настаивалъ на своемъ: слово русскаго царя должно было быть нерушимымъ. Насколько я знаю, маркизъ Монтебелло потерялъ изъ-за этой исторіи свой постъ посла; его вскорѣ отозвали изъ С.-Петербурга...

Съ обѣихъ сторонъ каждый считалъ себя правымъ.

Во время визита въ Компьенъ произошли еще другіе инциденты, вызванные весьма похвальнымъ намѣреніемъ французовъ окружить насъ атмосферой той эпохи, къ которой относится компьенскій замокъ.

Напримѣръ, везли насъ въ Компьенъ въ поѣздѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Наполеону III. Вагоны были установлены золоченою мебелью и всякаго рода «гарнитурами» эпохи третьей имперіи. Все это было очень стильно. Но насколько вагоны были не комфортабельны! Узко, тѣсно... Въ довершеніе всѣхъ несчастій, вагоны оставлены были на прежнихъ рессорахъ, вовсе не приспособленныхъ для новыхъ скоростей. Государынѣ

чуть не сдѣлалось дурно; всѣ мы вышли изъ этихъ клѣтокъ разбитыми, измученными.

Самый дворецъ представлялъ чудо архитектуры . . . пока его осматриваешь въ качествѣ туриста. Въ комнатѣ, которая была отведена лично мнѣ, не оказалось воды; бритвы и флаконы одеколона пришлось ставить на драгоцѣнныя шифоньерки въ гостиной; всѣ удобства находились за версту отъ спальни. Короче говоря, дворецъ былъ нестерпимо стильнымъ . . .

Для торжественнаго банкета французскія дамы, желая сдѣлать удовольствіе ихъ величествамъ, одѣлись какъ бы по расписанію въ платья стиля ампиръ (. . . ибо дворецъ былъ отраженіемъ эпохъ Наполеона I и Наполеона III . . .) и напудрились какимъ то страннымъ лиловымъ порошкомъ. Впечатлѣніе получилось оригинальное: императрица и наши дамы, одѣтыя весьма изящно, по послѣдней парижской модѣ, среди хозяевъ - француженокъ, наряженныхъ въ костюмы эпохи директоріи и имперіи, въ покояхъ Наполеона I.

Сколько споровъ было, напримѣръ, насчетъ орденовъ! По пріѣздѣ во Францію мнѣ подали списокъ подлежащихъ награжденію лицъ и этотъ списокъ былъ въ три раза длиннѣе того, который выработанъ былъ мною въ С.-Петербургѣ при активнѣйшемъ участіи посла и военнаго агента. Когда я спрашивалъ:

— Ну, вотъ этотъ господинъ . . . Какую роль игралъ онъ при пріемѣ его величества? . . .

. . . мнѣ говорили въ отвѣтъ:

— *Его не было при пріемѣ* . . . Но онъ очень вліятельная особа . . .

А сколько было препирательствъ насчетъ того, кому какой орденъ дали . . . Не знаю почему, но французы рѣшительно отказывались отъ Св. Станислава . . . Отказывались даже отъ Станиславской звѣзды.

— Нѣтъ, — повторяли они: — пусть будетъ ниже степенью, но только Анна.

Не могли же мы давать всѣмъ этимъ вліятельнымъ лицамъ одинъ и тотъ же орденъ . . .

Закончу этотъ перечень нашихъ треволненій, — конечно, не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ инцидентовъ, — разсказомъ о нашемъ отъѣздѣ изъ Компьена. И на этотъ разъ обѣ стороны были правы, каждая посвоему.

Вся публика поѣхала на смотръ. Считая нужнымъ послѣдить за послѣдними приготовленіями къ отъѣзду, я рѣшилъ остаться во дворцѣ. Къ счастью. Вскорѣ я могъ удостовѣриться, что дворецъ опустѣлъ. Комендантъ его, чиновники, военные, прислуга: всѣ улетучились, такъ какъ всякому хотѣлось увидѣть смотръ. Царскій багажъ осиротѣло лежалъ на полу, предоставленный собственной своей судьбѣ.

Я пошелъ къ коменданту города. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что царскій багажъ его не касается.

— Помилуйте, — сказалъ я: — вѣдь это же будетъ неслыханный

скандалъ, если окажется, что царь принужденъ будетъ измѣнить свой маршрутъ и возвращаться съ поѣздомъ во дворецъ, чтобы забрать багажъ.

Въ концѣ концовъ, комендантъ города далъ мнѣ офицера и нѣсколько солдатъ.. Но когда они явились во дворецъ, то оказалось, что психика ихъ весьма отлична отъ психики нашихъ солдатъ:

— Пардонъ, — сказали они: — мы вовсе не являемся царскими носильщиками.

Опять обѣ стороны были правы...

Съ великимъ трудомъ уговорилъ я ихъ взяться за дѣло. Царь былъ въ пятистахъ шагахъ отъ поѣзда въ тотъ моментъ, когда мы грузили послѣднее мѣсто императорскаго багажа.

4. ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Визиты въ Вѣну и Мюрцштегъ запомнились мнѣ съ особенною ясностью, главнымъ образомъ вслѣдствіе разговоровъ, которые мнѣ пришлось имѣть съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ.

Мы всѣ отправились въ охотничій замокъ, гдѣ-то высоко въ Альпахъ, около Карлсграбена. Меня помѣстили въ верхней части громадной морены. Мнѣ удалось убить трехъ горныхъ козъ, изъ которыхъ одна получила мою пулю въ тотъ моментъ, когда распластавшись, сдѣлала скачокъ съ одной скалы на другую, и покатилась до подножья горы. Спускаясь внизъ по моренѣ, по окончаніи охоты, чтобы осмотрѣть мои трофеи, я былъ несказанно удивленъ, увидѣвъ мою козу у ногъ самого Франца-Іосифа.

— Мастерской выстрѣлъ, — сказалъ онъ мнѣ, еще издали, съ любезною улыбкою (Das war ein Meisterschuss).

Я просилъ прощенія, объясняя, что стрѣлялъ только потому, что не былъ освѣдомленъ о томъ, гдѣ штандъ его величества.

Францъ-Іосифъ успокоилъ меня и сказалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ «не могъ и не долженъ былъ» убить — въ этотъ день — болѣе трехъ козъ. Иначе, онъ достигъ бы знаменательнаго числа трехъ тысячъ козъ, павшихъ отъ его выстрѣловъ, и это обстоятельство дало бы мѣсто такимъ манифестаціямъ и оваціямъ охотниковъ, которыхъ слѣдовало избѣгать въ присутствіи гостя — русскаго царя.

Императоръ предложилъ мнѣ сѣсть на складной стулъ, и мы провели вмѣстѣ не мало времени.

Несмотря на свой возрастъ, Францъ-Іосифъ, видимо, обладалъ прекрасной памятью.

— Вѣдь это вы были мнѣ представлены, — сказалъ онъ тотчасъ же, — во время визита «Сандро Баттенберга»?

Я подтвердилъ это обстоятельство.

— Кажется, — продолжалъ императоръ, — вы были однимъ изъ немногихъ русскихъ, оставшихся вѣрными Сандро... Мнѣ даже разсказывали, что вамъ пришлось представлять какія то оправданія послѣ вашего

возвращенія въ Россію. Разскажите мнѣ, какъ было дѣло. Сандро мнѣ былъ очень симпатиченъ...

Я разсказалъ въ немногихъ словахъ, какъ произошла эта исторія и отмѣтилъ, что отъ грозившей мнѣ опалы меня спасли, приведенныя въ рапортѣ Александру III, слова его отца на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ. Благодаря меня за службу въ Болгаріи, Александръ II тогда добавилъ:

— Помни и впередъ, что служба Сандро есть служба мнѣ.

Францъ-Іосифъ былъ хорошо освѣдомленъ о нашихъ дѣйствіяхъ въ Софіи.

— Я убѣжденъ, что царь очень сожалѣлъ о томъ, что сдѣлали съ Сандро. Заставивъ его уѣхать изъ Болгаріи, ваши дипломаты пошли вразрѣзъ той политикѣ, которую Россіи было выгодно вести въ княжествѣ. Очень у васъ плохо подбирались генералы и представители, отправляемые въ Софію...

Онъ прибавилъ еще, что, по его мнѣнію, Сандро былъ очень талантливымъ человѣкомъ; «впрочемъ, онъ скорѣе годился вести солдатъ въ атаку, чѣмъ княжить въ такомъ молодомъ, безтрадиціонномъ государствѣ, какъ Болгарія, да еще въ такую тяжелую эпоху».

Много лѣтъ прошло послѣ этого разговора. Снова оказался я въ Вѣнѣ, сопровождая великаго князя Андрея Владиміровича, ѣхавшаго съ особою миссіею въ Болгарію. Послѣ обѣда, даннаго въ честь его высочества, императоръ подошелъ ко мнѣ и, во время разговора, спросилъ меня, видалъ ли я вдову князя Александра, и сказалъ:

— Навѣстите ее, это ее обрадуетъ. Она хорошая женщина. Разъ уже вы пріѣхали въ Вѣну, не забудьте это сдѣлать. Я ее очень люблю.

5. ЦАРЬ ФЕРДИНАНДЪ БОЛГАРСКІЙ

Свиданія съ болгарами могли бы занять не мало страницъ.

Принимая во вниманіе мою пятилѣтнюю службу въ Софіи, послѣ освободительной войны, государь назначалъ меня для сопровожденія великихъ князей, представлявшихъ его величество на цѣломъ рядѣ русско-болгарскихъ празднествъ. Возможно, что я посвящу особую книгу этимъ страницамъ русско-болгарскихъ отношеній. Настоящее мое изложеніе является серіею граффити, безъ всякой политической окраски. Поэтому, мнѣ придется быть очень краткимъ.

Являясь бывшимъ адъютантомъ князя Александра Болгарскаго, я не могъ разсчитывать быть персона грата при его преемникѣ, князѣ Фердинандѣ. Это было, между прочимъ, причиною, почему я просилъ не назначать меня «состоящимъ при» князѣ Фердинандѣ, во время пребыванія его въ Петербургѣ. Событія показали, что я ошибался. Его высочество, напротивъ, проявилъ мнѣ симпатію и пригласилъ меня, во время шипкинскихъ торжествъ, быть его гостемъ въ Софіи, гдѣ выказалъ мнѣ не мало вниманія.

Будущій болгарскій царь весьма гордился своимъ зоологическимъ са-

домъ, и мнѣ совѣтовали его посѣтить. Прійдя туда, какъ бы случайно, я встрѣтился съ княземъ, который повелъ меня по саду, славившемуся полною коллекціею змѣй, водящихся въ странѣ.

— Хотите посмотрѣть змѣй? ..

У меня издавна врожденное и неискоренимое отвращеніе ко всѣмъ пресмыкающимся. Изъ вѣжливости, я, конечно, отвѣтилъ утвердительно.

Князь повелъ меня къ ящикамъ, наполненнымъ этими отвратительными животными. Къ моему великому ужасу, онъ вдругъ сталъ вынимать, одну за другой, змѣй изъ ящиковъ, предварительно надѣвъ для этого какія-то зеленыя перчатки. Змѣи извивались по его рукамъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Фердинандъ подсунулъ мнѣ одно изъ этихъ ужасныхъ существъ и ласково разрѣшилъ поласкать его. Съ мужествомъ, достойнымъ спартанца, я сдѣлалъ надлежащій жестъ... надо-ли прибавить, что успокоился я только тогда, когда мы перешли въ другую часть сада. Очевидно, князь замѣтилъ по моему отвѣту, что я не поклонникъ змѣй, и, такъ какъ по своему характеру онъ любитъ дразнить, то доставилъ себѣ удовольствіе испытать крѣпость моихъ нервовъ. Затѣмъ его высочество повелъ меня въ теплицы, подолгу останавливался предъ пальмами и, въ точности, называлъ латинское имя каждой изъ нихъ.

Посѣщеніе зоологическаго сада, оранжерей и дворца, гдѣ мнѣ былъ предложенъ интимный завтракъ, заняли столько времени, что Оріентъ-Экспрессъ, на которомъ я долженъ былъ уѣхать, задержанъ былъ на цѣлый часъ по личному приказанію князя.

Послѣ завтрака Фердинандъ предложилъ мнѣ папиросу изъ своего великолѣпнаго портсигара, который подарилъ мнѣ на память, вѣроятно, чтобы загладить шутку съ змѣями. Повидимому, всѣ ученые немножко маніаки, даже когда у нихъ короны на головѣ, однако, милостивое и любезное отношеніе ко мнѣ его высочества я не могъ не оцѣнить.

6. ШАХЪ ПЕРСИДСКІЙ.

Визиты персидскаго шаха оставили въ моей памяти только два анекдота. Ихъ стоитъ разсказать.

На одномъ изъ придворныхъ пріемовъ, цѣлый рядъ сановниковъ и дамъ дефилировали передъ восточнымъ потентатомъ и были ему представлены. Отвѣчая на поклонъ одной изъ дамъ, шахъ громко сказалъ по-французски: — Pourquoi: vielle? laide? décolletée?...

Очевидно, въ Тегеранѣ приличія понимали иначе, чѣмъ въ Петербургѣ.

Во время курскихъ маневровъ, шахъ, ѣдучи на какой-то курортъ, пожелалъ посѣтить ихъ величества. Государь пригласилъ его присутствовать на финальномъ парадѣ. Передъ шахомъ пропустили громадное количество войскъ. Ему объяснили, что въ парадѣ участвуетъ сто тысячъ солдатъ.

Въ извѣстный моментъ, шахъ подозвалъ знакомъ своего адъютанта и что-то сказалъ ему на ухо. Мой товарищъ, Бельгардъ, бывшій въ свое

время инструкторомъ персидской кавалеріи, замѣтилъ, что адъютантъ остановился, совершенно безпомощный, около двери павильона, въ которомъ помѣщались императрица и шахъ.

Оказывается, шахъ поручилъ ему пойти и лично удостовѣриться, что не одни и тѣ же батальоны, повернувъ гдѣ-то сзади павильона, дефилируютъ по нѣсколько разъ передъ царемъ царей. Персидскій офицеръ, бѣдняга, не зналъ какъ исполнить столь деликатную миссію.

Бельгардъ свелъ его къ тому мѣсту, гдѣ происходила дислокація. Только этимъ путемъ удалось ему доказать, что парадъ производился безъ всякаго обмана.

Государь, которому это доложили, долго смѣялся надъ чисто восточною подозрительностью.

ГЛАВА III.

Ежедневный обиходъ при Дворѣ

1. ВЫСОЧАЙШІЙ СТОЛЪ.

Переходя къ вопросу о ежедневномъ обиходѣ ихъ величествъ, начну съ того, какъ стояло дѣло со столомъ.

Все, что относилось къ столу и къ церемоніалу обѣдовъ и завтраковъ, находилось въ завѣдываніи гофмаршала двора графа Бенкендорфа. У него было два помощника, князь Путятинъ и фонъ-Боде, которымъ присвоена была кличка «полковники отъ котлетъ»..

Графъ Бенкендорфъ считалъ себя, въ сферѣ своего вѣдѣнія, безраздѣльнымъ хозяиномъ и владыкой; былъ очень ревнивъ насчетъ своихъ полномочій и никому не позволялъ ни малѣйшаго посягательства на свои прерогативы. Само собой разумѣется, ему приходилось держаться въ рамкахъ выдѣленной ему части бюджета двора; но деньгами этими онъ распоряжался совершенно диктаторски. Ему присвоена была высокая честь: личный докладъ его величеству. Такимъ образомъ, онъ получалъ директивы непосредственно отъ царя. Въ исключительно важныхъ случаяхъ сообщалъ о полученныхъ имъ приказаніяхъ министру двора.

Столъ раздѣлялся на три категоріи или класса:

1. Столъ ихъ величествъ и ихъ непосредственной свиты.

2. Столъ гофмаршала для свиты не непосредственной и для сановниковъ, приглашаемыхъ ко двору.

3. Столъ прислуги, съ двумя подраздѣленіями, соотвѣтственно чинамъ.

Первый столъ предназначался для лицъ, спеціально приглашенныхъ ихъ величествами. Если особа, представлявшаяся ихъ величествамъ, не получала приглашенія къ столу, то она довольствовалась у гофмаршала.

Первый завтракъ подавался въ апартаментахъ. Онъ состоялъ изъ кофе, чая, шоколада, по выбору. Приносили также масло, разные сорта хлѣба (обыкновенный, сдобный, сладкій). Всякій могъ потребовать себѣ ветчины, яицъ, бэкона.

Затѣмъ приносились еще калачи. Это была традиція, вѣками установленная и сугубо освященная поощреніями государыни, очень полюбившей именно калачи. Такъ какъ калачное тѣсто славится особливо въ Москвѣ, наши булочники создали цѣлую легенду о томъ, что калачъ можно выпекать какъ слѣдуетъ только на водѣ непосредственно изъ Москва-рѣки.

Пришлось, значитъ, организовать доставку москворѣцкой воды. Были особыя цистерны, и ихъ гнали по рельсамъ во всякое мѣсто, гдѣ бы дворъ въ данный моментъ ни находился. Калачъ полагается кушать горячимъ; поэтому его подавали завернутымъ въ подогрѣтую салфетку.

Блюстителями установленныхъ обычаевъ при дворѣ была вся низшая прислуга, происходившая изъ дворцово-служительскаго сословія, существовавшаго при крѣпостномъ правѣ. То были крѣпостные лично государя. Впослѣдствіи сословіе это юридически перестало существовать, но почти всѣ придворные служители происходили изъ потомковъ этихъ крѣпостныхъ и представляли весьма сплоченную среду, какъ бы племя или касту. Было почти немыслимо противодѣйствовать традиціонности, впрочемъ, совершенно не касавшейся ихъ политическихъ убѣжденій. При выборахъ въ думу, дворцовая прислуга голосовала преимущественно за эсеровъ.

Приведу весьма характерный мой разговоръ съ гр. Бенкендорфомъ, опытнымъ знатокомъ психологіи дворцовыхъ служителей.

Во время большого обѣда въ Гофбургѣ, даннаго императоромъ Францемъ-Іосифомъ, меня поразило сходство придворныхъ ливрей, какъ и способа служить за столомъ австрійской придворной прислуги. При подачѣ десерта, наши сосѣди обратили вниманіе гостей на конфеты, завернутые въ бумагу съ фотографіями высочайшихъ особъ, и предложили намъ взять по нѣсколько такихъ конфетъ. По окончаніи обѣда всѣ такъ быстро оставили свои мѣста, что никто изъ гостей не успѣлъ взять своихъ конфетъ. Каково было наше удивленіе, когда, при выходѣ изъ дворца, мы получили каждый оставленнныя нами на столѣ конфеты ,завернутыя въ бумагу и завязанныя шнуромъ цвѣтовъ двора.

Я разсказалъ графу Бенкендорфу объ этомъ случаѣ и спросилъ его, нельзя ли и у насъ ввести подобный порядокъ. Гофмаршалъ отвѣтилъ, что это было бы невозможно.

По традиціямъ нашего двора, всѣ конфеты, не съѣденныя за столомъ приглашенными лицами, шли въ распоряженіе прислуги.

— Измѣнить эту традицію было бы слишкомъ трудно. Будетъ масса недовольныхъ.. . . А гости, все равно, не получатъ того, что будетъ для нихъ приготовлено. . .

Такъ смотрѣлъ на дѣло гофмаршалъ двора его величества, котораго считали очень строгимъ, съ безусловно устойчивымъ положеніемъ и большимъ авторитетомъ.

Завтракъ подавали въ полдень. Въ Ливадіи и во время охоты свита садилась за высочайшій столъ въ полномъ своемъ составѣ. Въ столовую надо было являться за пять минутъ до назначеннаго времени. Государь входилъ, здоровался съ присутствующими лицами и отправлялся къ столу съ закусками. Всякій бралъ, что хотѣлъ, и ѣли ихъ стоя. Изъ закусокъ перечислю: икра, балыки, селедка и «канапе», т. е. маленькіе сандвичи. Подавались также два или три сорта закусокъ горячихъ: сосиски въ то-

матномъ соусѣ, горячая ветчина, «драгомировская каша» и т. д. Государь выпивалъ двѣ рюмки водки и бралъ себѣ чрезвычайно маленькія порціи закусокъ. Государыня считала негигіеничнымъ начинать завтракъ съ ѣды стоя и никогда не подходила къ столу съ закусками.

Все это продолжалось около 15-ти минутъ. Фрейлины подходили по очереди къ государынѣ, которая разговаривала съ каждой изъ нихъ.

Послѣ закуски, всякій садился на предназначенное ему мѣсто. Искать это мѣсто въ присутствіи ихъ величествъ не полагалось: рекогносцировка, поэтому, производилась заблаговременно.

За завтракомъ государыня обыкновенно садилась рядомъ съ государемъ, направо отъ него, министръ двора въ этихъ случаяхъ помѣщался напротивъ ихъ величествъ. Если были приглашенные, таковыхъ сажали рядомъ съ ихъ величествами и съ министромъ двора; члены свиты размѣщались по старшинству; въ видѣ особаго исключенія, мѣсто по правую руку отъ государыни отводилось всѣмъ членамъ свиты поочереди, при чемъ не дѣлалось никакого различія между старшими и младшими.

Раньше, чѣмъ покончить съ вопросомъ о закускахъ, упомяну о церемоніи «презента». Этотъ подарокъ государю носилъ почему-то французское имя «презента».

Каждую весну уральскіе казаки приносили царю презентъ, т. е. большихъ рыбъ первой ловли и нѣсколько бочекъ икры.

Сначала презентъ существовалъ, какъ свободное проявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ казачьяго населенія. Но потомъ дѣло было урегулировано особою грамотой, обезпечивавшею казакамъ рыбные промыслы Урала, но обязывающею ихъ сдавать при дворѣ, что будетъ поймано въ первый день, такъ называемый, «царскій».

Царскій ловъ былъ важнымъ событіемъ. Онъ производился со льда, еще покрывавшаго рѣку, и требовалъ поэтому особой, довольно сложной техники. Во льду пробивались проруби и черезъ эти проруби протаскивались сѣти.

Самъ генералъ-губернаторъ присутствовалъ при этой церемоніи. Власти, конечно, выѣзжали въ полномъ составѣ. Служился сначала молебенъ, а потомъ духовенство окропляло святой водой проруби.

Икра изготовлялась на мѣстѣ; тамъ же солили рыбу. Въ тотъ же день вечеромъ особый поѣздъ отправлялся на сѣверъ. Презентъ везли бородачи-казаки, высоко цѣнившіе выпавшую на ихъ долю честь съѣздить въ столицу. Казаки эти ѣхали по избранію на кругѣ. Избирались, конечно, особо уважаемыя лица, георгіевскіе кавалеры.

Делегацію принималъ самъ царь, въ большой столовой дворца. Казаки входили, неся лучшіе образцы рыбы и икры новаго засола, свѣтло-сѣрой, съ янтарнымъ отливомъ. Подарки ставились на особый столъ, и царь — а также и государыня — отвѣдывали привезенные продукты, лучшее, что можно было достать на Уралѣ. Затѣмъ царь опоражнивалъ чарку водки

за процвѣтаніе уральскаго казачества. Делегація получала подарки, обыкновенно — часы съ двуглавымъ орломъ.

Послѣ этого казаки отправлялись къ министру двора и къ автору этихъ строкъ; дѣлали подношенія они также великимъ князьямъ и разнымъ высокимъ сановникамъ. Царскій ловъ былъ обиленъ. На свою долю я получалъ около пуда икры, чудесной, и 5—6 рыбъ, длиной въ метръ, а то и больше. Съ теченіемъ времени Уралъ сталъ менѣе богатъ рыбой (или усердіе казаковъ стало падать?). Къ концу царствованія презентъ сталъ почти наполовину менѣе обильнымъ.

Но, все-таки, икры хватало даже на отправку нѣкоторымъ иностраннымъ дворамъ, что дѣлалось по личнымъ указаніямъ ихъ величествъ.

Во время завтрака подавалось два блюда, каждое въ двухъ видахъ: яйца или рыба; мясо бѣлое или мясо черное. У кого былъ очень хорошій аппетитъ, тѣ могли получать всѣ четыре блюда. Ко второму блюду подавали овощи, для которыхъ имѣлись особыя добавочныя тарелки, весьма оригинальной формы, въ видѣ четверти луны. Въ концѣ завтрака подавались компоты, фрукты и сыръ.

Лакей, державшій блюдо, долженъ былъ класть вамъ надлежащую порцію на тарелку; такимъ образомъ, мужчинамъ не приходилось услуживать дамамъ. Но государь всегда бралъ съ блюда самъ, другіе стали ему подражать, и прежній обычай понемногу сталъ измѣняться.

Когда не было приглашенныхъ, кофе подавался за тѣмъ же столомъ. Царь зажигалъ папиросу и указывалъ, что ея величество разрѣшаетъ курить. Если же были приглашенныя лица, всѣ поднимались съ мѣстъ послѣ десерта, ихъ величества отвѣчали на общій поклонъ и переходили въ другую залу или въ садъ; кофе пили стоя, при чемъ ихъ величества разговаривали съ присутствующими. Курить можно было только послѣ того, какъ государь подастъ примѣръ.

Въ пять часовъ вечера чай подавали въ апартаментахъ. Иногда, если была охота, мы отправлялись пить чай къ какой нибудь изъ фрейлинъ, какая была поближе. Чтобы пить чай съ ихъ величествами, надо было получать особое приглашеніе.

Выходя къ обѣду, — въ восемь часовъ вечера, — ихъ величества здоровались съ тѣми лицами, которыхъ имъ не пришлось видѣть въ теченіе дня. Я всегда себя спрашивалъ: какъ это они устраивались, чтобы никогда не ошибиться... Въ Ливадіи вечеромъ не подавали закусокъ. Во время охотъ, наоборотъ, подавались особо-обильныя закуски.

Обѣдъ начинался съ супа съ маленькими волованами, пирожками или небольшими гренками съ сыромъ. Подчеркиваю, что волованчики подавались съ супомъ, а не какъ самостоятельное блюдо, т. е. не такъ, какъ это дѣлается заграницей. Затѣмъ шли: рыба, жаркое (дичь или куры), овощи, сладкое, фрукты. Кофе подавалось въ столовой. Конечно, въ торжественныхъ случаяхъ число блюдъ увеличивалось соотвѣтственно общимъ правиламъ интернаціональной кухни.

Какъ питье подавали: мадеру, бѣлое или красное во время завтрака (пиво, по желанію), за обѣдомъ давали разныя вина, какъ это дѣлается во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Къ кофе — ликеры.

Каждый обѣдъ и завтракъ долженъ былъ продолжеться ровно пятьдесятъ минутъ, ни одной минутой больше, ни одной меньше. Это тоже была традиція, и гофмаршалъ зорко слѣдилъ за ея соблюденіемъ. Благодаря этому, блюда заблаговременно приносились и, конечно, что бы ни готовили повара и шефы, все это доходило до обѣдающихъ до извѣстной степени въ поблекшемъ видѣ.

Традиціи пятидесяти минутъ положилъ начало Александръ II, который любилъ мѣнять мѣсто столовой; иногда онъ выбиралъ комнату или залъ, находившіеся весьма далеко отъ кухни. Въ то же время, царь требовалъ, чтобы блюда подавались безъ перерыва. Какъ только кончено съ рыбой, жаркое на столѣ. Гофмаршалу пришлось пожертвовать кулинарнымъ искусствомъ во имя быстроты сервировки блюдъ. Выдуманы были поэтому грѣлки съ кипяткомъ; перемѣну приносили минутъ за двадцать, на серебряномъ блюдѣ, съ серебряною же крышкою; все это ставилось на паровую грѣлку, въ ожиданіи момента подачи. Благодаря этимъ ухищреніямъ, ритмъ пятидесяти минутъ соблюдался. Но соусы погибали безславно, ибо все являлось на столъ въ подогрѣтомъ состояніи.

Фредериксъ боролся всю свою жизнь съ этимъ кулинарнымъ саботажемъ и «гастрономическимъ скандаломъ». Всего его авторитета оказалось недостаточнымъ для того, чтобы уничтожить паровыя грѣлки. Въ Ливадіи онъ рѣшился на крайнія средства. Призвалъ инженеровъ и велѣлъ построить желѣзную дорогу - подъемникъ. Желѣзная дорога соединяла кухню съ подваломъ - буфетной, а подъемникъ завершалъ путешествіе растбифа съ картошкой. Фредериксъ надѣялся, что его нововведенія позволятъ блюдамъ являться въ надлежащихъ облакахъ ароматическихъ паровъ. Министръ двора забылъ, оказалось, ознакомиться съ авторитетнымъ мнѣніемъ поваровъ. Сіи послѣдніе уперлись. По ихъ мнѣнію, поѣздъ, при всемъ его электрическомъ оборудованіи, все-таки, не могъ не расплескивать соусовъ; гдѣ поѣзду справиться съ кошачьей походкой тѣхъ поварятъ, которые носили блюда и которые могли остаться безъ дѣла! Приказаніе министра двора было исполнено: поѣздъ задвигался. Повара отвѣтили итальянской забастовкой; поѣздъ сталъ у нихъ ходить такъ медленно, такъ медленно, что крокетъ де воляй остывали окончательно. Въ концѣ концовъ, поѣздъ пересталъ ходить. Коллекціи грѣлокъ водрузили съ торжествомъ на старое мѣсто и больше съ ними никто не боролся.

Замѣчу, что государыня всегда находилась на особомъ режимѣ, и ея блюда приготовлялись въ буфетной на спиртовкахъ. Дѣйствительно хорошо мы ѣли только въ царскомъ поѣздѣ, гдѣ кухня находилась рядомъ со столовой и гдѣ за столъ садилось максимумъ шестнадцать человѣкъ. Въ поѣздѣ блюда приносились съ пылу горячими; можетъ быть, именно по-

этому только въ поѣздѣ государь иногда вызывалъ шефа, чтобы поблагодарить его за особо удачное блюдо.

Столъ гофмаршала мало чѣмъ отличался отъ стола государя. Можетъ быть, подавали немного меньше фруктовъ и раннихъ овощей.

Этотъ столъ подавался самому гофмаршалу, министру двора, когда онъ находился въ Петербургѣ, оберъ-гофмейстерскимъ и свитскимъ фрейлинамъ. Имѣли также право получать довольствіе этого стола военное дежурство при государѣ и офицеры, несущіе въ этотъ день караульную службу во дворцѣ. Лица, представлявшіяся ихъ величествамъ и не удостоившіяся личнаго приглашенія къ высочайшему столу, завтракали за столомъ гофмаршала, въ его присутствіи.

Столъ прислуги, должно быть, былъ очень вкуснымъ. Мой лакей все только толстѣлъ и покупалъ пояса подлиннѣе...

Принявъ верховное командованіе, государь пошелъ наперекоръ всѣмъ традиціямъ, приказалъ готовить себѣ только самыя простыя блюда. Онъ мнѣ самъ однажды сказалъ:

— Благодаря войнѣ, я понялъ, что простыя блюда гораздо вкуснѣе, чѣмъ сложныя. Я радъ, что отдѣлался отъ пряной кухни гофмаршала.

Перехожу къ винамъ. За завтракомъ государь пилъ только мадеру: большую рюмку, особо выбранной для него марки. Бутылка мадеры всегда ставилась передъ приборомъ царя. Онъ не любилъ, чтобы ему наливалъ вино лакей, «всегда слишкомъ дѣловитый и услужливый». Царь наливалъ себѣ вино самъ. Всѣмъ остальнымъ наливали лакеи: мадеру, бѣлое и красное вино, какъ это принято въ извѣстномъ порядкѣ за-границей. За обѣдомъ было болѣе разнообразія въ винахъ.

Всѣ эти вина были превосходны. Но имѣлся еще заповѣдный погребъ, «запасный», въ которомъ содержались, такъ сказать, вина выдающихся годовъ. Графъ Бенкендорфъ зорко наблюдалъ за этимъ заповѣднымъ погребомъ, настоящимъ предметомъ нашихъ вожделѣній.

Чтобы добраться до этого погреба, надо было пускаться на хитрости. Надо было, чтобы самъ министръ двора заговорилъ о заповѣдномъ погребѣ. Для сего требовался приличный предлогъ. Брался календарь и отыскивались святые и святыя. Когда оказывалось подходящее имя, отправлялись къ Фредериксу и объясняли ему, какъ обстоитъ дѣло. Онъ призывалъ Бенкендорфа и говорилъ ему

— У меня сегодня семейный праздникъ. Вы ужъ не откажите намъ въ булылочкѣ стараго винца.

— Боже мой! Эти вина берутся на случай большихъ торжествъ....

Приходилось слегка поторговаться и, въ концѣ концовъ, на столѣ появлялись стаканы «особаго назначенія». Замѣтивъ ихъ, государь смѣялся:

— Опять совершеннолѣтіе племянницы. Интересно знать, кто объ этомъ первый вспомнилъ... Держу пари, что Ниловъ или Трубецкой...

Фредериксъ особенно любилъ нѣкій Шато-Икемъ, именовавшійся нек-

таромъ. Не было никакой надежды получить стаканъ нектара, если на обѣдѣ присутствовала государыня.

Заповѣдный погребъ погибъ во время октябрьской революціи. Подвалы Зимняго дворца были разгромлены. Чего не могли выпить, то вылили на мостовую. Тѣла пьяныхъ лежали кучами. Площадь Зимняго дворца походила въ эту ночь на настоящее поле сраженія..

Строго говоря, вино, конечно, не играло при дворѣ той роли, которая ему была присвоена въ XVIII столѣтіи и раньше. Оставалась только одна традиція, и изъ этой традиціи всякій воленъ былъ дѣлать соотвѣтственныя заключенія.

Существовалъ обычай золотого коронаціоннаго кубка. Въ извѣстный моментъ торжественнаго обѣда, даваемаго по случаю коронаціи, оберъшенкъ подавалъ царю большой золотой кубокъ, наполненный виномъ, и громко возглашалъ:

— Его величество изволитъ пить!

Въ этотъ моментъ всѣ иностранные гости (не исключая и дипломатовъ) покидали Грановитую Палату. Во время послѣдняго коронованія, этотъ слегка странный тостъ не былъ провозглашенъ; но церемоніймейстеры, все таки, просили всѣхъ «чужеземцевъ» удалиться въ другіе залы, гдѣ спеціально для нихъ были накрыты столы. На пиршествѣ въ Грановитой Палатѣ должны были присутствовать только вѣрноподданные его величества.

Читатели, конечно, догадались сами, почему московскіе маккіавелли XVI вѣка сочли нужнымъ создать такой обычай...

При Александрѣ II всѣ подаваемыя вина были иностраннаго происхожденія. Александръ III создалъ для русскаго винодѣлія новую эпоху: онъ приказалъ подавать иностранныя вина только въ тѣхъ случаяхъ, когда на обѣдъ были приглашены иностранные монархи или дипломаты. Иначе, надо было довольствоваться винами русскими. Полковыя собранія послѣдовали примѣру, данному свыше. Я помню, что многіе офицеры находили неумѣстнымъ винный націонализмъ: вмѣсто собраній, они стали обѣдать въ ресторанахъ, не обязанныхъ считаться съ волей монарха. Признаюсь, что въ тѣ времена надо было имѣть много національнаго мужества, чтобы довольствоваться крымской кислятиной.

Но это продолжалось недолго. Подъ искуснымъ руководствомъ князя Кочубея, удѣлы быстро довели свои вина до высокой степени совершенства. Весьма скоро потребленіе иностранныхъ винъ сдѣлалось признакомъ просто снобизма.

Главнымъ вдохновителемъ русскаго винодѣлія былъ князь Левъ Голицынъ. Считалось, что онъ умѣетъ «пробовать» вино не хуже заправскихъ «дегустаторовъ».

Его виноградники находились въ 30-ти верстахъ отъ Ялты. Имѣніе называлось «Новый міръ». Александръ III заинтересовался этимъ гран-

діозныхъ предпріятіемъ и предложилъ Голицыну постъ главнаго администратора Массандры. Князь долго упирался и даже поставилъ условія:

— Никогда не надѣвать никакого мундира; никогда не получать ни званій, ни отличій; дѣлать въ Массандрѣ все, что заблагоразсудится.

Царь удивился, но далъ свое согласіе. Въ теченіе нѣкотораго времент Голицынъ управлялъ, не безъ успѣха, Массандрой. Но потомъ у него начались счеты съ главноуправляющимъ удѣлами. Опъ былъ призванъ къ царю, но оказался настолько несговорчивымъ, что ему пришлось подать въ отставку.

Голицынъ послѣ этого посвятилъ себя всецѣло своему имѣнію. Въ послѣдніе годы царствованія Николая II, Голицынъ предложилъ «Новый міръ» въ подарокъ государю. Зная князя, какъ человѣка эксцентричнаго, государь предложилъ князю изложить письменно условія этого даренія. Оказалось, что условій этихъ не мало, и, при томъ, не очень простыхъ. Государство обязывалось создать въ «Новомъ мірѣ» цѣлую академію виноdѣлія. Голицынъ долженъ былъ быть ея пожизненнымъ президентомъ, съ правомъ проживать въ имѣніи до самой своей смерти. По произведеннымъ подсчетамъ, академія должна была вскочить удѣламъ въ крупную копейку. Церь, однако, заинтересовался планами князя, и приказалъ не считаться съ расходами.

Я помню посѣщеніе ихъ величествами «Новаго міра».

Подвалы имѣли три версты въ длину. На перекресткахъ галлерей устроены были круглыя комнаты для «пробованія» вина. Одна изъ этихъ залъ называлась «винной библіотекой»; въ ней находилась спеціальная коллекція старинныхъ стакановъ и кубковъ, подобранныхъ по сортамъ вина. Раскупоривая знаменитые «годы», князь болталъ безъ остановки...

— Хотѣла бы я знать, — сказала на возвратномъ пути государыня, — сколько часовъ можетъ онъ говорить безъ остановки...

2. КАКЪ ПРОВОДИЛОСЬ ВРЕМЯ.

Я могу говорить только о томъ, какъ проводили время ихъ величества въ Ливадіи, такъ какъ только въ Крыму я находился въ непосредственномъ общеніи съ государемъ и его семьей.

Утро было посвящено государемъ работѣ, за которую онъ садился тотчасъ же послѣ короткой прогулки.

Царь принималъ докладчиковъ стоя, впереди своего письменнаго стола. Садясь, онъ указывалъ посѣтителю кресло, а также выдвигалъ изъ стола особую доску, на которой можно было расположить пренесенныя бумаги. Во время доклада государь курилъ, при чемъ и докладчикъ получалъ разрѣшеніе зажечь папиросу.

Царь очень цѣнилъ тѣхъ докладчиковъ, которые умѣли излагать даже запутанныя дѣла, не выходя изъ разговорнаго тона. Раньше чѣмъ слушать докладчика, царь бралъ докладъ, просматривалъ первыя его строки (чтобы

выяснить себѣ, о чемъ будетъ идти рѣчь) и внимательно прочитывалъ заключеніе доклада, т. е. ту его часть, которая перечисляла мѣры, предлагаемыя министромъ. Если сущность этихъ мѣръ не была вполнѣ ясна, царь просматривалъ также и остальныя страницы доклада. Онъ не любилъ такихъ докладовъ, въ которыхъ были нагромождены аргументы, явно ненужные. Ген. Сухомлиновъ, военный министръ, обладалъ особеннымъ умѣніемъ овладѣвать вниманіемъ царя и держать его въ напряженіи, въ случаѣ надобности, часа два подрядъ.

Когда докладъ бывалъ оконченъ, царь подходилъ къ окну и начиналъ говорить о постороннихъ вещахъ, подчеркивая этимъ, что аудіенція кончена.

Иногда доклады дѣлались также вечеромъ, отъ 4 до 6½ часовъ..

Царь никогда не пропускалъ ни одной церковной службы, каковы бы ни были обстоятельства, могущія оправдать его непоявленіе въ церкви. Служба начиналась только послѣ прихода его величества и продолжалась около часу. .

Царь встрѣчался со своей семьей только за столомъ, во время пятичасоваго чая и вечеромъ, если у него не было особо-срочной работы.

Еще до окончанія завтрака, государыня дѣлала знакъ дѣтямъ, и они бросались въ садъ, увлекая за собой барона Мейендорфа, начальника личнаго конвоя царя. Баронъ Мейендорфъ умѣлъ прекрасно занимать великихъ княженъ; смѣхъ и крики тотчасъ же раздавались снаружи.

Бывшій «дирижеръ» придворныхъ баловъ, баронъ умѣлъ завоевать, благодаря своему веселому и общительному характеру, симпатіи обѣихъ императрицъ. Сдѣлавшись старше, онъ сохранилъ свой веселый нравъ и упрочилъ свое положеніе въ глазахъ младшаго поколѣнія..

Онъ былъ чрезвычайно симпатиченъ; всѣ его любили, но никто съ нимъ серьезно не считался. Надо сказать, что ему сильно мѣшала его супруга, «тетя Вѣра», дама честолюбивая и часто смѣшная.

Баронесса была предсѣдательницей Общества покровительства животныхъ; усердіе ея въ области исполненія функцій предсѣдательницы создавало рядъ затрудненій для всей администраціи Крыма..

Разъ она потребовала, чтобы куръ не носили на рынокъ «внизъ головой», въ виду возможности обмороковъ... Губернаторъ отдалъ соотвѣтственное распоряженіе. Но весьма скоро баронесса явилась къ нему съ жалобами.

— Я не допускаю мысли, — сказалъ губернаторъ, — чтобы крестьяне не исполнили моего распоряженія.

— Передъ моей дачей все обстоитъ благополучно. Но за угломъ несчастныя куры опять попадаютъ въ положеніе вертикальное... Я сама ходила тайкомъ посмотрѣть....

Особенно знаменитою баронесса сдѣлалсь послѣ исторіи краснаго пу-

деля. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она выходила изъ своей виллы, подъ ноги ей попалъ пудель, выкрашенный въ ярко-красный цвѣтъ.

Баронесса хотѣла поймать пса, но, неизвѣстно откуда, набѣжала масса дворняжекъ. Дальше получилась такая картина. По улицѣ мчался красный пудель, за пуделемъ — дворняжки, а за дворняжками мчалась баронесса, крича:

— Держите, держите красную собаку!..

Городовой ухитрился въ концѣ набережной поймать пуделя. Баронесса приказала ему нести собаку прямо въ губернаторскій домъ, слѣдуя сама за нимъ въ величайшемъ волненіи.... Губернаторъ принужденъ былъ принять ее внѣ всякой очереди.

— Какая тутъ администрація! — волновалась она. — Безобразіе! Позоръ! Я требую строжайшаго наказанія для того, кто позволилъ себѣ истязать эту собаку!..

— Простите, баронесса. Но въ чемъ же состоитъ истязаніе? Дамы себѣ красятъ волосы, и это считается вполнѣ умѣстнымъ....

— А самолюбіе собаки? Вы съ нимъ не считаетесь?.. Боже мой, всѣ дворняжки Ялты бѣжали за пуделемъ. Собака явнымъ образомъ страдала...

— Вы не можете этого доказать... Пуделю, можетъ быть, льстило, что на него обращаютъ вниманіе...

Баронесса потребовала, чтобы было произведено дознаніе. Оказалось, что пуделя выкрасилъ въ красный цвѣтъ одинъ изъ офицеровъ, находившихся подъ начальствомъ ея мужа... Доложено было государю: тотъ приказалъ довести до свѣдѣнія баронессы, что виновнаго найти не удалось....

По окончаніи завтрака царь говорилъ присутствующимъ со своей обычной простотой:

— Въ такомъ-то часу я поѣду верхомъ. Кто желаетъ сопровождать меня, благоволите заказать себѣ лошадей.

Намъ приводили небольшихъ лошадокъ, привыкшихъ лазать по откосамъ горъ. Любителей этого рода спорта было немного. Въ концѣ концовъ вышло такъ, что я одинъ сопровождалъ государя, не считая, конечно, дежурнаго флигель-адъютанта, который ѣхалъ, такъ сказать, по обязанности..

Но это недолго продолжалось. Разъ, въ сильный дождь, Николай II около Массандры шелъ большой рысью, распустивъ поводья. На мягкой глинѣ на поворотѣ лошадь поскользнулась. Царь упалъ, сильно ушибъ себѣ ногу, но оказался въ состояніи снова сѣсть въ сѣдло и вернуться въ Ливадію; здѣсь силы его покинули, и онъ еле поднялся на крыльцо. Государыня была страшно перепугана и умоляла царя больше не дѣлать прогулокъ верхомъ. Къ тому же, появились автомобили около этого времени;

было гораздо пріятнѣе доѣзжать до опредѣленнаго мѣста и потомъ сразу лѣзть на высоту. Скоро оказалось, что одинъ Дрентельнъ, исключительный ходокъ, въ состояніи слѣдовать за государемъ, ходокомъ необычайно выносливымъ. Царь вообще былъ очень крѣпко сложенъ; внѣ своего кабинета онъ рѣдко когда садился; я никогда не видѣлъ, чтобы онъ къ чему-нибудь прислонялся; выдержка его была замѣчательна.

Прогулка государя вызывала немало заботъ для лицъ, приставленныхъ къ дѣлу личной охраны монарха. Нельзя было не помѣстить нѣкоторое количество переодѣтыхъ полицейскихъ на тѣхъ дорогахъ, по которымъ предполагалъ пройти государь, особенно если эти дороги пересѣкали деревни, населенныя Богъ вѣсть какими татарами. Но царь ненавидѣлъ этихъ, какъ онъ называлъ, «ботаниковъ» или «любителей природы». Особенное удовольствіе ему доставляло обмануть всѣхъ этихъ господъ, интересовавшихся всѣмъ чѣмъ угодно, но только не особой государя.

Отчаяніе начальника дворцовой полиціи было подчасъ неописуемо. Чтобы помочь ему, я обѣщалъ телефонировать ему всякій разъ, какъ государь, въ пути, измѣнитъ заранѣе намѣченный маршрутъ. Въ такихъ случаяхъ я посылалъ одного изъ ординарцевъ (слѣдовавшихъ за нами) протелефонировать на полицейскій постъ, и, благодаря этому, дислокація «ботаниковъ»вдругъ мѣнялась. Они срывались съ своей безпечной прогулки и лѣзли внизъ или наверхъ по козьимъ тропамъ, для сокращенія пути.

Разъ, послѣ одного изъ подобныхъ маневровъ полиціи, царь, увидѣлъ начальника охраны въ тотъ моментъ, когда тотъ вырялъ, головой впередъ, въ какую-то саклю. Царь подозвалъ его и спросилъ:

— Я измѣнилъ направленіе прогулки послѣ того, какъ вышелъ изъ дворца. Какимъ образомъ могли вы узнать объ этомъ? Почему вы все таки оказались на моемъ пути?

Сконфуженный начальникъ охраны, не желая меня выдать, сталъ что-то бормоталъ о предвидѣніи и о предчувствіи. Больше ему ничего не оставалось дѣлать . . .

«Любители природы» получили еще разъ «строжайшій» (о, насколько безполезный . . .) приказъ не задерживаться на тѣхъ тропинкахъ, гдѣ его величество можетъ пожелать гулять.

Царь нерѣдко игралъ въ теннисъ. Игралъ очень хорошо, и его противники, морскіе офицеры и фрейлины, были много слабѣе его. Узнавъ, что у Юсуповыхъ гоститъ ихъ племянникъ, графъ Сумароковъ-Эльстонъ, чемпіонъ Россіи, его величество приказалъ пригласить его въ Ливадію.

Мнѣ разсказывали, что Сумароковъ, лѣвша, выигралъ всѣ сеты. Послѣ чая, государь попросилъ реваншъ. Сумароковъ ухитрился такъ попасть царю мячомъ въ ногу, что государь упалъ и долженъ былъ пролежать три дня въ постели. Бѣдный чемпіонъ былъ въ отчаяніи, хотя вины съ его стороны не было, конечно, никакой. Говорятъ, что Юсуповы силь-

но его бранили. Выздоровѣвъ, государь снова пригласилъ Сумарокова въ Ливадію, но чемпіонъ уже не смогъ играть съ прежней энергіей.

Если не считать свиты ихъ величествъ, мало кто приглашался къ чаю. Даже великія княгини являлись только въ томъ случаѣ, если ихъ спеціально о томъ просили. Ни государь, ни государыня никогда не стремились расширить кругъ лицъ, могущихъ имѣть непосредственное съ ними общеніе.

Въ теченіе всей своей службы, я никогда не видѣлъ, чтобы кто-нибудь былъ приглашенъ къ ихъ величествамъ вечеромъ, послѣ обѣда. Съ своей стороны, ихъ величества никогда ни къ кому вечеромъ не ѣздили, если не считать императрицы-матери и вел. княгини Ксеніи Александровны (визиты къ черногоркамъ стоятъ совершенно особо).

При такихъ условіяхъ, вечера проводились спокойно и однообразно. Вначалѣ государыня оставалась въ гостиной, ожидая конца партіи государя (безикъ или домино). По мѣрѣ того какъ прогрессировала ея болѣзнь, императрица все рѣже выходила къ обѣденному столу. Обѣдала она или одна, или «въ двухъ персонахъ» (съ государемъ), какъ это записывалось въ пресловутый гофъ - фурьерскій журналъ, имѣющій свой особый стиль.

Свита устраивала нѣсколько столовъ бриджа. Но игра недолго продолжалась. Государыня вставала. Я, заваленный работой, обыкновенно уходилъ раньше, оставляя наблюдателя, обязаннаго сообщить мнѣ, когда ея величество прощалась съ присутствовавшими.

Тогда я возвращался въ гостиную. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что мое отсутствіе остается незамѣченнымъ. Но однажды, подходя послѣднимъ «къ ручкѣ», я услышалъ:

— Вы очень искусно возвращаетесь въ нужный моментъ.

— Ваше величество, у меня была срочная работа.

— Какъ всегда...

— Все же, не могу я остаться «безъ ручки»...

— Я васъ понимаю, — любезно сказала мнѣ государыня, которая, повидимому, такъ же, лишь по обязанности, проводила часть вечера въ гостиной.

ГЛАВА IV.

Путешествія Ихъ Величествъ

1. ПУТЕШЕСТВІЯ ПО ЖЕЛѢЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

Путешествія по желѣзной дорогѣ вызывали крупныя осложненія. Я только что былъ назначенъ начальникомъ канцеляріи, какъ мнѣ пришлось заняться подготовкой путешествія въ Крымъ, съ заѣздомъ въ Бѣловѣжъ, для охоты.

Сколько бумагъ надо было составить!... Дворцовая полиція: охрана во время пути. Желѣзнодорожный батальонъ: охрана мостовъ и туннелей. Военное министерство: часовые на всемъ протяженіи дороги. Послѣ 1906 г. всѣ вопросы охраны полностью перешли въ вѣдѣніе дворцоваго коменданта. Министерство внутреннихъ дѣлъ: кто и гдѣ будетъ представляться ихъ величествамъ. Гофмаршальская часть: подготовка резиденціи. Инспекторъ высочайшихъ поѣздовъ: отходъ и приходъ поѣздовъ. Кабинетъ его величества: подарки, которые необходимо взять на всякій случай; никогда нельзя было знать заранѣе, гдѣ, кто и когда удостоится высочайшаго подарка; въ видѣ правила, я возилъ съ собой тридцать два сундука, наполненные портретами, ковшами, портсигарами и часами изъ всѣхъ возможныхъ металловъ и всѣхъ возможныхъ цѣнъ.

Приготовленія осложнялись тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ переѣзды ихъ величествъ окружались великой таинственностью.

Государь и государыня терпѣть не могли отвѣчать на вопросы, куда они поѣдутъ и когда кого будутъ принимать. Въ полдень иногда я не зналъ еще, что поѣздъ назначенъ на три часа пополудни... Приходилось поддерживать «дружескія» отношенія съ челядью: скороходами, горничными, лакеями, гофъ - фурьерами... Они подбирали, на ходу, обрывка разговоровъ; и отъ нихъ по телефону я узнавалъ, что царь или царица сказали насчетъ предстоящаго путешествія. Эти услуги, конечно, не были безкорыстными.

Для путешествій своихъ царь располагалъ двумя поѣздами. По внѣшнему виду ихъ нельзя было отличить одинъ отъ другого: восемь вагоновъ голубого цвѣта, съ монограммами и гербами. Ихъ величества ѣхали въ одномъ изъ поѣздовъ, второй служилъ, какъ теперь говорятъ, послѣ войны, для камуфляжа. Онъ шелъ пустой или спереди или сзади «настоящаго»

царскаго поѣзда; даже начальники движенія не могли знать, въ какомъ именно изъ двухъ поѣздовъ находится царь и его семья.

Въ первомъ вагонѣ находились конвой и прислуга; какъ только поѣздъ останавливался, часовые, бѣгомъ, занимали свои мѣста у вагоновъ ихъ величествъ. Во второмъ вагонѣ находилась кухня и помѣщеніе для мэтръ д'отеля и поваровъ. Третій вагонъ представлялъ собой столовую (краснаго дерева); треть этого вагона отведена была подъ гостиную, съ тяжелыми драпировками и мебелью, обитою бархатнымъ штофомъ; тамъ же стояло піанино. Столовая была разсчитана на шестнадцать кувертовъ.

Четвертый вагонъ пересѣкался во всю его ширину коридоромъ, и былъ предназначенъ для ихъ величествъ. Первое купэ, двойного размѣра, являлось рабочимъ кабинетомъ государя: письменный столъ, два кресла, маленькая библіотека. Затѣмъ шли ванная и спальня ихъ величествъ. Не могу сказать, какъ обставлено было это купэ, такъ какъ я въ него никогда не входилъ. Наконецъ, еще тройное купэ представляло собой гостиную государыни — сѣро - лиловатыхъ тоновъ. Если императрицы не было въ поѣздѣ, купэ это закрывалось на ключъ.

Въ пятомъ вагонѣ находилась дѣтская; драпировки были изъ свѣжаго кретона, а мебель — бѣлая. Фрейлины помѣщались въ этомъ-же вагонѣ.

Шестой вагонъ отводился свитѣ. Онъ былъ раздѣленъ на девять купэ, изъ которыхъ одно, двойное, посерединѣ вагона, предназначалось для министра двора.

Наши купэ было много просторнѣе, чѣмъ въ международныхъ спальныхъ вагонахъ. Комфортъ былъ обезпеченъ, конечно, полностью. На каждой двери была рамка для помѣщенія визитной карточки. Одно купэ всегда оставалось свободнымъ: въ него помѣщали лицъ, представлявшихся ихъ величествамъ въ пути и почему либо оставляемыхъ въ поѣздѣ.

Наконецъ, седьмой вагонъ предназначался для багажа, а въ восьмомъ находились инспекторъ высочайшихъ поѣздовъ, комендантъ поѣзда, прислуга свиты, докторъ и аптека. Канцелярія двора и походная канцелярія помѣщались, какъ могли, въ багажномъ вагонѣ.

Я никогда не забуду перваго дня, проведеннаго мною въ царскомъ поѣздѣ.

Наканунѣ отъѣзда наша прислуга расположила — въ соотвѣтственныхъ купэ — одежду и туалетныя принадлежности. Все лишнее бросалось въ багажный вагонъ, доступъ въ который былъ открытъ и днемъ и ночью.

Мы собрались въ царскомъ павильонѣ за полчаса до пріѣзда ихъ величествъ. Государь, государыня и дѣти прибыли за нѣсколько минутъ до отхода. Поѣздъ двинулся въ путь тотчасъ же.

Въ пять часовъ вечера скороходъ прошелъ по вагонамъ, заявляя, что ихъ величества приглашаютъ насъ къ чаю. Собрались въ салонѣ. Государыня подошла ко мнѣ и сказала нѣсколько словъ, видимо, для того, чтобы одобрить новичка. Затѣмъ мы перешли въ столовую и заняли мѣста по старшинству. Царь и царица сидѣли посерединѣ стола, одинъ противъ

другого. Я былъ въ это время въ чинѣ полковника и, поэтому, оказался на самомъ концѣ стола. Двѣ старшія фрейлины сидѣли направо и налѣво отъ государя. Сосѣдями государыни являлись графъ Фредериксъ и генералъ - адъютантъ Гессе. Когда государыня отсутствовала, ея мѣсто занималось графомъ Фредериксомъ. Общій разговоръ тотчасъ же завязывался между лицами, сидящими вблизи отъ царя. Остальная публика разговаривала между собою и вполголоса.

Присутствіе императрицы, — я скоро въ этомъ убѣдился, къ сожалѣнію, — создавало какую то атмосферу принужденія и неловкости, видимо, ощущаемое и самой императрицей. Мы всѣ были веселѣе и разговорчивѣе, когда ея съ нами не было.

Наиболѣе красочнымъ изъ путешественниковъ былъ, конечно, придворный хирургъ, докторъ Гиршъ Въ моментъ моего назначенія, ему было подъ восемьдесятъ лѣтъ; началъ онъ свою службу при Александрѣ II и продержался на протяженіи трехъ царствованій. Его познанія въ области медицины не могли быть очень свѣжими, и свита смотрѣла на него слегка снисходительно. Но государыня очень его уважала и онъ, такъ сказать, входилъ въ составъ царской семьи. Съ нимъ совѣтовались по поводу воспитанія дѣтей, ему прощали всѣ его эксцентричности.

Напримѣръ, онъ курилъ сигары безъ остановки, зажигая новую объ окурокъ предшествующей. Между тѣмъ, государыня не выносила запаха сигаръ.

Я слышалъ, какъ она однажды сказала Гиршу:

— Отодвиньтесь немного, а то я задохнусь.

— Ваше величество, я курю сегодня первую и очень маленькую сигару . . .

— Хороша маленькая сигара . . . Изъ подъ двери вашего купэ шелъ такой дымъ, точно подожгли амбаръ табаку.

Когда Гиршу говорили:

— Никотинъ, это ядъ.

Онъ отвѣчалъ:

— Да, ядъ, но ядъ медленнаго дѣйствія, Я его принимаю пятьдесятъ лѣтъ подрядъ, и онъ еще ничего не могъ со мной сдѣлать.

Прислуга приносила чай. Столъ былъ заставленъ печеньемъ и фруктами. Алкоголя не было, но флагъ - капитанъ Ниловъ не могъ обходиться безъ рому или коньяку, и когда онъ выходилъ къ чаю, лакей подавалъ ему соотвѣтственную бутылку.

Чай продолжался около часу. Часто государю приносили послѣднія агентскія депеши, еще имъ не просмотрѣнныя. Просмотрѣвъ ихъ, онъ передавалъ листки сосѣду. Фрейлины, при этомъ, въ счетъ не шли, ибо онѣ проявляли полное равнодушіе къ кускамъ бумаги этого рода.

Послѣ чаю мы возвращались въ вагоны, кто читалъ, кто разговаривалъ въ коридорѣ.

Обѣдъ подавался въ 8 часовъ и продолжался шестьдесятъ минутъ. Послѣ обѣда царь вставалъ, и мы всѣ ему глубоко кланялись.

Къ чаю, подававшемуся вечеромъ, царь выходилъ рѣдко, а царица — никогда. Но чай можно было пить кто какъ хотѣлъ, или въ столовой, или въ купэ. Опредѣленнаго часа для этого чая не было, такъ же, какъ и для утренняго кофе.

На слѣдующій день я пошелъ въ столовую ровно въ 8 часовъ утра. Почти одновременно, вошелъ въ вагонъ и государь. Онъ мнѣ приказалъ сѣсть рядомъ съ нимъ и спросилъ:

— Вы всегда такъ рано встаете?

— Ваше величество, если бы я вставалъ позднѣе, то мнѣ бы пришлось торопиться цѣлый день.

— Вотъ это правильно. Я тоже встаю очень рано. А вотъ вашъ начальникъ не имѣетъ этой хорошей привычки. Онъ едва кончаетъ свой туалетъ къ тому времени, когда подается завтракъ.

Я указалъ, что въ Петербургѣ мой докладъ у графа всегда начинался въ 10½ часовъ утра.

— Я его не упрекаю за то, что онъ долго занимается своимъ туалетомъ, что понятно въ его годы, — отвѣтилъ государь, — это прекрасный человѣкъ, вамъ будетъ пріятно работать съ нимъ.

Затѣмъ, послѣ паузы:

— Вы служили при немъ въ полку? Его часто обвиняютъ въ томъ, что онъ покровительствуетъ конногвардейцамъ... Я его понимаю: пріятно быть окруженнымъ лицами, которыхъ знаешь, которымъ можно довѣриться.

Поѣздъ останавливался на большихъ станціяхъ. Министръ двора заранѣе давалъ государю списокъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ допущены на перронъ. Царь выходилъ изъ вагона въ сопровожденіи свиты и разговаривалъ съ мѣстной администраціей. Губернаторы получали приглашеніе сѣсть въ вагонъ и слѣдовать до границы ихъ губерніи. Этой же чести удостаивались нѣкоторыя военныя лица; они дѣлали свои доклады въ пути; если надо было переночевать, имъ отводилось купэ въ свитскомъ вагонѣ.

Въ теченіе всего путешествія государь работалъ въ своемъ вагонѣ. Если выходилъ въ столовую для вечерняго чая, то иногда оставался тамъ съ членами свиты; устраивалась партія въ домино; въ случаѣ проигрыша, государь посылалъ лакея за деньгами, такъ какъ у него никогда не было денегъ въ карманахъ. Царь даже мало зналъ цѣну деньгамъ. Вспоминаю по этому поводу инцидентъ съ тройкой въ Скерневицахъ. Лошади понесли, и экипажъ остановился только благодаря мужеству казака, который схватилъ коренника за узду и протащился по землѣ на довольно длинное разстояніе, съ явной опасностью для жизни. Государь приказалъ мнѣ вознаградить казака.

— Дайте ему или золотые часы или двадцать пять рублей — по его выбору.

Я выдалъ смѣльчаку золотые часы и въ письменномъ докладѣ указалъ на несоотвѣтствіе стоимости часовъ съ назначенной государемъ суммой.

— Это большой пробѣлъ въ моемъ образованіи, — сказалъ мнѣ государь, смѣясь. — Я не знаю, сколько что стоитъ, мнѣ никогда ни за что не приходится платить деньгами.

2. ИМПЕРАТОРСКАЯ ЯХТА «СТАНДАРТЪ».

Государь особенно любилъ яхту «Штандартъ». Построенная въ Даніи, она считалась лучшимъ изъ судовъ этого рода во всемъ мірѣ. Водоизмѣщеніе ея было 4.500 тоннъ; окрашена она была въ черный цвѣтъ, съ золотыми украшеніями на носу и на кормѣ. «Штандартъ» имѣлъ высокія мореходныя качества и устроенъ былъ съ большимъ комфортомъ. Командовалъ яхтой контръ - адмиралъ Ломенъ, въ качествѣ флагъ-капитана его величества. Экипажъ боялся его, какъ самого Господа Бога; Ломенъ, дѣйствительно, былъ очень требователенъ, а когда сердился, то становился весьма рѣзокъ. Ломенъ утверждалъ, будто самъ государь, находясь на яхтѣ, былъ ему подчиненъ*). Зато внѣ служебныхъ отношеній онъ былъ общителенъ и любезенъ.

Фактическимъ командиромъ яхты былъ капитанъ 1-го ранга Чагинъ, при старшемъ офицерѣ Саблинѣ. Оба они могли гордиться тѣми сердечными отношеніями, которыя у нихъ были съ ихъ величествами. Въ письмахъ, которыя государыня отправляла мужу въ ставку, постоянно упоминается имя Саблина.

Чагинъ кончилъ жизнь трагически — самоубійствомъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, женщина, съ которой онъ былъ въ связи, оказалась принадлежащею къ группѣ эсеровъ - террористовъ. Вѣрно ли это, — не знаю.

Какъ только высочайшія особы поднимались на «Штандартъ», каждый изъ дѣтей получалъ особаго дядьку, т. е. матроса, приставленнаго слѣдить за личной безопасностью ребенка. Дѣти играли съ дядьками, устраивали имъ разные каверзы, дразнили ихъ... Младшіе офицеры «Штандарта» мало - по - малу присоединялись къ играмъ великихъ княженъ. Когда тѣ выросли, игры превратились незамѣтно въ рядъ флиртовъ, конечно, вполнѣ безобидныхъ. Слово флиртъ я употребляю не въ томъ вульгарномъ смыслѣ, который ему теперь даютъ; офицеровъ «Штандарта» лучше всего было бы сравнивать съ пажами или рыцарями средневѣковья. Много разъ вся эта молодежь потокомъ проносилась мимо меня, и никогда я не слышалъ ни одного слова, могущаго вызвать нареканія. Во всякомъ случаѣ, эти офицеры были чудесно вышколены однимъ изъ ихъ начальниковъ, который, съ своей стороны считался кавалеромъ государыни.

Надо отмѣтить, что великія княжны, — я говорю о томъ періодѣ, когда

*) Флагъ - капитанъ его величества отвѣчаетъ за безопасность государя съ того момента, какъ тотъ покидаетъ сушу и садится, все равно, на броненосецъ, на яхту, или въ шлюпку Въ этомъ послѣднемъ случаѣ флагъ - капитанъ лично становится на руль.

двѣ старшія были вполнѣ взрослыми барышнями, — часто разговаривали, какъ 10—12-лѣтнія дѣти.

Сама государыня становилась общительной и веселой, какъ только она вступала на палубу «Штандарта». Императрица участвовала въ играхъ дѣтей и подолгу разговаривала съ офицерами.

Офицеры эти, очевидно, занимали очень привилегированное положеніе. Часть ихъ каждый день приглашалась къ высочайшему столу. Государь и его семья нерѣдко принимали, съ своей стороны, приглашеніе на чай въ каютъ-компаніи.

Офицеры «Штандарта» страдали ли излишней свѣтскостью? Объ этомъ часто поговаривали въ военно-морскихъ кругахъ, (можетъ быть, изъ зависти...), особенно послѣ печальнаго инцидента съ аваріей «Штандарта».

Въ одинъ прекрасный день въ финляндскихъ шхерахъ внезапный толчокъ всполошилъ весь «Штандартъ» въ такой моментъ, когда этого менѣе всего ожидали. Яхта дала кренъ. Никто не могъ предугадать, чѣмъ эта исторія кончится. Государыня бросилась къ дѣтямъ. Собрала ихъ вокругъ себя, всѣхъ, кромѣ цесаревича; мальчика нигдѣ не могли найти. Можно себѣ представить, какое волненіе пережили родители въ эту страшную минуту.

Наконецъ, яхта перестала крениться. Моторныя лодки окружили ее со всѣхъ сторонъ.

Царь побѣжалъ по палубѣ, крича, чтобы всѣ искали цесаревича. Прошло немало времени, прежде чѣмъ обнаружили его мѣстонахожденіе. Оказалось, что дядька Деревенько, при первомъ же ударѣ о скалу, взялъ его на руки и пошелъ на носъ яхты, считая вполнѣ правильно, что съ этой части «Штандарта» ему будетъ легче спасать наслѣдника, въ случаѣ полной гибели судна.

Паника улеглась, и пассажиры сошли въ шлюпки.

Возникъ вопросъ объ отвѣтственности за происшедшее. Виноватымъ, очевидно, могъ быть только финнъ - лоцманъ, старый морской волкъ, ведшій яхту въ моментъ инцидента. Бросились къ картамъ; оказалось, — въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, —что скала, на которую сѣлъ «Штандартъ», не была никому до сего извѣстна.

Въ принципѣ, отвѣчаетъ за безопасность ихъ величествъ флагъ-капитанъ. Таковымъ являлся адмиралъ Ниловъ, царь и богъ на яхтѣ.

Послѣ катастрофы, поведеніе Нилова было таковымъ, что государь счелъ нужнымъ лично пойти за нимъ въ его каюту. Войдя, не постучавъ, государь увидѣлъ, что Ниловъ разсматриваетъ карту и держитъ въ рукѣ револьверъ. Царь поспѣшилъ его успокоить, сказалъ ему, что избѣжать суда, по закону невозможно, что судъ долженъ во всякомъ случаѣ быть созванъ; но оправдательный приговоръ является неизбѣжнымъ, такъ какъ все сводится къ слѣпой игрѣ случая. Государь унесъ револьверъ Нилова.

Теперь уже нѣтъ въ живыхъ ни одного изъ участниковъ этой драмы

Инцидентъ съ револьверомъ создалъ между царемъ и адмираломъ родъ трогательной дружбы. Эта дружба всегда оставалась загадкой для тѣхъ, кто не зналъ ея источника, и удивлялись ей, считая, что царь и адмиралъ были слишкомъ непохожи другъ на друга по характеру, по воспитанію и по общей культурности.

Заговоръ молчанія создался при дворцѣ почти немедленно вокругъ аваріи «Штандарта». Всякій зналъ, что малѣйшая критика по адресу офицеровъ яхты вызвала бы немедленныя санкціи по адресу критикующаго.

Офицеровъ выбирали на яхту съ такимъ расчетомъ, чтобы они умѣли создавать атмосферу идилліи и сказки... Весьма возможно, что ихъ техническія познанія были не вполнѣ на уровнѣ необходимаго...

3. АВТОМОБИЛИ ЦАРЯ.

Первые автомобили, марки Серполетъ, появились въ Петербургѣ въ 1901 или 1902 году. Одна изъ этихъ машинъ была куплена графомъ Фредериксомъ, другая — великимъ княземъ Дмитріемъ Константиновичемъ (отмѣчу, что первый изъ высочайшихъ любителей новаго способа передвиженія былъ рьянымъ поклонникомъ конскаго спорта..). Автомобили были еще плохо разработаны и часто останавливались безъ всякой видимой причины.

Разъ графъ попросилъ у царя разрѣшеніе взять свой автомобиль съ Спалу, во время охоты. При первомъ же нашемъ выѣздѣ, намъ пришлось вылѣзть изъ экипажа и самолично толкать его въ сторону, такъ какъ автомобиль загородилъ проѣздъ самому царю. Весь дворъ продефилировалъ мимо насъ, и шутки сыпались на насъ, какъ горохъ. Графу пришлось перемѣнить механика, и намъ удалось сдѣлать два новыхъ выѣзда, на этотъ разъ безъ особыхъ приключеній. Послѣ этого графъ предложилъ государю, — дѣло было въ воскресенье, — проѣхаться на автомобилѣ. Царь согласился, видимо, безъ всякаго восторга. Только отъѣхали отъ подъѣзда, какъ пришлось остановиться. Послали за лошадьми, и несчастную машину убрали. Свита отнеслась къ этому инциденту съ такимъ сарказмомъ, что графъ окончательно отказался отъ своей затѣи.

На слѣдующій годъ, одинъ изъ офицеровъ коннаго полка, Квитко-Основьяненко, привезъ въ Ялту другой автомобиль, болѣе усовершенствованный, но полиція запретила ему пользоваться этой машиной, такъ какъ она пугала лошадей. Квитко обратился къ графу Фредериксу съ просьбой снять запретъ. Пришлось пойти со всеподданнѣйшимъ докладомъ. Государь, видимо, вспомнилъ инциденты, имѣвшіе мѣсто въ Спалѣ, и отвѣтилъ кратко и безповоротно:

— Дорогой графъ... Пока я живу въ Ливадіи, автомобили не должны появляться въ Крыму.

Прошелъ еще годъ. Государю пришлось сдѣлать нѣсколько поѣздокъ въ автомобилѣ съ великимъ герцогомъ Эрнестомъ, во Франкфуртъ и окрест-

ности Дармштадта. Даже государыня рискнула сѣсть въ этотъ странный экипажъ, похожій на омнибусъ безъ лошадей. Повидимому, государь сталъ съ этого момента относиться болѣе снисходительно къ автомобилямъ.

Вернувшись въ Царское Село, мы однажды увидѣли князя Владиміра Орлова, подъѣзжающимъ ко дворцу на элегантной машинѣ (Делонэ-Бельвилль). Послѣ завтрака государь пожелалъ прокатиться на этой керосинной штукѣ. Объѣхали кругомъ парка, и государь тотчасъ же посовѣтовалъ и государынѣ сдѣлать «экскурсію».

Орловъ поспѣшилъ предложить машину ихъ величествамъ. Прогулки сдѣлались почти ежедневными, и это было тѣмъ легче, что гаражъ князя обогатился новыми, болѣе усовершенствованными машинами. Князь, можно сказать, не отходилъ отъ руля машинъ. Онъ возилъ, куда было нужно, ихъ величества. Боясь покушенія или несчастнаго случая, не позволялъ своему шоферу замѣнять себя.

Мѣсяцевъ черезъ шесть Фредериксъ спросилъ государя, не желаетъ ли царь пріобрѣсти сверхъ - усовершенствованную машину. Царь отвѣтилъ съ поспѣшностью:

— Конечно, конечно... Мы злоупотребляемъ любезностью Орлова, и это становится неделикатнымъ. Закажите двѣ или три машины. Поручите это дѣло Орлову. Онъ разбирается въ автомобиляхъ лучше всякаго профессіонала.

Въ концѣ года императорскій гаражъ былъ уже обставленъ очень полно. Сначала появилось десять автомобилей, потомъ двадцать; выросла даже школа шофферовъ. Орловъ продолжалъ лично возить царя. И только тогда, когда фабрика прислала ему особо рекомендованнаго шофера (француза), князь согласился поручить ему драгоцѣнную жизнь ихъ величествъ. Но даже и съ этимъ новымъ шоферомъ онъ принималъ большія предосторожности, недѣли четыре онъ ѣздилъ съ нимъ рядомъ, наблюдая...

Черезъ нѣсколько лѣтъ у царя образовался одинъ изъ самыхъ обширныхъ автомобильныхъ парковъ въ Европѣ...

4. ИМПЕРАТОРСКІЯ ОХОТЫ.

Главная царская охота находилась въ Бѣловѣжской пущѣ, особо охраняемомъ мѣстѣ въ сто тысячъ десятинъ, въ Гродненской губерніи. Въ Бѣловѣжѣ, вѣками, охотились польскіе короли. Въ 1888 году Бѣловѣжъ былъ объявленъ личною собственностью государя.

Пуща была знаменита по разнообразію древесныхъ породъ, произраставшихъ въ ней, а особенно зубрами, послѣдними зубрами Европы. Ихъ было около 800. Звѣри тщательно охранялись. Даже участникамъ императорской охоты разрѣшалось стрѣлять только отбѣжавшихъ отъ стада зубровъ, ибо эти одиночки были особенно злы и нападали на другихъ зубровъ.

Бѣловѣжъ считался одной изъ самыхъ завидныхъ охотъ во всей Европѣ. Вильгельмъ II страстно желалъ быть туда приглашеннымъ, но царь такъ никогда и не сдѣлалъ ему этого удовольствія.

Почти послѣ каждого свиданія съ кайзеромъ царь говаривалъ Фредериксу:

— Опять онъ напрашивался въ Бѣловѣжскую пущу; но я сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаю.

. . . Во время войны, Бѣловѣжъ былъ занятъ нѣмецкими войсками. На одномъ изъ убитыхъ солдатъ мы нашли приказъ кайзера насчетъ сохраненія зубровъ. За убійство зубра или другого крупнаго животнаго грозило наказаніе, до смертной казни включительно.

Въ семь часовъ утра всѣ охотники, въ соотвѣтственныхъ костюмахъ, собирались передъ дворцомъ. Государь выходилъ въ сопровожденіи государыни и двухъ фрейлинъ.

Мы располагались парами въ тройкахъ; егеря ѣхали сзади. Въ лѣсу мы ѣхали по просѣкамъ, длиннымъ, какъ громадныя аллеи, и совершенно прямымъ. Трава была такая, что ѣхали, какъ по ковру.

Пріѣхавъ къ заранѣе приготовленнымъ стандамъ, тянули жребій. Эта лотерея составляла предметъ особой гордости царя; онъ самъ тянулъ номеръ со всѣми другими приглашенными. Какъ извѣстно, за-границей монархи получаютъ лучшіе станды, а гости второго разряда довольствуются такими мѣстами, гдѣ иногда и курка не спустишь за цѣлый день.

Въ описываемый день насъ было двѣнадцать человѣкъ, и распредѣлились мы по двѣнадцати стандамъ.

Каждый стандъ закрывалъ охотника до пояса. Сзади стоялъ егерь, роль котораго сводилась къ заряженію ружей. Только у царя были два егеря съ рогатинами, чтобы они, въ крайнемъ случаѣ, могли остановить раненаго звѣря.

Государыня сидѣла въ стандѣ мужа. Царица проявляла чрезвычайное хладнокровіе, чего нельзя было сказать о фрейлинахъ, сидѣвшихъ въ второстепенныхъ стандахъ; онѣ весьма некстати вскрикивали и мѣшали цѣлиться надлежащимъ образомъ.

Вечеромъ послѣ обѣда, мы всѣ вышли на балконъ. Внизу были разложены трофеи. Егеря освѣщали ихъ факелами. Музыканты исполнили тушъ, и главный егерь, обнаживъ свой кинжалъ, указывалъ на туши убитыхъ государемъ зубровъ, затѣмъ, съ такой же церемоніей, привѣтствовались и другіе охотники, въ порядкѣ успѣшности ихъ стрѣльбы.

Однажды великій князь Николай Николаевичъ и князь Кочубей одновременными выстрѣлами убили большого оленя съ тридцатью двумя концами на рогахъ. Каждый изъ соперниковъ пожелалъ сохранить эти рога, и между ними завязался споръ. Вступился царь.

— Я здѣсь хозяинъ. Мои рога.

Но онъ приказалъ заказать за-границей двѣ точныя копіи этихъ роговъ (рекордные для Бѣловѣжа); копіи эти были присланы двумъ стрѣлкамъ.

Царь стрѣлялъ очень хорошо. Но изъ самолюбія стрѣлялъ только навѣрняка.

По окончаніи охоты, каждый участникъ получалъ печатный списокъ убитыхъ имъ звѣрей.

Эпилогъ.

1. ІЮЛЬ 1914 ГОДА.

Послѣ отъѣзда президента французской республики намъ казалось, что политическій горизонтъ какъ будто проясняется. Фредериксъ сказалъ мнѣ, что государь не боится послѣдствій сараевскаго убійства и думаетъ, что все устроится. Наоборотъ, военный министръ, съ которымъ я бесѣдовалъ въ тотъ же день, держался противуположнаго мнѣнія. Сухомлиновъ полагалъ, что серьезность кронштадтскаго свиданія съ Пуанкарэ побудитъ Вильгельма II болѣе остро поддерживать требованія Австріи, эвентуально непріемлемыя.

Я телеграфировалъ сыну, находившемуся въ отпуску гдѣ-то на берегу Женевскаго озера, немедленно возвращаться въ Россію.

Вечеромъ Фредериксъ снова былъ съ докладомъ у государя. Царь на этотъ разъ былъ озабоченъ. Вильгельмъ II прислалъ ему депешу, въ коей предупреждалъ, что всякое вмѣшательство третьей державы въ австро-сербскій конфликтъ вызоветъ войну. Государь сказалъ министру двора, что, несмотря на все свое миролюбіе, долженъ былъ принять, совмѣстно съ военнымъ министромъ, нѣкоторыя мѣры, подготовляющія мобилизацію. Эти мѣры могли быть оставлены, если бы переговоры съ Австріей оказались для насъ возможными.

Ультиматумъ Сербіи былъ опубликованъ на слѣдующій день. Государь, вмѣстѣ съ Фредериксомъ, поѣхалъ въ Красное Село, гдѣ состоялся совѣтъ министровъ.

Вечеромъ я представилъ Фредериксу проектъ частичной мобилизаціи гофмаршальской части, на случай выѣзда государя на фронтъ. Графъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу испрашивать такое высочайшее повелѣніе. Государь убѣжденъ, что войны не будетъ.

30 іюля Сазоновъ пріѣхалъ въ Петергофъ и имѣлъ очень продолжительную бесѣду съ государемъ. По окончаніи аудіенціи, Сазоновъ прошелъ къ министру двора и сообщилъ, что начальникъ штаба получилъ приказъ начать мобилизацію. Спустя нѣсколько дней, я узналъ, что Янушкевичъ, получивъ этотъ приказъ, снялъ трубку своего телефона, чтобы никакія другія распоряженія не мѣшали ему работать. Онъ считалъ, что разъ начатая мобилизація не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ остановлена.

На слѣдующій день я поѣхалъ по срочному дѣлу въ Петербургъ Возвращаясь, видѣлъ, какъ графъ Пурталесъ, нѣмецкій посолъ, входитъ въ придворный вагонъ вмѣстѣ со своимъ секретаремъ. Какъ только поѣздъ двинулся, я прошелъ въ отдѣленіе посла.

Пурталесъ быстро поднялся, схватилъ меня за обѣ руки и воскликнулъ:

— Надо во что бы то ни стало остановить, остановить эту мобилизацію! Иначе, война...

— Это невозможно, — отвѣтилъ я. — Мобилизація развивается нормально. Какъ остановить на всемъ ходу автомобиль, идущій со скоростью ста верстъ въ часъ?

Графъ отвѣтилъ мнѣ:

— Я просилъ государя принять меня. Я долженъ просить его остановить мобилизацію. Вѣдь она объявлена только сегодня утромъ.

Нервозность посла поразила меня. Я старался успокоить его и рекомендовалъ, тотчасъ же послѣ аудіенціи, повидать Фредерикса. Я былъ убѣжденъ, что министръ двора сумѣетъ убѣдить государя послать Вильгельму II телеграмму съ необходимыми разъясненіями: что, молъ, мобилизація еще не обозначаетъ войны, и что армія будетъ демобилизована, какъ только начнутся непосредственные переговоры между двумя заинтересованными державами.

— А, главное, — сказалъ я, ему, — не просите у государя невозможнаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричалъ графъ, — если онъ немедленно не демобилизуетъ, война неизбѣжна.

Я замѣтилъ, что его молодой секретарь старается поймать взглядъ посла, чтобы остановить его; Пурталесъ производилъ впечатлѣніе сошедшаго съ ума человѣка.

Я отправился прямо къ Фредериксу, чтобы передать ему мой разговоръ съ посломъ. Графъ Пурталесъ пришелъ къ намъ на полчаса позже, совершенно убитый. Онъ просилъ Фредерикса, чтобы тотъ немедленно пошелъ къ государю и посовѣтовалъ послать Вильгельму депешу: нѣчто вродѣ объясненій, почему именно была произведена мобилизація. Фредериксъ отправился во дворецъ.

Вернувшись сказалъ мнѣ, что государь составилъ очень хорошую депешу, которая тотчасъ же была отправлена въ Берлинъ. Фредериксъ прибавилъ при этомъ:

— Вы увидите... Эта депеша обезпечитъ намъ миръ.

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ телефонъ зазвонилъ. Я взялъ трубку. Это былъ голосъ Сазонова. Я передалъ трубку Фредериксу.

Министръ двора вдругъ поблѣднѣлъ.

— Хорошо... хорошо... я это сдѣлаю.

Сазоновъ сообщалъ, что Пурталесъ вручилъ ему объявленіе войны.

Отвѣтъ на послѣднюю депешу царя полученъ былъ въ тотъ моментъ, когда войска уже двигались навстрѣчу другъ другу. Депеша Вильгельма осталась на столѣ государя и не могла быть опубликована вмѣстѣ съ другими документами, касавшимися объявленія войны. Я узналъ ея содержаніе только впослѣдствіи, изъ воспоминаній г. Палеолога.

На слѣдующій день офицеры гвардіи были приняты въ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ молебна, государь далъ торжественную клятву не заключать мира до тѣхъ поръ, пока врагъ будетъ находится на русской территоріи. Особая овація была сдѣлана при этомъ Палеологу, представителю нашей славной союзницы.

Мой сынъ успѣлъ добраться до границы съ послѣднимъ поѣздомъ, вышедшимъ изъ Берлина. Видя, что нѣмцы арестовываютъ русскихъ офицеровъ, онъ выскочилъ изъ поѣзда и перешелъ границу пѣшкомъ, несмотря на стрѣльбу часовыхъ.

2. ПОСЛѢДНІЯ АУДІЕНЦІИ.

Въ августѣ 1916 года, въ Могилевѣ, государь сказалъ мнѣ, что собирается назначить меня чрезвычайнымъ посланникомъ въ Бухарестъ. Назначеніе это должно было совпасть съ вступленіемъ нашихъ войскъ въ Румынію.

Замѣтивъ мое удивленіе, государь сталъ мнѣ объяснять, почему онъ принялъ такое рѣшеніе.

По полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, королеву румынскую, его кузину, очень безпокоило, какъ сложатся отношенія между коммандымъ составомъ русской арміи, румынскимъ королемъ и румынскимъ населеніемъ. Самъ государь полагалъ, что военное начальство не всегда достаточно считается съ указаніями, исходящими отъ дипломатовъ, т. е. людей штатскихъ. Посему, надлежало назначить въ Бухарестъ такого человѣка, который имѣлъ бы достаточный авторитетъ въ глазахъ именно русскаго военнаго начальства. Такъ какъ я имѣлъ долгій стажъ въ свитѣ его величества, то моя воля должна была оказаться значительной для начальника русской арміи, дѣйствовавшей на румынскомъ фронтѣ.

Послѣ этого объясненія, мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ сказать государю, что мнѣ будетъ безконечно грустно покинуть то мѣсто, которое мнѣ давало право быть въ непосредственной близости къ монарху.

Государь, не желая огорчать графа Фредерикса, съ которымъ я установилъ столь тѣсное сотрудничество, рѣшилъ поэтому, что Фредериксъ не будетъ поставленъ въ извѣстность о моемъ назначеніи, и государь лично сообщитъ графу о «временной миссіи», выпавшей на мою долю. Указъ же о моемъ назначеніи будетъ содержать оговорку о томъ, что я остаюсь въ должности начальника канцеляріи двора.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Румынію, королева спросила меня, не согласится ли государь на бракъ наслѣдника престола, принца Кароля, съ одной изъ великихъ княженъ, дочерей Николая II. Я отправился въ

Петроградъ, чтобы сдѣлать по сему вопросу особо конфиденціальный докладъ.

Послѣ моего доклада, государь сказалъ:

— Я раздѣляю вашу точку зрѣнія, но не знаю, какъ отнесется къ этому вопросу императрица.

— Когда можно мнѣ будетъ снова представиться вашему величеству для полученія отвѣта королевѣ румынской?

— Я ничего не скажу ея величеству. Попросите у нея аудіенціи; передайте ей привѣтъ королевы и изложите ей дѣло.

— Слушаю, ваше величество.

— Отчего у васъ испуганный видъ? Развѣ вы теперь не дипломатъ? Дѣло входитъ въ вашу компетенцію и какъ посланника, и какъ чина министерства двора. Сдѣлайте докладъ ея величеству.

Аудіенція была мнѣ назначена на слѣдующій день въ четыре часа дня въ Царскомъ Селѣ. По выходѣ отъ государыни, я получилъ отъ камердинера его величества указаніе, что государь гуляетъ въ саду и желаетъ меня видѣть.

Я передалъ содержаніе моего разговора съ государыней. Ея величество имѣла намѣреніе пригласить королеву и принца Кароля въ Царское Село на пасхальные праздники. Послѣ этого будетъ видно, возможенъ ли предлагаемый бракъ.

— . . . Само собой разумѣется, — прибавилъ я, — если на это послѣдуетъ разрѣшеніе вашего величества.

— Я не думалъ, что ваша миссія увѣнчается такимъ быстрымъ успѣхомъ. Вы, оказываетесь, умѣете быть очень убѣдительнымъ.

Несмотря на эту похвалу государя, я чувствовалъ, что ему было бы пріятнѣе узнать объ отказѣ государыни. Разставаться съ дочерью было непріятной перспективой для отца.

Черезъ нѣсколько дней у меня былъ еще одинъ докладъ у государя, послѣ котораго я завтракалъ съ ихъ величествами. Императрица дала мнѣ свои послѣднія указанія относительно моего доклада румынской королевской четѣ.

Уѣхавъ въ тотъ же день въ Яссы, я больше не видалъ ихъ величествъ.

3. ПОПЫТКИ СПАСТИ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ.

Въ 1918 году я находился въ Кіевѣ. Нѣмцы занимали Украину, и гетманъ Скоропадскій обезпечивалъ нѣкоторый призракъ мѣстнаго правительства.

Въ Кіевѣ я встрѣтился съ княземъ Кочубеемъ, моимъ товарищемъ по министерству двора, и съ герцогомъ Георгіемъ Лейхтенбергскимъ, бывшимъ сослуживцемъ по Конному полку.

Нашей единственной мыслью было спасти государя и его семью, заключенныхъ въ Екатеринбургѣ.

Герцогъ Лейхтенбергскій былъ нашимъ посредникомъ въ сношеніяхъ

съ германскими властями. Двоюродный братъ баварскаго кронпринца, онъ имѣлъ свободный доступъ къ генералу Эйхгорну, начальнику оккупаціонныхъ войскъ, и генералу Гренеру, начальнику штаба.

Нѣмцы оказались очень предупредительными. Открыли намъ кредиты и обѣщали предоставить въ наше распоряженіе пулеметы, ружья и автомобили. Нашъ планъ заключался въ томъ, чтобы зафрахтовать два парохода и послать ихъ съ довѣренными офицерами вверхъ по Волгѣ и по Камѣ. Предполагалось образовать базу верстахъ въ 60-ти отъ Екатеринбурга и затѣмъ дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Мы послали въ Екатеринбургъ развѣдчиковъ, изъ которыхъ одинъ состоялъ прежде въ охранѣ, а другой служилъ въ Кавалергардскомъ полку. Они должны были войти въ сношеніе съ нѣмецкими эмиссарами, тайно пребывавшими въ городѣ, содѣйствіемъ которыхъ необходимо было заручиться, ибо иначе нельзя было разсчитывать на успѣхъ дѣла.

Я зналъ, что государь не согласится промѣнять заточеніе у большевиковъ на плѣнъ въ Германіи. Чтобы уточнить создавшееся положеніе, я написалъ Вильгельму II письмо, которое передалъ графу Альвенслебену, причисленному къ особѣ гетмана. Графъ долженъ былъ въ тотъ же день выѣхать въ германскую главную квартиру.

Въ этомъ письмѣ я просилъ германскаго императора завѣрить государя, что ему и его семьѣ будетъ данъ свободный пропускъ до Крыма, гдѣ онъ не будетъ считаться военноплѣннымъ Германіи.

Можно себѣ представить, съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали мы возвращенія графа Альвенслебена.

Пріѣхавъ обратно въ Кіевъ, онъ не подалъ мнѣ признака жизни. Тогда я самъ пошелъ къ нему. Гр. Альвенслебенъ сконфуженно объяснилъ, что кайзеръ не могъ дать никакого отвѣта, не посовѣтовавшись со своими министрами. Альвенслебенъ рекомендовалъ мнѣ повидать графа Мумма, дипломатическаго представителя Германіи при гетманѣ.

Графъ Муммъ категорически отказался помогать намъ. По его словамъ, онъ былъ пораженъ, узнавъ, что военная власть намъ обѣщала свою помощь. Впредь мы не должны разсчитывать на помощь Германіи.

Въ теченіе двухъ часовъ я дѣлалъ всяческія усилія переубѣдить его. На мое предложеніе еще разъ обратиться къ императору Вильгельму, Муммъ далъ мнѣ понять, что въ данное время мнѣніе кайзера въ дѣлахъ иностранной политики уже не имѣетъ прежняго значенія (нихтъ масгебендъ), и не соглашался съ тѣмъ, что для Германіи важенъ вопросъ о спасеніи царя.

Мои старанія не увѣнчались успѣхомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, мы узнали о екатеринбургской трагедіи.

КОНЕЦЪ.

Алфавитный указатель

Списокъ сокращеній

Ник. II	Императоръ Николай II.
Ал. Ѳ.	Императрица Александра Ѳеодоровна.
В. Кн.	Великій Князь.
В. Кн-я	Великая Княгиня.
Св. Кн.	Свѣтлѣйшій Князь.
Кн.	Князь.
Кн-я	Княгиня.
Гр.	Графъ.
Гр-я	Графиня.
Бар.	Баронъ.
Б-са	Баронесса.
Г. Ад.	Генералъ-Адъютантъ.
Св. Ген.	Генералъ Свиты Его Величества.
Фл. Ад.	Флигель-Адъютантъ.
Ген.	Генералъ.
Верх. Гл. К.	Верховный Главно-Командующій.
Гл. К.	Главно-Командующій.
Рожд.	Рожденная
Дв. сест.	Двоюродный братъ.
Дв. бр.	Двоюродная сестра.
Плем.	Племянникъ или племянница.
Цер. М.	Церемоній-Мейстеръ.
Камерг.	Камергеръ.
К. Юнк.	Камеръ-Юнкеръ.

Вкравшіяся опечатки

Страница:	Строка	Вмѣсто	Слѣдуетъ читать
6	14 сверху	ложеннымъ	лощеннымъ
43	5 снизу	позади	посади
53	5 снизу	переводнымъ	передовымъ
62	5 сверху	предоставила	представила
67	5 снизу	переводили	переходили
70	23 сверху	Николаевича	Павловича
71	13 снизу	заполнить	заполнилъ
78	послѣдн. снизу	Меребергъ	Меренбергъ
74	2 снизу	высказалъ	выказалъ
124	22 сверху	рацемъ	царемъ
131	13 снизу	Цѣлая строка предыдущаго абзаца вторично напечатана, вмѣсто нея слѣдуетъ читать: «Витте обвиняетъ Императрицу Александру Феодоровну въ томъ, что» — далѣе какъ напечатано.	
137	3 сверху	кн. Н. Д. Оболенскій	кн. А. Д. Оболенскій
137	сверху между	11-ой и 12-ой строками, пропущена строка: «Автомобиль и уѣхалъ, за нимъ вышелъ гр. Фредериксъ, садясь въ свою» — далѣе какъ напечатано.	
138	14 снизу	тектомъ	текстомъ
150	19 сверху	главный	главно
174	19 снизу	входы	выходы
181	20 сверху	государь	государыни
189	5 сверху	Керръ	Фишеръ
190	6 снизу	Помпьепъ	Компьенъ
194	22 сверху	быть	былъ
201	6 сверху	оберъ гофмейстерскимъ	оберъ гофмейстерины.
206	11 сверху	населеная Богъ вѣсть какими татарами	населенными не только столь вѣрными Царю татарами.
209	10 сверху	ширину	длину
209	2 сверху	одобрить	ободрить

Печатано въ типографіи А./О. «РИТИ»,
Рига (Латвія), Дзирнаву іела № 57.

Думаю, что мнѣ удалось быть широко объективнымъ, и, хотя нѣкоторые мои друзья и бранили меня за слишкомъ смѣлое обнаженіе характеровъ упоминаемыхъ мною лицъ, я продолжаю думать, что раскрытіе всей правды является лучшимъ опроверженіемъ обвиненій, бросаемыхъ противъ тѣхъ, кого я описываю.

Не находя въ то время русскаго издателя для выпуска книги, я обратился къ П. Н. Милюкову, прося дать мѣсто моимъ мемуарамъ въ его столь широко распространенной газетѣ.

П. Н. заинтересовался историческимъ матеріаломъ, содержавшимся въ моихъ воспоминаніяхъ и, несмотря на то, что ихъ общій духъ оказался далеко не всюду подходящимъ политическому направленію «Послѣднихъ Новостей», — все же ихъ полностью напечаталъ.

Считаю нужнымъ сказать еще нѣсколько словъ о томъ, какъ возникъ текстъ этихъ мемуаровъ, и въ чемъ именно заключалось въ нихъ сотрудничество со мной А. А. Пиленко.

По совѣту моего еще довоеннаго друга А. А. Пиленко, я хотѣлъ для начала издать книгу по французски. Пиленко, одинъ изъ редакторовъ «Ентрансижанъ», опытный публицистъ, взялся привести въ порядокъ мой матеріалъ, состоявшій изъ описаній отдѣльныхъ эпизодовъ, переработавъ и переведя его на французскій языкъ.

Наше сотрудничество съ профессоромъ Пиленко затруднялось тѣмъ, что онъ находился въ Парижѣ, а я въ Софіи. Поэтому для окончательнаго рѣшенія выработаннаго въ Парижѣ порядка распредѣленія моихъ матеріаловъ и составленія къ нимъ нѣкоторыхъ комментарій, пришлось обмѣняться болѣе чѣмъ сотней писемъ. Несмотря на нашу, до конца дружную, работу, все же, въ текстѣ внимательный читатель замѣтитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разность личныхъ взглядовъ и политическихъ воззрѣній автора и редактора. Это, если и уменьшило силу общаго впечатлѣнія, то зато на много увеличило безпристрастность отношеній къ описываемымъ фактамъ и характерамъ.

Въ настоящее время, при печатаніи моихъ воспоминаній въ журналѣ «Для Васъ», а затѣмъ въ формѣ книги, я не считалъ возможнымъ измѣнять текстъ, который былъ выработанъ мной съ моимъ сотрудникомъ.

Настоящее изданіе, печатаясь въ Ригѣ, такъ же далеко отъ меня, какъ былъ Парижъ, не позволило мнѣ по техническимъ условіямъ сдѣлать какія либо измѣненія въ текстѣ печатавшихся фельетоновъ, а кромѣ того, разстояніе затруднило бы корректуру.

Прося снисхожденія читателя къ этимъ мелкимъ недочетамъ, прошу видѣть въ этой книгѣ лишь стремленіе къ правдѣ, всегда всплывающей на поверхность и вызывающей въ концѣ концовъ справедливую оцѣнку фактовъ и людей, чего никогда не достигнутъ ни лесть, ни клевета, ни всякія между ними компромиссы.

АВТОРЪ

[illegible] 1939 г. въ Софіи 85 лѣтъ отъ роду